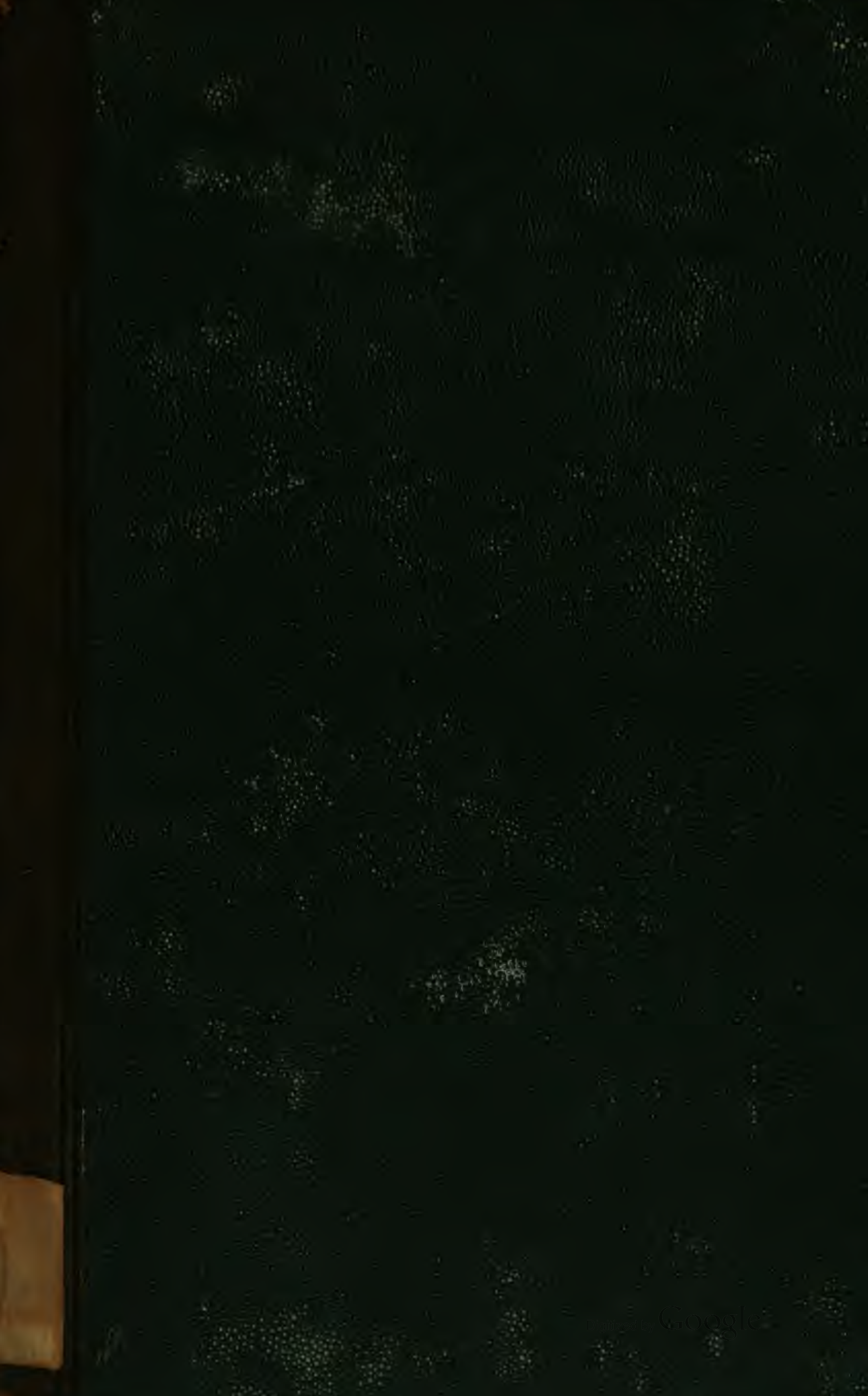
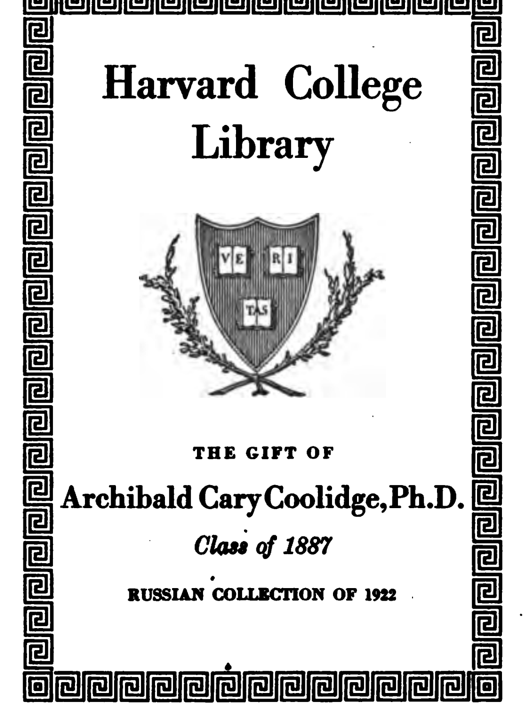
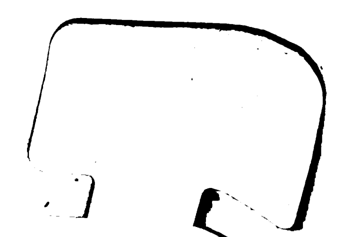
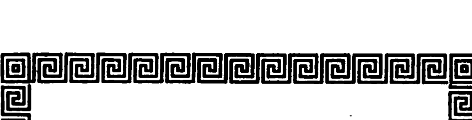

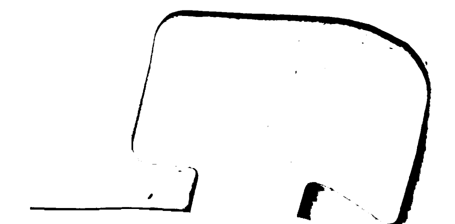

VE
RI
TAS

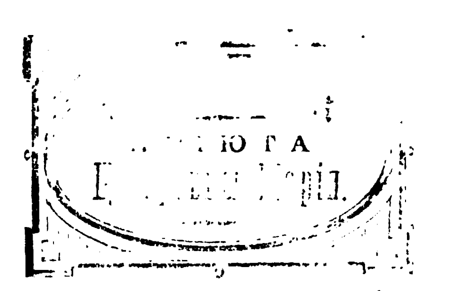

VE
RI
TAS

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ЧАСТЬ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРИГОРІЯ ТРУСОВА.

1859.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Іюня 9 дня 1859 года.

Цензоръ *Архимандритъ Фотій.*

ОБЪ ОТНОШЕНІИ МЕЖДУ ХРИСТІАНСТВОМЪ И ФИЛОСОФІЕЮ ВЪ ПЕРВЫЕ ТРИ ВѢКА ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Христіанство есть предметъ вѣры и сообразной съ нею жизни, а не философскихъ изысканій и научной разработки. Но, если при самомъ появленіи Христіанства, въ то время, какъ одни изъ учениковъ Христовыхъ принимали спасительную истину въ простотѣ сердца, другіе старались приблизить ее къ понятіямъ естественнаго разума; то съ продолженіемъ времени тѣмъ больше должны были развиться отношенія между вѣрою и знаніемъ, между Христіанствомъ и философіею, чѣмъ больше и разнообразнѣе становилось христіанское общество и чѣмъ больше развивалась мысль, возбужденная къ дѣятельности новымъ, невѣдомымъ древнему міру, ученіемъ Евангелія. Этому сближенію Христіанства съ философіею и развитію философской дѣятельности въ нѣдрѣ Христіанства способствовало 1) то, что учители христіанской Церкви находили въ философіи такое или другое ученіе о Богѣ и мірѣ, о назначеніи человѣка, и другихъ предметахъ христіанскаго вѣроученія и — съ одной стороны какъ проповѣдники и охранители истины, съ другой

какъ обличители лжеученія, омрачавшаго язычниковъ и смущавшаго вѣрныхъ,—не могли не обратить на него вниманія при раскрытіи христіанскихъ догматовъ. 2) Христіанская Церковь, постоянно распространяясь, нерѣдко пріобрѣтала новыхъ членовъ изъ ученыхъ язычниковъ, получившихъ образованіе въ языческихъ училищахъ и принадлежавшихъ къ той или другой философской школѣ. Ставъ христіанами, эти люди не могли совершенно отрѣшиться если не отъ началъ той философіи, которой дотолѣ слѣдовали, то по крайней мѣрѣ отъ способа убѣжденія въ истинѣ путемъ размышленія и науки. 3) Кромѣ того еретики и ученые язычники, нападая на Христіанство, старались опровергнуть истины вѣры по своимъ философскимъ началамъ. Это заставляло отцевъ и учителей Церкви, при защищеніи Христіанства, знакомиться съ разными философскими ученіями того времени, чтобы побѣждать противниковъ ихъ же оружіемъ. Наконецъ 4) по самому существу христіанскаго ученія сближеніе его съ философіею было весьма естественно. Предлагая разрѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ человѣческаго ума, Христіанство тѣмъ самымъ возбуждало мыслящую силу человѣка къ дѣятельности и сознательному усвоенію божественнаго ученія. При такомъ сближеніи Христіанства съ философіею, отцы и учители Церкви, люди большею частію высокообразованные, не могли обойти вопроса объ отношеніи между Христіанствомъ и философіею, между вѣрою и знаніемъ, и не разрѣшить его такъ или иначе, по крайней мѣрѣ для собственнаго руководства. Но мысли ихъ объ этомъ предметѣ были не одинаковы.

Одни, имѣя въ виду разумъ человѣческій въ томъ

его состоянии, когда онъ гордо отвергаетъ всякой авторитетъ и себя признаетъ независимымъ источникомъ вѣдѣнія, — и философію понимая, какъ стремленіе рѣшить важнѣйшіе вопросы и раскрыть всю истину, не заимствуя ничего изъ божественнаго Откровенія,—утверждали, что естественный человѣческій умъ не способенъ къ познанію истины и что философія, какъ произведеніе сего ума, не даетъ истиннаго вѣдѣнія, и потому есть наука безполезная для христіанъ, которымъ истина сообщается во всей полнотѣ спасительнымъ ученіемъ Христовымъ, принимаемымъ въ простотѣ вѣры. Такъ Тертулліанъ занятіе философіею для христіанъ считалъ не только совершенно безполезнымъ, но даже вреднымъ. «Что общаго», спрашиваетъ онъ, «между Аѳинами и Іерусалимомъ, между Академіею и Церковію? Мы не нуждаемся ни въ какой заботливости о просвѣщеніи послѣ Іисуса Христа, ни въ изысканіяхъ послѣ Евангелія. Вѣря имъ, мы не хотимъ вѣрить ничему другому: думаемъ даже, что больше и вѣрить нечему» (¹). «Возможно ли», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «сравнивать философа съ христіаниномъ,—ученика Греціи съ ученикомъ самаго неба,—человѣка, занимающагося одною славою, съ человѣкомъ, пекущимся только о своемъ спасеніи,—мудро говорящаго съ мудро поступающимъ,—человѣка, все разрушающаго, съ человѣкомъ, все зиждущимъ и поддерживающимъ? Какъ можно сравнивать поборника заблужденія съ противникомъ онаго, исказителя истины съ ея защитникомъ, похитителя съ ея всегдашнимъ хранителемъ и обладателемъ? Что общаго между дву-

(¹) Praescript. Haeret. c. VIII.

мя человѣками, столь противоположными» ([1])? Лактанцій считалъ философію жалкимъ усиліемъ ума человѣческаго достигнуть невозможнаго и говорилъ, что тѣ заблуждаются, которые считаютъ философію мудростію или хоть только путемъ къ мудрости ([2]). Такихъ же мыслей о философіи былъ и Арновій.

Появленіе ересей, какъ плода суемудрія человѣческаго, совмѣстно съ философіею дѣйствовавшихъ противъ Христіанства, еще болѣе усилило нерасположенія къ ней. Ее считали причиною ересей. «Философія», говоритъ Тертулліанъ, «предпріемлющая дерзновенно изслѣдывать естество Божіе и судьбы Его, послужила орудіемъ этой (еретической) мірской мудрости. Она произвела всѣ ереси. Отсюда истекли эоны и другіе странные вымыслы. Отсюда Валентинъ почерпнулъ свою человѣческую троицу—онъ былъ платоникъ. Отсюда явился мнимо-добрый и безпечный богъ Маркіона, который былъ стоикъ» ([3]). Даже діалектика, наука чисто формальная, не избавилась отъ порицаній, по тому поводу, что еретики пользовались ея оружіемъ противъ Христіанства. «Какъ жаль, говоритъ Тертулліанъ, что Аристотель изобрѣлъ для нихъ діалектику, искуство спорить, искуство равно способное и доказывать и опровергать: это настоящій протей въ своихъ системахъ, весьма странный въ своихъ догадкахъ и въ выборѣ своихъ предметовъ, противорѣчащій самому себѣ и непрестанно разрушающій то, что творитъ» ([4]).

([1]) Apolog. XLVI.
([2]) Divin. Instit. III, 2. 13.
([3]) Praescr. haeretic. VII.
([4]) Praescr. haeretic. VII.

Другіе отцы и учители Церкви,—смотря на разумъ въ томъ его состояніи, когда онъ подчиняется божественному Откровенію, и на философію, какъ на плодъ умозрѣнія, руководимаго вѣрою,—были снисходительнѣе къ философіи и смотрѣли на нее, какъ на науку, полезную въ христіанскомъ мірѣ. Отношеніе ея къ христіанскому ученію они опредѣляли слѣдующимъ образомъ.

Они выходили изъ той мысли, что человѣческій умъ одними собственными силами и средствами не можетъ вполнѣ и совершенно познать истину, но что Христіанство съ божественнымъ авторитетомъ предлагаетъ человѣку истину, которая восполняетъ недостатки естественнаго ума. Вчастности, по двоякому содержанію истинъ, заключающихся въ христіанскомъ ученіи, отношеніе къ нимъ естественнаго ума должно быть двоякое, именно: въ христіанскомъ Откровеніи предлагается ученіе о нѣкоторыхъ предметахъ естественнаго разума, болѣе полное и совершенное, нежели какое можетъ дать самая возвышенная философія, каково ученіе о Богѣ и отношеніи Его къ міру и объ отношеніи міра къ Богу. Но кромѣ сихъ истинъ, въ Откровеніи предлагаются такія, которымъ нѣтъ ничего соотвѣтствующаго въ философіи, каково все ученіе о таинствѣ искупленія. Посему обязанность философіи въ отношеніи къ истинамъ перваго рода состоитъ въ томъ, чтобы принять и поставить ихъ на мѣсто соотвѣтствующаго философскаго ученія;—въ отношеніи къ истинамъ втораго рода въ томъ, чтобы ввести ихъ въ кругъ человѣческаго познанія, какъ существенную составную его часть, и защитить отъ возраженій еретиковъ и язычниковъ.

Такъ разумѣли это дѣло и такъ дѣйствовали вос-

точные писатели первыхъ вѣковъ христіанской Церкви. Они знали, что божественное ученіе, преподанное въ Откровеніи, предлагается вѣрѣ, а не ученому изслѣдованію разума,—что храненіе и раскрытіе его ввѣрено не философіи, а Церкви; но обращаясь съ людьми, которые, присоединяясь къ обществу вѣрующихъ, приносили съ собою свою пытливость въ отношеніи къ божественному ученію, и отражая противниковъ Христіанства, нападавшихъ на него съ оружіемъ науки и знанія, они считали не только не лишнимъ, но справедливымъ и необходимымъ также пользоваться пособіями науки и знанія. Съ этою цѣлію истины перваго рода, поставленныя на мѣсто недостаточнаго или ложнаго философскаго ученія, они защищали и доказывали ученымъ образомъ, опровергая противоположныя имъ заблужденія; а собственно христіанское ученіе старались, по крайней мѣрѣ, защищать отъ возраженій и нападеній язычниковъ и лжеучителей.

Раскрывая этотъ взглядъ, по которому философія въ отношеніи къ Христіанству имѣетъ значеніе хотя подчиненное, но тѣмъ не менѣе дѣйствительное, отцы и учители Церкви старались доказать, что философія не только не противоположна христіанскому ученію, но напротивъ происходитъ изъ одного съ нимъ источника, и посредственно руководствуетъ къ той же цѣли, къ которой Христіанство ведетъ непосредственно. Въ доказательство перваго положенія, что философія происходитъ изъ одного источника съ божественнымъ ученіемъ, они 1) старались показать *историческую* связь философіи съ Откровеніемъ и говорили, что истина, которую по частямъ можно находить въ разныхъ философскихъ ученіяхъ, заимствована изъ боже-

ственнаго Откровенія, хотя и обезображена и омрачена примѣсью человѣческаго заблужденія. Это мнѣніе раздѣляли многіе церковные писатели древности. «Глубокая древность нашихъ книгъ», говорилъ Тертулліанъ къ язычникамъ, «придаетъ имъ такой авторитетъ, какого другія книги имѣть не могутъ. Они предваряютъ многими вѣками все то, что вы почитаете за величайшую древность, какъ то: ваши зданія, памятники, трибы, родословія, исторіи, источники исторіи, происхожденіе большей части народовъ, знаменитѣйшіе города, до самыхъ даже письменныхъ буквъ, свидѣтелей и хранителей всѣхъ человѣческихъ дѣлъ. Такая древность нашихъ книгъ должна расположить васъ почитать ихъ какбы сокровищемъ, откуда послѣдовавшіе за тѣмъ мудрецы извлекали всѣ свои богатства. Какой поэтъ, какой софистъ не черпалъ чего-либо изъ Пророковъ? Изъ сихъ священныхъ источниковъ философы пытались утолить свою жажду. Люди сіи, плѣняясь единственно славою и краснорѣчіемъ, старались достигнуть до возвышенности нашихъ Писаній и, когда находили въ нихъ что-либо, способствующее ихъ видамъ, охотно присвоивали то самимъ себѣ. Не считая ихъ божественными, они не затруднялись повреждать ихъ; а притомъ не могли въ нихъ и понимать ясно многаго такого, что сокровенно было даже и для Іудеевъ, которымъ книги сіи принадлежали. Умы спорливые и презрительные, не имѣя возможности ни слушать истины, ни вѣрить ей въ простомъ, безукрашенномъ видѣ, исказили ее примѣсью своихъ догадокъ. Изъ единаго пути они составили множество стезей, по которымъ блуждая гибнутъ». (¹).

(¹) Apolog. XIX и XLVII.

Климентъ александрійскій, Ѳеофилъ, Таціанъ и Арновій также доказывали, что философія или то, что есть истиннаго въ философіи, не есть изобрѣтеніе Еллиновъ, но перешло къ нимъ изъ ветхаго Завѣта. 2) Старались доказать *внутреннюю* связь философіи съ Откровеніемъ, полагая ее въ томъ, что онѣ равно суть дѣло божественнаго Промысла, который научалъ людей истинѣ и добродѣтели и приготовлялъ къ принятію Христіанства частію непосредственно—чрезъ откровеніе своей воли и своихъ путей въ законѣ, данномъ іудейскому народу, частію посредственно—чрезъ руководство естественнаго разума, выражавшаго, послѣ безуспѣшныхъ покушеній познать истину, твердую надежду, что Богъ не оставитъ наконецъ просвѣтить родъ человѣческій свѣтомъ вѣдѣнія божественной истины, которое дѣйствительно и открылось въ Христіанствѣ. Этотъ взглядъ раскрытъ въ сочиненіяхъ Іустина и Климента александрійскаго. Іустинъ допускалъ, что языческіе философы, особенно Платонъ, также знали нѣчто объ истинѣ, поелику ихъ ученіе иногда совершенно согласно съ христіанскимъ ученіемъ, и объяснялъ это тѣмъ, что божественное Слово, руководствовавшее Іудеевъ къ истинѣ и добродѣтели чрезъ письменный законъ, равнымъ образомъ руководствовало язычниковъ чрезъ философію. Благодать Слова распространяется на всѣхъ людей, на весь человѣческій родъ,- и тѣ, которые въ жизни слѣдовали Его руководству, суть христіане, хотя бы они жили до пришествія Христова (¹). Климентъ александрійскій въ своихъ сочиненіяхъ очень часто раскрывалъ ту мысль, что фило-

(¹) Justini Martyris Cohort. ad Graecos.

софія была дѣломъ божественнаго Промысла и руководила къ истинѣ и справедливости язычниковъ, какъ законъ—іудеевъ. Такимъ образомъ философія существенно входила въ планъ божественнаго промышленія о спасеніи человѣческаго рода. Дѣйствіе ея было двоякое: положительное—распространять между людьми понятія объ истинѣ и добродѣтели, и отрицательное—разрушать заблужденія язычества и очищать путь Христіанству. «Тотъ же божественный Промыслъ, который открывалъ волю свою Іудеямъ, открывалъ ее—хотя не такимъ внѣшнимъ образомъ—и язычникамъ». «Философія не можетъ быть произведеніемъ зла; потому что злое ведетъ къ злому, а философія научаетъ людей добродѣтели; слѣдовательно она есть дѣло всеблагаго Бога, который одинъ есть источникъ всякаго блага. И сообщена она была не худшимъ людямъ, но лучшимъ изъ Еллиновъ, которые способны были руководить другихъ людей къ справедливости. Итакъ ясно, откуда она происходитъ. Виновникъ ея божественный Промыслъ, который даетъ всякому то, что ему нужно по его особенному свойству. Іудеямъ до явленія Господня данъ былъ законъ, а язычникамъ философія; но послѣ явленія Господня всѣ призываются къ оправданію чрезъ ученіе Вѣры, составляя одинъ народъ правды, такъ какъ одинъ Богъ обоихъ, Еллиновъ и варваровъ, или лучше всего человѣческаго рода» (¹). «До пришествія Господня философія необходима была Еллинамъ для справедливости; теперь она полезна для богопочтенія и благочестія тѣмъ, которые усвояютъ вѣру чрезъ доказательства. Нога твоя не

(¹) Strom. VI. 393—394. Ed. Coloniae, 1688 an.

споткнется, если ты будешь производить всякое благо отъ Бога, будетъ ли то еллинское, или наше. Ибо Богъ есть причина всѣхъ благъ, и тѣхъ, которыя непосредственно (προηγουμένως) ведутъ ко спасенію,—какъ ветхаго и новаго Завѣта, и тѣхъ, которыя ведутъ къ нему посредственно (κατ' επακολούθημα),—какъ философіи. Можетъ быть даже, что и философія дана была Еллинамъ въ томъ первомъ смыслѣ (προηγουμένως), прежде нежели Господь призвалъ ихъ; поелику она также руководствовала къ Христіанству Еллиновъ, какъ законъ Іудеевъ. Итакъ, философія предуготовляла тѣхъ, которыхъ Христосъ призвалъ къ совершенству» (1). Въ разсужденіи правды, о которой говоритъ Климентъ, можно сдѣлать то замѣчаніе, что онъ разумѣетъ не правду оправдывающую (δικαιοῦσα), то есть, доставляющую человѣку всѣ необходимыя силы и средства къ достиженію своего назначенія, но правду, руководствующую (χειραγογοῦσα) къ оправданію чрезъ вѣру (2).

Очень естественно, что язычники не соглашались на подчиненное и, по ихъ мнѣнію, униженное значеніе разума; потому что смотрѣли на Христіанство, не какъ на божественное Откровеніе, но какъ на одно изъ философскихъ ученій. «Невѣріе», говорилъ Тертулліанъ, «убѣждаемое собственнымъ опытомъ въ превосходствѣ Христіанства, не перестаетъ утверждать, что въ немъ нѣтъ ничего божественнаго и что оно есть не что иное, какъ секта философіи, подобно другимъ ея сектамъ». Сущность отвѣтовъ на это христіанскихъ учителей заключалась въ томъ, что Христіанство есть божествен-

(1) Strom. I. 282.
(2) Strom. VI, 644.

ное Откровеніе и потому выше разума и должно быть принимаемо вѣрою. А въ доказательство его божественнаго происхожденія указывали на чудеса и пророчества.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что языческіе философы, по крайней мѣрѣ александрійской школы, не отрицали чудесъ, и усвояли вдохновенность даже Основателю христіанской Вѣры; но понимали то и другое-и чудеса и вдохновенность несогласно съ христіанскимъ ученіемъ. Подъ Откровеніемъ они разумѣли дѣйствіе Божества на человѣка, повторяющееся по мѣрѣ надобности и обстоятельствъ; между тѣмъ какъ христіанское Откровеніе есть божественное ученіе, единожды возвѣщенное Сыномъ Божіимъ, распространенное на землѣ св. Его учениками и апостолами и неизмѣнно хранимое въ св. Его Церкви.—Истина его засвидѣтельствована многими чудесами: однакожъ оно не поставляетъ чудесъ ни цѣлью, ни наградою христіанскаго просвѣщенія и христіанской жизни. Чудеса имѣли значеніе доказательствъ только для тѣхъ, которые нуждались въ доказательствахъ этого рода. Въ этомъ христіанскій взглядъ совершенно расходится съ понятіями александрійскихъ философовъ. По ученію неоплатониковъ, всякій вѣрующій и благочестивый человѣкъ получаетъ даръ чудотворенія; напротивъ въ христіанскомъ мірѣ даръ чудотворенія сообщаемъ былъ только нѣкоторымъ христіанамъ, чтобы привлечь невѣрныхъ, а вѣрныхъ утвердить и укрѣпить на пути благочестія. — Еслибы всѣ люди были благочестивы, то—по ученію первыхъ—чудеса и сверхъестественныя дѣйствія происходили бы непрестанно; между тѣмъ—по ученію отцевъ Церкви,—знаменія и

чудеса сдѣлались бы въ такомъ случаѣ безполезными и прекратились бы.

Была и еще точка зрѣнія на взаимное отношеніе Философіи и Христіанства, съ которой смотрѣли на философію, какъ на дополненіе къ христіанскому Откровенію. Основаніе этого взгляда заключается, по мнѣнію лицъ, раздѣлявшихъ его, частію въ популярномъ образѣ представленія и изложенія христіанскаго ученія, скрывающемъ подъ внѣшнею простотою и изобразительностію глубокій внутренній смыслъ, который открывается только философскому изслѣдованію, частію въ самомъ содержаніи христіанскаго ученія, которое можетъ быть раскрываемо и развиваемо научнымъ образомъ. Это составляетъ общій характеръ гносиса (γνῶσις).

Гносисъ — александрійскаго происхожденія. Александрійскіе Іудеи называли этимъ именемъ глубокое познаніе ученія вѣры. Въ этомъ смыслѣ оно перешло и въ Христіанство. У Апостола Павла оно употреблено для названія одного изъ благодатныхъ даровъ-дара разума (λόγος γνώσεως) или глубочайшаго уразумѣнія и изъясненія таинъ Вѣры. Въ посланіи апостольскаго мужа Варнавы оно означаетъ глубочайшее разумѣніе ветхаго завѣта и ветхозавѣтнаго божественнаго домостроительства при свѣтѣ Евангелія. Въ этомъ смыслѣ гносисъ не заключаетъ ничего противнаго Христіанству, потому что ничего нѣтъ противнаго Христіанству въ направленіи всѣхъ силъ познанія (теоретическій способъ) и всей жизни (практическій способъ) къ усвоенію евангельской истины, къ познанію ея неисчер-

(¹) 1 Кор. 12, 8.

паемой премудрости и глубины и къ настроенію по ней ума и сердца.

Но есть другое значеніе гносиса, образовавшееся въ религіозно-философскихъ школахъ, которыя вообще извѣстны подъ именемъ гностическихъ. Симъ именемъ называли религію совершенныхъ — совокупность идей, составляющихъ эсотерическое ученіе, доступное и открываемое только небольшому числу посвященныхъ, одаренныхъ какбы высшею организаціею духовной природы. Но этотъ гносисъ противенъ основному характеру Христіанства, которое соединяетъ, въ одномъ духѣ Вѣры Іудеевъ и Еллиновъ, образованныхъ и необразованныхъ (Гал. 3, 28). «Въ отношеніи къ Слову нѣтъ различія между духовными и душевными (*οὐκ ἄρα οἱ μὲν γνωςικοί, οἱ δὲ ψυχικοί ἐν αὐτῷ τῷ λογῳ*),—говорилъ Климентъ александрійскій; «по всѣ, отложившіе плотскія пожеланія, равны и духовны (*πνευματικοί*) предъ Господомъ» ([1]). «Наши дѣти больше знаютъ о Богѣ», говорилъ Тертулліанъ язычникамъ, «нежели ваши мудрецы». Есть и въ христіанской Церкви различныя степени Богопознанія: *еда вси апостоли, еда вси пророцы* (1 Кор. 12, 29), говоритъ Апостолъ: но источникъ его одинъ для всѣхъ и открытъ всѣмъ; способы пріобрѣтенія его для всѣхъ одинаковы; постепенность его зависитъ не отъ умственныхъ силъ, но отъ преспѣянія въ христіанской жизни,—выходитъ изъ внутренняго опыта. *Исповѣдаютися, отче, Господи небесе и земли*, говоритъ Спаситель міра Іисусъ Христосъ въ молитвенномъ обращеніи къ небесному Отцу, *яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси*

---

[1]) Paedagogus. L. 1. c. 6.

та младенцемъ (Мѳ. 11, 25). Апостолъ Павелъ свидѣтельствовалъ, что съ явленіемъ на земли премудрости Божіей мудрые объюродѣли, а буіи и простые сдѣлались мудрыми (¹).

Еретическій гносисъ (ψευδώνυμος γνῶσις 1 Тимоѳ. 6, 20) образовался изъ сліянія различныхъ элементовъ. Древнѣйшія религіи Востока смѣшались въ немъ съ платоническою и неоплатоническою философіею и съ христіанскими понятіями. Сліяніе всѣхъ этихъ элементовъ было въ обстоятельствахъ того времени. Въ Александріи, которая въ первое время Христіанства была средоточіемъ литературнаго движенія, находились представители всѣхъ странъ и народовъ, ученій и обычаевъ, вѣрованій и обрядовъ. Здѣсь смѣшивались символы и преданія всѣхъ народовъ. Древнѣйшія религіи Персіи и Египта, іудейство и греческо-іудейская философія, Академія и Лицей, самоѳракійскія и элевзинскія мистеріи, терапевты и каббаллисты,— всѣ имѣли здѣсь своихъ представителей. Изъ разрозненныхъ элементовъ новыхъ ученій и изъ остатковъ древнихъ религіозныхъ и философскихъ преданій, умъ надѣялся возстановить утраченную истину. Сравненіе различныхъ религіозныхъ вѣрованій и учрежденій открыло между ними нѣкоторое сродство, которое философы сочли признакомъ истины. Изъ сближенія сихъ разнородныхъ элементовъ философія надѣялась создать всеобщую религію для человѣческаго рода. Подъ вліяніемъ сего духа сближенія и соглашенія, языческій политеизмъ принялъ философскій характеръ; іудейство, смѣшавшись съ язычествомъ, приняло формы религіоз-

(¹) Neander. Allgem. Gesch. der Kirche. Die Gnostischen Secten.

но—философскаго ученія; въ свою очередь и Христіанство приняло (у гностиковъ) особый видъ теософическаго Христіанства, которое они выдавали за самую чистую и возвышенную форму этой религіи.

Основная цѣль гносиса заключалась въ томъ, чтобы возстановить истинное вѣденіе, нѣкогда открытое міру и потомъ омраченное, искаженное или потерянное людьми.

Такъ какъ въ разсужденіи источника этаго вѣденія гностики были несогласны; то и способы возстановленія его предложены были различные. Одни, примыкая къ іудейскому ученію и идя по слѣдамъ каббалистовъ, искали вѣденія, которое нѣкогда открыто было сынамъ свѣта и переходило изъ одного поколѣнія въ другое въ видѣ первоначальнаго (эсотерическаго) преданія; другіе, примыкая къ Филону и александрійской школѣ, искали его въ возвышенномъ созерцаніи, къ которому человѣкъ дѣлается способнымъ въ состояніи восхищенія, экстаза; иные, наконецъ, старались возстановить первоначальное ученіе божественнаго Наставника (Іисуса Христа), непонятое будто бы или измѣненное Его учениками,—возстановить по слѣдамъ преданія, дошедшаго отъ тѣхъ Его слушателей, которые лучше поняли и въ большей чистотѣ сохранили Его ученіе. Противъ сихъ послѣднихъ гностиковъ, которые особенно близко касались источниковъ христіанскаго преданія, много писалъ Тертулліанъ, доказывая, 1) что одинаковое безразсудство думать, будто Іисусъ Христосъ не все открывалъ всѣмъ ученикамъ, или будто Апостолы не знали или скрывали что-нибудь изъ преподаннаго имъ ученія; 2) что истинное христіанское ученіе согласно исповѣдуется всѣми Церквами,

не смотря на то, что онѣ основаны были разными Апостолами, какъ и сами Апостолы въ своихъ посланіяхъ непрестанно увѣщевали вѣрныхъ держаться единой вѣры и не терпѣть распрей и раздѣленій; и 3) что еретики, хвалящіеся обладаніемъ истиннаго ученія, явились уже послѣ того, какъ единая истина возвѣщена была всему міру и одинаково сохранялась во всѣхъ апостольскихъ Церквахъ. Не понявъ ее умомъ и не усвоивъ сердцемъ, они исказили ее своимъ ложнымъ и неблагонамѣреннымъ мудрованіемъ. «Пусть ереси», говоритъ онъ въ заключеніе, «сами выбираютъ время, къ какому захотятъ отнести свое происхожденіе; но никогда не докажутъ онѣ, чтобъ ихъ породила истина» (¹).

Впрочемъ въ сихъ разныхъ направленіяхъ еретическаго гносиса не было строгой послѣдовательности. Въ каждой сектѣ смѣшивались всѣ религіозныя и философскія ученія того времени, съ преобладаніемъ только нѣкоторыхъ понятій, отличавшихъ одну школу отъ другой.

Явившись въ Александріи въ началѣ 2-го христіанскаго вѣка (Евс. ц. и. III, 24), гностицизмъ распространился въ Египтѣ, Сиріи, Малой Азіи и Италіи. Господствующая идея египетскаго гносиса (Василида и Валентина) есть платоническая или неоплатоническая идея матеріи, съ ея печальными аттрибутами пустоты, мрака и смерти. Сирійскій гносисъ (Сатурнина и Вардесана) есть дуализмъ центральной Азіи, въ которомъ второе начало міра также разумно и дѣятельно, какъ и первое, хотя его мрачныя дѣйствія разви-

(¹) Tertull. Praescr. haeret. XXI—XXXIV.

ваются въ противоположномъ направленіи съ добрыми дѣйствіями Перваго Начала. Гностическія школы Малой Азіи (Кердона и Маркіона) отличаются отъ сирійскихъ и египетскихъ своимъ практическимъ направленіемъ: онѣ уклонялись отъ вопросовъ чисто метафизическихъ. Каждая изъ сихъ школъ раздѣляется на многія вѣтви. Въ отношеніи къ богатству и разнообразію формъ, духу изыскательности и обилію памятниковъ, египетскія школы имѣютъ преимущество предъ прочими школами. Причина этого заключается частію въ ихъ особливыхъ отношеніяхъ къ Христіанству, которое въ первыя времена имѣло здѣсь такое множество образованнѣйшихъ учителей, какого не было нигдѣ, вслѣдствіе чего онѣ вынуждены были усиленнымъ образомъ защищать и развивать свои начала,— частію въ сокровищахъ александрійскаго музея, способствовавшихъ большему развитію ихъ противъ другихъ странъ.

На развитіе и направленіе гносиса имѣлъ вліяніе всеобщій духъ того времени,—духъ недовольства настоящимъ, существующимъ порядкомъ вещей, стремленіе къ таинственному, ожиданіе новаго высшаго порядка вещей въ нравственномъ мірѣ. Этотъ духъ проникалъ и гностическія системы. Христіанскія идеи возстановленія разрушенной міровой гармоніи, возстановленіе общенія между небомъ и землею, явленіе новой жизни, развившейся въ нѣдрѣ христіанскаго міра съ помощію дарованныхъ человѣку благодатныхъ силъ и средствъ, обновленіе всѣхъ основъ гражданскаго общества и новыя, возвышенныя понятія объ отношеніи человѣка къ природѣ имѣли вліяніе и на направленіе гносиса.

Главнѣйшими предметами ученія въ гностическихъ школахъ были вопросы, въ отношеніи къ которымъ умъ давно уже сознаλъ себя недостаточнымъ, и недостатокъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ замѣнялъ пустыми формулами и вымыслами фантазіи. И такъ какъ преобладающій элементъ въ гносисѣ былъ восточный; то онъ вращался болѣе въ образахъ, нежели въ понятіяхъ. Отвлеченныя понятія приняли у гностиковъ живое обличіе. Они даже не отличали образовъ отъ ихъ содержанія. Число ихъ олицетвореній увеличивалось съ появленіемъ новыхъ оттѣнковъ въ понятіяхъ и плирома ихъ, съ развитіемъ гностическаго ученія и развѣтвленіемъ гностическихъ школъ, росла больше и больше. Логическое соотношеніе понятій олицетворялось въ живыхъ образахъ и сущностяхъ. Отъ сихъ-то, конечно, ученій предостерегалъ Апостолъ Павелъ вѣрныхъ своего времени, когда писалъ къ Тимоѳею: *да завѣщаеши нѣкимъ, не инако учити, ниже внимати баснемъ и родословіемъ безконечнымъ, яже стязанія творятъ паче, нежели Божіе строеніе, еже въ вѣрѣ* (¹).

Это направленіе выразилось въ ученіи и учрежденіяхъ гностиковъ.

Гностическое ученіе о Богѣ сложилось изъ разныхъ элементовъ. Но главный элементъ его составляетъ весьма распространившееся въ то время ученіе о Невѣдомомъ Богѣ, которому алтарь Апостолъ Павелъ нашелъ въ Аѳинахъ, пришедши въ этотъ городъ съ проповѣдію Христіанства (Дѣян. 17, 23). Въ различныхъ школахъ усвояются Ему различныя наименованія, выражающія одну и туже мысль о непостижи-

(¹) 1 Тим. 1, 3—4. ср. Theodoreti opp. t. III. p. 490. ed. Paris.

момъ, недомыслимомъ и неизреченномъ Началѣ всего сущаго: *Θεός ἄρρητος, ἀνωνόμαςος, ἀνεννόητος, ἄβυσσον, βῦθος, προάρχη, προπάτωρ.*

Но какъ изъ Безконечнаго произошло конечное? Какъ произошли міры—духовный и чувственный?

По христіанскому ученію, сотвореніе міра изъ ничего есть тайна, которой не можетъ постигнуть разумъ. *Вѣрою*, говоритъ Апостолъ, *разумѣваемъ совершитися вѣкомъ глаголомъ Божіимъ, во еже отъ неявляемыхъ видимымъ быти* (Евр. 11, 3). Здѣсь предѣлъ умозрѣнію. Но гностицизмъ не хотѣлъ знать сего предѣла и произвелъ смѣшеніе въ понятіяхъ о Богѣ и природѣ. Низведши тайну творенія въ область умозрѣнія, гностицизмъ, въ тоже время подъ видомъ новаго ученія, возобновилъ древнее заблужденіе объ истеченіи міра изъ божественной Сущности.

Ученіе объ истеченіи имѣетъ восточное происхожденіе и принадлежитъ восточнымъ религіямъ. Въ область философскаго умозрѣнія оно внесено іудеяниномъ Филономъ и послѣ него философами александрійской школы. Гностицизмъ, усвоивъ это воззрѣніе, смѣшалъ его частію съ христіанскимъ ученіемъ, частію съ греческою философіею.

Первое проявленіе божественной Сущности суть разумные духи.

Эти существа трехъ родовъ или степеней: первую степень составляютъ эоны—чистѣйшіе духи, самые близкіе по своему совершенству къ высочайшему Духу и источнику всякой жизни и свѣта. Они олицетворяютъ собою божественныя свойства и суть какбы опредѣленія неизглаголанной божественной Сущности (*κατάληψις τοῦ ἀκαταλήπτου*). Каждый эонъ носитъ въ себѣ

цѣлый особый міръ. Вторую степень составляютъ разумныя существа втораго порядка, менѣе совершенные, нежели эоны; третью степень—низшіе духи, произшедшіе отъ духовъ второй степени и враждебные духамъ перваго и втораго класса, виновники зла, не сохранившіе ни одного луча божественнаго свѣта.

Христосъ—одинъ изъ эоновъ, но не первый въ порядкѣ достоинства и происхожденія. Замѣнивъ идею рожденія (котораго гностики вообще не допускаютъ) идеею истеченія, они отвергаютъ воплощеніе и смерть на крестѣ и прибѣгаютъ къ миѳамъ и ложнымъ преданіямъ, чтобы дать имъ свое толкованіе. Вся цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтобы очистить Христіанство отъ чувственности и возвысить лице Іисуса Христа, отстранивъ отъ него всякое приращеніе матеріи. Но этотъ пуританизмъ противенъ самому основанію Христіанства.

Различая три степени или три міра духовъ, гностики точно опредѣляли свойства, занятія, степень блаженства и назначеніе каждаго класса. Отдѣльныя черты этой теоріи находятся въ іудейской и христіанской религіяхъ, въ неоплатонической и іудейской философіяхъ, наконецъ въ вѣрованіяхъ Египтянъ и Персовъ; но приведеніе всего этого въ религіозно-философскую систему принадлежитъ собственно гностицизму.

Къ этому ученію примыкаетъ ученіе гностиковъ о человѣкѣ. Соотвѣтственно тремъ степенямъ духовъ люди раздѣляются на духовныхъ (πνευματικοί), которые слѣдуютъ уму божественному, душевныхъ (ψυχικοί) простыхъ вѣрныхъ, которые слѣдуютъ уму духовъ менѣе совершенныхъ, и плотскихъ (ὑλικοί) которые погружены въ матерію. Душа человѣческая есть лучъ свѣта бо-

жественнаго и имѣетъ одну природу съ самыми чистыми духами; но соединившись съ матеріей, она удалилась отъ своего источника. Однакожъ если она не забудетъ своего небеснаго происхожденія и будетъ внимать гласу Создателя; то по окончаніи земнаго теченія, она опять займетъ мѣсто, свойственное ей по ея природѣ и добродѣтелямъ, опять возвратится въ нѣдро Того, который есть Все. Племена и народы раздѣляются также, какъ отдѣльные люди, на три класса.

Паденіе удалило человѣка отъ Бога и разстроило порядокъ нравственнаго міра. Но когда совершится полное его обновленіе, въ мірѣ возстановится первобытная гармонія и все возвратится къ своему началу. Чтобы точно выразумѣть послѣдній пунктъ гностическаго ученія, не надобно забывать, что оно есть пантеизмъ, сливающій въ одно Творца съ твореніемъ.

Нравоученіе гностиковъ составляетъ смѣсь платонизма и неоплатонизма съ Христіанствомъ. Сущность его состоитъ вь томъ, чтобы, удаляя душу отъ всего чувственнаго, руководствовать и возводить ее къ первоначальному ея состоянію. Но, какъ бываетъ со всѣми философскими ученіями, послѣдующіе гностики развили начала своихъ учителей до крайнихъ степеней. Вышедши изъ одного и того же начала, что чувственный міръ не есть твореніе верховнаго Божества, но Божества несовершеннаго, которое водворило въ немъ законы, противоложные идеямъ верховнаго Творца, одни развили ложный аскетизмъ, другіе учили презрѣнію всѣхъ, естественныхъ и положительныхъ, законовъ, какъ требованій злаго начала. Первое направленіе въ практической жизни выразилось самымъ

безразсуднымъ самоистязаніемъ и презрѣніемъ всякаго житейскаго порядка; послѣднее—безнравственностію, самою возмутительною. Уже во времена Апостоловъ бродили эти лжеученія, судя по тому, что Апостолы обличали и ложный аскетизмъ, и безнравственность, прямо противную ученію Христову. Въ посланіи къ Тимоѳею Апостолъ Павелъ предостерегаетъ вѣрныхъ отъ послѣдованія ложнымъ духамъ и ученіямъ, *возбраняющимъ женитися и удалятися отъ брашенъ, яже Богъ сотвори въ снѣдѣніе со благодареніемъ вѣрнымъ и познавшимъ истину* (1 Тим. 4, 3). Тертулліанъ видитъ въ этомъ мѣстѣ обличеніе, направленное на лжеученія, раскрытыя уже послѣ Апостоловъ Маркіономъ и ученикомъ его Апеллесомъ ([1]).

Гностическія школы не были только философскими школами, но религіозно-философскими общинами или сектами, съ извѣстнымъ устройствомъ внѣшней или обрядовой части вѣроученія. У нихъ были свои храмы, обряды, молитвы и гимны. Общества ихъ раздѣлялись на три класса по степенямъ духовнаго просвѣщенія и нравственнаго совершенства. Принятіе въ ихъ общество и переходъ изъ одного класса въ другой сопровождались обрядами, формулы которыхъ сохранились до настоящаго времени въ сочиненіяхъ Иринея, Епифанія и Ѳеодорита ([2]).

Въ противоположность ложному гносису, отцы и учители Церкви старались раскрыть ученіе объ истинномъ христіанскомъ знаніи (γνῶσις), полагая въ основаніе его вѣру (πίςις). Вѣра есть основаніе жизни для

([1]) Praescr. haeretic. XXXIII.

([2]) Histoire critique du Gnosticisme, par. J. Matter. T. 2. p. 336—439. Ed. 2-e Strasburg et Paris. 1843—1852.

всѣхъ христіанъ,—есть союзъ, соединяющій всѣхъ людей, не смотря на различіе ихъ умственныхъ дарованій и умственнаго образованія, въ одно общество, въ одно царство Божіе на землѣ. Единство Церкви и согласіе вѣрующихъ, утверждаемое сею вѣрою, они противопоставляли раздѣленію и несогласіямъ гностическихъ школъ. Объясняя слова Господни: *ищите и обрящете*, Тертулліанъ говоритъ: «надлежитъ искать того, чему училъ Іисусъ Христосъ, пока не найдете, и до тѣхъ поръ, какъ найдете. Вы нашли, когда увѣровали; потому что не увѣровали бы, еслибы не нашли. Какъ вы искали для того, чтобы увѣровать; то нашедши и увѣровавши, вы должны прекратить всѣ ваши исканія. Если же потому только, что одни преподаютъ одно, а другіе другое, захотимъ мы вѣчно искать; то мы въ опасности всегда искать и никогда не увѣровать. Какой же послѣ сего будетъ предѣлъ нашихъ исканій и открытій? Станемъ искать у Маркіона? Но Валентинъ съ своей стороны говоритъ: ищите и найдете (истину у меня). Будемъ искать у Валентина? Но Апеллесъ повторяетъ тоже самое. Евіонъ, Симонъ и всѣ другіе употребляютъ туже хитрость, чтобы привлечь меня на свою сторону. Какого свѣта ожидать тамъ, гдѣ все тьма? Поищемъ у себя и у своихъ, но поищемъ только того, что служитъ къ разрѣшенію вопроса, не нарушая правила вѣры» (¹). Климентъ александрійскій такъ объясняетъ отношеніе между вѣрою и вѣденіемъ: христіанская вѣра и вѣденіе имѣютъ одинъ и тотъ же источникъ— священное Писаніе и Преданіе. Но вѣрѣ принадлежитъ принятіе и усвоеніе истинъ, открываемыхъ въ Христіанствѣ и направленіе вѣденія къ его истинной цѣли;

(¹) Tertull. praescr. haeret. X et XII.

вѣдѣнію же—уясненіе и раскрытіе полнаго содержанія и внутренней связи христіанскаго ученія, равно какъ его научное построеніе и защищеніе отъ возраженій и нападеній противниковъ истины—еретиковъ и языческихъ философовъ. Вѣра предшествуетъ вѣдѣнію и всѣмъ доказательствамъ истины, происходящимъ отъ вѣдѣнія; это есть практическое пониманіе божественной истины, возникающее изъ врожденнаго человѣку чувства истины. Вѣдѣніе же слѣдуетъ за вѣрою и, на основаніи ея, съ помощію внѣшнихъ пособій выясняетъ и раскрываетъ глубокое содержаніе христіанскаго ученія. Къ сему взаимному отношенію между вѣрою и вѣдѣніемъ онъ примѣнялъ слова пророка Исаіи: *аще не увѣрите, ниже имати разумѣти* (Ис. 7, 9), если не увѣруете въ Евангеліе, не уразумѣете его духа и й силы. Вѣра также необходима для духовной жизни Христіанина, какъ воздухъ для жизни чувственной (1). Какимъ образомъ изъ вѣры возникаетъ глубокое вѣдѣніе предметовъ вѣры, это онъ объясняетъ тѣмъ, что глубокое пониманіе и раскрытіе смысла св. Писанія или ученія Вѣры происходитъ изъ жизни по вѣрѣ. «Вѣра», говоритъ онъ, «какбы сообщаетъ человѣку новыя силы созерцанія божественныхъ вещей»,—и примѣняетъ къ сему слова Пророка Исаіи и Апостола Павла: *се азъ творю новая* (Ис. 43, 19), и: *еже око не видѣ, ухо не слыша, и еже на сердце человѣку не взыдоша* (2 Кор. 5, 17). Что можетъ быть видимо новымъ окомъ, слышимо новымъ слухомъ и воспринимаемо новымъ сердцемъ, то открывается духовно-видящимъ, духовно-слышащимъ и духовно-дѣлающимъ

(1) Strom. II, 373.

ученикамъ Господнимъ, чрезъ вѣру и вѣдение (¹). Слѣдовательно, христiанское вѣденiе, по разумѣнiю Климента, не есть дѣло одного умозрѣнiя, но исходитъ изъ всего порядка жизни, просвѣщенной вѣрою. «Порядокъ жизни», говоритъ Климентъ, «ясно обличаетъ тѣхъ, которые познали заповѣди. Ибо каково ученiе, такова жизнь. Дерево узнается по плодамъ, а не по цвѣтамъ, листьямъ и вѣтвямъ.—Такъ и вѣденiе (γνῶσις) познается отъ плодовъ и устройства жизни, а не отъ одного ученiя и цвѣтовъ. Посему мы и говоримъ, что вѣденiе не есть только ученiе, но какбы нѣкоторое божественное разумѣнiе (τίνα ἐπιςήμην θεῖαν), тотъ свѣтъ, который возникаетъ въ душѣ изъ повиновенiя заповѣдямъ, который дѣлаетъ видимымъ для человѣка и все (внѣшнее) находящееся въ творенiи, и его самаго, научая его самопознанiю и общенiю съ Богомъ. Вѣденiе въ душѣ тоже, что глазъ въ тѣлѣ» (²). «Безъ жизни по вѣрѣ не можетъ быть знанiя божественныхъ вещей, которое происходитъ отъ вѣры: знанiе и жизнь здѣсь одно. Только *чистiи сердцемъ Бога узрятъ*» (³).

Но вѣра есть внутреннее, подлежательное (субъективное) условiе вѣденiя; внѣшнее и предлежательное (объективное) или источникъ познанiя есть св. Писанiе. Хотя вѣрующiй обладаетъ какбы нѣкоторымъ особливымъ чувствомъ истины въ отношенiи къ божественнымъ вещамъ, такъ что ему открывается то, что отъ невѣрующихъ сокрыто; но одного внутренняго чувства истины не достаточно для полнаго уразумѣ-

(¹) Strom. II, 365.
(²) Strom. III, 444.
(³) Strom. IV, 490.

нія, изъясненія и защищенія всѣхъ истинъ св. Писанія. Для сего нужно 1) изученіе св. Писанія, полное раскрытіе его содержанія, сличеніе и сравненіе различныхъ мѣстъ онаго между собою, изъясненіе однихъ другими, выводъ изъ нихъ слѣдствій, однимъ словомъ—приведеніе истинъ св. Писанія въ нѣкоторый научный видъ (1),—и 2) нужна помощь науки и содѣйствіе научнаго образованія. «Мнѣ не безъизвѣстно», говоритъ Климентъ, «что повторяютъ часто нѣкоторые неразумные писатели, будто вѣра должна довольствоваться необходимѣйшимъ и существеннымъ и оставить все чуждое и лишнее, что насъ напрасно развлекаетъ и отклоняетъ отъ главной цѣли» (2). И въ другомъ мѣстѣ: «Нѣкоторые, считая себя разумными, не хотятъ и коснуться ни философіи, ни діалектики, не хотятъ учиться естественному созерцанію, но ищутъ одной простой вѣры: не употребивши никакой заботы о виноградной лозѣ, уже хотятъ получать съ нея грозды. Подъ образомъ виноградной лозы представляется намъ Господь. Мы должны собирать съ нея плоды съ разумною заботливостію и съ искуствомъ винoградаря. Нужно окопать ее, перевязать, подрѣзать и все прочее сдѣлать,—нужно употребить и серпъ, и заступъ, и другія земледѣльческія орудія, чтобы виноградникъ произрастилъ намъ обильный плодъ» (3). Устраняя или опровергая естественное при этомъ возраженіе, будто божественное Откровеніе не есть достаточный источникъ истины, когда при немъ необходимы еще внѣшняя наука и

(1) Strom. VII, 757.
(2) Strom. I, 278.
(3) Strom. I, 291.

внѣшнее образованіе, Климентъ говоритъ: «если для тѣхъ, которые склонны къ порицанію, нужно точно опредѣлить, что мы разумѣемъ, когда называемъ философію вспомогательною и содѣйствующею причиною истиннаго разумѣнія; то мы скажемъ, что считаемъ ее руководствомъ (προπαιδείαν) къ вѣденію, причиною вспомогательною, а не главною,—содѣйствующею, а не производящею. Не то значитъ, что безъ философіи не могло бы и быть истины; поелику самая большая часть насъ не получили энциклопедическаго научнаго образованія и не изучали эллинской философіи, а нѣкоторые даже не умѣютъ ни читать, ни писать, но, подвигшись божественнымъ любомудріемъ, которое возвѣстили люди не образованные, а наученные премудрости Божіей, они силою вѣры усвоили ученіе о Богѣ...... Итакъ ученіе Спасителя само въ себѣ совершенно и самодовольно, какъ сила и мудрость Божія; и привходящая эллинская философія не дѣлаетъ истины сильнѣе, но дѣлаетъ только безсильными софистическіе на нее нападки, отвращаетъ враждебные подкопы подъ истину, и потому можетъ быть названа оплотомъ и огражденіемъ виноградника (¹).

Къ такой защитѣ философіи, кромѣ убѣжденія въ ея собственномъ достоинствѣ и происходящей отъ нея пользѣ, Климента могъ располагать и тотъ историческій фактъ, что въ его время многіе образованные язычники принимали христіанскую Вѣру вслѣдствіе разумнаго изслѣдованія и убѣжденія въ ея истинѣ; при чемъ философское образованіе было какбы руководствомъ къ познанію истины. Что нужды, что въ философіи

(¹) Strom. I, 318—319.

истина часто омрачена была примѣсью заблужденій? Какъ законъ не потерялъ своей силы и своего назначенія оттого, что іудейскіе писатели примѣшали къ нему свои чувственныя толкованія; такъ и философія не лишается своего достоинства оттого, что человѣкъ примѣшалъ къ ея истинѣ свои заблужденія ([1]). Климентъ сравнивалъ философію съ дикою маслиною, въ которой обращаются крѣпкіе и плодотворные, но острые и неудобоваримые соки. Когда привьютъ къ ней вѣтвь, взятую отъ благороднаго дерева; то маслина сдѣлается питательною и здоровою. Такъ точно и философія, эта дикая маслина, сдѣлается питательною и плодотворною, когда она оживится вѣрою ([2]).

Оригенъ, въ опредѣленіи отношенія между вѣрою и вѣдѣніемъ (γνῶσις), склонялся къ идеямъ александрійской философіи. По его понятію, вѣдѣніе состоитъ въ совершенномъ пониманіи духа и внутренней силы христіанскаго ученія, между тѣмъ какъ вѣра довольствуется простымъ принятіемъ истины. Въ этомъ отношеніи Оригенъ допускаетъ между вѣрою и вѣдѣніемъ постепенность, близкую къ противоположности. «Тѣ», говоритъ онъ, «которые пріяли даръ вѣдѣнія и премудрости, живутъ уже не вѣрою, но созерцаніемъ: это тѣ духовно-наученные люди, которые, окончивъ странствованіе въ тѣлѣ, (возвысились надъ буквою Писанія) вселились уже въ дому Господнемъ. Но тѣ еще пресельничаютъ въ тѣлѣ и еще не вошли въ домъ Господень, которые не разумѣютъ духовнаго смысла Писанія, но вращаются въ его буквѣ. Господь Духъ

([1]) Strom. VI, 644.
([2]) Strom. VI, 671.

есть; посему тотъ, кто не пріялъ животворнаго духа и духовнаго смысла Писанія, далекъ отъ Господа и живетъ еще вѣрою» (¹). Легко видѣть, что это мнѣніе есть прямое слѣдствіе изъ началъ, принятыхъ въ александрійской школѣ и раскрытыхъ Климентомъ и Оригеномъ относительно истолкованія св. Писанія,—и принадлежитъ къ частнымъ мнѣніямъ писателя, несправедливо возвысившаго личное разумѣніе и истолкованіе св. Писанія предъ общимъ разумѣніемъ и истолкованіемъ его въ Церкви, или предъ авторитетомъ церковнаго Преданія.

И. Чистовичъ.

(¹) Orig. T. 13 Ioh. c. 52.

РѢЧЬ

ВЪ ДЕНЬ ВОЗНЕСЕНІЯ ГОСПОДНЯ,

СКАЗАННАЯ, ПРИ ПРОЩАНІИ СЪ ТАМБОВСКОЮ ПАСТВОЮ, ПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ МАКАРІЕМЪ, ЕПИСКОПОМЪ ХАРЬКОВСКИМЪ И АХТЫРСКИМЪ, ВЪ ТАМБОВСКОМЪ КАѲЕДРАЛЬНОМЪ СОБОРѢ 21 МАЯ 1859 ГОДА.

Едино тѣло, единъ духъ (Еф. 4, 4).

День вознесенія нашего Господа на небеса былъ днемъ разлуки Его съ возлюбленными учениками и со всею земною Церковію. А между тѣмъ св. Апостолы не только не скорбѣли въ этотъ день, напротивъ, простившись съ Господомъ въ Виѳаніи, *возвратишася во Іерусалимъ съ радостію великою* (Лук. 24, 52), и св. Церковь доселѣ празднуетъ вознесеніе Господне, какъ одно изъ величайшихъ и радостнѣйшихъ своихъ торжествъ. Отъ чего такъ? Отъ того, что Господь разстался съ своими учениками только видимо, а невидимо обѣщался пребывать съ ними *во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. 28, 20). Отъ того, что, возносясь Самъ на небеса, Онъ обѣтовалъ низспослать на землю, вмѣсто Себя, *иного Утѣшителя*—Св. Духа, *да будетъ* съ вѣрующими *въ вѣкъ* (Іоан. 14, 16). Отъ того, что

и видимо Господь разлучался съ своими последователями только на время, сказавъ имъ: *иду уготовати мѣсто вамъ*, а потомъ *паки пріиду и поиму вы къ себѣ, да идѣже есмь азъ, и вы будете* (Іоан. 14, 13).

Не тѣмъ ли самымъ, возлюбленные мои братіе и бывшія чада о Господѣ, не тѣмъ ли самымъ долженъ быть и для насъ день настоящей нашей разлуки? Если мы не имѣемъ особенной причины радоваться, то имѣемъ ли основаніе и скорбѣть? Если, по свойству человѣческаго сердца, чувство разлуки съ близкими намъ — всегда горькое чувство; то въ ученіи нашей божественной Вѣры не находимъ ли мы всего, что можетъ усладить эту горечь и даже пролить въ наши души лучь тихой радости?

И мы, братіе, разлучаемся между собою только видимо, какъ разлучился нынѣ Христосъ съ учениками своими, а невидимо остаемся въ томъ же самомъ союзѣ, въ какомъ находились доселѣ. Всѣ мы неразрывно соединены въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ. Онъ есть глава всѣхъ насъ, всѣхъ вѣрующихъ, *глава Церкви* (Еф. 5, 23). Человѣчествомъ своимъ Онъ вознесся нынѣ на небеса; но божествомъ Онъ — вездѣ и всегда. Слѣдовательно, гдѣ бы мы ни находились, вмѣстѣ ли или на огромныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, мы равно находимся подъ единою Главою — Христомъ, *исполняющимъ всяческая во всѣхъ* (Еф. 1, 23), равно проникаемся и связуемся между собою одними и тѣми же, ліющимися изъ Него на насъ, *божественными силами, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1, 3). Всѣ мы, — и вы здѣсь, какъ бывало прежде, и я на новомъ мѣстѣ моего служенія съ другими вѣрующими, — будемъ пріобщаться однимъ и тѣмъ

же—пречистому тѣлу и пречистой крови нашего Спасителя, и, такимъ образомъ пріискренне возсоединяясь съ Нимъ каждый разъ, будемъ пріискренне въ Немъ и чрезъ Него возсоединяться и между собою. Всѣ мы неразрывно соединены въ Духѣ Святомъ, котораго обѣтовалъ Христосъ низпослать на землю вмѣсто Себя и дѣйствительно низпослалъ. Духъ Святый, какъ «вездѣсый и вся исполняяй», живетъ во всѣхъ вѣрующихъ на всѣхъ пространствахъ земли (1 Кор. 3, 16). Онъ есть какбы душа душъ нашихъ, душа Церкви, единая и объединяющая всѣхъ. Онъ дѣйствуетъ въ одно и тоже время и нераздѣльно во всѣхъ христіанахъ, гдѣ бы они ни обитали, одними и тѣми же благодатными дарами (1 Кор. 12, 11) и произращаетъ во всѣхъ одни и тѣже духовные плоды (Гал. 5, 22). Всѣ мы неразрывно соединены, какъ члены одного и того же тѣла Христова — единой, святой, соборной и апостольской Церкви (1 Кор. 12, 27; Еф. 1, 23). Содержа и проповѣдуя во всемъ мірѣ одно и тоже божественное Откровеніе, она соединяетъ всѣхъ насъ, гдѣ бы мы ни находились, единствомъ своего ученія и православной Вѣры. Принося во всѣхъ странахъ земли одну и туже безкровную жертву и совершая одно и тоже богослуженіе, она соединяетъ всѣхъ насъ единствомъ своихъ спасительныхъ таинствъ и священнодѣйствій. Сохраняя повсюду одно и тоже богоучрежденное священноначаліе и устройство и руководясь одними и тѣми же правилами св. Апостоловъ и св. отцевъ, она соединяетъ всѣхъ насъ единствомъ своей іерархіи и духовнаго управленія. Въ чемъ же, скажите, будетъ состоять разлука наша? Не въ томъ ли только, что мы отнынѣ не будемъ видѣть другъ друга лицемъ къ лицу? Мы раз-

лучаемся, какъ люди; но нимало не разлучаемся, какъ христіане: потому что какъ доселѣ составляли, такъ и впредь будемъ составлять *едино тѣло* о Христѣ и *единъ духъ* (Еф. 4, 4).

Да и видимо, братіе, и видимо мы разлучаемся только на время, какъ разлучился нынѣ Христосъ съ своими учениками. Вотъ совершилось ровно два года моего пребыванія посреди васъ, а какъ быстро и незамѣтно пролетѣли они! Такъ протекутъ и десятки лѣтъ нашей жизни; такъ пройдетъ и вся земная жизнь. А потомъ? Потомъ, другъ за другомъ, всѣ мы перейдемъ въ иную жизнь, которой уже не будетъ конца. Всѣ мы снова увидимся тамъ лицемъ къ лицу, сперва душами своими, а впослѣдствіи и тѣлами, по всеобщемъ воскресеніи тѣлъ. Всѣ мы соединимся тамъ еще тѣснѣйшими узами, нежели какими соединены здѣсь въ Христіанствѣ, и будемъ вѣчно нераздѣльными въ царствіи Божіемъ, когда Богъ *будетъ всяческая во всѣхъ* (1 Кор. 15, 28). О, еслибы только въ день всемірнаго суда, на которомъ рѣшится участь всѣхъ праведниковъ и грѣшниковъ, еслибы только тогда не разлучили насъ! Увы! если тогда разлучатъ, то разлучатъ уже навсегда... Между небомъ и адомъ *утвердится пропасть велика*, которой никто *не прейдетъ* и никогда (Лук. 16, 26). То будетъ въ собственномъ смыслѣ разлука всецѣлая, вѣчная, горестнѣйшая, безъ всякой надежды свиданія, а не такая, какая нынѣ у насъ.

Возлюбленные мои братіе и бывшіе чада о Господѣ! Желаете ли не разлучаться со мною и другъ съ другомъ впродолженіе настоящей жизни, по крайней мѣрѣ, невидимо, при всѣхъ видимыхъ нашихъ раз-

духахъ? Будемъ заботиться о томъ, чтобы оставаться намъ постоянно соединенными въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ и Его всесвятомъ Духѣ и пребывать всегда живыми членами тѣла Христова — св. Церкви. Т. е. будемъ заботиться, гдѣ бы мы ни находились, соблюдать во всей чистотѣ православную вѣру, безъ всякаго уклоненія въ ереси и расколы, и жить по закону Христову, предохраняя и очищая себя отъ всякихъ грѣховъ: ибо вѣра православная и христіанское благочестіе суть единственныя узы, соединяющія насъ со Христомъ и Его Духомъ и Его Церковію; а всякое уклоненіе въ ереси и расколъ, всякое нераскаянное нечестіе отсѣкаютъ насъ отъ тѣла Христова—Церкви и лишаютъ насъ Духа Святаго. И тогда, хотя бы мы жили постоянно вмѣстѣ, даже въ одномъ домѣ, мы были бы духовно удалены другъ отъ друга на безмѣрное разстояніе. Желаете ли, чтобы Господь удостоилъ насъ свидѣться лицемъ къ лицу въ будущей жизни и уже не разлучаться никогда? И для этого единственное средство тоже самое: православная вѣра и благочестивая жизнь. Будемъ же хранить ихъ, какъ величайшія сокровища, за которыя мы можемъ пріобрѣсть себѣ радость вѣчнаго свиданія и вѣчно-блаженной жизни. Соединяя насъ здѣсь во *едино тѣло* о Христѣ и *единъ духъ*, какія бы пространства насъ ни раздѣляли, вѣра и благочестіе несомнѣнно соединятъ насъ и тамъ—въ свѣтлыхъ обителяхъ нашего Отца небеснаго, и соединятъ на вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ А. И. МИШИНА, СКАЗАННОЕ ВЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ 1859 ГОДА МАЯ 5 ДНЯ (*).

При останкахъ незабвеннаго руководителя и наставника однихъ и сослуживца другихъ изъ насъ невольно приводишь себя на память нерѣдко встрѣчающійся обычай пользоваться послѣднимъ присутствіемъ любимаго предмета для того, чтобы оставлять у себя его чувственное изображеніе.—Намъ дорогъ духовный образъ почившаго; тѣмъ не менѣе и въ плотскомъ обычаѣ есть поучительная сторона для насъ. Воспользуемся послѣдними минутами его бездыханнаго присутствія среди насъ, чтобы не снимать, а только воскресить въ своей памяти, сколько возможно, уже извѣстный намъ духовный образъ усопшаго. Въ таковія ми-

(*) Покойный Мишинъ, послѣ окончанія курса наукъ въ Воронежской Семинаріи въ 1837 году, поступилъ въ с. петербургскую Духовную Академію; здѣсь окончилъ курсъ въ 1846 г. съ степенью магистра и, прослуживъ въ ней въ должности баккалавра съ 27 августа по $^{10}/_{22}$ сентября, переведенъ былъ инспекторомъ и профессоромъ въ с. петербургскую Семинарію; въ 1857 году назначенъ былъ въ Академію ординарнымъ профессоромъ.

нуты прощанія съ нимъ, мы получимъ отсюда духовное утѣшеніе—вѣровать, что незабвеннаго для однихъ руководителя и наставника, а для другихъ сослуживца и собрата не забудетъ достойнымъ возмездіемъ Вѣчная Истина, управляющая судьбами нашихъ земныхъ состояній и отношеній.

Уже не близки ко многимъ изъ насъ тѣ дни, когда, съ особеннымъ отличіемъ оставляя высшій разсадникъ духовнаго просвѣщенія, почившій вступаетъ на служеніе и нравственному и умственному образованію юношества. Но единодушный голосъ преданія, въ живыхъ орудіяхъ идя отъ тѣхъ временъ и проходя нашими, надѣемся, и грядущимъ поколѣніямъ подвердитъ истину того, что видѣли мы сами.

Вотъ предъ нами въ почившемъ руководитель и начальникъ юношества! Не вамъ, конечно, объяснять, какая отвѣтственность предъ Богомъ и людьми лежитъ за ту пору жизни людей, отъ которой зависитъ ея послѣдующая судьба, — притомъ тѣхъ людей, которые готовятся на служеніе Церкви. Понятно вамъ и то, каково положеніе человѣка, тотчасъ же, послѣ собственнаго выхода изъ-подъ опеки воспитанія, принимающаго на себя такую отвѣтственность. Первоначальный недостатокъ опытности чѣмъ можетъ быть замѣнимъ, если не особенною проницательностію и дальновидностію ума, которыя бы не позволили запутаться въ смѣшныхъ и опасныхъ противорѣчіяхъ, — если не терпѣливымъ изученіемъ различныхъ оттѣнковъ дурнаго и хорошаго въ многочисленномъ кругу воспитываемыхъ,—если не добросовѣстностію чувства, которое бы не позволило съ упорствомъ слѣдовать заблужденію, всегда, а особенно на первыхъ порахъ возможно-

му въ трудномъ дѣлѣ воспитанія? А за приходомъ опытности всегда ли достаетъ твердости воли, ровности характера—выдерживать обдуманный образъ дѣйствій, не колеблясь отъ всегда возможныхъ непріятныхъ столкновеній съ юностію, — терпѣнія продолжать изученіе ея во всѣхъ возможныхъ недѣлимыхъ для истиннаго блага послѣднихъ,—постояннаго личнаго уваженія къ закону для большей обязательности его въ глазахъ руководимыхъ? А успѣхъ воспитанія духовнаго юношества не зависитъ ли, кромѣ всего этого, отъ глубокаго пониманія высоты и отвѣтственности его будущаго служенія и сердечнаго сочувствія къ нему? Между тѣмъ кому не извѣстно раннее соединеніе этихъ качествъ въ почившемъ, тогда же замѣченное окружавшими его,—внушавшее постоянно довѣрчивую любовь и благородный страхъ воспитывавшимся и ими принесенное въ жизнь въ признательныхъ воспоминаніяхъ объ немъ? И кто не видитъ изъ школы его воспитанія множества лицъ, съ честію проходящихъ поприще служенія св. Церкви въ здѣшнемъ краю?

Предъ вами онъ, какъ наставникъ, и прежде всего—наставникъ, съ высокимъ развитіемъ мыслящей силы изъ высшей обители наукъ призванный раскрывать юнымъ умамъ сперва законы мысли и духа человѣческаго, а потомъ духъ и мысли людей, устами которыхъ выражала свое обязательное ученіе Церковь или въ которыхъ она указывала великихъ мыслителей въ области ея ученія (*). Что, какъ не свидѣтельство объ от-

(*) Первоначально покойный былъ назначенъ на классъ Логики и Психологіи въ среднее отдѣленіе; въ 1845 году ему было поручено преподавать ученикамъ того же отдѣленія Патристику.

человкомъ знанія дѣла покойнымъ и его истинной любви къ правильному развитію юныхъ умовъ, къ добросовѣстному исполненію своего долга, было его постоянное приспособленіе къ ихъ еще незрѣлымъ понятіямъ, простиравшееся до такой степени, что одна изъ этихъ наукъ—сухая, и потому часто не приносящая пользы въ другихъ устахъ, дѣлалась занимательною для нихъ въ его словахъ и многими отчетливо усвоенною на всю жизнь, а другая, высокая и глубокая по своему преимущественно богословскому характеру, назидательно-понятною для нихъ? Но между тѣмъ, какъ въ кругу питомцевъ много времени и участія къ себѣ брала ихъ дѣтская неопытность, въ тиши уединенія мысль его внимательно осматривала все, что дѣлалось въ области ума, и съ жадностію потребляла давно любимое разнообразіе свойственной ей пищи. Оттого-то, когда Промыслъ, какбы желая, чтобы онъ восполнилъ дань благодарности мѣсту своего воспитанія, какую доселѣ платилъ ему приготовленіемъ достойныхъ воспитанниковъ, а потомъ въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ достойнѣйшихъ служителей высшей обители знанія, — когда Промыслъ поставляетъ его въ нашу среду,—ни для кого незамѣтнымъ становится переходъ его отъ бесѣды съ юнѣйшими о законахъ духа къ бесѣдамъ уже съ мужающими о законахъ Богоуправляемаго духовнаго общества (*). Оттого и здѣсь онъ становится сейчасъ же въ ряду достойнѣйшихъ дѣятелей, и по сознанію сотрудниковъ, и слишкомъ ясно говорящему въ нашихъ глазахъ чув-

---

(*) Въ Академіи онъ былъ профессоромъ Церковнаго Законовѣденія.

стѣу воспитанниковъ. И воспитанная въ постоянной любви къ наукѣ и долгу, столь неутомимою остается въ немъ энергія духа, что и въ часы усиливающагося недуга, онъ съ полнымъ самопожертвованіемъ исполняетъ свою обязанность (*). Вообще сказать: постояннымъ наблюденіемъ надъ умственнымъ и нравственнымъ состояніемъ воспитывавшихся и учащихся, углубленіемъ въ задачу и потребности нашего образованія, всестороннимъ знакомствомъ съ жизнію и наукой, покойный пріобрѣлъ свѣтлый взглядъ на дѣло обученія и воспитанія духовнаго юношества. Какъ же, послѣ этого, при мысли о томъ, что, живя въ вѣкъ улучшеній и желая сдѣлать изъ себя самихъ все лучшее,—какъ при мысли объ этомъ не сѣтовать о потерѣ человѣка, о которомъ, не боясь укора, можно было сказать, что онъ свѣтитъ роднымъ для насъ свѣтомъ, а не чужимъ — заимствованнымъ?

Вспомнимъ ли въ предлежащемъ подчиненнаго и сослуживца? Покорное, но не унижающееся до пошлой угодливости и самолюбиваго расчета, исполненіе воли начальства, — готовность, но чуждая гордости и навязчивости, а тѣмъ болѣе вторженія въ права власти высшей, служить ей полнымъ ума и опытности совѣтомъ, — умѣнье быть разумно полезнымъ разнообразнымъ видамъ начальства,—неспособность ни къ какому коварному соучастничеству изъ видовъ честолюбія противъ высшихъ себя,—вотъ черты, которыя съ

(*) Покойный 28-го числа апрѣля былъ на лекціи въ Академіи, уже съ значительно разстроеннымъ здоровьемъ; 29 и 30 здоровье становилось хуже, но занятія продолжались имъ по прежнему. Только 1-го числа мая онъ позволилъ себѣ лечь въ постель, а 2-го въ 10 часовъ вечера его не стало. Скончался на 44-мъ году жизни.

пользою можно брать въ примѣръ для себя съ него, какъ съ подчиненнаго, которыя въ свою очередь уважало въ немъ и начальство! Обращеніе, не дающее замѣчать своего превосходства предъ другими и еще тѣмъ болѣе внушающее къ себѣ уваженія и довѣрія,— умѣнье, но самымъ благороднымъ образомъ, безъ оскорбленія самолюбія, приносить пользу неопытности,—должная честь дѣльной мысли, благонамѣренному лицу, кому бы ни принадлежала первая и ктобы ни былъ послѣдній, — отсутствіе злобнаго суесловія и двоедушія, какого-либо предразсудочнаго предпочтенія однихъ другимъ,—вотъ что сдѣлаетъ незабвенною память почившаго въ глазахъ его сослуживцевъ!

Видѣнъ ли въ почившемъ человѣкъ внѣ отношеній службы и долга? Да, видѣнъ человѣкъ, съ которымъ возможны были такія связи нравственныя, что для нихъ скорѣе были приличны названія кровнаго родства.

Кто же послѣ сего, братія, не видитъ въ жизни его надежныхъ залоговъ блаженнаго наслѣдія въ жизни вѣчной? Разумное, постоянное и самоотверженное исполненіе обязанности своего званія,—такое, какому посвящена была жизнь покойнаго,—уже само по себѣ есть исполненіе важнѣйшей обязанности христіанской—ходить достойно своего званія. Какую же цѣну въ глазахъ правосудія и милосердія Божія должно оно получить тогда, когда самое призваніе человѣка состояло въ томъ, чтобы въ теченіе почти двудесятилѣтія достойно служить умственному и нравственному воспитанію будущихъ служителей алтаря и пастырей душъ?

Въ жизни почившаго залогъ безчисленныхъ, по-

стоянныхъ и дѣйственныхъ молитвъ о спасеніи души его,—залогъ, уже достаточно оправдываемый для насъ настоящими днями и настоящимъ нашимъ собраніемъ здѣсь. Едва вѣсть о неожиданной потерѣ распространилась въ столичномъ городѣ и окрестныхъ селеніяхъ, какъ служители алтаря съ своими семействами спѣшили оставить свои обычныя занятія и воздать послѣдній долгъ почившему наставнику. Все забыто и все соединилось въ признательной памяти о служителѣ истины и долга и въ молитвахъ о душѣ его. Тутъ и родители, признательные ему за воспитаніе дѣтей; здѣсь и дѣти, сами уже сдѣлавшіеся супругами и отцами и съ воспоминаніями о юности внесшіе воспоминанія въ свою семейную жизнь объ ея опытномъ наставникѣ и руководителѣ. У гроба его теперь и тѣ, которыхъ за два года предъ симъ оставилъ онъ въ низшей обители знанія: живо памятенъ въ душѣ ихъ образъ его и святымъ для себя ставятъ они молитвенно помнить почившаго. Здѣсь, наконецъ, и тѣ, которымъ также предстоитъ вступленіе въ жизнь чрезъ нѣсколько времени, какъ 18 лѣтъ тому назадъ предстояло оно и ему! О, въ зрѣлыхъ душахъ своихъ они сохранятъ образъ этого истиннаго служителя долга и правды и, подражая почившему въ жизни, дадутъ ему мѣсто въ своихъ молитвахъ предъ алтаремъ Господнимъ... Здѣсь наконецъ и мы—его сослужители, славой имени его дорожащіе столько же, какъ и собственною: нашихъ ли молитвенныхъ воздыханій и братски-признательныхъ воспоминаній о немъ станетъ только на настоящіе дни?...

Въ жизни почившаго хранился залогъ спокойнаго, при всѣхъ тѣлесныхъ страданіяхъ, перехода изъ

этой жизни въ вѣчную. Въ предсмертныя минуты его окружаютъ своими попеченіями люди хотя не многіе, но слишкомъ близкіе его сердцу; случилось такъ, что и послѣднее напутствіе таинствомъ вѣры, по устроенію Промысла, принесено было ему однимъ изъ тѣхъ служителей алтаря, которымъ онъ самъ служилъ нѣкогда въ обители знанія словомъ истины, такъ памятнымъ въ сердцахъ всѣхъ его учениковъ. Не видимо ли Господь хотѣлъ даровать ему въ сей жизни предвкушеніе того благословенія, какимъ осѣняетъ Онъ добрыхъ дѣлателей за гробомъ?

Иди же съ миромъ скромный, но многополезный служитель науки и юношества, иди съ миромъ путемъ, на который вступилъ теперь. Добрую память сохранятъ о тебѣ сердца наши; постоянны будутъ наши молитвы, да отпуститъ Господь грѣхи немощи человѣческой и даруетъ тебѣ блаженную жизнь въ селеніяхъ праведныхъ. Аминь.

БѢДСТВІЯ ХРИСТІАНСКАГО ОБЩЕСТВА ПО ИЗОБРАЖЕНІЮ ЕГО ВЪ СОБОРНОМЪ ПОСЛАНІИ АПОСТОЛА ІАКОВА.

Апостолъ Іаковъ писалъ свое посланіе *обѣманадесяте колѣнома, иже въ разсѣяніи* (1), т. е. къ тѣмъ самымъ христіанамъ изъ Іудеевъ, къ которымъ Апостолъ Петръ писалъ оба свои посланія (1 Петр. 1, 1; 2 Петр. 3, 1) и Апостолъ Павелъ—посланіе къ Евреямъ (2 Петр. 3, 15). Поэтому при изображеніи бѣдствій христіанскаго общества въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ представлены въ соборномъ посланіи Апостола Іакова, мы считаемъ неизлишнимъ обращаться иногда къ посланіямъ Апостола Петра и особенно къ посланію Ап. Павла къ Евреямъ, въ которыхъ находятся такія указанія на историческія обстоятельства, которыя могутъ отчасти пояснять то, о чемъ въ посланіи Іакова говорится недовольно ясно и опредѣленно,—отчасти пополнять то, на что Апостолъ Іаковъ указываетъ кратко и какбы мимоходомъ.

Изъ посланія Апостола Іакова прежде всего видно, что Церковь или христіанское общество, къ которому писано это посланіе, находилось въ печальномъ состояніи. При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи дѣла открывается, что это общество какъ отвнѣ, такъ и внутри себя подвергалось великимъ бѣдствіямъ. Отвнѣ

подвергалось оно искушеніямъ и гоненіямъ, внутри его происходили величайшіе безпорядки, противные вѣрѣ и несогласные съ христіанскою нравственностію. Разскроемъ подробно тѣ и другія бѣдствія.

а) Внѣшнее состояніе христіанскаго общества, по изображенію его въ соборномъ посланіи Апостола Іакова, было слѣдующее: читатели посланія подвергались различнымъ искушеніямъ (1, 2 и 12), лютымъ скорбямъ (5, 1), поношеніямъ и оскорбленіямъ (Евр. 10, 33), которыя состояли въ томъ, что ихъ притѣсняли и влекли на судилища (2, 6), безславили доброе ихъ имя (2, 7), которое они пріобрѣли съ тѣхъ поръ, какъ Богъ Отецъ породилъ ихъ словомъ истины (1, 18), призвавъ въ благодатное царство Христово,—отнимали и грабили ихъ имущество (сн. Евр. 10, 34). Искушенія эти были такъ сильны и опасны, что Апостолъ Іаковъ въ самомъ началѣ своего посланія, какбы оставляя безъ вниманія все другое, говоритъ объ нихъ и первымъ своимъ долгомъ поставляетъ то, чтобы преподать своимъ читателямъ нужныя увѣщанія и утѣшенія. А потому то напоминаетъ имъ о благодѣтельныхъ плодахъ, которые происходятъ отъ искушеній (1, 3 и 4), то убѣждаетъ просить у Бога мудрости (1, 5), которая можетъ научить христіанина, какъ онъ долженъ поступать, подвергаясь искушеніямъ, то указываетъ на блаженство въ будущей жизни, къ которому долженъ стремиться каждый вѣрующій и которое непремѣнно получитъ тотъ, кто изъ любви къ Спасителю терпѣливо переноситъ бѣдствія (1, 12), твердо помня, что *Христосъ пострада, намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ его* (1 Петр. 2, 21), то обращаетъ вниманіе читателей на день пришествія

Господня (5, 8 и 9), съ которымъ прекратятся всѣ земныя бѣдствія, которыя постигаютъ истинныхъ послѣдователей Христовыхъ, то наконецъ воодушевляетъ ихъ примѣрами Пророковъ (5, 10), которые, не смотря на свою праведность, терпѣли различныя гоненія и бѣдствія (сн. Евр. 11, 32—38), и особенно примѣромъ Іова (5, 11), который остался вѣренъ многомилостивому и щедрому Богу, среди самыхъ жесточайшихъ искушеній, за что и благословилъ Господь *послѣдняя Іовля, неже прежняя* (Іов. 42, 12). Такое множество наставленій, обѣщаній и примѣровъ, которыми Апостолъ Іаковъ старается побудить своихъ читателей быть твердыми среди искушеній, ведетъ къ заключенію, что нѣкоторые изъ нихъ ослабѣвали въ вѣрѣ (5, 8; ср. Евр. 12, 12), а нѣкоторые, быть можетъ, совсѣмъ оставляли путь евангельской истины и впадали въ заблужденія (5, 12 и 20; ср. Евр. 6, 4—7; 10, 25—29), или, по крайней мѣрѣ, нужно было опасаться, чтобы кто-либо не отпалъ отъ благодати (сн. Евр. 12, 15). Въ посланіи Апостола Іакова нѣтъ прямаго и яснаго указанія на то, кѣмъ были притѣсняемы и гонимы его читатели,—язычниками, или Іудеями. Обыкновенно думаютъ (*), что подъ именемъ искушеній Апостолъ Іаковъ разумѣетъ гоненія, которыя были воздвигнуты на всѣхъ христіанъ въ царствованіе Нерона, и слѣдовательно язычники притѣсняли и влекли на судилище тогдашнихъ христіанъ. Какъ ни справедливымъ кажется съ перваго взгляда такое мнѣніе, однако принять его нельзя. Дѣйствительно, исто-

(*) Кратк. руков. къ чтен. книгъ В. и Н. Зав. М. Амвросія ч. II. ст. 85. изд. 1826 г.

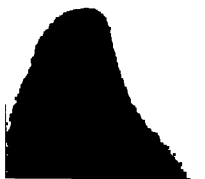
рія свидѣтельствуетъ, что Неронъ гналъ христіанъ во всей своей имперіи; могли слѣдовательно подвергаться этому гоненію и христіане изъ Іудеевъ, жившіе въ разсѣяніи, какъ подданные и вполнѣ зависимые отъ воли римскихъ императоровъ: при всемъ томъ нельзя согласиться съ тѣмъ, будто эти-то гоненія и разумѣетъ Апостолъ Іаковъ подъ именемъ искушеній, которымъ подвергались его читатели. Іаковъ говоритъ въ посланіи, что читатели его терпятъ различнаго рода притѣсненія, влекутся на судилище,—указываетъ на бѣдствія, какъ на дѣйствительно существующія; а между тѣмъ извѣстно, что онъ умеръ прежде, чѣмъ началось гоненіе Нерона (*), что уже послѣ его смерти наступили для исповѣдниковъ имени Христова *времена люты* (2 Тим. 3, 1), когда язычество въ первый разъ при Неронѣ дало почувствовать Христіанству, что оно не безъ борьбы уступитъ ему свое мѣсто. Слѣдовательно думать, что Апостолъ Іаковъ говоритъ въ своемъ посланіи о гоненіи Нерона, значило бы утверждать противное исторіи, или приписывать Апостолу ни на чемъ не основанную особенность—говорить о будущемъ, какъ о настоящемъ, въ настоящемъ времени. Гораздо справедливѣе подъ искушеніями и бѣдствіями, которымъ подвергались христіане изъ Іудеевъ—читатели посланія Апостола Іакова, разумѣть гоненія отъ Іудеевъ—ихъ братій по плоти, хо-

(*) Ап. Іаковъ умеръ въ то время, когда по смерти Феста царствовало въ Іудеѣ безначаліе; потому что новый прокураторъ Альбинъ еще не успѣлъ прибыть изъ Александріи. Это случилось около 62 г. по Р. X. или на 9 г. цар. Нерона (Церк. Ист. Евсев. кн. 2, гл. 23); гоненіе же, какъ извѣстно, воздвигъ Неронъ въ 10 г. своего царствованія или около 63 года.

тя не безъ участія въ этомъ и язычниковъ, въ рукахъ которыхъ находилась власть какъ надъ христіанами, такъ и надъ самыми Іудеями. Для доказательства этой мысли обратимся къ слѣдующимъ соображеніямъ.

Всѣмъ и каждому извѣстно, что Іудеи были первыми врагами христіанской Вѣры, первыми не въ смыслѣ одного времени, но и по своей особенной злобѣ на христіанъ. Исторія евангельской проповѣди вполнѣ подтверждаетъ это. Гдѣ только являлись Апостолы и начинали проповѣдывать *Христа распятаго* (1 Кор. 2, 2), они тотчасъ вооружались противъ благовѣстниковъ истины и всячески старались препятствовать распространенію Евангелія (1 Сол. 2, 14 и 16), производили мятежи и народныя возстанія, употребляли клевету и другія средства для того, чтобы подавить сѣмена слова крестнаго, разносимыя Апостолами по всей вселенной. Апостольскіе труды Павла, изложенные въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, ясно показываютъ, до какой степени простиралась злоба Іудеевъ противъ евангельской проповѣди и тѣхъ, кто дѣлался ученикомъ Распятаго (Дѣян. 9, 23; 13, 45 и 50; 14, 2—19; 17, 5—9. 13 и 17; 18, 12 и 13; 20, 3 и 19). Но съ особенною силою и злобою преслѣдовали Іудеи христіанъ изъ Іудеевъ — своихъ братій по плоти, оставившихъ вѣру отцевъ и обратившихся къ вѣрѣ во Христа. Фарисейская гордость, считавшая Моисеевъ законъ единственнымъ средствомъ къ оправданію и спасенію и видѣвшая въ Іисусѣ Христѣ не больше, какъ льстеца (Мѳ. 23, 63), никакъ не хотѣла допустить, чтобы тѣ, кои воспитаны въ законѣ и Пророкахъ, дѣлались учениками Іисуса Назарянина, котораго Іудеи распяли, какъ злодѣя, и

тѣмъ какбы предпочитали закону Моvсея Евангеліе Христа, а неразумная ревность по отеческимъ преданіямъ всячески старалась обращать заблудшихъ на путь истины, который, по мнѣнію Іудеевъ, состоялъ въ исполненіи обрядовъ и обычаевъ іудейскихъ, и, когда увѣщанія не имѣли успѣха, прибѣгала къ насилію, употребляя въ этомъ случаѣ все, что только можетъ позволить себѣ ревность не по разуму. Плоды этой ревности не по разуму представляетъ намъ книга Дѣяній Апостольскихъ. Гоненіе, во время котораго убитъ первомученикъ Стефанъ (Дѣян. 6, 9—15; 7. 8, 14), гоненіе при Иродѣ Агриппѣ, когда пострадалъ Іаковъ, братъ Іоанна, и Апостолъ Петръ заключенъ былъ въ темницу (Дѣян. 12, 1—6), наконецъ возмущеніе Іудеевъ противъ Апостола Павла, кончившееся заключеніемъ его сперва въ Кесаріи, а потомъ въ Римѣ (Дѣян. 21, 27 — 40; 22—28), ясно показываютъ, что *Іерусалимъ, избивый пророки и каменіемъ побиваяй посланныя къ нему* (Мѳ. 23, 37), не щадилъ и новозавѣтныхъ праведниковъ и что Іудеи, хотя и говорили: *аще быхомъ были во дни отецъ нашихъ, не быхомъ убо общницы имъ были въ крови пророкъ*, тѣмъ не менѣе своими дѣлами ясно свидѣтельствовали, что были *сынове избившихъ пророки* (Мѳ. 23, 30 и 31). Но нельзя думать, чтобы одинъ только Іерусалимъ былъ свидѣтелемъ такой злобы и ненависти Іудеевъ къ христіанамъ изъ Іудеевъ и чтобы на долю однихъ только іерусалимскихъ христіанъ выпалъ жребій быть жертвами ихъ неистовства. Іудей вездѣ и всегда оставался Іудеемъ—съ неразумною ревностію къ закону, которая преслѣдовала и гнала всѣхъ, кто не держался закона,—съ страстію *творить*

пришельцы (Мѳ. 23, 15), которая тѣмъ болѣе никакъ не могла позволить безнаказанно оставить вѣру отцевъ,—и наконецъ съ безумною ненавистію къ Іисусу распятому, которая простиралась и на Его послѣдователей. А потому весьма вѣроятно допустить, что не только іерусалимскіе христіане были преслѣдуемы Іудеями, но и тѣ, *иже въ разсѣяніи*, подвергались той же участи отъ своихъ братій по плоти. Эта вѣроятность получитъ значеніе дѣйствительности, если мы припомнимъ слова Апостола Павла, находящіяся въ посланіи къ Солунянамъ: *вы подобницы бысте, братіе, церквамъ Божіимъ сущимъ во Іудеи о Христѣ Іисусѣ, зане таяжде и вы пострадасте отъ своихъ сплеменникъ, якоже и тіи отъ Іудей* (1 Сол. 2, 14), изъ которыхъ ясно видно, что не одна Церковь іерусалимская страдала отъ Іудеевъ, но что и въ другихъ Церквахъ Палестины христіане изъ Іудеевъ терпѣли гоненія отъ своихъ братій по плоти (*). Этимъ-то гоненіямъ, т. е. гоненіямъ отъ Іудеевъ, должно думать, и подвергались читатели посланія Апостола Іакова,—должно думать потому, что гоненій отъ язычниковъ, столь обширныхъ, которыя бы обнимали всѣ земли, въ которыхъ жили разсѣянные Іудеи, по свидѣтельству исторіи, не было до 10 года царствованія Нерона, а еще прежде этого времени Апостолъ Іаковъ умеръ мученическою кончиною.

Впрочемъ и въ самомъ посланіи Іакова есть признаки, по которымъ должно признать, что читатели

(*) Св. Іустинъ Философъ говоритъ, что Іудеямъ, жившимъ внѣ Палестины, было даже предписано изъ Іерусалима, чтобы христіанъ не только удалялись, но и преслѣдовали (Dial. cum. Tryph. См. Церк. Библ. Ист. Высокопр. Филарета стр. 532 по изд. 1844 г).

его подвергались различнымъ преслѣдованіямъ отъ Іудеевъ, хотя эти признаки съ перваго взгляда не довольно ясны и опредѣленны.

Во-первыхъ Апостолъ говоритъ, что читателей его влекли на судилища (2, 6). Это самое обыкновенное средство Іудеевъ, которое они употребляли противъ христіанъ изъ Іудеевъ, жившихъ въ разсѣяніи—внѣ Іерусалима. Въ Іерусалимѣ, гдѣ еще имѣли нѣкоторую силу слова: *по закону нашему долженъ есть умрети* (Іоан. 19, 7), Іудеи беззаконно преслѣдовали и убивали христіанъ изъ Іудеевъ, какъ отступниковъ отъ Моусеева закона, по своей собственной волѣ, не спрашивая на это позволенія гражданской власти, сосредоточенной въ рукахъ прокураторовъ. Такъ поступили они съ первомученикомъ Стефаномъ (Дѣян. 6, 11—15, и 7), также хотѣли поступить съ Ап. Павломъ (Дѣян. 21, 31; сн. 23, 14). И наконецъ, безъ вѣдома гражданской власти, умертвили самаго Апостола Іакова (*). Все зависѣло отъ великой Синагоги, которая одна наблюдала за соблюденіемъ закона и, по своему собственному усмотрѣнію, наказывала нарушителей его. Не такъ дѣйствовали Іудеи по отношенію къ христіанамъ изъ Іудеевъ внѣ Іерусалима,—въ странахъ, гдѣ Іудей на ряду съ Эллиномъ и христіаниномъ во всемъ зависѣлъ отъ воли римскихъ намѣстниковъ. Здѣсь для того, чтобы сдѣлать какое-либо зло христіанину изъ Іудея, не достаточно было только обвинить его въ несоблюденіи закона Моусеева,—различіе въ вѣрѣ для язычника казалось дѣломъ слишкомъ маловажнымъ, чтобы обращать на него вни-

(*) Церк. Ист. Евсев. кн. 2, гл. 23.

маніе, и не столько преступнымъ, чтобы кого бы то ни было подвергать за него преслѣдованіямъ и лишать жизни (Дѣян. 18, 14 и 15). Нужно было искать другаго средства, болѣе надежнаго и дѣйствительнаго, которое бы прямо вело къ цѣли. И іудейская политика доказала свое искусство, изобрѣвши это средство въ томъ, что влекла христіанъ — прежде Іудеевъ на судилища (Дѣян. 18, 12; сн. Іак. 2, 6), и здѣсь предъ лицемъ старѣйшинъ и градоначальниковъ (Дѣян. 17, 6; 13, 50) обвиняла ихъ не въ нарушеніи закона Моѵсеева, но въ преступленіи кесаревыхъ постановленій, говоря: *сіи вси противно велѣніямъ кесаревымъ творятъ, царя глаголюще иного быти Іисуса* (Дѣян. 17, 7). Такимъ образомъ, чего не могла сдѣлать одна злоба, того достигла клевета.

Во-вторыхъ изъ посланія Іакова видно, что гонители хулили доброе имя, нареченное на читателяхъ посланія (2, 7). Этотъ признакъ еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что эти гонители были Іудеи. Какъ ни отлично Христіанство отъ іудейства, язычники долго не могли или лучше не умѣли отличать христіанъ отъ Іудеевъ и смотрѣли на тѣхъ и на другихъ безразлично. *Сіи человѣцы возмущаютъ градъ нашъ, Іудеи суще* (Дѣян. 16, 20), говорили объ Апостолѣ Павлѣ и Силѣ господа отроковицы, изъ которой первый именемъ Христа изгналъ нечистаго духа. Этимъ же именемъ, т. е. именемъ Іудеевъ называли язычники и всѣхъ вообще христіанъ (а особенно христіанъ изъ Іудеевъ) въ первое время распространенія евангелія (*).

(*) Такъ указъ Клавдія, изгонявшій Іудеевъ изъ Рима, коснулся Акилы и Прискиллы (Дѣян. 18, 2).

Но очевидно, что въ этомъ названіи не заключалось ничего, слишкомъ безчестнаго для имени христіанина. Нѣтъ сомнѣнія, что Христіанство гораздо выше іудейства и имя христіанина несравненно превосходнѣе имени Іудея; тѣмъ не менѣе однакожъ и законъ Моvсеевъ былъ данъ Богомъ *рукою Ходатая* (Гал. 3, 19), который есть Христосъ (1 Тим. 2, 5), и имя Іудея было именемъ священнымъ, котораго не чуждался даже самъ Апостолъ Павелъ (2 Кор. 11, 22), лучше другихъ понимавшій сущность и достоинство какъ Христіанства, такъ и іудейства. А потому думать, что хулителями имени христіанъ, о которыхъ говоритъ Апостолъ Іаковъ, были язычники,—нѣтъ никакого основанія (*). Напротивъ, весьма справедливо допустить, что это были Іудеи. Враги Христа Спасителя, называвшіе Его при жизни льстецомъ и обманщикомъ (Мѳ. 27, 63; Іоан. 7, 12), ядцею и винопійцею (Мѳ. 11, 19; Лук. 7, 34), имѣющимъ бѣса (Мѳ. 12, 24; Іоан. 7, 20; 8, 48 и 52), Самаряниномъ (Іоан. 8, 48), сыномъ Іосифа (Іоан. 6, 42) и никогда не называвшіе Его съ вѣрою—Христомъ, Сыномъ Божіимъ (сн. Іоан. 19, 7; Лук. 22, 70 и 71), они и послѣ Его смерти не переставали преслѣдовать и хулить Его святѣйшее имя (сн. Дѣян. 13, 45; 18, 6), запрещали произносить его (Дѣян. 4, 17 и 18; 5, 28), и христіанъ называли не иначе, какъ людьми, развращающими своимъ ученіемъ вселенную (Дѣян. 17, 6), вѣрующими въ простаго человѣка, какъ въ Бога (сн. Іоан. 10, 33;

(*) Изъ посланія Ап. Петра (1 Петр. 2, 12; 3, 16) видно, что и язычники злословили христіанъ, но злословили ихъ добрую жизнь, а не имя, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь.

Лук. 22, 70 и 71), назорейскими учениками (Дѣян. 25, 5; 28, 22). Очевидно, что всѣ эти и подобныя имъ названія суть не иное что, какъ хула святѣйшаго имени Христа Спасителя, которое вскорѣ по вознесеніи наречено и на ученикахъ Его (Дѣян. 11, 26).

Итакъ внѣшнія бѣдствія христіанскаго общества, къ которому писано посланіе Апостола Іакова, очевидны. Христіане подвергались различнымъ искушеніямъ и гоненіямъ отъ Іудеевъ—своихъ братій по плоти.

б) Не менѣе бѣдствій было и внутри самаго христіанскаго общества, къ которому Апостолъ Іаковъ писалъ свое посланіе. Здѣсь мы видимъ съ одной стороны опасныя заблужденія касательно нѣкоторыхъ предметовъ вѣры, съ другой—самые грубые недостатки и пороки нравственные. Въ частности, изъ посланія видно, что появлялись люди, которые считали Бога виновникомъ искушеній, имѣющихъ свой корень въ нашей, поврежденной грѣхомъ, испорченной страстями и похотями, природѣ (1, 13—17), которые думали, что Господь Самъ, по своей собственной волѣ, посылаетъ на вѣрующихъ различныя бѣдствія и такимъ образомъ Существо святѣйшее и всеблагое почитали какбы участникомъ во злѣ и причиною отпаденія отъ вѣры. Но главное заблужденіе, противъ котораго съ особенною силою возстаетъ Апостолъ Іаковъ, состояло въ неправильномъ понятіи о существѣ христіанской Вѣры. Вмѣсто того, чтобы вѣровать въ Іисуса Христа и вѣру свою въ Него выражать въ доброй жизни и поведеніи, стали считать достаточнымъ ко спасенію одного теоретическаго познанія истинъ христіанской Вѣры, одного холоднаго согласія ума съ вѣрою, почитая ненужными жизнь по вѣрѣ и добрыя дѣла (2,

14—26; сн. 1, 22 — 26), и такимъ образомъ свободу христіанскую обращали въ свободу плоти, злоупотребляли ею для прикрытія порока (сн. 1 Петр. 2, 16) и вѣру дѣлали какбы орудіемъ ко грѣху. Изъ посланія не видно, что было причиною такого заблужденія, откуда появилось между христіанами такое неправильное понятіе о вѣрѣ, будто бы спасающей безъ всякаго старанія объ этомъ со стороны вѣрующаго. По всей вѣроятности, основаніемъ такой ложной мысли послужило не вѣрно понятое ученіе Апостола Павла объ оправданіи вѣрою безъ дѣлъ закона, которое онъ изложилъ сперва въ посланіи къ Римлянамъ (Рим. 3, 28), а потомъ повторилъ въ посланіи къ Галатамъ (Гал. 2, 16). Отъ Галатовъ это ученіе легко могло распространиться между вѣрующими, къ которымъ пишетъ Апостолъ Іаковъ и, худо понятое ими, могло привести ихъ къ ложному убѣжденію, что для спасенія довольно одной вѣры безъ добрыхъ дѣлъ.

Изъ такихъ понятій о вѣрѣ, естественно, не могла происходить добрая нравственность. И дѣйствительно, изъ посланія видно, что между вѣрующими являлись лица, которыя заражены были гордостію и тщеславіемъ (4, 6 и 10. 16), были лицепріимны (2, 1 и 9), уважали только богатыхъ и презирали бѣдныхъ (2, 2 — 6), предавались гнѣву, зависти, распрямъ и ссорамъ между собою (1, 19 и 20; 3, 14; 4, 1 и 2; сн. 1 Петр. 2, 1), вдавались въ любострастіе (4, 1. 3 и 4; сн. 1 Петр. 2, 11, Евр. 12, 16), злословили и незаконно судили другъ друга (4, 11 и 12), изъ честолюбія восхищали званіе учителя (3, 1), заражены были празднословіемъ (1, 26; 3, 2—12; сн. 1 Петр. 3, 10), самонадѣянностію и страстію къ прибыткамъ

(4, 13 — 15), клялись вопреки заповѣди Спасителя (Мѳ. 5, 34) небомъ и землею (5, 12), — богатые изъ нихъ предавались роскоши, сластолюбію и другимъ наслажденіямъ жизни (5, 5), а бѣднымъ не оказывали никакого снисхожденія и милости (2, 3. 12 и 13). Вообще внутреннія бѣдствія христіанскаго общества, по изображенію его въ посланіи Іакова, представляются столь велики, что съ перваго взгляда на предметъ недоумѣваешь, чѣмъ объяснить такое множество безпорядковъ въ Церкви, только что основанной и притомъ состоящей изъ такихъ членовъ, которые еще до обращенія ко Христу были ревнителями закона (сн. Дѣян. 21, 20), но когда вникаешь въ посланіе Апостола, то причина такого печальнаго явленія открывается сама собою, именно: она заключалась въ неправильномъ понятіи о вѣрѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если для спасенія достаточно было бы одной вѣры, то что могло бы побуждать христіанина къ добродѣтели, которая требуетъ отъ человѣка стольких пожертвованій и трудовъ и которая не только ни къ чему не служила бы, но еще подвергала бы христіанина различнымъ непріятностямъ со стороны язычниковъ (сн. 1 Петр. 2, 12; 3, 16)? Что же касается до вопроса, какъ могли дойти до такихъ безпорядковъ въ жизни христіане изъ Іудеевъ, бывшіе прежде ревнителями закона, то онъ разрѣшается очень просто. Іудеи назывались и на самомъ дѣлѣ были ревнителями закона только обрядоваго,—точными исполнителями обрѣзанія и отеческихъ обычаевъ (Дѣян. 21, 20; ср.—21), а закона нравственнаго они и перстомъ не хотѣли двинуть, какъ выражается Спаситель. Чтобы убѣдиться въ этомъ, довольно припомнить тѣ грозныя обличенія, которыми божественный Сердцевѣдецъ

поражалъ фарисейскую мнимоправедность (Матѳ. 23), а также—и замѣчаніе Апостола Петра о томъ, что читатели его посланія, а они были христіане изъ Іудеевъ, до обращенія ко Христу жизнію своею не отличались отъ язычниковъ (1 Петр. 4, 3). А потому не доброе поведеніе и ненравственная жизнь не были новостію для читателей посланія Апостола Іакова. И замѣчательно, что Апостолъ Іаковъ обличаетъ своихъ читателей во многихъ изъ тѣхъ самыхъ пороковъ, въ какихъ обличалъ нѣкогда Іудеевъ Спаситель, каковы напр.: страсть къ учительству (3, 1; сн. Матѳ. 23, 7), гордость (4, 6. 10 и 16; сн. — 11 и 12), не позволенное употребленіе клятвы (5, 12; сн. — 16—22) и др.

Такимъ образомъ и внутреннія бѣдствія христіанскаго общества, по изображенію его въ посланіи Апостола Іакова, были не менѣе внѣшнихъ. Между христіанами являлись люди, которые предавались различнымъ порокамъ, успокоивая себя въ этомъ, между прочимъ, тою ложною мыслію, что спасенія можно достигнуть и безъ добрыхъ дѣлъ—при помощи одной вѣры во Христа. И Апостолу Іакову необходимо было утѣшать христіанъ въ бѣдствіяхъ, исправлять ихъ заблужденія въ вѣрѣ и обличать недостатки нравственные.

РАЗБОРЪ

СУЖДЕНІЙ НОВѢЙШИХЪ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ О ЗЕМНОМЪ ШАРѢ СРАВНИТЕЛЬНО СЪ УЧЕНІЕМЪ СЛОВА БОЖІЯ О ВИДИМОМЪ МІРѢ.

Многимъ изъ новѣйшихъ ученыхъ можетъ показаться страннымъ—разбирать сужденія естествоиспытателей о земномъ шарѣ сравнительно съ ученіемъ св. Писанія объ этомъ предметѣ. «Св. Писаніе, скажутъ они, не есть учебникъ физики или геологіи; въ немъ такъ мало сказано о земномъ шарѣ, его составѣ, образованіи, измѣненіяхъ и пр., что гораздо лучше совершенно не совѣтоваться съ нимъ о подобныхъ предметахъ и продолжать дѣло изученія земли, не обращая вниманія на тѣ немногія замѣчанія, какія есть въ откровенномъ ученіи о видимомъ мірѣ,—тѣмъ болѣе, что еще доселѣ никому ни изъ богослововъ, ни изъ естествоиспытателей, не удалось вполнѣ примирить фактовъ опыта съ сказаніями св. Писанія». И дѣйствительно такого образа мыслей держится большая часть новѣйшихъ естествоиспытателей при изученіи видимой природы, при объясненіи устройства земли и при составленіи сужденій объ ея естественной исторіи. Нѣкоторые изъ нихъ ясно выражаютъ подобныя мысли, стараясь оградить себя отъ справедливыхъ возраженій или успокоить собственную совѣсть; а другіе, не вы-

сказывая этого ясно, своими сочиненіями очевидно доказываютъ, что они вовсе не хотятъ знать ученія св. Писанія о видимомъ мірѣ, что для нихъ книга природы—сама по себѣ, а книга слова Божія—сама по себѣ, какъ будто обѣ эти книги не суть произведенія одной и той же творческой силы Вышняго (*). Для нихъ ничего не значитъ напр. сказать, что начало нашей земли теряется въ вѣчности, что жизнь нашей планеты надобно считать сотнями тысящелѣтій, что прежде временъ историческихъ были времена до-историческія, въ которыя множество растеній и животныхъ раждалось и невозвратно умирало отъ необыкновенныхъ переворотовъ земнаго шара, что нынѣ существующіе роды тварей,—людей, животныхъ и растеній,—суть результаты новѣйшей эпохи такихъ переворотовъ, но вѣроятно еще не послѣдней и не предпослѣдней и т. дал. Все это рѣшительно противорѣчитъ ученію слова Божія о видимомъ мірѣ, но естествоиспытателями нашего времени положительно утверждает-

(*) Такое направленіе естественныхъ наукъ утвердилось съ тѣхъ поръ (1845 г.), какъ знаменитый нѣмецкій ученый *Гумбольдтъ* (*A. Humboldt*) издалъ свое сочиненіе «Cosmos», въ которомъ всѣ попытки соглашенія фактовъ опыта съ св. Писаніемъ устранены и всѣ несогласныя съ Писаніемъ сужденія прикрыты одною фразою: «о сотвореніи вещей, какъ о дѣятельномъ актѣ, мы не имѣемъ ни понятія, ни опытности» (Косм. въ русск. перев. Фролова, 1848 г. ч. 1, стр. 59). Нынѣ въ сочиненіяхъ естествоиспытателей можно часто встрѣчать мысли, подобныя слѣдующимъ: j'ai professé, en plusieurs circonstances, la necessité de séparer ces deux ordres de connaissances (religieuses et naturelles), qui ont chacun leur domaine, leur but et leurs démonstrations spéciales. Dans l'etat actuel de la géologie et de la foi, l'une et l'autre se trouveront mieux de garder une indépendance réciproque. Слова *Пуле* (Poullet) въ Nouvell. Encyclop. Theolog. edit. par Migne. Tom. XLVIII. Cosmogon. et Paleont. 1854. Not. 11, sub fin.

ся, какъ ни возмутительны подобные выводы для всякаго, кто съ юности привыкъ повторять краткія, но точныя сказанія св. Писанія, одинаково исповѣдуемыя на всѣхъ языкахъ земнаго шара, на какихъ только читается Библія. Посему всякой, вѣрующій въ святое Откровеніе, прислушиваясь къ сужденіямъ смѣлыхъ геологовъ, непремѣнно чувствуетъ потребность—сравнить ихъ съ ученіемъ слова Божія, которой ни одинъ естествоиспытатель не можетъ истребить если не въ себѣ, то по крайней мѣрѣ въ другихъ,—своихъ слушателяхъ.

Правда, въ словѣ Божіемъ мы не находимъ подробныхъ описаній устройства видимой природы, не находимъ систематическаго изложенія теоріи земли, какую *Кювье* (Cuvier) и его послѣдователи составили спустя семь тысячъ лѣтъ послѣ сотворенія міра, равно какъ и полнаго начертанія солнечной системы въ томъ видѣ, въ какомъ *Коперникъ* (Copernik) и его послѣдователи представили ее своимъ современникамъ. Свящ. писатели не имѣли цѣлію написать естественную исторію міра или земнаго шара; это не входило въ ихъ планъ, не имѣло прямаго отношенія къ ихъ высокому и божественному назначенію. Но слѣдуетъ ли отсюда, что не нужно обращать вниманія и на тѣ немногія истины, которыя открыты намъ въ св. Писаніи о видимомъ мірѣ? Слѣдуетъ ли, что слово Божіе не можетъ быть ни въ какомъ отношеніи мѣриломъ истины теорій природы, составляемыхъ разумомъ человѣческимъ? Соблюдая совершенное безпристрастіе, нельзя отвѣчать на эти вопросы иначе, какъ отрицательно,—и на первый вопросъ, и на второй. На первый потому, что—какъ мы видимъ—изъ всѣхъ сужденій, противныхъ

слову Божію, нѣтъ ни одного, которое не встрѣчало бы сильныхъ возраженій со стороны разныхъ мыслителей; часто сужденія падали и падаютъ, а направленныя противъ нихъ возраженія оказывались и оказываются истинными, подтверждались и подтверждаются фактами и опытами самой природы, принимались и принимаются людьми здравомыслящими; между тѣмъ эти возраженія служатъ къ подтвержденію давно извѣстныхъ сказаній слова Божія. Такъ пали наприм. сужденія о происхожденіи человѣческаго рода, противныя сказанію св. Писанія о происхожденіи всѣхъ людей отъ одной четы (¹); также сужденія о происхожденіи различныхъ языковъ, противныя сказанію св. Писанія о божественномъ происхожденіи дара слова и смѣшеніи языковъ при столпотвореніи вавилонскомъ (²). Притомъ ученыя теоріи касательно видимой природы, которыя нынѣ можно считать сотнями, безпрестанно измѣняясь, во многомъ совершенно противорѣчатъ одна другой, такъ что между ними доселѣ нѣтъ такой, которая была бы принята за несомнѣнную навсегда и всѣми; между тѣмъ истины слова Божія въ теченіи цѣлыхъ тысящелѣтій стоятъ неизмѣнно и исповѣдуются всѣми, исключая развѣ людей, зараженныхъ учеными предразсудками. Такія соображенія побуждаютъ насъ признать за св. Писаніемъ полное пра-

---

(¹) *Виземанъ* (*Wiseman*),—sur les rapports entre la science et la religion révélée, discour. 3 et 4. Правосл.—Догмат. Богосл. Преосв. *Макарія*, изд. 1851, Том. 2, стр. 109 — 119. Творен. св. Отцевъ въ русск. пер. за 1852 и 1853 г. стат. «о единствѣ рода человѣческаго».

(²) *Виземанъ*. Op. cit. discour. 1 et 2.—Образецъ произвольныхъ мнѣній о дарѣ слова можно видѣть въ ст. А. *Гумбольдта*, перев. Билярскаго: «Введеніе во всеобщее языкознаніе». Журн. Мин. Народ. Просв. за 1858 г. кн. Янв. Іюн. и друг.

во на уваженіе и въ ученіи его о видимомъ мірѣ, какъ въ цѣломъ составѣ, такъ и въ каждой части этого ученія, въ каждомъ словѣ и въ каждой іотѣ. Подобныя же соображенія не позволяютъ намъ отвѣчать и на другой предложенный вопросъ иначе, какъ отрицательно, т. е. признать за св. Писаніемъ авторитетъ, важный и для наукъ естественныхъ. Но въ подтвержденіе этого можно привести доказательство болѣе рѣшительное. Откровенное слово Божіе, касаясь какбы мимоходомъ внѣшней природы, ея силъ и дѣйствій, положило такія основанія ученію о видимомъ мірѣ, которыми опровергнуты однажды навсегда ложныя теоріи, господствовавшія въ теченіе цѣлыхъ столѣтій и подтверждаемыя тысячами доводовъ умнѣйшихъ людей своего времени. Именно, самыми первыми словами Бытописанія: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. 1, 1), осуждены на конечное отверженіе: мечта о вѣчности матеріи, вымышленная философами греческими, которые утверждали, что матерія, вѣчная такъ же, какъ Богъ, существовала въ теченіи долгаго времени въ видѣ хаоса, а наконецъ была организована и воодушевлена верховнымъ Разумомъ; далѣе система истеченій, принятая философами персидскими, которые допускали, что міръ существовалъ отъ вѣчности въ Богѣ, и что онъ, будучи одинаковаго съ Богомъ существа, непрестано истекаетъ изъ Его сущности, какъ развитіе вѣчнаго свѣта и вѣчной жизни; потомъ теорія гностиковъ, которые проповѣдывали совмѣстное существованіе двухъ совѣчныхъ началъ, добраго и злаго, оспоривающихъ между собою обладаніе міромъ. На мѣсто этихъ заблужденій *преэксистентантизма*, *пантеизма* и *дуализма*, столь противныхъ нравственности и религіи,

потому что они сколько ограничиваютъ всемогущество Божіе, столько же уничтожаютъ отвѣтственность дѣяній человѣческихъ, открыты въ тѣхъ же словахъ Писанія три истины, которыя служатъ основаніемъ Вѣры и нравственности, именно: матерія не вѣчна, потому что Богъ привелъ ее изъ небытія въ бытіе; міръ не есть Богъ, потому что, хотя Богъ сотворилъ міръ, но Онъ отличенъ отъ міра, независимъ отъ него, превыше его; зло, существующее въ мірѣ, не принадлежитъ Богу, потому что Богъ не создавалъ его и не внѣдрялъ его въ существо вещей сотворенныхъ. Эти простыя и высокія истины, забытыя почти всѣмъ родомъ человѣческимъ, сдѣлались вновь общеизвѣстными и несомнѣнными съ тѣхъ поръ, какъ въ изреченіи боговдохновеннаго Моисея открыто сотвореніе всей вселенной во времени, изъ ничего, дѣйствіемъ творческаго всемогущества. Столь побѣдоносная сила перваго изреченія божественнаго даетъ намъ право заключать, что такая же непреоборимая истина заключается и въ послѣдующихъ божественныхъ изреченіяхъ, которымъ прямо противорѣчатъ теоріи позднѣйшихъ естествоиспытателей. Если древнія заблужденія рѣшительно опровергнуты первымъ стихомъ свящ. Бытописанія, то почему не думать, что новѣйшія теоріи могутъ быть опровергнуты вторымъ, третьимъ и прочими стихами того же Бытописанія? Если въ первыхъ словахъ божественнаго Откровенія заключается болѣе твердости и правды, нежели во всѣхъ философскихъ системахъ древняго міра, то почему не думать, что въ дальнѣйшихъ словахъ Писанія гораздо болѣе твердости и правды, нежели во всѣхъ, господствующихъ нынѣ, сужденіяхъ о рѣдкостяхъ, сокрытыхъ во внутренно-

сти земнаго шара, и чудесахъ, едва усматриваемыхъ въ пространствахъ небесныхъ? Посему справедливо можно сказать, что не только есть основаніе, но и необходимо—сравнивать сужденія людей съ вѣчно-истиннымъ словомъ Божіимъ, какъ во всемъ прочемъ, такъ и въ ученіи о видимой природѣ. «Сравненіе,—скажемъ словами одного изъ благонамѣреннѣйшихъ нѣмецкихъ ученыхъ,—сравненіе фактовъ опыта касательно первобытнаго состоянія земли съ библейскимъ Бытописаніемъ о сотвореніи міра есть интереснѣйшая задача науки, если бы даже смотрѣть на Моисеево сказаніе только какъ на древнѣйшую книгу въ мірѣ. Несравненно важнѣе дѣлается эта задача, когда принимаешь Моисеево сказаніе за то, что оно есть на самомъ дѣлѣ, именно—за часть божественнаго Откровенія человѣческому роду. Оно подаетъ надежду получить рѣшительный отвѣтъ тамъ, гдѣ эмпирическое изслѣдованіе и вообще всякое вѣрное знаніе достигаетъ своего предѣла; оно служитъ руководительною нитью тамъ, гдѣ опытная наука съ своими средствами не можетъ идти далѣе, именно въ области ученія о началѣ всѣхъ вещей» (*).

И такъ сдѣлаемъ разборъ сужденій геологовъ сравнительно съ ученіемъ слова Божія о видимомъ мірѣ.

(*) *Вагнеръ* (A. Wagner) см. Geschichte der Urwelt, Leipz. 1845 въ приложеніи стран. 38. Также ученый кардиналъ *Виземанъ* справедливо говоритъ: Sind wir fest überzeugt, dass Gott eben sowohl der Urheber unserer Religion sey, wie der Natur, so müssen wir auch durch und durch versichert seyn, dass die Vergleichung Seiner Werke in diesen beiden Ordnungen unausbleiblich ein übereinstimmiges Resultat liefern müsse. См. его Discours sur les rapports entre la science et la religion révélée, въ нѣмецкомъ переводѣ *Ганеберга* (Haneberg), Regensb. 1840 стр. 5.

Геологія или геогнозія, т. е. наука о составѣ и образованіи земнаго шара, сдѣлавшая въ послѣднее пятидесятилѣтіе значительные успѣхи въ Англіи, Франціи, Германіи, Россіи и въ другихъ образованныхъ странахъ, дошла въ настоящее время до слѣдующихъ положеній касательно нашей планеты: земной шаръ состоитъ изъ *расплавленнаго зерна* или ядра, котораго поперечникъ простирается до 11,900 верстъ, и изъ *твердой коры*, которой толщина приблизительно въ 50 верстъ. Расплавленное зерно земли недоступно для непосредственнаго изученія; а земная кора составлена изъ двухъ толщъ, лежащихъ одна надъ другою; внутренняя толща или половина земной коры произошла отъ застывшаго сверху ядра, а потому и называется корою огненною или *плутоническою*; наружная половина земной коры образовалась осадкомъ изъ водъ океановъ, и потому называется водною или *нептуническою*. Такое образованіе земнаго шара, судя по внутренней теплотѣ земли и по свойству окаменѣлыхъ остатковъ въ различныхъ пластахъ земной коры, произошло совершенно *при другихъ обстоятельствахъ*, нежели въ какихъ находится нашъ шаръ въ настоящее время, совершилось *до эпохи появленія* на поверхности его существующихъ нынѣ растеній, животныхъ и людей, чрезъ рядъ страшныхъ всеобщихъ *переворотовъ* и въ теченіи *длинныхъ* періодовъ времени, не подлежащихъ изчисленію человѣческаго разума (*).

(*) На русскомъ языкѣ см. сочиненія: «Естест. ист. земной коры», проф. *С. Куторги*. С. П. Б. 1858 г. стр. 1—3, и др. На стр. 286 между прочимъ говорится: «явленія, замѣченныя въ теченіи недавней, короткой жизни всего человѣческаго рода, стоитъ только помножить на рядъ вѣковъ, конечно очень длинный, каменноугольэ-

Чтобы судить объ этихъ положеніяхъ сравнительно съ сказаніями св. Писанія о видимомъ мірѣ, надобно опредѣлить точки соприкосновенія ихъ съ откровеннымъ словомъ Божіимъ. Ни о внутреннемъ зернѣ земнаго шара, ни о наружной корѣ, ни о пластахъ, ни объ осадкахъ и окаменѣлостяхъ, въ св. Писаніи нѣтъ ни слова; здѣсь собственно область физики или опытнаго естествознанія. Но послѣдняя часть изложеннаго ученія имѣетъ близкое отношеніе къ св. Писанію. Въ ней заключаются такія положенія, которыя набрасываютъ тѣнь сомнѣнія на истину слова Божія въ повѣствованіи о сотвореніи и образованіи міра Богомъ, изображенномъ въ книгѣ Бытія. Если они справедливы, то какъ, въ самомъ дѣлѣ, понимать сказаніе бытописателя Моисея, что наша земля существуетъ съ небольшимъ семь тысячъ лѣтъ, по самому основательному лѣтосчисленію,—что она сотворена вмѣстѣ съ прочими тѣлами небесными въ шесть дней изъ ничего, — что всѣ растенія и животныя сотворены для человѣка и назначены обитать на землѣ вмѣстѣ съ нимъ и т. п.? Не отвѣчать на такіе вопросы нельзя (только люди съ упорнымъ невѣріемъ не хотятъ отвѣ-

---

ной эпохи, чтобъ увѣриться въ частыхъ и мощныхъ колебаніяхъ земной коры»... и пр. Также: «Курсъ геогнозіи» проф. *Д. Соколова*. С. П. Б. 1839. Ч. 1. стр. 11—14. «О первобытномъ состояніи земли». Ч. 2, стр. 57—92, 230—246. «Главныя измѣненія земной поверхности». «Законы пластованія осад. породъ». «Волканы». Впрочемъ къ чести автора надобно сказать, что во 2 изданіи этой книги подъ загл. «Руководство къ геогнозіи» С. П. Б. 1842 г., которое представляетъ почти новое сочиненіе, несогласныя съ св. Писаніемъ предположенія о первобытномъ состояніи земли большею частію выпущены. Также: рѣчь проф. *С. Акимова* «о дѣйствіяхъ подземнаго огня», въ торжеств. Актѣ Ришел. Лицея. Одесс. 1858 г.

чать на нихъ и не слушаютъ отвѣтовъ), и потому у геологовъ издавна существовали и существуютъ готовыя объясненія, которыми они стараются если не разрѣшить предложенные вопросы, то по крайней мѣрѣ ослабить ихъ важность и силу. Въ настоящее время остаются въ сочиненіяхъ естествоиспытателей два главныя предположенія, составленныя ими для соглашенія сказаній св. Писанія съ открытіями наукъ естественныхъ, именно:

Во-первыхъ, предполагаютъ, что первоначальное сотвореніе міра и постепенное образованіе какъ нашей планеты, такъ и прочихъ тѣлъ небесныхъ, совершалось въ неопредѣленный періодъ времени, предшествовавшій тому, о которомъ говоритъ Моисей въ описаніи шести дней творенія. Этотъ періодъ времени, необходимый для объясненія всѣхъ естественныхъ открытій въ пространствахъ небесныхъ и въ нѣдрахъ нашей земли, въ самомъ сказаніи Моисея кратко изображается первыми двумя стихами книги Бытія: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* (ст. 1): *земля же бѣ невидима и неустроена: и тма верху бездны: и Духъ Божій ношашеся верху воды* (ст. 2). Въ первомъ стихѣ говорится о сотвореніи и образованіи всего вообще существующаго, всѣхъ солнечныхъ системъ съ ихъ принадлежностями; а во второмъ представляется собственно наша земля въ томъ состояніи, въ какомъ она могла находиться цѣлыя тысящелѣтія, подвергаясь различнымъ переворотамъ, прежде нежели она сдѣлалась жилищемъ человѣка. Съ третьяго только стиха: *и рече Богъ: да будетъ свѣтъ..*, начинается описаніе послѣдняго переворота, который далъ нашей планетѣ настоящій видъ, покрылъ ее растеніями и животными,

которыя продолжаются до нынѣ, и наконецъ увѣнчалъ созданіемъ человѣка, высшаго изъ всѣхъ существъ земныхъ. При такомъ предположеніи описанное Моисеемъ шестидневное твореніе не есть твореніе въ собственномъ смыслѣ, а только видоизмѣненіе или окончательное образованіе различныхъ частей нашей планеты въ шесть опредѣленныхъ моментовъ времени, послѣ которыхъ утвердилось настоящее положеніе вещей, или, какъ выражается Бытописатель, *почи Богъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ* (*).

Во-вторыхъ, предполагаютъ, что дѣйствительное образованіе земнаго шара, равно какъ и прочихъ тѣлъ небесныхъ, произошло послѣ первоначальнаго сотворенія всего вещества видимой природы, о которомъ говорится въ первыхъ двухъ стихахъ книги Бытія, и именно съ такою постепенностію, какая указывается въ шестидневномъ твореніи; только упоминаемые здѣсь *дни* означаютъ не обыкновенные дни въ 24 часа, но неопредѣленныя эпохи времени, въ которыя происходили различные геологическіе перевороты, требующіе необъятной продолжительности времени. Если періодъ нестройнаго состоянія первоначальнаго міроваго вещества могъ продолжаться цѣлыя тысящелѣтія, то и каждая эпоха дѣйствительнаго образованія нашей планеты могла продолжаться также цѣлыя тысящелѣтія. Вмѣсто шести дней, протекшихъ съ того момента,

(*) Главный защитникъ этого предположенія *Букландъ* (Buckland) въ сочиненіи: Geology and Mineralogy considered with reference to natural Theology, edit. Lond. 1837 ann. Также: *Chalmers* въ Evidence of the Christian revelation; edit. Lond. 1835 ann.; *M. Desdouits* въ сочиненіи подъ заглавіемъ: l'Homme et la Création, ed. Par. 1840, и многіе другіе изъ англійскихъ и французскихъ геологовъ.

когда Богъ сказалъ: *да будетъ свѣтъ*, до того момента, когда Онъ создалъ человѣка, надобно полагать нѣсколько сотъ тысячъ лѣтъ, въ которыя земля наша получила настоящій видъ, раждались въ ней, жили и умирали разнаго рода растенія и животныя, оставшіяся въ видѣ окаменѣлостей, также образовались, располагались и отвердѣвали многочисленные пласты, составляющіе настоящую кору земнаго шара. При этомъ предположеніи начало и конецъ каждаго дня, выраженные словами: *утро и вечеръ*, означаютъ не въ собственномъ смыслѣ утро и вечеръ, а начало и конецъ новой эпохи образованія земли, новаго переворота въ земномъ шарѣ, сопровождавшагося разрушеніемъ предшествовавшихъ вещей и тварей и появленіемъ послѣдующихъ, болѣе совершенныхъ и болѣе близкихъ къ родамъ настоящимъ. Намекъ на такое значеніе словъ: *утро* и *вечеръ*, находятъ въ самомъ сказаніи Моисея, который въ повѣствованіи о шести дняхъ творенія неопустительно повторяетъ послѣ каждаго: и *бысть вечеръ.. и бысть утро*, какбы желая выразить важные геологическіе перевороты при началѣ и концѣ каждой эпохи; а въ описаніи седьмаго дня, когда всѣ перевороты уже совершились, не упоминаетъ объ его вечерѣ и утрѣ, но просто говоритъ: *и почи Богъ въ день седмый отъ всѣхъ дѣлъ своихъ.... и благослови Богъ день седмый* (*).

(*) Главный защитникъ этого предположенія *Марсель-де-Серръ* (*Marcel de Serres*) въ сочиненіи: Cosmogonie de Moise, edit. Paris. 1841. an. Прежде него держались того же мнѣнія A. *de Luc* въ изданныхъ имъ Lettres sur l'histoire de la terre et de l'homme. Paris. 1776—98 an. и Traité de Geologie, Par. 1809. и *Buffon* въ Histoire Naturelle, edit. 1782, а послѣ него *Godefroy* въ Cosmogonie de la révélation en présence de la science moderne, 2 edit. 1847, и другіе.

Прежде, нежели мы приступимъ къ обстоятельному разбору каждаго изъ этихъ двухъ предположеній, сдѣлаемъ о нихъ одно общее замѣчаніе. Въ томъ и другомъ предположеніи, какъ легко можно видѣть, геологи приписываютъ всѣ дѣла творенія и образованія земли естественнымъ силамъ и законамъ природы, а отнюдь не силѣ и волѣ Божіей, премудрой, всевѣдущей и всемогущей. Если въ ихъ сужденіяхъ встрѣчаются имена: Богъ, Творецъ, Создатель; то эти высокія имена такъ мало соотвѣтствуютъ сущности изложенныхъ предположеній, что нельзя не принять подобныхъ указаній ихъ на верховное Существо за однѣ, ничего незначущія фразы. Спрашивается: откуда взялись самыя силы и законы природы, которыя представляются столь великими дѣятелями въ образованіи міра? По сотвореніи мiроваго вещества въ началѣ, предоставилъ ли Богъ міру устрояться по какимъ-либо законамъ самому собою, или Онъ участвовалъ своимъ непосредственнымъ дѣйствіемъ въ дальнѣйшихъ, по крайней мѣрѣ, главныхъ переворотахъ созданія? Вотъ вопросы, которые надобно прежде всего предложить новѣйшимъ геологамъ, предполагая, что они не держатся устарѣлыхъ заблужденій преэксистентантизма, пантеизма и дуализма! Если, по сужденію здраваго разума, силы и законы природы не могли ни существовать прежде первозданнаго вещества, ни развиться изъ этого нестройнаго вещества; то, значитъ, они начали дѣйствовать тогда, когда міръ получилъ совершенное бытіе, произошли подобно матеріи отъ Существа, которое выше и матеріи и всѣхъ силъ, въ ней дѣйствующихъ нынѣ, которое могло и не подчиняться настоящимъ законамъ міра, когда Оно

только еще творило небо и землю и производило разные роды существъ своею всемогущею волею. Если Богъ самъ непосредственно участвовалъ не только въ первоначальномъ сотвореніи изъ ничего всего вещества и всѣхъ силъ природы, но и въ дальнѣйшихъ переворотахъ вещества и дѣятельности этихъ силъ, до окончательнаго устройства видимаго міра; то для насъ рѣшительно не понятно, какъ согласить съ премудростію и благостію Божіею предполагаемыя геологами безконечныя созиданія и разрушенія при мірообразованіи, безпрерывную вражду и борьбу силъ, какбы не вполнѣ повиновавшихся волѣ Божіей, пока наконецъ онѣ вошли въ настоящіе предѣлы, окончательно соотвѣтствующіе идеямъ Божіимъ о мірѣ? Почему премудрая и всемогущая сила Божія не приступила къ созданію міра прямо со всѣми его, подобными настоящимъ, тѣлами и тварями, тогда какъ рано или поздо надлежало сдѣлать это? Положимъ, что невозможно было сдѣлать этого вдругъ, въ одно мгновеніе,—хотя и эту невозможность доказать нельзя, особенно въ отношеніи къ Силѣ всемогущей,—положимъ, что твари были неспособны вмѣстить въ себѣ вдругъ все то, что̀ Богъ можетъ сообщить имъ; но почему же это дѣлалось чрезвычайно продолжительно, такъ продолжительно, что самое участіе Бога въ такихъ переворотахъ кажется только воображаемымъ, мнимымъ и даже излишнимъ? Если же все продолженіе мірозданія принадлежитъ однимъ силамъ природы и первозданнаго вещества, то совершенно непонятно, какимъ образомъ силы неодушевленныя могли произвести существа одушевленныя, животныя, насѣкомыя и т. д., которыя также предполагаются геологами во

времена до-историческія,—какимъ образомъ въ дѣйствіяхъ ихъ обнаруживалась нѣкоторая разумность, производившая постепенно изъ низшихъ тѣлъ и существъ высшія и совершеннѣйшія, и притомъ правильно и періодически;—какимъ образомъ, послѣ безчисленныхъ нестройныхъ переворотовъ, онѣ совершали и водворяли опять стройный порядокъ вещей,—а главное, какимъ образомъ Богъ, предоставивъ силамъ природы дѣйствовать самимъ собою въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій, потомъ вдругъ въ извѣстный періодъ или въ извѣстныя эпохи являлъ непосредственное вліяніе свое на образованіе настоящаго міра, который явно доказываетъ дѣйствовавшую на него верховную Десницу? Такое множество вопросовъ раждается при первомъ взглядѣ на геологическія теоріи міра въ душѣ всякаго человѣка здравомыслящаго и вмѣстѣ вѣрующаго въ Бога и Его провидѣніе. Вмѣсто первобытнаго хаоса вещественнаго, который премудростію и благостію Божіею скоро и легко преобразованъ въ одно стройное цѣлое, эти теоріи ввергаютъ умъ нашъ въ новый хаосъ сомнѣній, недоразумѣній, несообразностей, изъ которыхъ нѣтъ никакого выхода, если только мы не обратимся съ покорною вѣрою къ сказаніямъ слова Божія. Нѣтъ, не могло и не можетъ быть въ мірѣ никакихъ силъ и законовъ, которые бы, вмѣсто Бога, сотворили и образовали міръ: *словомъ Господнимъ*, говоритъ Писаніе, *небеса утвердишася, и Духомъ устъ его вся сила ихъ* (Псал. 32, 6); *вся тѣмъ быша и безъ него ничтоже бысть, еже бысть* (Іоан. 1, 3). Не нѣсколько разъ принимался Богъ творить міръ, созидая и потомъ разрушая, чтобы перейти опять къ новымъ созиданіямъ; это свойственно было бы силамъ

несовершеннымъ и неразумнымъ, но недостойно истиннаго Бога, который *глаголетъ, и не сотворитъ ли; речетъ и не пребудетъ ли* (Числ. 23, 19)? — который, какъ говоритъ Премудрый, *созда вся обще,* т. е. одинъ разъ, однажды навсегда (Сир. 18, 1). Не предоставлялъ Богъ, послѣ начальнаго сотворенія всего сущаго, продолжать дѣло творенія какимъ-нибудь силамъ и законамъ, находящимся внѣ Его: возможно ли допустить это, когда, и послѣ совершеннаго устроенія міра, если Господь *отвратитъ лице* свое, то *всяческая возмятутся*, и, если *отъиметъ духъ ихъ*, то *всяческая изчезнутъ* (Псал. 103, 29)? Единственный достовѣрный описатель первоначальнаго устройства видимаго міра вполнѣ подтверждаетъ эти мысли, которыя необходимо принять какъ по невозможности допустить мысли противныя, такъ и по существу самаго дѣла. По сказанію Моисея, Богъ, приступивъ къ шестидневному творенію, сотворилъ небо и землю, свѣтъ и твердь, сушу и море, существа неодушевленныя и одушевленныя; чтоже такое осталось въ видимомъ мірѣ, чего бы Онъ не сотворилъ въ это время? Слѣдовательно надобно принять, что прежде ничего не было, а теперь явилось все, или въ противномъ случаѣ допустить, что Богъ есть только преобразователь, а не Творецъ видимаго міра, какъ думали языческіе философы. По сказанію Моисея, при сотвореніи міра и всѣхъ существъ его, Богъ дѣйствовалъ самъ, непосредственною своею силою: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю... И сотвори Богъ киты великія и всякую душу животныхъ.... И сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его* (Быт. гл. 1, ст. 1. 21. 27),—и всѣ дѣйствія Божіи въ этихъ трехъ мѣстахъ Бытописатель выражаетъ та-

кимъ словомъ (*бара*, ברא), которое указываетъ на дѣятельность именно творческую, принадлежащую одному Богу, приводящую изъ небытія въ бытіе, изъ возможности въ дѣйствительность (*). Какъ приведеніе первоначальнаго вещества изъ небытія въ бытіе никакой естествоиспытатель не можетъ изъяснить, не обратившись къ всемогуществу творческой силы Божіей; такъ и появленіе душъ животныхъ, существующихъ отдѣльною самостоятельною жизнію, никто не можетъ основательно производить отъ силъ вещественныхъ; еще менѣе можно признавать источникомъ духа человѣческаго или матерію съ ея вещественными силами, или животную жизнь, свойственную всѣмъ одушевленнымъ тварямъ, кромѣ человѣка; высшія изъ этихъ трехъ родовъ существъ заключаютъ въ себѣ то̀, что̀ есть въ низшихъ, но на оборотъ не можетъ сказать никакой основательный разумъ. Слѣдовательно, надобно принять, что въ сотвореніи вещества матеріальнаго, животныхъ—существъ тѣлеснодушевныхъ, и человѣка—существа тѣлесно-душевно—духовнаго, дѣйствовалъ непосредственно самъ Богъ, и притомъ вдругъ, а не чрезъ рядъ разныхъ созиданій и преобразованій; ибо какія преобразованія въ твореніи изъ ничего? Въ сказаніи Моисея, правда, и новосозданныя силы природы представляются дѣйствующими въ произведеніи нѣкоторыхъ видовъ тварей, напр.: *и рече Богъ: да прорастить*

(*) Слово: *сотворилъ* (ברא), значитъ болѣе, нежели *образовалъ* (יצר) и *содѣлалъ* (עשה), и показываетъ произведеніе вещи новой и необычайной (Іер. 31, 22). Это такое дѣйствіе, которое не предполагаетъ никакого вѣчнаго вещества, изъ котораго бы тварь была устроена, и никакой силы внѣ Творящаго. Записк. на кн. Быт. изд. 1819. стр. 2.

земля быліе травное,... и изнесе земля быліе травное; да соберется вода въ собраніе едино,... и собрася вода (ст. 9. 11); но онѣ дѣйствовали отнюдь не сами собою и не однѣ, а подъ непосредственнымъ вліяніемъ творческаго всемогущества, которое повелѣвало имъ дѣйствовать и вмѣстѣ производило чрезъ нихъ или изъ нихъ разные роды тварей ближайшимъ своимъ содѣйствіемъ. Иначе какъ объяснить такія дѣйствія творенія, которыхъ сама природа послѣ никогда не производила и не производитъ? Трава и деревья, напр., растутъ нынѣ не иначе, какъ изъ сѣмени, посѣяннаго въ землю; какимъ же образомъ земля сама могла произрастить *быліе травное и древо плодовитое* (ст. 12), когда еще не существовало сѣмени? Слѣдовательно, надобно принять, что въ шестидневномъ твореніи міра совершалъ все самъ Богъ непосредственною своею силою,—совершалъ не по настоящимъ законамъ міра, потому что творилъ и самые законы,—совершалъ не чрезъ посредство какихъ-нибудь служебныхъ силъ, потому что творилъ все вновь!

Впрочемъ обратимся къ разбору двухъ предположеній, существующихъ между геологами для соглашенія сужденій ихъ о земномъ шарѣ съ ученіемъ слова Божія о видимомъ мірѣ.

Геологи, придерживающіеся перваго изъ упомянутыхъ предположеній, допускаютъ безмѣрно-продолжительное время отъ начала созданія міроваго вещества до окончательнаго его образованія, и хотятъ прикрыть свои мечтанія первыми двумя стихами Бытописанія Моисеева: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю: земля же бѣ невидима и неустроена, и тма верху бездны: и Духъ Божій ношашеся верху воды*, отдѣляя ихъ совершенно отъ 3-го стиха и послѣдующихъ. Но

такое обращенiе съ священнымъ текстомъ произвольно и неосновательно. Внимательное разсмотрѣнiе этихъ стиховъ приводитъ къ заключенiю, что въ нихъ не содержится не только какихъ-либо тысящелѣтiй, но даже и такого перiода времени, который равнялся бы послѣдующимъ днямъ творенiя, не содержится даже ни одного цѣлаго дня. Въ нихъ Моисей, открывая намъ происхожденiе первобытнаго хаоса отъ Бога и всеобщее приготовительное дѣйствiе творческой силы надъ этимъ хаосомъ, не изображаетъ никакого другаго творческаго акта, или опредѣленнаго дѣйствiя всемогущества Божiя надъ хаосомъ, тѣмъ болѣе никакой дѣятельности самаго вещества первоначальнаго независимо отъ Бога; дѣйствительное образованiе мiра изъ этого хаоса, который могъ произойти изъ ничего не иначе, какъ въ одно мгновенiе, началось въ 1-й день, или съ 3-го стиха Бытописанiя; а первые два стиха въ порядкѣ мiроописанiя представляютъ только краткiй очеркъ того состоянiя, въ какомъ находился мiръ въ моментъ, предшествовавшiй первому дню,—очеркъ, неразрывно соединенный съ послѣдующими стихами 1-й главы книги Бытiя; и вотъ тому доказательства. Предметъ или слѣдствiе творящей силы Божiей здѣсь называется *небомъ* и *землею,* также *бездною* и *водою.* Слово: *небо*, по изъясненiю нѣкоторыхъ толкователей св. Писанiя,* здѣсь даже не относится къ видимому мiру, не есть ни воздушное, ни звѣздное небо, но означаетъ *небеса небесъ* (3 Цар. 8, 27), или мiръ *невидимый* (Колос. 1, 16); ибо а) этому небу не приписывается здѣсь того нестроенiя, въ которомъ представляется земля, и б) самъ Богъ говоритъ у Iова, что, когда Онъ *основывалъ землю* и *творилъ звѣзды*, тогда

*

уже *восхвалили его вси ангели его* (Іов. 38, 4—7), и слѣдовательно были сотворены прежде третьяго и четвертаго дня (*). Но если и не разумѣть здѣсь міра невидимаго, а включить это небо въ составъ видимаго міра, котораго совокупность въ Писаніи часто означается словами: *небо и земля*; то опять геологамъ нельзя извлечь отсюда ничего въ пользу своего мнѣнія. Съ одной стороны видно, что здѣсь Бытописатель приписываетъ предметамъ творенія названія не въ томъ обыкновенномъ смыслѣ, въ какомъ употребляетъ ихъ въ слѣдующихъ стихахъ. *Небомъ* въ обыкновенномъ смыслѣ названная *твердь* создана во вторый день (ст. 8) и украшена свѣтилами въ четвертый день; посему, еслибы въ 1-мъ стихѣ изображалось дѣйствіе сотворенія дѣйствительнаго неба, которое изображается и въ 8-мъ стихѣ, то надобно было бы допустить два акта сотворенія одного и тогоже неба, одинъ прежде перваго дня, а другой во вторый день, что безъ сомнѣнія не можетъ допустить никакой здравый разумъ. Подобнымъ образомъ и *земля*, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, сотворена въ третій день, когда воды отдѣлились отъ суши, когда *Богъ нарече сушу землю* (ст. 10). Изъ всего контекста рѣчи св. Моисея видно, что наименованіе Божіе вещамъ давалось тогда, какъ онѣ были устроены окончательно и совершенно: *и разлучи Богъ между свѣтомъ и между тмою, и нарече Богъ свѣтъ день* (ст. 4 и 5): *и нарече Богъ твердь небо* (ст. 8). Слѣдовательно и земля не была окончательно устроена прежде, нежели получила имя отъ божественнаго творческаго Слова. Подобное раз-

(*) Записк. на книгу Бытія, изд. 1819 г. стр. 4.

сужденіе въ полной силѣ относится и къ *водѣ*, упоминаемой въ 1-мъ стихѣ, но получившей образованіе также въ третій день. Съ другой стороны, самыя употребленныя Бытописателемъ названія показываютъ, что онъ разумѣетъ здѣсь то именно первоначальное вещество, изъ котораго образованы настоящее видимое небо, настоящая земля, дѣйствительная вода и т. д. (*). Такимъ образомъ очеркъ перваго момента созданія или первобытнаго состоянія всего вещества видимаго міра, предъ началомъ его постепеннаго шестидневнаго образованія, сдѣланный Моисеемъ въ первыхъ двухъ стихахъ, не говоритъ ничего въ пользу предположенія геологовъ, будто до 1-го дня міозданія были сотворены такіе элементы видимаго міра, которые, по общимъ законамъ природы, взаимною долголѣтнею борьбою и чрезъ рядъ многочисленныхъ переворотовъ, образовали изъ себя тѣла неодушевленныя и даже одушевленныя, растенія и даже животныхъ. Напротивъ 2-й стихъ столь же побѣдоносно опровергаетъ ихъ мечтательныя предположенія, какъ первый—всѣ теоріи преэксистентантизма, пантеизма и дуализма. Первосозданное вещество міра было *невидимо* и окружено

(*) Ученый *Глэръ* (*Glaire*) замѣчаетъ, что здѣсь слова: *небо и землю,* въ еврейскомъ подлинникѣ поставлены съ членами, какбы: *сіе небо и сію землю,* и этого достаточно, чтобы не отдѣлять 1-го стиха отъ послѣдующихъ; также на основаніяхъ филологическихъ и грамматическихъ объясняетъ, что первые два стиха не могутъ означать ничего болѣе, какъ общій очеркъ міроздавія, неразрывный съ послѣдующимъ описаніемъ. Онъ весьма правдоподобно переводитъ ихъ такъ: Lorsque Dieu commençà à creèr le ciel et la terre, la terre n'était, que neant et chaos et c. U. Le Pentatev. avec une traduct. franc. et des notes philol. par. J. B. *Glaire* et M. *Franck*. Par. 1835. Les livres saints vengés, par Glaire. Tom. 1.

тьмою, т. е. было совершенно лишено свѣта, который сотворенъ вслѣдъ за тѣмъ въ 1-й день; со свѣтомъ неразлучна теплота; слѣдовательно, оно лишено было и теплоты; а вмѣстѣ съ тѣмъ, судя по настоящимъ физическимъ свѣдѣніямъ о теплотѣ и свѣтѣ, оно лишено было и електричества, и магнетизма, и галванизма, и тому подобныхъ, нынѣ дѣйствующихъ силъ. Что же могло совершаться съ веществомъ, лишеннымъ столь важныхъ, необходимыхъ и всеобщихъ дѣятелей въ природѣ? Могли ли происходить въ немъ какія-либо разложенія или соединенія елементовъ, эти коренныя основы образованія вещей, которыя непремѣнно требуютъ особыхъ, отличныхъ отъ вещества, дѣятелей? Земля, не имѣвшая *свѣта* ни въ себѣ, ни внѣ себя, была и *не-устроена*. Если же она была *неустроена*, то можно ли здѣсь допустить постепенное образованіе вещей такъ называемаго до историческаго времени, въ которомъ предполагается нѣкоторая стройность, постепенность, переходъ отъ худшаго къ лучшему, отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному? Слово: *неустроена*—прямо выражаетъ отсутствіе силъ, дѣйствующихъ въ веществѣ, и законовъ, по которымъ бы онѣ дѣйствовали; что же могло происходить съ веществомъ, лишеннымъ силъ и законовъ, и что такое оно было, пока всемогущая воля Божія не начала сообщать ему все необходимое своимъ непосредственнымъ дѣйствіемъ? Это было не что иное, какъ *изумляющая пустота*, по производству и употребленію еврейскихъ словъ, сказанныхъ здѣсь св. Моисеемъ (תהו ובהו), или, какъ выражается другой священный писатель, это было *безобразное вещество* (ἄμορφος ὕλη, Премудр. 11, 18), — вещество безразличное, не качествованное

положительнымъ и опредѣленнымъ образомъ и не имѣвшее тѣхъ видовъ и формъ, которое мы соединяемъ съ понятіемъ о вещахъ сотворенныхъ; это была *бездна*, какъ далѣе выражается Бытописатель, т. е. наполненное веществомъ пространство, не ограниченное разнообразіемъ вещей, но, по преизбытку жидкихъ частей, болѣе всѣхъ извѣстныхъ намъ тѣлъ, приближавшееся къ виду жидкости, и потому названное еще *водою*. Одно только свойство было въ этой безднѣ и ясно обозначено Бытописателемъ, была способность—изъ невидимаго и нестройнаго вещества сдѣлаться видимымъ и стройнымъ міромъ, впрочемъ отнюдь не собственными силами, но единственно силою Божіею, которая не ждала цѣлыя тысящелѣтія, чтобы приступить къ совершенному устроенію міра, но въ тотъ же моментъ созданія начала его образованіе: *и Духъ Божій ношашеся верху воды*; не вѣтеръ колебалъ первозданную бездну и не взаимная борьба стихій производила перевороты въ этой безднѣ,—какой вѣтеръ и какая борьба стихій прежде ихъ раздѣленія?—но самъ Творящій ближайшимъ образомъ, какъ свойственно Существу всемогущему, приготовлялъ къ жизни и сообщалъ жизнь творимому, не сообщая однакоже ему самаго существа своего и не смѣшиваясь съ нимъ.

Впрочемъ разсмотримъ ближе предположеніе геологовъ о томъ состояніи, въ какомъ находилась наша земля и вообще видимая нами природа до времени историческаго образованія, и какіе тогда происходили съ нею перемѣны. По мнѣнію ихъ, первобытный хаосъ земли былъ не что иное, какъ газообразное, разгоряченное до весьма высокой температуры, или парообразное вещество, которое отъ кругообразнаго дви-

женія склубилось и приняло видъ шара; при чемъ оно мало по малу охладѣвало и отвердѣвало, начиная съ поверхности, пока наконецъ получило твердую кору, съ которою и происходили безчисленные перевороты, открываемые геогнозіею и производимые двумя главными дѣятелями физической природы, или двумя противоположными стихіями: огнемъ—слѣдствіемъ первоначальной теплоты, и водою—слѣдствіемъ первоначальнаго газа (*). Не будемъ допрашивать естествоиспытателей, допускающихъ подобное бытіе міра въ началѣ: почему они не восходятъ своимъ предположеніемъ выше парообразнаго состоянія, которое не есть еще окончательно-возможное состояніе вещества, почему напр. не представляютъ первобытныхъ матеріальныхъ частицъ въ видѣ химическихъ атомовъ, или эѳирной жидкости, изъ которой могли бы въ послѣдствіи образоваться газообразныя тѣла?—почему они предполагаютъ первоначальное вещество міра одареннымъ

(*) Мнѣніе это заимствуемъ изъ сочиненія величайшаго изъ современныхъ намъ ученыхъ, *Гумбольдта*, съ которымъ соглашаются почти всѣ другіе естествоиспытатели. См. «Космосъ» въ русск. переводѣ Флорова 1848. Ч. 1. стр. 120. 121 и др.—Toutes les theories modernes, fondées sur les données les plus positives, que nous fournissent l'astronomie, la physique et la geologie, admettent, que la terre était primitivement à l'état *gazeux*, c'est-à-dire, que toutes les substances solides, qui la composent aujourd'hui, se trouvaient disseminées à l'état *de vapeur*, dans un éspace beaucoup plus grand, que celui, qu'elle occupe aujourd'hui. См. *Becquerel*. Traité de l'électricité et du magnetisme. T. 1. p. 430 ed. Par. 1838. *De la Beche*. Recherches sur la partie theorique de la Geologie, cap. 2 ed. Par. 1840. Изъ русскихъ г. *Акимовъ* говоритъ: «кажется за достовѣрное можно принять, что и наша планета начально была въ газообразномъ состояніи, къ которому относятся и слова св. Писанія: *земля же бѣ невидима и неустроена*. Этотъ газообразный матеріалъ»... и пр. Рѣчь въ торж. Актѣ Ришр. Лиц. 1858 стр. 11.

опредѣленными физическими силами, которыя не составляютъ существенной принадлежности матеріи, такъ какъ мы можемъ представлять матерію безжизненною, недѣятельною, покоющеюся, и тогда какъ последнее состояніе можетъ и должно предшествовать первому, въ какомъ бы видѣ ни создано было вещество—твердомъ, жидкомъ или газообразномъ?—почему наконецъ они приписываютъ первоначальному веществу между прочими силами такую, которая повидимому болѣе препятствовала, нежели содѣйствовала образованію міра, именно теплоту, удерживавшую стихіи въ газообразномъ состояніи, и при томъ такую, которая никакимъ образомъ необъяснима безъ бытія *свѣта*, созданнаго Богомъ нѣсколько послѣ, въ первый день шестидневнаго творенія?? Когда уже разумъ естествоиспытателей, блуждая по обширной области предположеній, остановился на такомъ состояніи первобытнаго вещества, то остановимся на немъ и мы. Вникая ближе въ сущность изложенной теоріи, замѣчаемъ, что она не только противорѣчитъ прямому сказанію слова Божія о первозданномъ веществѣ міра—*невидимомъ*, *неустроенномъ*, *безобразномъ*, впрочемъ болѣе похожемъ на жидкость или *воду*, какъ говоритъ, кромѣ Моисея, и Апостолъ Петръ: *небеса быша исперва и земля отъ воды и водою составлена Божіимъ словомъ* (2 Петр. 3, 5), но въ этой теоріи заключается нѣчто такое, что не можетъ быть объяснено даже никакими законами физики, именно: кругообразное движеніе газа и постепенное его отвердѣніе. Дабы изъ нестройнаго вещества сотворить стройный міръ, для этого прежде всего нужно движеніе, движеніе по опредѣленнымъ законамъ, и потому геологи въ своихъ

теоріяхъ предполагаютъ движеніе первобытныхъ елементовъ такъ же необходимо, какъ необходимо предполагается сотвореніе Богомъ газообразнаго вещества, наполнившаго міровое пространство, и притомъ движеніе кругообразное, *сферическое*. Спрашивается: такое круговое движеніе принадлежало всему ли веществу вообще, или каждому атому въ частности? Если— всему веществу, то подобное вещество оставалось бы вѣчно кругообращающимся газомъ, не производящимъ никакого другаго тѣла; а еслибы какимъ-нибудь образомъ и сгустилось въ своемъ содержаніи, то составило бы никакъ не болѣе одного твердаго тѣла, а не милліоны тѣлъ небесныхъ, которые мы видимъ въ настоящее время; если же оно принадлежало каждому атому въ частности, то изъ всѣхъ нихъ не произошло бы ничего, кромѣ разсѣянной и несвязной массы, въ которой даже два атома никогда не могли бы соединиться вмѣстѣ. Но главное: какими силами могло производиться въ газообразномъ веществѣ подобное движеніе? Круговое движеніе, какъ извѣстно изъ механики, происходитъ отъ двухъ силъ: центробѣжной, и центростремительной; что же было тогда силою центробѣжною и силою центростремительною? Положимъ, что агентомъ первой изъ нихъ, какъ предполагаютъ геологи, была самая теплота, стремившаяся извнѣ вещества (*); но гдѣ сила центростремительная, гдѣ центръ или центры ея стремленія, безъ которыхъ она

(*) Извѣстный ученый *Лапласъ* (*Laplace*) объяснялъ происхожденіе міровъ изъ первобытнаго газообразнаго вещества посредствомъ двухъ агентовъ или силъ: теплоты и тяжести (la chaleur et la pésanteur). Теорія его, долго считавшаяся превосходнымъ комментаріемъ сказанія Моисея о первыхъ четырехъ дняхъ творенія, новѣй-

рѣшительно невозможна? Сила притяженія, говорятъ они, сила всеобщаго тяготѣнія; а центры ея вездѣ, гдѣ нынѣ существуютъ тѣла небесныя. Но неизбѣжный здѣсь вопросъ: что̀ такое сила притяженія въ томъ состояніи вещества, о которомъ теперь идетъ у насъ рѣчь, когда еще не было ни солнца, около котораго обращалось бы вещество земли, ни земли, около которой обращалось бы вещество луны, и т. д.— когда еще не было ни одного твердаго тѣла, ни одной точки опоры для матеріи, разсѣяваемой въ пространствѣ силою напряженной теплоты? Притяженіе бываетъ двухъ родовъ: *планетное* и *частичное*. Притяженіе планетное дѣйствуетъ между тѣлами, отдѣленными другъ отъ друга на опредѣленное разстояніе, дѣйствуетъ, какъ извѣстно изъ физики, въ прямомъ отношеніи къ массѣ тѣлъ и въ обратномъ отношеніи квадратовъ ихъ взаимныхъ разстояній. Очевидно, что притяженіе такого рода не могло существовать прежде, нежели образовались планеты или системы тѣлъ небесныхъ, т. е. оно можетъ быть только между тѣлами уже готовыми и получившими опредѣленное положеніе; и слѣдовательно нѣтъ сомнѣнія, что не объ этомъ родѣ притяженія говорится въ предположеніи геологовъ касательно первоначальнаго образованія міра. Другой родъ притяженія—частичнаго имѣетъ два вида: одинъ тотъ, силою котораго однородныя по природѣ матеріальныя частицы соединяются между собою въ тѣлахъ твердыхъ, и который называется *сцѣпленіемъ* (cohésion). Это притяженіе, незамѣтное въ тѣ-

---

шими геологами не вполнѣ принимается, но двѣ силы его допускаются до нынѣ. См. его Mecanique célèste. edit. Paris. 1800 an.

лахъ газообразныхъ и свойственное только тѣламъ твердымъ, пока они остаются въ твердомъ состояніи, также не могло дѣйствовать въ первоначальномъ веществѣ, которое предполагается газообразнымъ зародышемъ (embryon) всего видимаго міра. Другой видъ частичнаго притяженія называется *сродствомъ* (affinité); оно есть та сила, которая соединяетъ между собою атомы, различные по природѣ и находящіеся въ тончайшемъ газообразномъ состояніи, составляя изъ нихъ или новые газы, или какія-нибудь тѣла жидкія, твердыя и пр. Итакъ частичное *сродство* есть единственный видъ притяженія, къ которому нужно обратиться для объясненія образованія земнаго шара и другихъ тѣлъ небесныхъ изъ первобытныхъ атомовъ. Но для того, чтобы это притяженіе дѣйствовало и оказывало результаты своего дѣйствія, нужно нѣсколько условій, безъ которыхъ ни въ природѣ, ни въ химическихъ лабораторіяхъ оно никогда не обнаруживается; во-первыхъ, нужно, чтобы частицы газообразнаго вещества не разсѣевались въ безконечномъ пространствѣ во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ, но были сдерживаемы какою-либо другою силою, кромѣ *сродства*; и во-вторыхъ, нужно, чтобы онѣ постороннею силою были приближаемы другъ къ другу на такое малое разстояніе, при которомъ могли бы химически соединиться между собою, т. е. нужно нѣкотораго рода сжиманіе съ одной стороны и сопротивленіе съ другой, какъ напр. въ сосудахъ, гдѣ совершаются химическія соединенія, тяжесть воздуха производитъ сжиманіе, а стѣнки сосуда представляютъ сопротивленіе или опору для частицъ. Въ газообразномъ состояніи первобытнаго вещества, предполагаемаго гео-

логами, когда еще не было ни одного твердаго тѣла, не могло быть ничего подобнаго, ни сжиманія, ни сопротивленія, и слѣдовательно не доставало существенныхъ условій для дѣйствія силы *сродства* между частицами, безъ которыхъ онѣ, въ какомъ были состояніи, въ такомъ и должны были бы остаться навсегда. Напрасно нѣкоторые изъ естествоиспытателей говорятъ, будто въ срединѣ огромныхъ массъ первоначальнаго газообразнаго вещества, занявшаго міровое пространство, могло быть сжиманіе, достаточное для того, чтобы способствовать сочетанію частицъ и образованію центральнаго ядра, которое своимъ противодѣйствіемъ атмосферѣ могло довершить все остальное (*). Не разрѣшается при этомъ вопросъ: какимъ образомъ и отъ какой силы оно могло быть, какъ бы ни было огромно и необычайно первоначальное вещество, если здѣсь не можетъ имѣть мѣста ни планетное притяженіе тѣлъ, ни частичное притяженіе, какъ извѣстное подъ именемъ сцѣпленія, такъ и называемое сродствомъ? Значитъ, здѣсь допускается дѣйствіе безъ причины, или принимаются послѣдствія и результаты за то, отъ чего они происходятъ и зависятъ.—Далѣе, дабы изъ газообразнаго вещества сотворить настоящій міръ, для этого нужно измѣненіе вещества въ настоящій видъ, сгущеніе или отвердѣніе, нужно, чтобы частицы перешли изъ газообразнаго состоянія въ жидкое, изъ жидкаго въ болѣе твердое и т. д., посредствомъ какого-нибудь особеннаго дѣйствія или об-

(*) Положеніе *Лапласа* въ его Mecanique célèste (edit. 5. pag. 410 et 411), которое другіе, слѣдующіе ему естествоиспытатели, принимаютъ безъ изслѣдованія.

стоятельства опредѣленнаго, заключающагося въ самомъ веществѣ или внѣ его. Такъ какъ, по предположенію геологовъ, частицы первобытнаго вещества удерживались въ состояніи газообразномъ дѣйствіемъ теплоты; то, для сочетанія частицъ и составленія изъ нихъ твердыхъ тѣлъ, предполагается постепенное охлажденіе газа, т. е. улетученіе теплорода въ безконечномъ пространствѣ и осажденіе первобытныхъ частицъ... Спрашивается: на что, на какую массу, на какія точки опоры? Осаждаться другъ на друга атомы вещества могли, конечно, не прежде, какъ измѣнилась относительная ихъ температура, когда одни изъ нихъ стали холоднѣе, а другіе оставались теплѣе. Если же это несомнѣнно, то иначе тотъ же вопросъ ставится такъ: съ чего должно было начаться охлажденіе вещества, съ центральнаго предполагаемаго ядра, или съ поверхности? Начаться съ центра или центровъ такое охлажденіе не могло, хотя нѣкоторые изъ естествоиспытателей и допускали это, напр. Лапласъ; ибо, по неизмѣнному и общеизвѣстному закону физики, всѣ разгоряченныя тѣла начинаютъ охлаждаться съ своей поверхности, такъ что, когда поверхность ихъ не обнаруживаетъ уже никакой теплоты, центръ можетъ еще сохранять значительную теплоту,— и охлаждаются дотолѣ, пока есть возможность улетученія теплорода и пока температура тѣла не сравняется съ температурою, его окружающею. Посему новѣйшіе геологи, оставивъ такое мнѣніе, полагаютъ, что охлажденіе и отвердѣніе первобытнаго вещества началось съ поверхности (*). Но въ такомъ случаѣ,

(*) А. *Гумбольдтъ* говоритъ: «если процессъ отвердѣнія (перво-

по извѣстнымъ законамъ гидростатики, должно были бы происходить слѣдующее явленіе: стихіи вещества по мѣрѣ того, какъ охлаждались бы и отвердѣвали на поверхности, тотчасъ устремлялись бы къ центру и вытѣсняли болѣе легкія стихіи, находившіяся ближе къ нему; стремясь же къ раскаленному центру и еще не достигая до него, онѣ должны были бы опять пріобрѣсти утраченную теплоту, расплавиться, обратиться въ газы и устремиться снова на поверхность, вытѣсняя оттуда частицы, занявшія ихъ мѣсто и также охладившіяся въ свою очередь; очевидно, что при такомъ броженіи вещества не могло образоваться ничего твердаго, подобнаго настоящей корѣ земнаго шара. Такимъ образомъ первоначальное вещество, котораго температура должна быть невообразимо высока, чтобы содержать въ газообразномъ состояніи всѣ планетныя тѣла, не могло охладиться ни съ центра, но съ поверхности. Притомъ, если это вещество, одаренное кругообразнымъ движеніемъ, существовало дѣйствіемъ двухъ силъ — центробѣжной или теплоты, и центростремительной или тяжести; то на сгущеніе и отвердѣніе его надобно смотрѣть, какъ на перевѣсъ послѣдней силы надъ первою, тяжести надъ теплотою, и вмѣстѣ съ тѣмъ допустить измѣненіе въ самомъ движеніи вещества, движеніи, которое должно было бы измѣняться непрестанно, по мѣрѣ бо́льшаго и бо́льшаго сжиманія газа, по причинѣ сокращенія

начальной, газообразной, разгоряченной жидкости), по мнѣнію *Фурье*, начался прежде всего испусканіемъ лучистой теплоты къ небеснымъ пространствамъ изъ охлаждающейся поверхности; то части земли, ближайшія къ средоточію, остались по прежнему жидкими и горящими». Космосъ, стр. 121.

оси шара и отношенія его къ другимъ подобнымъ тѣламъ. Спрашивается: отъ чего могъ произойти этотъ перевѣсъ одной силы надъ другою, и что сталось бы съ тѣлами небесными, безпрестанно измѣняющими законъ своего движенія? Такъ теорія постепеннаго охлажденія первобытнаго вещества носитъ въ себѣ зародышъ разрушенія міра, а не созиданія его,—уничтоженія жизни, а не развитія жизни, еслибы только предполагаемое ею было когда-нибудь и какъ-нибудь возможно! Но, къ счастію міра, это невозможно. Знаменитый французскій геометръ *Пуассонъ* (M. Poisson) доказываетъ совершенную невозможность образованія твердой коры вокругъ шара, газообразнаго или расплавленнаго въ пространствѣ, слѣдующимъ образомъ. По его вычисленіямъ, температура поверхности земнаго шара была бы чрезвычайно велика даже при 60,000 метрахъ глубины (около 60 верстъ, полагая метръ въ 1⅓ аршина), а въ центрѣ земли, гдѣ температура превосходила бы 200,000°, и въ окружающемъ его огромнѣйшемъ внутреннемъ пространствѣ, всѣ вещества, составляющія нашу планету, находились бы въ состояніи раскаленнаго газа такой упругости, что средняя степень этой упругости превосходила бы въ пять разъ упругость воды; посему, дабы удержать въ предѣлахъ столь сильно сжатыя и нагрѣтыя вещества, требовалась бы сила невообразимая и для земной коры невозможная; отвердѣвавшая кора земной поверхности никогда не была бы достаточно плотна для того, чтобы противиться усилію внутреннихъ паровъ или жидкостей — выдти изъ ея предѣловъ, и даже по мѣрѣ того, какъ эта кора начинала бы образоваться, внутренніе пары своею силою расширенія немедленно

разрывали бы ее на части (*). Изъ всего этого слѣдуетъ, что изложенная теорія о первобытномъ состояніи нашей земли и происходившихъ тогда съ нею перемѣнахъ есть одно предположеніе, которое теперь же можно было бы признать чистою мечтою, еслибы для подтвержденія ея не были приводимы такія основанія, которыя придаютъ ей видъ правдоподобія и вѣроятности. Посему обратимъ теперь вниманіе на самыя основанія, на которыхъ зиждется эта теорія, называемая въ отличіе отъ теорій нептунистовъ и вулканистовъ—*астрономико-химическою*.

Тѣ, которые утверждаютъ, что наша земля первоначально имѣла видъ газообразнаго вещества, которое занимало пространства несравненно больше нынѣшняго объёма земли и содержало въ себѣ весьма много скрытой теплоты, а потомъ мало по малу достигла настоящаго, твердаго снаружи, состоянія, т. е. почти всѣ геологи въ доказательство своего мнѣнія ссылаются а) на извѣстныя въ астрономіи *туманныя пятна*, которыя будтобы суть не что иное, какъ газообразныя массы, — зарождающіяся планеты новыхъ солнечныхъ системъ; б) на *внутреннюю температуру* земнаго шара, которая, какъ показываютъ наблюденія, бываетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе мы углубляемся въ кору земли, постепенно возрастаетъ отъ поверхности къ центру. Но, соображая разнообразныя свѣдѣнія касательно этихъ доказательствъ, мы должны сказать, что не все то справедливо, что̀ съ перваго взгляда ка-

(*) См. его Théorie mathématique de la chaleur. cap. 12. и Memoires sur la temperature du globe. cap. 11 и 12. Edit. Paris, 1839 an.

жется правдоподобнымъ. И *во-первыхъ*, на такъ называемыя туманныя пятна смотрѣлъ, какъ на зародыши новыхъ небесныхъ тѣлъ, основатель звѣздной астрономіи В. *Гершель*—отецъ (Herchell); но Дж. *Гершель*—сынъ, изслѣдовавъ ихъ обстоятельнѣе, выразилъ мнѣніе, что эти туманныя пятна принадлежатъ къ самымъ темнымъ предметамъ астрономіи, что «они суть самыя странныя (très étranges) тѣла, о которыхъ еще невозможно сказать, на какомъ они находятся отъ насъ разстояніи, каковъ ихъ составъ, твердый или газообразный, какого рода ихъ свѣтъ, поверхностный или внутренній, и въ отношеніи къ которымъ вообще — открытое поле догадкамъ и предположеніямъ» (*). Основывать на такихъ сомнительныхъ началахъ теорію происхожденія земли и всего міра, и притомъ теорію слишкомъ смѣлую и несогласную съ ученіемъ слова Божія, очевидно, недостойно разума и науки. Впрочемъ въ большей части такихъ туманныхъ пятенъ, имѣющихъ болѣе правильное, круглое или эллиптическое очертаніе, сами Гершели при помощи сильнѣйшихъ телескоповъ замѣтили отдѣльныя звѣзды и открыли цѣлыя и совершенныя солнечныя системы въ тѣхъ пятнахъ, которыя дотолѣ почитались беззвѣздными; тоже подтвердили позднѣйшія наблюденія французскаго естествоиспытателя *Араго́* (M. Arago) и англійскаго *Робинсона* (Robinson), при помощи гигантскаго телескопа Лорда Росса; посему теперь вообще полагаютъ, что «на туманныя пятна надобно смотрѣть, какъ на группы звѣздъ, которыя или такъ малы и

(*) Traité d'Astronomie, par sir J. Herchell, tradui. de Turnot, pag. 178.

слабы, или такъ далеки отъ насъ, что мы не можемъ ясно различить звѣздъ, въ нихъ находящихся; ибо, если эти пятна, которыя въ посредственные телескопы представляются болѣе или менѣе свѣтлыми облаками, при помощи сильнѣйшихъ инструментовъ разрѣшаются на отдѣльныя звѣзды, изъ которыхъ они составлены; то, вѣроятно, тоже самое происходило бы и съ тѣми пятнами, которыя въ самые лучшіе телескопы все еще представляются туманными, т. е. они раздѣлились бы на звѣзды, еслибы наблюдать ихъ лучшими телескопами, нежели до какихъ достигло современное искусство» (*). Съ этой точки зрѣнія туманныя пятна болѣе опровергаютъ, нежели доказываютъ изложенную теорію образованія земнаго шара: если эти малоизвѣстныя намъ небесныя тѣла суть также готовыя, вполнѣ образовавшіяся и совершенныя планеты или своего рода солнечныя системы; то какое сходство у нихъ съ воображаемымъ газообразнымъ веществомъ первобытнаго міра? Не заключаетъ ли самая теорія въ себѣ какого-нибудь тумана, который совершенно разсѣялся бы, еслибы посмотрѣть на дѣло свѣтлыми, здравыми и непредубѣжденными глазами? Притомъ, каково бы ни было свойство туманныхъ пятенъ неба, для полноты и твердости доказательства надобно было бы напередъ ясно увидѣть, какъ они были сначала въ газообразномъ состояніи, какъ потомъ перешли въ жидкое и наконецъ въ твердое, чего доселѣ еще никѣмъ не открыто и достовѣрно не доказано; иначе заключеніе

(*) Лекціи популярной Астрономіи, С. *Зеленаго*, изд. 1844. С. П. Б. стр. 391. Въ этомъ сочиненіи изложена и теорія Лапласа о происхожденіи планетъ на стр. 412—416.

отъ нихъ къ естественной исторіи нашей земли останется навсегда однимъ произвольнымъ предположеніемъ, подобнымъ тому, какъ еслибы кто, взирая съ одного изъ этихъ туманныхъ пятенъ на нашу солнечную систему и не видя ея вовсе или видя похожею на свѣтлое облако, заключилъ, что она или вовсе не существуетъ, или въ настоящее время есть не болѣе, какъ газообразное вещество, готовое обратиться въ дѣйствительный міръ! *Во-вторыхъ,* температура земнаго шара дѣйствительно возвышается, начиная отъ *слоя постоянной температуры* внутри земли, находящагося не далеко отъ ея поверхности, до той глубины, до которой достигали естествоиспытатели въ рудокопняхъ и артезіанскихъ колодцахъ; изъ земли дѣйствительно бьютъ ключи горячей воды на разныхъ мѣстахъ земнаго шара и въ различныхъ климатахъ; изъ отверстій волканическихъ горъ дѣйствительно вытекаютъ огненныя рѣки лавы... Это — несомнѣнные факты естественной исторіи; но выводимыя отсюда геологами заключенія, будто возвышеніе теплоты земнаго шара постепенно простирается до самаго центра, будто внутренность земли не далѣе, какъ на 50 верстъ отъ поверхности, есть огромное расплавленное ядро, будто внутренняя теплота его есть остатокъ жара нашей планеты, бывшей въ состояніи растопленной жидкости или раскаленнаго газа, — это одни предположенія, которыя нуждаются въ болѣе твердыхъ основаніяхъ. Не говоря о томъ, что опытныя наблюденія надъ корою земнаго шара простираются не болѣе, какъ на 10,000-ю часть земнаго радіуса, а всѣ дальнѣйшія заключенія основываются на однихъ аналогіяхъ, которыя посему имѣютъ вѣроятности не болѣе,

какъ на $^1/_{10000}$ единицы, противъ этихъ заключеній есть много весьма основательныхъ возраженій, которыя опровергаютъ ихъ, не опровергая самыхъ фактовъ. Прежде всего нельзя не замѣтить, что приращеніе теплоты съ углубленіемъ въ землю весьма не одинаково на различныхъ мѣстахъ земнаго шара и даже на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ въ различное время, такъ что въ настоящее время мы не можемъ въ точности опредѣлить численно среднюю величину такого приращенія. По наблюденіямъ однихъ (напр. Cordier) температура земли возрастаетъ въ 1° Реом. терм. на глубину—85 париж. футовъ; по наблюденіямъ другихъ (*A. Humboldt*) на 93 фут.,—третьихъ (*d'Aubuisson*) на 134 ф.; въ саксонскихъ рудокопняхъ были дѣланы термометрическія наблюденія на различныхъ глубинахъ въ теченіи двухъ лѣтъ, по три раза каждый день, и найдено, что въ одномъ мѣстѣ температура возрастаетъ въ 1° чрезъ 60 метровъ (около 210 фут.), въ другомъ чрезъ 37 метр., въ третьемъ чрезъ 73 метр., въ четвертомъ чрезъ 42 м., въ пятомъ чрезъ 38 м., въ шестомъ чрезъ 33 метра. Если бы даже можно было опредѣлить среднюю величину постепеннаго увеличенія температуры земнаго шара, которую вообще полагаютъ въ 1° Р. т. почти на каждые 100 пар. футовъ внутрь земли; то самое разнообразіе данныхъ не доказываетъ ли, что на эту температуру имѣетъ вліяніе не единственная сила, воображаемая геологами въ расплавленномъ ядрѣ земнаго шара, но множество причинъ различнаго рода? Напрасно нѣкоторые изъ естествоиспытателей оправдываютъ такое предположеніе новымъ предположеніемъ, будто различіе температуры на одинаковыхъ глубинахъ происходитъ отъ неодинаковой

теплопроводности составныхъ частей земной коры въ разныхъ мѣстоположеніяхъ; такое объясненіе не можетъ быть принято, когда намъ извѣстно, что разстоянія между пунктами наблюденій иногда были весьма малы и самыя углубленія были вырываемы въ пластахъ земли весьма сходныхъ между собою,—и однако въ полученныхъ результатахъ оказалась значительная разность (*). Притомъ всѣ эти наблюденія, сдѣланныя надъ твердою землею, несогласны съ наблюденіями, сдѣланными надъ моремъ, которое даетъ совершенно противоположные результаты: здѣсь температура съ углубленіемъ постоянно понижается; такъ подъ 60° широты теплота уровня моря оказалась въ$\pm0°$, а въ глубинѣ на 4300 футовъ равнялась—$2\frac{7}{10}°$; ближе къ экватору на поверхности моря теплота найдена въ$+23°$, а въ глубинѣ на 6000 футовъ только въ$+5\frac{8}{9}°$; выходитъ странное явленіе: чѣмъ ближе къ центральному огню, тѣмъ холоднѣе! Подобная странность представляется при взглядѣ на самую поверхность земнаго шара: самыя точныя измѣренія доказали, что наша земля не есть совершенно круглый шаръ, но нѣсколько вогнута при полюсахъ, т. е. что полюсы ближе къ центру земли, нежели экваторіальныя ея части, именно почти на 20 верстъ каждый, такъ какъ діаметръ экватора болѣе земной оси на 39 верстъ 472 саж., почти на 40 верстъ; посему, казалось бы, на полюсахъ, находящихся ближе къ центру теплоты, должно быть гораздо теплѣе, нежели на экваторѣ, или по крайней мѣрѣ внутренняя теплота должна была бы уравновѣшивать

(*) См. Курсъ Геогноз. *Соколова* ч. 1, стр. 76—78, «О температурѣ твердой земли». Издан. 1, 1839 г.

недостатокъ тамъ теплоты внѣшней—солнечной, производить какія-нибудь огненныя изверженія или горячіе источники; между тѣмъ на самомъ дѣлѣ при полюсахъ вѣчные льды и почва постоянно замерзшая до неопредѣленной глубины; признаковъ центральнаго огня около нихъ нѣтъ и слѣдовъ ни въ сѣверномъ, ни въ южномъ полушаріи! Впрочемъ ни горячіе ключи, ни волканическія изверженія, на какой бы точкѣ земнаго шара они ни находились, также не доказываютъ дѣйствительности расплавленнаго ядра внутри нашей планеты. Во всѣхъ горячихъ ключахъ вода соприкасается со множествомъ такихъ веществъ, въ которыхъ она производитъ химическіе процессы, развивающіе теплоту; чѣмъ болѣе въ ней минеральныхъ частей, тѣмъ температура ея бываетъ выше, даже достигаетъ иногда до состоянія кипѣнія. Не надобно забывать, что какъ на поверхности земли, такъ и подъ ея поверхностію, происходятъ постоянно химическіе процессы, безпрестанныя сочетанія и разложенія разнородныхъ веществъ, которыя отдѣляютъ болѣе или менѣе теплоты; напр. простая известь, бывъ облита водою даже въ маломъ количествѣ, даетъ значительную теплоту, а въ большомъ количествѣ производитъ воспламененіе (*); поэтому нѣтъ никакой нужды искать причины возвышенной температуры нѣкоторыхъ ключей въ самомъ центрѣ земли, когда она, вѣроятно, скрывается недалеко отъ ея поверхности. Равнымъ образомъ и волканическія изверженія вѣрнѣе могутъ быть при-

(*) *Вагнера* Geschichte der Urwelt, стр. 49 — 56. «О центральномъ огнѣ» Курсъ Геогноз. *Соколова*, изд. 1. «О температурѣ ключей» стр. 82 и 83.

писаны химическимъ дѣятелямъ, столь обильнымъ въ природѣ, нежели вліянію предполагаемаго расплавленнаго ядра земнаго шара. Лучшіе изъ новѣйшихъ физиковъ *Деви* (Davy), *Гей-Люссакъ* (Gay-Lussaq), *Амперъ* (Ampère) и другіе весьма удовлетворительно объясняютъ всѣ явленія волканическихъ изверженій то сочетаніемъ различныхъ земныхъ веществъ, пришедшихъ во взаимное соприкосновеніе, то електрическими и магнетическими токами, обнаруживающими свое дѣйствіе не только на поверхности земли, но еще болѣе въ ея внутренности. Такъ напр. *Амперъ* говоритъ: «предположеніе г. Деви, представляющее внутренность земнаго шара ядромъ, состоящимъ изъ неокисленныхъ (non oxydés) металлоидовъ земель и щелочей, весьма хорошо объясняетъ волканы, не имѣя нужды допускать, будто въ землѣ существуетъ необычайный жаръ, происходящій отъ расплавленнаго состоянія всей внутренней ея части; въ самомъ дѣлѣ, эта неокисленная масса есть неистощимый химическій источникъ теплоты, который обнаруживается всякой разъ, когда вещества верхней окисленной (oxydée) коры земной приходятъ съ нею въ какое-нибудь соприкосновеніе, такъ что волканъ въ дѣйствіи есть не что иное, какъ продолжающееся сочетаніе неокисленнаго ядра съ окисленными жидкостями верхнихъ слоевъ земли; всякой разъ, когда эти жидкости проникаютъ до неокисленнаго ядра, происходятъ поднятія земныхъ пластовъ; и такое явленіе понятно, когда намъ извѣстно, что металлъ, окисляясь, долженъ увеличиваться въ своемъ объемѣ» (*). Такимъ образомъ теплота воды

(*) Théorie de la terre, par M. *Ampère*, in Revue des deux mondes, 1-er juillet 1833 an. pag. 102 et 103.

въ нѣкоторыхъ ключахъ и артезіанскихъ колодцахъ, непосредственные опыты надъ температурою камней и пластовъ ниже поверхности земли, а болѣе всего волканическія явленія дѣйствительно доказываютъ, что температура земли возвышается отъ поверхности до нѣкоторой глубины; но что слѣдуетъ отсюда? Отсюда слѣдуетъ, говорятъ геологи, что подобное возвышеніе теплоты земнаго шара простирается до самаго его центра. Но противъ такого положенія тотъ же *Амперъ* говоритъ слѣдующее: «теплота, происходящая отъ химическаго дѣйствія, должна имѣть maximum своего возвышенія въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходитъ соединеніе веществъ, т. е. на поверхности соприкосновенія окисленной части земли съ металлическимъ ядромъ, откуда она должна распространяться не только къ поверхности шара, но также и въ его внутренность до извѣстной глубины (jusqu'à une certaine profondeur); очевидно, что направленіе теплоты во внутренность шара есть направленіе центростремительное (а не центробѣжное); по мѣрѣ того, какъ окисленіе коры земной простирается впередъ, область химическихъ дѣйствій, источникъ теплоты, простирается къ центру, и освобождающаяся теплота распространяется, болѣе и болѣе ослабѣвая, отъ наружности во внутренность, такъ что, если бы металлы были менѣе хорошими проводниками теплотвора, то можно было бы предположить, что центръ земли весьма холоденъ; сказанное нами, съ перваго взгляда, повидимому противорѣчитъ замѣченнымъ фактамъ; дознано, что, начиная отъ поверхности земли, до извѣстной глубины температура постоянно возвышается, и отсюда заключаютъ, что такое возвышеніе продолжаетъ простирать-

ся до самаго центра или по крайней мѣрѣ до расплавленнаго ядра; наблюденія хороши, но заключеніе неосновательно (les observations sont bonnes, mais la conclusion est attaquable)» (*). Далѣе слѣдуетъ, говорятъ геологи, что внутренность земли не болѣе, какъ на 50 верстъ отъ поверхности есть огромное расплавленное ядро. Но противъ этого положенія извѣстный естествоиспытатель *Дюфренуа* (Dufrénoy), согласно съ вычисленіями *Ели-де-Бомона* (Elie de Beaumont), говоритъ слѣдующее: «такъ какъ средняя величина плотности земнаго шара почти впятеро больше плотности воды, именно удѣльный вѣсъ ея равняется = 5,44, а между тѣмъ плотность земной коры превосходитъ плотность воды только съ небольшимъ вдвое, потому что всѣ минералы, входящіе въ составъ коры,, имѣютъ удѣльный вѣсъ не болѣе = 2,75; то плотность веществъ, находящихся въ центрѣ земнаго шара, должна быть гораздо больше 5,44; если предположить, что нашъ шаръ состоитъ изъ трехъ концентрическихъ пластовъ равной толщины, и плотности ихъ находятся въ ариѳметической прогрессіи, то удѣльный вѣсъ самаго верхняго пласта будетъ=2,75, средняго=10, 82, а центральнаго или нижняго = 18,89; послѣдніе два будутъ равняться плотности серебра (=10,47) и

(*) Théorie de la terre, тамъ же, стр. 105 и 106. Геометръ *Пуассонъ* совершенно по другому началу также дѣлаетъ заключеніе, что «на глубинѣ около 7,000 метровъ температура земнаго шара достигаетъ своего maximum и превосходитъ тамъ температуру земной поверхности почти на 107° Реом. терм., а далѣе этого предѣла она уменьшается, такъ что совершенно изчезаетъ въ 60,000 метрахъ (около 60 верстъ) отъ поверхности. См. его Théorie mathématique de la chaleur, pag. 429.

золота (=19, 26); если же допустить въ землѣ большее число пластовъ,—какъ и должно,—то плотность земнаго центра будетъ гораздо значительнѣе» (*). Слѣдуетъ наконецъ, говорятъ геологи, что наша планета была первоначально въ состояніи растопленной жидкости или раскаленнаго газа, котораго теплота осталась внутри земли до настоящаго времени. Но противъ этого положенія говоритъ все вышесказанное!

Итакъ основанія, приводимыя новѣйшими естествоиспытателями въ доказательство мнѣнія ихъ о первобытномъ до-историческомъ состояніи нашего земнаго шара, не выдерживаютъ критики и опровергаются другими естествоиспытателями самымъ положительнымъ образомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ самая идея о первоначальномъ состояніи нашей земли и бывшихъ тогда съ нею переворотахъ, опирающаяся на этихъ основаніяхъ, оказывается нетвердою и со всѣхъ сторонъ доступною неопровержимымъ возраженіямъ; а затѣмъ и составленное въ духѣ такого предзанятаго мнѣнія толкованіе священнаго текста въ первыхъ стихахъ книги Бытія, носитъ на себѣ явные признаки произвольности и неубѣдительности. Всѣ сужденія геологовъ, несогласныя съ прямымъ смысломъ этого текста, суть чис-

(*) См. Bulletin de la Société géologique de France, vol. XIII, pag. 251, и сочиненіе *Elie de Beaumont*: Recherches sur les révolutions de la surface du globe, Paris. 1829. Англичанинъ *Юнгъ* (Young), принимая во вниманіе степень тяжести, какую должны испытывать вещества въ центрѣ земнаго шара отъ верхнихъ слоевъ земли, вычислилъ, что наша сталь при центрѣ должна была бы имѣть объемъ вчетверо меньше, а самый твердый камень въ восемь разъ меньше, нежели какой имѣютъ они на земной поверхности. См. сочиненіе подъ заглавіемъ; Connexion of the physicals sciences, pag. 90.

тыя предположенія, вводятъ насъ въ область такихъ предметовъ, которые конечно не невозможны сами по себѣ, но отъ которыхъ переходъ къ настоящему состоянію предметовъ видимаго міра совершенно необъяснимъ и невозможенъ. Напротивъ того всѣ достовѣрныя физическія свѣденія о нашей планетѣ, которыя изслѣдованы основательно и составляютъ пріобрѣтеніе науки, не только не противорѣчатъ сказаніямъ слова Божія о видимомъ мірѣ, но могутъ быть соглашены съ ними какъ нельзя болѣе. Такъ дознано, что наша земля не есть совершенный шаръ, но нѣсколько вогнута при полюсахъ, а это могло произойти не иначе, какъ отъ обращенія земли на своей оси въ состояніи жидкообразномъ. Но несогласенъ ли этотъ фактъ съ сказаніемъ св. Писанія о томъ, что новосозданное вещество было первоначально въ жидкомъ состояніи, подобномъ *водѣ*, и что *суша отдѣлена* отъ воды уже въ третій день творенія (Быт. 1, 9), а до того времени онѣ были смѣшаны между собою и естественно составляли массу болѣе мягкую, нежели суша, и болѣе твердую, нежели вода, и слѣдов. земля въ такомъ состояніи могла сдѣлать два или три оборота на своей оси, которые достаточны были для образованія настоящей ея формы? Еще дознано, что удѣльный вѣсъ земнаго шара есть $=$ 5,44; т. е. еслибы все пространство, занимаемое шаромъ, было наполнено чистою дистиллированною водою, то она вѣсила бы въ 5,44 менѣе. Но не скорѣе ли этотъ фактъ можетъ быть соглашенъ съ первоначальнымъ веществомъ міра, *неустроеннымъ* и *безобразнымъ*, въ которомъ стихіи тяжелыя были смѣшаны съ легкими, и отъ котораго, *по сотвореніи его въ началѣ,* Богъ *отдѣлилъ часть* на долю на-

шей планеты (Сирах. 16, 26), нежели съ предположеніемъ геологовъ объ образованіи всѣхъ вещей изъ газообразнаго вещества, при помощи невѣсомыхъ дѣятелей—теплоты и тяжести? Отсюда уже прямо слѣдуетъ, что мнѣніе упомянутыхъ геологовъ, будто въ дальнѣйшихъ словахъ книги Бытія, начиная съ 3-го стиха, описывается не твореніе въ собственномъ смыслѣ, а только видоизмѣненіе и окончательное образованіе нашей планеты, вовсе не заслуживаетъ вѣроятія. Въ самомъ дѣлѣ, какое могло быть видоизмѣненіе міра тогда, когда еще не было въ немъ ничего, кромѣ неустроеннаго и безобразнаго вещества, когда нужно было творить рѣшительно все вновь и производить дѣятелей природы гораздо болѣе важныхъ, нежели самое вещество міра? И дѣйствительно Богъ, съ полною своею свободою и согласно съ удобопріемлемостію тварей, совершилъ потомъ всѣ части міра въ порядкѣ шестидневнаго творенія, своимъ непосредственнымъ дѣйствіемъ; въ первый день міра сотворилъ свѣтъ; во вторый—твердь или видимое небо; въ третій—вмѣстилища водъ на землѣ, сушу и растенія; въ четвертый—солнце, луну и звѣзды; въ пятый—рыбъ и птицъ, въ шестый—животныхъ четвероногихъ, живущихъ на сушѣ, и наконецъ человѣка.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИРВИНГІАНСТВО.

Возникновеніе новыхъ сектъ въ нѣдрахъ христіанскихъ обществъ не прекращается и въ наше время. Чѣмъ болѣе на Западѣ сѣмя ереси и раціонализма обнаруживается созрѣваніемъ гибельныхъ плодовъ, чѣмъ болѣе духъ западный становится чуждымъ духу Христову; тѣмъ сильнѣе по мѣстамъ является стремленіе къ возстановленію и обновленію церквей, уклонившихся отъ истины. Слѣдя за ходомъ этихъ явленій нашего времени, православный христіанинъ не можетъ не жалѣть особенно объ одномъ, именно—о совершенномъ незнакомствѣ западнаго міра съ восточнымъ нашимъ православіемъ,—западные христіане не знаютъ и не понимаютъ нашей вѣры. При крайней скудости источниковъ, изъ которыхъ западно—европейскіе народы могли бы заимствовать вѣрныя и отчетливыя свѣденія о состояніи нашего вѣроученія и богослуженія, при лживости и недостаточности извѣстій, которыя распространяютъ на Западѣ печатно и устно иностранцы, посѣтившіе насъ, но не выразумѣвшіе или не хотѣвшіе выразумѣть истиннаго духа православной Церкви,—естественно, что и сужденія о нашей Церкви составляются на Западѣ часто весьма невѣрныя и ошибочныя. Поэтому люди, доходящіе на Западѣ до убѣж-

денія въ неправотѣ господствующихъ у нихъ вѣроученій, вмѣсто того, чтобы обратить взоры свои къ истинной Церкви, задумываютъ возсоздать Христіанство въ его первобытной чистотѣ посредствомъ своихъ собственныхъ ограниченныхъ изслѣдованій и соображеній, и такимъ образомъ вмѣсто исправленія вѣроученія впадаютъ въ новыя, еще болѣе пагубныя, заблужденія. Такъ кончились стремленія Мормоновъ, Сентсимонистовъ и другихъ новѣйшихъ коммунистовъ и соціалистовъ. Такъ явились многія важныя заблужденія и въ новой сектѣ, недавно возникшей на Западѣ, но уже успѣвшей пріобрѣсти значительную силу и обратить на себя особенное вниманіе; разумѣемъ секту *Ирвингіанъ*.

Причиною возникновенія этой секты, существующей менѣе трехъ десятилѣтій, надобно признать усиливавшееся въ новѣйшее время между западными богословами желаніе истолковывать и прилагать къ нынѣшнему времени пророчества священнаго Писанія о событіяхъ, имѣющихъ непосредственно предшествовать второму пришествію Спасителя. Безотрадное состояніе Христіанства на Западѣ, состояніе, которое при незнакомствѣ съ православною Церковію естественно принимаетъ видъ *всеобщаго* растлѣнія Вѣры Христовой, могло привести и дѣйствительно привело многихъ богослововъ западныхъ къ тому заключенію, что въ религіозныхъ смутахъ и раздорахъ нашего времени надобно видѣть исполненіе священныхъ предсказаній о грозныхъ событіяхъ, имѣющихъ предшествовать второму пришествію Искупителя на землю. Подъ обаяніемъ этой мысли, нѣкоторые шотландскіе богословы стали въ 20 годахъ текущаго столѣтія созывать собранія

(митинги) въ Эдинбургѣ, въ Альбюри паркѣ—съ цѣлію точнѣе изслѣдовать значеніе пророчествъ, касающихся втораго пришествія Іисуса Христа.

Нѣкто Люисъ (Людовикъ) Уей первый подалъ мысль держать подобнаго рода митинги; усвоивъ себѣ ученіе о тысящелѣтнемъ царствѣ Христовомъ на землѣ (хиліазмъ), онъ говорилъ, что нынѣшніе христіане уже не вѣрятъ тому, что Іудеи снова будутъ обладать святою землею, и что Господь Іисусъ Христосъ имѣетъ снизойти съ небесъ во славѣ, утвердить свой престолъ на землѣ и установить между нами царство правды, святости и любви. Онъ призывалъ всѣхъ, сочувствующихъ рѣшенію столь важныхъ вопросовъ, къ изученію пророческихъ Писаній Ветхаго и Новаго Завѣта, и особенно Апокалипсиса; онъ увѣрялъ далѣе, что, сравнивая эти пророчества съ знаменіями настоящихъ дней, каждый христіанинъ можетъ убѣдиться въ томъ, что день втораго пришествія Христова близокъ, и что скоро Іисусъ Христосъ исполнитъ извѣстнѣйшее пророческое слово, которому мы, по заповѣди Апостола Петра, должны внимать, *якоже свѣтилу сіяющу въ темнѣмъ мѣстѣ, дондеже день озаритъ, и денница возсіяетъ въ сердцахъ нашихъ* (2 Петр. 1, 19).

Для изслѣдованія причинъ невѣрія, господствующаго на Западѣ, и знаменій настоящихъ дней, составились за тѣмъ по призыву Уея собранія, состоявшія первоначально изъ 26 духовныхъ лицъ и 17 мірянъ. Эти митинги начались въ Ноябрѣ 1826 года и продолжались непрерывно и безпрепятственно нѣсколько времени. Скоро предметами разсужденій сдѣлались разные богословскіе вопросы, нисколько не относящіеся

къ пророчествамъ о второмъ пришествіи Спасителя; всѣ эти пренія вѣроятно скоро кончились бы сами собою, еслибы къ упомянутому собранію шотландскихъ богослововъ не присталъ человѣкъ, который силою своихъ дарованій и своего краснорѣчія придалъ начатому дѣлу бо̀льшую важность и большій успѣхъ. Это былъ *Ирвингъ*.

Эдуардъ Ирвингъ родился въ шотландскомъ городѣ Аннанѣ въ 1792 году. Дѣтство и юность его не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго. Чтобы, впрочемъ, составить себѣ понятіе о юности Ирвинга, приведемъ слова, которыми одинъ изъ людей, лично знавшихъ его, выражаетъ впечатлѣніе, произведенное на него первою встрѣчею съ Ирвингомъ. «Въ первый разъ видѣлъ я его (Ирвинга), посѣщая родину его Аннанъ. Онъ только что пріѣхалъ изъ Эдинбурга, полный свѣжихъ силъ, съ наградами отъ университета, съ блестящими свидѣтельствами отъ своихъ профессоровъ, съ радостными и свѣтлыми надеждами на будущность. Не было у него тогда ни о чемъ больше рѣчи, какъ о знаменитыхъ ученыхъ и университетскихъ изслѣдованіяхъ; онъ вращался въ очарованномъ кругу наукъ и искусствъ; чистая, ничѣмъ не омраченная радость, цвѣтущее здоровье, и нѣчто невыразимо пріятное, подававшее наилучшія надежды, высказывалось въ сильномъ и прекрасномъ юношѣ» (*). Въ Августѣ 1822 года Ирвингъ 30 лѣтъ отъ роду занялъ мѣсто проповѣдника при каледонской церкви въ Лондонѣ, и одинъ изъ современниковъ его высказываетъ о немъ, «что и по внѣшнимъ и внутреннимъ качествамъ едва

(*) Briefwechsel mit den Irvingianern von Böttger—pag. 115.

ли можно было въ то время во всей Великобританіи найти человѣка до такой степени полнаго жизни и энергіи, какъ этотъ шотландскій пришлецъ». Церковь, къ которой опредѣленъ былъ Ирвингъ, находилась тогда въ упадкѣ, ее посѣщали немногіе; но новый проповѣдникъ скоро успѣлъ привлечь къ себѣ всеобщее вниманіе. «Знаменитѣйшія лица Англіи, лучшіе ораторы парламента, какъ напр. Каннингъ, Бругхамъ, Мекинтошъ и Скерлетъ, знатнѣйшія дамы, многіе члены королевскаго дома стекались слушать проповѣди Ирвинга». Такое вниманіе естественно должно было возжечь въ Ирвингѣ еще бо́льшее одушевленіе, и скоро онъ сталъ смотрѣть на себя, какъ на втораго Іоанна Предтечу, назначеннаго быть пророкомъ нравственной пустыни; его выраженія, его жесты, весь образъ его проповѣдничества былъ до такой степени новъ и необычаенъ, что даже въ многолюдномъ Лондонѣ, гдѣ во всякое время имѣется не мало хорошихъ проповѣдниковъ, ни одинъ не могъ обратить на себя такое вниманіе, какъ Ирвингъ.

Не прошло еще года послѣ начала проповѣднической дѣятельности Ирвинга, какъ онъ выступилъ и на поприще литературы, издавъ свои рѣчи подъ странными заглавіями: «Для оракула Божія—4 рѣчи; для послѣдняго суда—поученія въ 9-ти частяхъ». Менѣе, нежели въ 6-ть мѣсяцевъ, было три изданія этихъ сочиненій; прекрасныя мысли, чистыя христіанскія чувства и величественные образы перемѣшаны въ нихъ съ незрѣлыми идеями, съ фантастическими мечтами и рѣзкими выходками противъ всего существующаго порядка вещей.

Этими сочиненіями, равно какъ непрерывною рез-

ностію въ дѣлѣ проповѣдничества, Ирвингъ въ короткое время пріобрѣлъ обширную извѣстность. Скоро онъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ предметовъ вниманія и разговоровъ въ огромной столицѣ Англіи; вѣрующіе и невѣрующіе, знатные и незнатные, англичане и иностранцы, всѣ спѣшили въ каледонскую церковь, чтобы видѣть и послушать замѣчательнаго проповѣдника. Это вниманіе утвердило Ирвинга въ той мысли, что онъ призванъ быть карающимъ проповѣдникомъ покаянія, и, при сознаніи мнимаго своего призванія, онъ началъ съ самоувѣренностію нападать на всѣ обычаи и злоупотребленія англійской церкви. Проповѣди его скоро сдѣлались чрезвычайно длинными; нерѣдко отъ двухъ до четырехъ часовъ онъ приковывалъ къ себѣ своихъ слушателей, поражая ихъ обиліемъ своихъ мыслей и словъ.

Особенное вниманіе возбудила проповѣдь, произнесенная Ирвингомъ въ 1824-мъ году въ лондонскомъ миссіонерскомъ обществѣ и продолжавшаяся нѣсколько часовъ. Общество это, слѣдуя принятому въ Англіи обыкновенію приглашать въ чрезвычайныя свои собранія какого-нибудь отличнаго и знаменитаго оратора, для привлеченія большаго числа слушателей предложило въ этотъ разъ Ирвингу принять на себя произнесеніе рѣчи; но скоро оно раскаялось въ своемъ выборѣ, горько обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ. Положивъ въ основаніе своей рѣчи наставленія, данныя Господомъ Апостоламъ при первомъ посольствѣ ихъ ко овцамъ погибшимъ дому Израилева (Матѳ. 10, 5—42), Ирвингъ старался доказывать, что постановленія миссіонерскаго общества въ главныхъ частяхъ своихъ противорѣчатъ заповѣди Спасителя: *не стяжите зла-*

та, ни сребра, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ и т. дал. (ст. 9. 10). Отсюда онъ вывелъ заключеніе, что совершенно противно священному Писанію, если миссіонерское общество обращаетъ вниманіе свое на деньги. По мнѣнію Ирвинга, слѣдуетъ высылать миссіонеровъ безъ всякихъ внѣшнихъ средствъ и пособій съ упованіемъ на то, что самъ Промыслъ дастъ имъ пропитаніе. «Хотя міръ во злѣ лежитъ», говоритъ онъ, «хотя мірская суетность бездушна, честолюбіе людей неизмѣримо и корыстолюбіе ихъ превышаетъ все; тѣмъ не менѣе я не могу не льстить себя надеждою, что нѣтъ страны въ свѣтѣ, гдѣ не нашлось бы хотя нѣсколько достойныхъ лицъ, готовыхъ оказать радушный пріемъ миссіонерамъ, странствующимъ какбы между небомъ и землею».

Весною 1825-го года Ирвингъ въ проповѣдяхъ своихъ сталъ принимать болѣе и болѣе тонъ пророческій и останавливаться на своеобразномъ толкованіи пророчествъ Даніила и новозавѣтнаго тайновидца Іоанна. Скоро затѣмъ онъ въ первый разъ высказался новымъ и необычайнымъ образомъ о человѣческомъ естествѣ Спасителя; онъ выразилъ мысль, что плоть Іисуса Христа есть плоть грѣховная, и что Ѵпостасное Слово Божіе восприняло нашу природу въ падшемъ ея состояніи. Къ концу 1828-го года появилось въ печати сочиненіе, въ которомъ Ирвингъ подробно раскрываетъ этотъ еретическій взглядъ свой.

Въ слѣдующемъ за тѣмъ году Ирвингъ предпринялъ путешествіе въ Шотландію, во время котораго онъ часто проповѣдывалъ въ церквахъ, на кладбищахъ и площадяхъ предъ необозримыми толпами слушателей. Въ печатномъ извѣстіи о проповѣдяхъ, произне-

сенныхъ имъ напр. въ Думфрисѣ и его окрестностяхъ, говорится между прочимъ: «вообще можно принять, что при проповѣдяхъ Ирвинга никогда не присутствовало менѣе 12—13000 человѣкъ». При каждомъ подобномъ случаѣ Ирвингъ излагалъ одинъ изъ своихъ любимыхъ предметовъ, именно—ученіе о св. Крещеніи, о скоромъ паденіи папизма, о близости тысящелѣтняго царства съ личнымъ присутствіемъ Спасителя на землѣ, о грѣховномъ естествѣ Искупителя, о преобразованіи всего земнаго шара съ животными, растеніями, ископаемыми и т. дал. Проповѣди его не столько отличались логическою послѣдовательностію, или точнымъ и основательнымъ раскрытіемъ избраннаго предмета, сколько цвѣтами богатой и изобрѣтательной фантазіи. Молитвенныя воззванія его поражали всѣхъ и сильно дѣйствовали на разгоряченное чувство слушателей.

Около этого времени Ирвингъ сдѣлался главнымъ дѣятелемъ въ упомянутыхъ шотландскихъ митингахъ и успѣлъ скоро убѣдить своихъ слушателей въ томъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ Самъ явится на землю и будетъ царствовать надъ сынами человѣческими. Мѣстомъ славы и торжества Спасителя будетъ, по словамъ Ирвинга, или Римъ, или Іерусалимъ,—избранное мѣсто, изъ котораго проистекутъ тогда рѣки веселія и орошатъ всю землю; тогда, продолжалъ Ирвингъ, произойдетъ вновь обильное изліяніе даровъ Св. Духа, истинно вѣрующіе будутъ говорить на неизвѣстныхъ имъ языкахъ, и однимъ изъ нихъ будетъ сообщенъ даръ исцѣлять недужныхъ, другимъ даръ понимать и истолковывать таинственное.

Когда приверженцы Ирвинга были приготовлены

такимъ образомъ къ ожиданію скораго явленія новой божественной Силы, многіе изъ нихъ дѣйствительно стали воображать, что они ощущаютъ въ себѣ даръ языковъ и даже даръ пророчества, и этимъ возбудили къ себѣ самое напряженное вниманіе публики. Мнимыми дарами этими они пользовались преимущественно во время раннихъ молитвенныхъ своихъ собраній, и каждую недѣлю обширная капелла, въ которой Ирвингъ совершалъ богослуженіе, была до того наполнена народомъ, привлеченнымъ необычайностію этихъ явленій, что часто нужно было прибѣгать къ помощи полиціи для избѣжанія безпорядковъ.

5-го Октября 1831-го года одинъ изъ учениковъ Ирвинга, говоря, какъ онъ думалъ, подъ вліяніемъ чудеснаго дара Святаго Духа, произнесъ восторженную рѣчь, въ которой предсказалъ скорое наступленіе благодатнаго царства Христова и гибель всѣхъ невѣрующихъ. Вслѣдъ за тѣмъ Ирвингъ принесъ торжественное благодареніе Всевышнему за то, что Онъ воздвигъ пророка въ своей Церкви, и сталъ подробно объяснять произнесенное пророчество. Зараза эта пристала и усиливалась мало по малу; другіе думали также ощущать въ себѣ пророческій даръ, и нѣкоторые изъ нихъ говорили иногда безъ остановки въ теченіи двухъ и трехъ часовъ свои восторженныя рѣчи. Предметомъ этихъ мнимо-пророческихъ рѣчей было, кромѣ предвозвѣщенія скораго наступленія новаго благодатнаго царства, сильное обличеніе англиканской церкви, которую эти пророки называли «Вавилономъ, полнымъ пороковъ и неправаго ученія», призывая вмѣстѣ съ тѣмъ людей выдти изъ этой «вѣроотступнической паствы».

Всѣ подобныя дѣйствія были одобрены Ирвингомъ, такъ какъ онѣ вполнѣ соотвѣтствовали настроенію и убѣжденіямъ его собственнаго изступленнаго ума. Собственныя проповѣди его продолжали имѣть огромное вліяніе на большую часть его слушателей, которые съ гордостію и удовольствіемъ думали видѣть въ немъ краснорѣчиваго защитника божественныхъ истинъ. Если же несостоятельность и нелѣпость нѣкоторыхъ изъ его взглядовъ иногда отталкивала отъ него умы болѣе разсудительные; то многіе снова были обольщаемы новизною его ученія и нерѣдко увлекались силою и выразительностію его языка. Самому Ирвингу казалось, что во время уединенія онъ ощущаетъ въ себѣ голосъ Духа Божія, и потому онъ съ удивительнымъ безстрашіемъ выполнялъ то, что считалъ непремѣннымъ долгомъ своего мнимо-божественнаго призванія.

Скоро однако бредни Ирвинга подверглись суду шотландской церкви, и въ Мартѣ 1833-го года его осудили, лишили званія пресвитеріанскаго пастора и закрыли его капеллу въ Эдинбургѣ. Ирвингъ переселился окончательно съ большинствомъ своихъ послѣдователей въ Лондонъ, гдѣ число послѣднихъ быстро стало возрастать, такъ что они, пользуясь свободою вѣроисповѣданія, скоро были въ состояніи выстроить въ одной изъ главныхъ лондонскихъ улицъ (Newman Street) новую, изящную капеллу съ помѣщеніемъ для 800 человѣкъ. Кромѣ этой главной своей церкви Ирвингіане пріобрѣли еще шесть другихъ молитвенныхъ домовъ въ Лондонѣ и его окрестностяхъ. Каждая изъ этихъ семи капеллъ носитъ названіе одной изъ семи малоазійскихъ, апостольскихъ Церквей, и имѣетъ сво-

ихъ мнимыхъ апостоловъ, пророковъ, ангеловъ, евангелистовъ и т. дал.

Среди этихъ благопріятныхъ, внѣшнихъ обстоятельствъ Ирвингъ издалъ прокламацію «ко всѣмъ христіанскимъ патріархамъ, архіепископамъ, епископамъ и настоятелямъ церквей, равно какъ къ императорамъ, королямъ и другимъ правителямъ христіанскихъ націй», въ которой возвѣщалось, что, послѣ долгихъ и усердныхъ молитвъ ихъ къ Богу, Господь благоволилъ наконецъ ниспослать снова даръ Святаго Духа на свою Церковь, и изъ среды шотландскихъ христіанъ избрать двѣнадцать мужей и поставить ихъ апостолами съ даромъ пророчества, равно какъ возстановить въ седми церквахъ (ирвингіанскихъ) Лондона образецъ того, чѣмъ должна быть теперь вселенская Церковь. «Къ этимъ-то апостоламъ и церквамъ», говорится далѣе, «должны обратиться нынѣ всѣ христіане, ожидающіе пришествія Христова; ибо Господь близъ есть; всѣ признаки нашего времени указываютъ на предстоящій страшный переворотъ, послѣ котораго наступитъ предсказанный въ новомъ завѣтѣ конецъ міра». «Только тѣ спасутся отъ послѣдней скорби», продолжаетъ далѣе Ирвингъ, «которые, подобно Ною, поспѣшатъ въ пріуготовляемый Богомъ ковчегъ (т. е. въ лоно ирвингіанства); всѣхъ прочихъ ожидаютъ страшныя скорби, описанныя въ Апокалипсисѣ». Чтобы распространить это ученіе, апостолы ирвингіанскіе въ сопровожденіи евангелистовъ, пророковъ, пастырей и учителей разсѣялись по всему свѣту, стараясь, какъ говоритъ Ирвингъ, «возвѣстить это, хотя не новое, евангеліе всѣмъ народамъ и искать не распространенія но-

вой секты, а возстановленія вселенской Церкви въ ея первобытномъ состояніи».

Скоро, послѣ обнародованія этой прокламаціи, Ирвинга снова потребовали на судъ предъ генеральнымъ собраніемъ представителей шотландской церкви. Онъ явился, но вмѣсто того, чтобы ждать приговора своего за ересь, онъ всталъ и въ торжественной рѣчи объявилъ судьямъ своимъ, что скоро постигнетъ ихъ страшный судъ Божій. Послѣ этого, находясь въ г. Глазговѣ, Ирвингъ заболѣлъ и умеръ на 42-мъ году своей жизни.

Общество послѣдователей Ирвинга называетъ себя «каѳолическою и апостольскою Церковью» или просто «Церковью» (the Church), не усвояя себѣ впрочемъ исключительнаго права на это названіе, но только отказываясь отъ всякаго другаго. Они признаютъ это названіе общимъ для всѣхъ, исповѣдующихъ Іисуса Христа и крещенныхъ во имя Пресвятой Троицы, и считаютъ себя частію этой обще-христіанской Церкви; упорно отвергаютъ они усвоенное имъ названіе Ирвингіанъ, считая это имя невѣрнымъ и обиднымъ для себя, такъ какъ они нигдѣ не хотятъ признать себя особыми сектантами или отщепенцами отъ мѣстнаго общества христіанъ и отъ церкви, господствующей въ томъ мѣстѣ, гдѣ они живутъ. Вопреки ученію большинства протестантовъ, Ирвингіане признаютъ непрерывное продолженіе истинной Церкви со временъ апостольскихъ и дѣйствительность трехъ степеней священства — епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, рукополагаемыхъ чрезъ апостольское преемство. Собираясь отдѣльными обществами (конгрегаціями) и учреждая для своихъ послѣдователей особые чины богослуженія

и особыя молитвенныя собранія, Ирвингіане оправдывают себя отъ обвиненія въ расколѣ тѣмъ, что будто бы они на это имѣютъ право на основаніи свыше даннаго имъ порученія — положить начало обновленію Церкви Христовой въ ея первоначальной апостольской чистотѣ. Вмѣсто того, чтобы по примѣру другихъ сектъ считать себя обществомъ новымъ или единою, истинною Церковью, съ исключеніемъ всѣхъ прочихъ церквей, Ирвингіане напротивъ утверждаютъ, что ихъ особенное призваніе заключается въ томъ, чтобы возсоединить разсѣянныхъ членовъ единаго тѣла Христова.

Необходимымъ условіемъ для такого возсоединенія всѣхъ христіанъ и для возстановленія первоначальной чистоты Церкви Ирвингіане считаютъ возобновленіе въ Церкви чрезвычайныхъ, видимыхъ даровъ Святаго Духа, отличавшихъ собою Церковь первенствующую. Оскудѣніе этихъ чрезвычайныхъ дарованій, равно какъ прекращеніе въ Церкви особаго служенія Апостоловъ, Пророковъ и Евангелистовъ было, по мнѣнію Ирвингіанъ, причиною того, что скоро послѣ временъ апостольскихъ Церковь Христова будто бы утратила часть своей первоначальной чистоты и святости (не переставая впрочемъ быть истинною Церковью); въ томъ же оскудѣніи чрезвычайныхъ даровъ и служеній Ирвингіане хотятъ видѣть причину раздробленія единаго общества христіанъ на многочисленныя, другъ другу враждебныя секты. Останавливаясь на словахъ св. Апостола Павла: *и той* (Іисусъ Христосъ) *далъ есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители, къ совершенію святыхъ,* и т. д. (Еф. 4, 11—13), —они думаютъ въ

этихъ словахъ видѣть подтвержденіе своей мысли о необходимости не только пастырей и учителей, но и преемственнаго ряда апостоловъ, пророковъ и евангелистовъ, какъ степеней священства, нужныхъ во всякое время для созиданія тѣла Христова. Въ пророчествахъ слова Божія о кончинѣ міра и о второмъ пришествіи Господнемъ Ирвингіане, согласно съ первыми основателями своего общества, видятъ обѣтованіе о томъ, что Іисусъ Христосъ снова ниспошлетъ истинно вѣрующимъ своей земной Церкви тѣже чудодѣйственные дары Святаго Духа, которыми отличались первенствующіе христіане, и снова воздвигнетъ изъ среды вѣрующихъ апостоловъ, пророковъ и евангелистовъ; этимъ Господь, по ихъ словамъ, положитъ начало обновленію и очищенію своей Церкви, равно какъ возсоединенію разрозненныхъ нынѣ членовъ своего Тѣла, и тѣмъ пріуготовитъ второе, славное свое пришествіе на землю. Это-то обновленіе Церкви началось, по мнѣнію Ирвингіанъ, въ настоящее время въ ихъ обществѣ, которое поэтому, какъ святое сѣмя, должно проникнуть и очистить всѣ части имѣющаго обновиться Тѣла Христова, т. е. всѣ частныя христіанскія церкви и секты.

Чтобы составить себѣ болѣе ясное понятіе о духѣ и направленіи этого замѣчательнаго общества, приведемъ слова, въ которыхъ извѣстный германскій ученый Тиршъ, бывшій протестантскій профессоръ богословія при марбургскомъ университетѣ, излагаетъ причины, побудившія его и другихъ къ тому, чтобы принять сторону Ирвингіанъ и даже явно вступить въ ихъ общество. Въ посланіи своемъ къ марбургскому суперинтенденту онъ прямо говоритъ, что на-

стоящему состоянію Церкви Христовой, разрозненной вовнѣ и раздираемой внутренними несогласіями, нельзя помочь никакими человѣческими усиліями, если самъ Богъ не пошлетъ на нее снова Духа Святаго въ томъ обиліи даровъ, какое было въ первобытной христіанской Церкви. «Въ такое время, какъ настоящее», продолжаетъ Тиршъ, «слухъ о томъ, что Богъ положилъ начало обновленію своей Церкви, ниспославъ снова дѣйствія чрезвычайныхъ даровъ Святаго Духа и возстановивъ необходимыя для возсозданія и совершенія Церкви должности (апостоловъ, пророковъ и евангелистовъ) въ ихъ чистотѣ и совершенствѣ, долженъ обрадовать всѣхъ истинныхъ христіанъ. И мое желаніе и мой долгъ—доказать моимъ собратіямъ, что эта вѣсть—не выдумка, а совершенная правда. По долголѣтнемъ изслѣдованіи, послѣ личнаго наблюденія и всесторонняго знакомства съ этимъ дѣломъ, я долженъ сообщить другимъ то, въ чемъ я самъ убѣдился: эти дары, которые обильно выражаются въ пророчествахъ, рѣчахъ и языкахъ въ апостольскихъ (ирвингіанскихъ) церквахъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ, оказываются дѣйствительными дарами Духа Святаго и служатъ доказательствомъ Его присутствія въ этихъ церквахъ. Свѣтъ, распространяемый пророками этихъ церквей на тайны священнаго Писанія, есть дѣйствительно свѣтъ божественный. Богослуженіе, въ томъ видѣ, какой оно снова получило въ этихъ церквахъ, оказывается по своей чистотѣ, по достоинству и обильнымъ благословеніямъ—настоящимъ богопочтеніемъ древней Церкви. Истинная богобоязненность, благочестіе и всестороннее исполненіе обязанностей въ членахъ обновленной церкви ясно свидѣ-

тельствуютъ о томъ, что здѣсь проявляются плоды духовнаго исцѣленія. И даже то, что представляется особенно страннымъ — возстановленіе званія апостоловъ,—будучи разсматриваемо въ свѣтѣ и связи цѣлаго, получаетъ полное свое значеніе. Правда, все это еще только начало самаго дѣла; еще усматриваются въ немъ несовершенства; еще много предстоитъ ему преодолѣть и внутреннихъ затрудненій. Но при ближайшемъ знакомствѣ съ самымъ дѣломъ, всѣ недостатки теряются, а самая сущность остается дѣломъ Божіимъ, назначеннымъ и способнымъ къ тому, чтобы пріуготовить христіанство ко второму пришествію нашего Господа, подобно тому, какъ посланіе Іоанна Крестителя предшествовало Его первому явленію».

Въ этихъ словахъ одного изъ извѣстнѣйшихъ членовъ разсматриваемаго нами общества ясно выраженъ и духъ, и характеръ ирвингіанства. Что касается до управленія Церкви, то оно, по ученію секты, должно находиться въ рукахъ двѣнадцати апостоловъ, избранныхъ и рукоположенныхъ не людьми, а призванныхъ и посланныхъ непосредственно самимъ Богомъ. Частныя же церковныя собранія Ирвингіанъ находятся подъ пастырскимъ управленіемъ ангеловъ или епископовъ, которымъ содѣйствуютъ въ дѣлѣ служенія пресвитеры и діаконы; послѣдніе избираются изъ тѣхъ конгрегацій, въ которыхъ имъ назначено служить, и получаютъ рукоположеніе или отъ апостоловъ, или отъ ангеловъ, по порученію апостоловъ. Пресвитеры призываются на служеніе пророками, а потомъ принимаютъ рукоположеніе отъ апостоловъ; изъ числа же пресвитеровъ чрезъ подобное же призваніе и рукоположеніе избираются ангелы (епископы).

Что касается до богослуженія, то таинство Евхаристіи совершается и преподается всѣмъ, кромѣ воскресныхъ дней, еще въ нѣкоторые недѣльные, смотря по числу пресвитеровъ въ каждой конгрегаціи; а гдѣ конгрегаціи велики, тамъ первые и послѣдніе часы каждаго дня также посвящены богослуженію; при достаточномъ же числѣ пресвитеровъ бываютъ кромѣ того ежедневно общественныя молитвословія и другія службы съ болѣе исключительною цѣлію проповѣдывать и поучать присутствующихъ истинамъ Вѣры. Самый чинъ богослуженія у Ирвингіанъ, примѣнительно къ цѣли ихъ—возстановить апостольскую Церковь, заимствованный изъ древнѣйшихъ памятниковъ христіанскаго богослуженія, поразительно сходствуетъ съ богослуженіемъ православной Церкви, которая одна только изъ числа всѣхъ нынѣ существующихъ христіанскихъ обществъ сохранила во всей чистотѣ какъ вѣроученіе, такъ и образъ общественнаго богопочтенія древней вселенской Церкви (*).

(*) Во время пребыванія моего въ Лондонѣ, лѣтомъ 1858 года, я имѣлъ случай присутствовать при богослуженія въ главной упомянутой выше ирвингіанской церкви (въ Ньюменъ-стритѣ). Все въ этой церкви живо напоминало мнѣ объ отечественныхъ нашихъ православныхъ церквахъ: и устройство храма, и богослуженіе, и самые священные сосуды и облаченія священнослужителей. Церковь Ирвингіанъ отличается уже совнѣ какъ изяществомъ своей архитектуры, такъ въ особенности крестомъ на верху,—особенностію, рѣдко встрѣчающеюся въ Англіи, гдѣ на щпицахъ и колокольняхъ храмовъ обыкновенно либо нѣтъ ничего, либо поставлено изображеніе пѣтуха, или даже какого-нибудь англійскаго короля! При входѣ въ самую церковь Ирвингіанъ, взоръ посѣтителя встрѣчаетъ, вмѣсто обычныхъ въ протестантскихъ храмахъ голыхъ стѣнъ, украшенныхъ лишь каѳедрою для проповѣдника,—различныя изображенія Спасителя, Апостоловъ и другихъ священныхъ лицъ, помѣщенныя частію на окон-

Мы видѣли, что главное отличіе Ирвингіанъ заключается въ томъ, что, по ихъ мнѣнію, апостольство въ смыслѣ непрерывно продолжающейся іерархической степени есть необходимое условіе присутствія въ Церкви благодатныхъ даровъ Св. Духа. Прекращеніе

ныхъ стеклахъ, частію на стѣнахъ. Въ глубинѣ церкви находится арка, подъ которою устроенъ большой амвонъ, служащій алтаремъ и отдѣленный рѣшеткою отъ прочей части храма. Въ алтарѣ кромѣ престола и жертвенника помѣщено, по примѣру священнаго сопрестолія древнихъ церквей, возвышенное сѣдалище для ангела (епископа), шесть меньшихъ для старѣйшинъ и еще меньшіе для другихъ, низшихъ церковныхъ степеней. Остальная часть храма занята скамьями для присутствующихъ мірянъ.

Во время посѣщенія мною этой церкви, совершалась въ ней Литургія. Священнослужители (пресвитеръ и діаконъ) носили бѣлыя облаченія, весьма сходныя по покрою и назначенію съ употребляемыми въ православной Церкви; у пресвитера я могъ замѣтить кромѣ круглой и со всѣхъ сторонъ длинной верхней одежды, соотвѣтствующей нашей фелони, епитрахиль и поручи; діаконъ носилъ подобный нашему орарь на лѣвомъ плечѣ поверхъ стихаря. Самая Литургія Ирвингіанъ и по содержанію молитвъ, и по образу совершенія, всѣмъ вообще напоминала собою Литургіи, донынѣ употребляемыя въ православной Церкви. На молитвы эктеній и на возгласы пресвитера отвѣчали хоромъ всѣ присутствовавшіе подъ руководствомъ діакона; послѣ благодарственныхъ молитвъ, освященія даровъ (крестнымъ знаменіемъ), пѣнія молитвы: «Отче нашъ», и причащенія священнослужителей, пріобщались всѣ присутствовавшіе, подходя къ рѣшеткѣ амвона и принимая по древнему обычаю отдѣльно хлѣбъ и отдѣльно вино: хлѣбъ преподаваемъ былъ становившимся на колѣна вдоль рѣшетки мірянамъ пресвитеромъ, чашу преподавалъ діаконъ.—Пресвитеръ неоднократно во время богослуженія благословлялъ присутствующихъ крестнымъ знаменіемъ, и употреблялъ кадило, ладонъ и свѣчи.

Все это не можетъ не поражать при мысли о томъ, что общество Ирвингіанъ возникло въ протестантскомъ мірѣ, совершенно отказавшемся отъ всѣхъ этихъ древнѣйшихъ принадлежностей христіанскаго богослуженія, и донынѣ главнымъ образомъ состоитъ изъ людей, принадлежавшихъ прежде къ той или другой протестантской сектѣ.

въ Церкви апостольскаго служенія было по словамъ Ирвингіанъ причиною оскудѣнія даровъ Св. Духа (послѣ временъ апостольскихъ), причиною прекращенія дара языковъ, пророчества и другихъ видимыхъ благодатныхъ дарованій. Апостолы, говорятъ Ирвингіане, должны управлять Церковью, они одни могутъ чрезъ возложеніе рукъ низводить на вѣрующихъ Святаго Духа; между тѣмъ не было на землѣ Апостоловъ въ теченіи 18-ти вѣковъ. Нынѣ же Господь, полагая основаніе для благодатнаго обновленія своей Церкви, снова воздвигаетъ апостоловъ, и эти апостолы дѣйствуютъ въ ирвингіанскомъ обществѣ. Такимъ образомъ Церковь Христова, по словамъ Ирвингіанъ, совершила тяжкій грѣхъ тѣмъ, что она не поддержала у себя апостольскаго служенія и этимъ сама положила начало позднѣйшему своему растлѣнію.

Что̀ сказать объ этомъ ученіи? Еслибы дѣйствительно, скажемъ съ своей стороны, служеніе Апостоловъ должно было продолжаться непрерывно въ Церкви, если оно есть необходимое условіе сохраненія въ Церкви благодатныхъ дарованій; то на кого падаетъ вина въ прекращеніи этого служенія? Очевидно на самихъ Апостоловъ Господнихъ, которые, рукополагая повсюду епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ для созидаемыхъ ими Церквей, нигдѣ однако не поставили себѣ преемниковъ съ апостольскимъ полномочіемъ. Но возможно ли допустить подобную нелѣпость? Одаренные Духомъ Божіимъ, Апостолы, безъ сомнѣнія, не менѣе нынѣшнихъ Ирвингіанъ знали, какія условія потребны для того, чтобы Церковь Божія сохраняла въ себѣ благодатныя дарованія Святаго Духа, по отшествіи ихъ; какъ же возможно, чтобы они не воздвигли

преемниковъ своего апостольства, еслибы это дѣйствительно было необходимо? Ирвингіане въ подтвержденіе мысли своей о необходимости апостольскаго служенія въ Церкви, указываютъ, какъ мы видѣли, на слова Апостола Павла: *той далъ есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники* и т. д.; но отъ чего же, спрашивается, тотъ же Апостолъ не воздвигъ уполномоченнаго преемника своему апостольскому служенію? Отъ того, конечно, что этого не нужно было по намѣреніямъ Господа Іисуса Христа и озарявшаго Апостола Святаго Духа. Апостольское служеніе, безъ сомнѣнія, необходимо въ Церкви во всѣ времена, но не въ видѣ уполномоченныхъ надъ *всею* Церковью боговдохновенныхъ Апостоловъ, которые составляли бы особую, высшую и отдѣльную отъ епископской, іерархическую степень; такое ученіе собственно есть не что иное, какъ повтореніе и видоизмѣненіе давно возникшей на Западѣ ереси, выразившейся въ римской Церкви въ ученіи объ «апостольскомъ престолѣ», о непогрѣшимости папы и его апостольскомъ полномочіи надъ всѣми епископами.

Въ связи съ ученіемъ своимъ объ апостольствѣ, Ирвингіане, какъ мы видѣли, учатъ, что видимые дары Святаго Духа, отличавшіе собою Церковь первенствующую при жизни Апостоловъ, должны и во всякое другое время служить признакомъ присутствія Святаго Духа въ Церкви Господней. Но на чемъ же основывается такое ученіе? По словамъ Тирша (*), эта мысль подтверждается тѣмъ, что немедленно, послѣ оскудѣнія въ Церкви видимыхъ даровъ Святаго Духа,

(*) Смотр. его Vorlesungen über Katholicismus und protestantismus.

появились ереси и раздоры, свидѣтельствовавшіе о томъ, что вмѣстѣ съ видимыми дарами благодати изсякли и невидимые, духовные. Но развѣ не было въ Церкви ересей и раздоровъ еще при жизни Апостоловъ, въ то время, когда повсюду проявлялись между членами юной Церкви внѣшнія знаменія присутствія Божественнаго Духа? Развѣ, съ другой стороны, эти внѣшнія знаменія не продолжались въ Церкви и послѣ Апостоловъ во все время постепеннаго возникновенія новыхъ ересей? И не продолжаются ли они даже донынѣ въ истинной Церкви (*)? Притомъ, кто далъ намъ право большимъ или меньшимъ обиліемъ внѣшнихъ, чудесныхъ дарованій опредѣлять мѣру благодати, осѣняющей Церковь? *Родъ лукавъ и прелюбодѣйный знаменія ищетъ, знаменіе же не дастся ему,* сказалъ Господь Іудеямъ. *Блажени не видящіи, но вѣрующіе,* сказано было Апостолу Ѳомѣ въ упрекъ за его маловѣріе. И такъ мы должны вѣровать непреложнымъ изреченіямъ Господа, по которымъ врата адова не могутъ одолѣть Церкви Его, по которымъ Самъ Онъ пребываетъ въ Церкви своей вовѣкъ, и *на всегда* ниспослалъ ей Утѣшителя, животворящаго Духа истины. А знаменіемъ дѣйствительнаго присутствія Духа истины въ извѣстномъ христіанскомъ обществѣ и въ извѣстное время должны служить не частныя, чудесныя дѣйствія, а неизмѣнное сохраненіе истиннаго ученія, дѣйствительнаго преемства апостольскаго въ лицѣ пастырей Церкви и истиннаго совершенія таинствъ.

(*) Припомнимъ нетлѣніе св. мощей, чудесныя исцѣленія болѣзней, нерѣдко встрѣчающіяся и нынѣ въ православной Церкви, даръ прозорливости въ подвижникахъ и проч.

Что же касается до внѣшнихъ, видимыхъ знаменій, то обиліе ихъ въ Церкви первенствующей, точно также какъ и чрезвычайное служеніе Апостоловъ, зависѣло не отъ того, какъ думаютъ Ирвингіане, чтобы Духъ Божій осѣнялъ Церковь тогда въ большей мѣрѣ, чѣмъ во времена позднѣйшія; оно было дѣйствіемъ премудрой благости Божіей, снисходившей къ слабости очерствѣлыхъ сердецъ Іудеевъ и язычниковъ, которые, только при посредствѣ видимыхъ осязательныхъ знаменій, могли быть озарены благодатнымъ свѣтомъ Евангелія. Когда же Церковь утвердилась на землѣ, когда вѣщаніе Апостоловъ *изыде во всю землю* и всѣмъ отверзло врата небеснаго царствія; тогда эти видимыя знаменія сдѣлались излишними для дальнѣйшаго утвержденія и успѣха Евангелія, и потому стали оскудѣвать. У Ирвингіанъ разбираемое нами ученіе о значеніи апостольства и видимыхъ даровъ Святаго Духа легко могло родиться отъ того, что они, не зная православной, истинной Церкви и будучи воспитаны въ нѣдрахъ протестантизма, не видятъ около себя въ западно—христіанскомъ мірѣ ничего, кромѣ заблужденій, упадка вѣры и нравственности, и предполагаютъ, что такова доля *всего* христіанскаго міра, *всѣхъ* обществъ и вѣроисповѣданій. Обращаясь за тѣмъ взорами къ Церкви первенствующей, къ Церкви неоспоримо чистой, по сознанію всѣхъ вообще христіанъ, Ирвингіане въ ея быту хотятъ найти свойства и принадлежности, позднѣйшее оскудѣніе которыхъ могло бы служить имъ ключемъ къ рѣшенію вопроса, чего собственно недостаетъ нынѣшнимъ (западнымъ) христіанскимъ обществамъ, чтобы быть истинно облагодатствованнымъ Тѣломъ Христовымъ. Но вмѣсто того,

чтобы остановиться вниманіемъ на томъ, что дѣйствительно могло бы вести ихъ къ правильному рѣшенію этой задачи, они останавливаются главнымъ образомъ на признакахъ временныхъ, внѣшнихъ и случайныхъ,—на чрезвычайномъ служеніи Апостоловъ и видимыхъ, чудесныхъ знаменіяхъ, и въ возстановленіи этихъ собственно признаковъ хотятъ видѣть необходимое условіе для обновленія растлѣвшаго на Западѣ христіанства; въ этомъ заключается основное ихъ заблужденіе.

При всемъ томъ Ирвингіане однако не опускаютъ изъ вниманія другихъ качествъ, существенно отличавшихъ собою первенствующую Церковь; они стремятся къ тому, чтобы и въ вѣроученіи, и въ богослуженіи возстановить первобытную (утраченную, по ихъ мнѣнію, нынѣ повсюду) чистоту апостольскихъ Церквей, и при этомъ поразительно сближаются во многихъ отношеніяхъ съ Церковью православною, дѣйствительно сохранившею неповрежденнымъ апостольское наслѣдіе. Едва ли какое-нибудь другое явленіе на Западѣ можетъ сильнѣе и осязательнѣе этого свидѣтельствовать въ пользу нашей Церкви, какъ Церкви истинной, непреложно апостольской и православной: люди, не знающіе нашего восточнаго православія, но убѣдившіеся, что и папизмъ, и протестантизмъ съ его отраслями составляютъ двѣ крайности, уклонившіяся отъ апостольской истины, начинаютъ путемъ усиленныхъ изслѣдованій изучать и усвоять себѣ все, что по ихъ мнѣнію, должно составлять собою существенныя черты истинной Церкви; не будучи озаряемы въ этомъ дѣлѣ Духомъ Божіимъ, пребывающимъ лишь въ православной Церкви, но руководствуясь собствен-

ными своими соображеніями и дѣйствуя подъ вліяніемъ предзанятыхъ мыслей, они впадаютъ въ новыя крайности, принимаютъ временный образъ дѣйствій благодати за необходимый признакъ ея присутствія въ Церкви; но въ тоже время, путемъ историческихъ изысканій, доходятъ до убѣжденія во многихъ истинахъ и постановленіяхъ нашей православной Церкви.

Мы не намѣрены теперь заняться подробнымъ раскрытіемъ ирвингіанскаго вѣроученія,—это повело бы насъ слишкомъ далеко; мы ограничимся тѣмъ, чтобы въ немногихъ чертахъ указать главныя отличія ирвингіанской догматики отъ западнаго христіанства и вмѣстѣ черты сходства ея съ православіемъ. Не забудемъ при этомъ, что Ирвингіане, подъ обаяніемъ мысли о значеніи своемъ, какъ о начаткѣ обновленія всѣхъ нынѣшнихъ христіанскихъ обществъ, не хотятъ составлять собою отдѣльнаго отъ другихъ церковнаго общества и потому не имѣютъ особыхъ символическихъ книгъ (*). Свѣденія о ихъ вѣроученіи поэтому должны быть заимствованы изъ сочиненій, обнародованныхъ въ новѣйшее время нѣкоторыми изъ главныхъ представителей этого общества. Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ сочиненіе (**)

(*) Единственное ирвингіанское сочиненіе, имѣющее отчасти видъ символической книги (The Liturgy and other divine offices of the Church), излагаетъ истины христіанскаго вѣроученія въ такихъ общихъ и неопредѣленныхъ чертахъ, что оно никакъ не можетъ служить источникомъ къ уразумѣнію *отличительнаго* ирвингіанскаго ученія.

(**) Это сочиненіе написано Тиршемъ еще *до* его явнаго вступленія въ ирвингіанское общество; но по душѣ, какъ видно изъ самаго сочиненія, Тиршъ тогда уже вполнѣ принадлежалъ ирвингіанству. Первая часть этого сочиненія посвящается разбору ученія о

упомянутаго выше профессора Тирша: «Чтенія о католицизмѣ и протестантизмѣ (Vorlesungen über Katholicismus und Protestantismus), и книга, написанная однимъ изъ нынѣшнихъ евангелистовъ ирвингіанскихъ въ Германіи, Бёмомъ (Böhm), подъ заглавіемъ: «Тѣнь и свѣтъ въ нынѣшнемъ состояніи Церкви» (Schatten und Licht in der gegenwärtigen Zustand der Kirche). Изъ этихъ и другихъ, менѣе важныхъ по содержанію, сочиненій Ирвингіанъ мы можемъ убѣдиться въ томъ, что члены этого общества, стараясь найти средній путь между дознанными ими крайностями римскаго и протестантскаго вѣроученій, часто, какъ замѣчено выше, попадаютъ на истину. Такъ въ ученіи о первобытномъ состояніи человѣка, о его паденіи, о существѣ и условіяхъ нашего искупленія, объ отношеніи между бла-

---

Церкви; здѣсь Тиршъ раскрываетъ мысль, что предполагаемое имъ уклоненіе всей Церкви отъ чистоты апостольской началось во 2-мъ вѣкѣ, вслѣдсвіе того, что, со смертію Апостоловъ и съ прекращеніемъ видимыхъ, чудесныхъ дарованій, изсякла въ Церкви и благодать Святаго Духа. Примѣнительно къ имѣвшему, по его мнѣнію, мѣсто постепенному уклоненію Церкви отъ первоначальной чистоты ея, Тиршъ раздѣляетъ все существованіе Церкви Христовой на землѣ на слѣдующіе періоды и степени: ближе всѣхъ къ чистотѣ апостольской Церкви находится, по его словамъ, наша восточная Церковь (которую онъ впрочемъ, какъ видно изъ всего сочиненія, мало знаетъ въ ея истинномъ духѣ и направленіи). За тѣмъ слѣдуетъ римская Церковь, въ томъ, уже болѣе далекомъ отъ апостольской чистоты, видѣ, въ какомъ она явилась, по отдѣленіи своемъ отъ Востока. Наконецъ протестантство, предпринявшее возстановленіе апостольской истины, но на дѣлѣ только уклонившееся еще далѣе отъ праваго пути. — Во второй части своего сочиненія Тиршъ раскрываетъ, съ своей (ирвингіанской) точки зрѣнія главные пункты христіанскаго вѣроученія съ достаточною опредѣленностію, такъ что эта часть можетъ служить удовлетворительнымъ источникомъ для изученія ирвингіанства,

годатію и человѣческою свободою мы не встрѣчаемъ у Ирвингіанъ ничего другаго, какъ ученіе, которое въ томъ же видѣ и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ могло излиться изъ устъ православнаго пастыря Церкви. Въ ученіи о Церкви и о таинствахъ съ бо́льшею рѣшительностію обнаруживается протестантское происхожденіе ирвингіанскаго вѣроученія, какъ-то: въ упомянутомъ уже выше понятіи Ирвингіанъ о томъ, что Церковь состоитъ изъ *всѣхъ* крещенныхъ во имя Пресвятой Троицы, и въ допущеніи ими лишь *двухъ* таинствъ, Крещенія и Причащенія; но и здѣсь съ другой стороны сближеніе ихъ съ православною истиною также проявляется въ разныхъ частностяхъ, небывалыхъ прежде въ протестантскомъ мірѣ. Такъ въ ученіи о Церкви, Ирвингіане признаютъ видимую и воинствующую на землѣ Церковь со всею ея іерархіею, истинно божественнымъ учрежденіемъ, истиннымъ тѣломъ Христовымъ, находящимся во всѣ времена подъ управленіемъ невидимой Главы, Іисуса Христа. Однимъ этимъ Ирвингіане уже поставляютъ себя гораздо ближе къ православію, чѣмъ къ протестантству, избѣгая весьма гибельнаго заблужденія послѣдняго, по которому Церковь истинная есть общество чисто невидимое, духовное, и Господь, дѣйствуя самъ непосредственно на душу человѣка, не учредилъ на землѣ никакого внѣшняго и необходимаго для спасенія авторитета и посредничества. Тоже самое надобно сказать и о таинствахъ: будучи согласны съ протестантами относительно *числа* святыхъ таинствъ, Ирвингіане въ ученіи о существѣ и дѣйственности таинствъ напротивъ прокладываютъ себѣ прямо путь къ православному ученію; они избѣгаютъ въ этомъ случаѣ какъ взгляда

папистовъ на дѣйственность таинствъ—ex opere operato, такъ и направленія протестантовъ, по которому таинства почти превращаются въ простые знаки божественныхъ обѣтованій. Согласно съ православнымъ ученіемъ Ирвингіане видятъ въ таинствѣ Крещенія дѣйствительное средство къ возрожденію человѣка и въ таинствѣ Евхаристіи *безкровную жертву*, въ которой истинно и дѣйствительно предлагается во спасеніе вѣрующимъ пречистое тѣло и кровь Господа.

Вообще можно сказать утвердительно, что, за исключеніемъ основнаго заблужденія Ирвингіанъ (относительно апостольскаго служенія и видимыхъ даровъ Святаго Духа, и въ связи съ этимъ относительно имѣющаго скоро наступить пришествія Христова), это общество, свидѣтельствуя всѣмъ своимъ бытомъ въ пользу нашей Церкви, вмѣстѣ подаетъ надежду на то, что свѣтъ чистаго и ничѣмъ не омраченнаго православнаго ученія, сіяющій у насъ и у единовѣрныхъ намъ восточныхъ христіанъ, снова можетъ озарить заблудшихъ овецъ западныхъ церквей. Усиліями мнимыхъ и самообольщенныхъ, но тѣмъ не менѣе благонамѣренныхъ апостоловъ и евангелистовъ ирвингіанскихъ подготовляется, можетъ быть, на Западѣ почва, на которой со временемъ, при помощи божественной благодати, созрѣетъ обильная жатва для истинно богопризванныхъ пастырей восточныхъ.

Заключимъ рѣчь свою объ ирвингіанахъ краткими замѣтками о томъ, въ какомъ положеніи нынѣ находится это общество и каковъ успѣхъ его усилій распространять на Западѣ свое вліяніе. Естественно, что въ такое время, какъ наше, когда господствующія на Западѣ вѣроисповѣданія болѣе и болѣе обна-

руживаютъ свою несостоятельность, когда въ римскомъ мірѣ господствуетъ суевѣріе и папскій деспотизмъ, а у протестантовъ невѣріе и ничѣмъ необуздываемая и неруководимая свобода мысли,—въ такое время общество въ родѣ ирвингіанскаго не можетъ не имѣть значительнаго успѣха. Успѣху его не мало можетъ способствовать и то, что Ирвингіане, являясь въ растлѣвшемъ нравственно мірѣ проповѣдниками покаянія и обновленія, нигдѣ однако не требуютъ отъ своихъ послѣдователей внѣшняго отдѣленія отъ того христіанскаго общества, къ которому они дотолѣ принадлежали; поэтому у Ирвингіанъ есть, кромѣ явныхъ, много тайныхъ послѣдователей не только между протестантами, но и въ нѣдрахъ римской Церкви. Изъ Англіи, отечества ирвингіанства, апостолы и евангелисты этого общества расходятся по всѣмъ странамъ христіанскаго міра и привлекаютъ къ себѣ послѣдователей и устно, и письменно. Такимъ образомъ они успѣли составить отдѣльныя конгрегаціи изъ явныхъ своихъ послѣдователей въ Германіи (напр. въ Берлинѣ), во Франціи, Швейцаріи и сѣверной Америкѣ. Въ самой Англіи находится теперь болѣе 30-ти конгрегацій, состоящихъ изъ 6000 человѣкъ, и число ихъ постоянно увеличивается.

Недавно нѣкоторые изъ старѣйшинъ ирвингіанскихъ посѣщали православное богослуженіе въ нашей лондонской посольской церкви и при этомъ случаѣ выражали полное свое сочувствіе къ малоизвѣстной для нихъ, но тѣмъ не менѣе глубоко уважаемой ими восточной Церкви.

И. Осининъ.

СЛОВО

ПРИ ВСТУПЛЕНІИ НА КАѲЕДРУ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ, ПРОИЗНЕСЕННОЕ ПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ МАКАРІЕМЪ, ЕПИСКОПОМЪ ХАРЬКОВСКИМЪ И АХТЫРСКИМЪ, ВЪ ХАРЬКОВСКОМЪ КАѲЕДРАЛЬНОМЪ СОБОРѢ 7-ГО ІЮНЯ 1859 ГОДА.

Горняя мудрствуйте, а не земная (Кол. 3, 2).

Да будутъ эти священныя слова великаго Апостола первымъ урокомъ отъ моего недостоинства вамъ, братіе и вмѣстѣ новыя чада мои о Господѣ!

Всѣ мы, прежде всего, должны быть людьми, должны развивать себя, жить и дѣйствовать сообразно съ нашимъ назначеніемъ. Въ чемъ же состоитъ оно? Чудное созданіе человѣкъ! Тѣломъ онъ есть существо земное, а духомъ существо горнее. На землѣ онъ живетъ только временно, а на небѣ будетъ жить вѣчно. Да и временно онъ живетъ на землѣ только для того, чтобы приготовиться къ горнему отечеству: вся наша земная жизнь есть собственно періодъ воспитанія нашего для вѣчной жизни. Значитъ, первый и главнѣйшій урокъ для насъ, какъ людей, всегда и вездѣ есть урокъ: «не привязывайтесь къ землѣ—вашему временному жилищу; стремитесь къ небу, гдѣ вамъ жить

вѣчно,—стремитесь и мыслями, и желаніями, и дѣйствіями; заботьтесь здѣсь болѣе всего о томъ, чтобы, по переходѣ туда явиться вамъ достойными гражданами горняго Іерусалима; *горняя мудрствуйте, а не земная*».

Но, братіе, съ того времени, какъ мы духовно пали въ лицѣ нашихъ прародителей и низвратили грѣхомъ всю нашу природу, мы не иначе можемъ сдѣлаться людьми и достигать своего человѣческаго назначенія, какъ сдѣлавшись прежде христіанами. Слѣдствіемъ нашего грѣхопаденія было то, что духъ нашъ поработился плоти, страсти начали преобладать надъ нашимъ разумомъ, и мы, хотя еще любимъ добро по своему естеству и чувствуемъ въ себѣ порывы къ горнему, но нравственно обезсиленные, невольно влечемся долу—ко всему земному, плотскому, грѣховному (Римл. 7, 14—20). И вотъ въ помощь намъ даровано Христіанство съ его сверхъестественными средствами. Христіанство преподаетъ намъ божественное ученіе. А для чего? Для того, чтобы возвысить нашъ духъ надъ всѣми заблужденіями земли и указать намъ путь къ горнему отечеству. Христіанство предлагаетъ намъ свои спасительныя таинства. А для чего? Для того, чтобы очистить нашу природу отъ всякаго грѣха, чтобы возродить и обновить насъ, дать снова законное господство нашему духу надъ плотію, нашему разуму надъ страстями, чтобы влить въ насъ *божественныя силы* (2 Петр. 1, 3), при пособіи которыхъ мы могли бы творить добро и твердо идти по указанному намъ пути къ горнему отечеству. Христіанство требуетъ отъ насъ благочестивой жизни. А въ чемъ должна состоять она? Въ томъ, чтобы мы *распинали плоть свою со*

страстьми и похотьми (Гал. 5, 24), *умерщвляли уды наша, яже на земли* (Кол. 3, 5), *ходили не по плоти, а по духу* (Рим. 8, 1), *вышнихъ искали, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя* (Кол. 3, 1). Словомъ: Христіанство, по своему составу и существу, имѣетъ цѣлію возстановить насъ въ первобытное состояніе, сдѣлать насъ истинными людьми, возвести насъ отъ земли на небо, дать намъ полную возможность достигать нашего высшаго назначенія. Поэтому первый и главнѣйшій урокъ для насъ, и какъ для христіанъ, есть урокъ: *горняя мудрствуйте, а не земная.*

Я не принадлежу, братіе, къ числу тѣхъ людей, которые смотрятъ на настоящее время, какъ на самый мрачный періодъ въ мірѣ христіанскомъ, и говорятъ, будто никогда еще порча нравовъ не доходила до такой степени, до какой дошла нынѣ. Увы! и прежде всегда на грѣшной землѣ порокъ былъ сильнѣе добродѣтели, и даже въ лучшія времена Христіанства, когда дѣйствовали полки мучениковъ и цѣлые сонмы высокихъ подвижниковъ, нечестіе гордо поднимало главу свою и являлось во всемъ своемъ безобразіи. Вѣрю и знаю по опыту, что и нынѣ есть, какъ бывали прежде, души добрыя, христіанскія, которыя дорожатъ своею вѣрою и всѣми мѣрами стараются быть *достойными* своего *званія* (Еф. 4, 1). Но можно ли, съ другой стороны, не согласиться, что господствующее, преобладающее направленіе нашего вѣка есть направленіе матеріальное, — земное, а не горнее? Всѣ эти изумительныя открытія и усовершенствованія новѣйшаго времени, относящіяся къ улучшенію земнаго быта человѣка, это поражающее развитіе ремеслъ, художествъ, торговли, капиталовъ, до гигантскихъ размѣровъ, эта

лихорадочная дѣятельность, обнимающая всѣ классы общества и направленная къ пріобрѣтенію богатства и сокровищъ—о чемъ все это свидѣтельствуетъ, какъ не о томъ, что нынѣ большинство людей заботится преимущественно о вещественныхъ интересахъ, а не о духовныхъ, объ удобствахъ и удовольствіяхъ временной жизни, забывая о жизни вѣчной? А потому если и всегда, то особенно въ наши дни необходимо, какъ можно чаще напоминать христіанамъ, если и всегда, то особенно нынѣ, первымъ урокомъ для нихъ долженъ быть урокъ: *горняя мудрствуйте, а не земная.*

Обращаясь, въ частности, къ тебѣ, богоспасаемый градъ Харьковъ, предназначенный быть отнынѣ средоточіемъ моей пастырской дѣятельности, я радуюсь духомъ при мысли о двухъ важнѣйшихъ твоихъ преимуществахъ, которыя суждены на долю не многимъ, весьма немногимъ отечественнымъ городамъ нашимъ. Радуюсь, что здѣсь преподаются науки во всей обширности современныхъ успѣховъ и отсюда разливаютъ благодѣтельный свѣтъ свой на всѣ области нашего южнаго края, что здѣсь влагаются прочныя убѣжденія въ умы юнаго поколѣнія, которое въ свою очередь передастъ ихъ послѣдующему роду. О, какъ же не пожелать мнѣ, чтобы эти науки развивались здѣсь истинно — по христіански, чтобы, изучая преимущественно вещественную природу и неизбѣжно *мудрствуя земная*, онѣ знали свои предѣлы, не вторгались въ область Вѣры и божественнаго Откровенія и не только не препятствовали намъ *мудрствовать горняя*, напротивъ благородно содѣйствовали всѣ, чѣмъ и какъ могутъ, къ утвержденію религіозныхъ началъ въ сердцахъ молодыхъ людей, составляющихъ цвѣтъ и на-

дежду роднаго края! Радуюсь, что здѣсь процвѣтаетъ торговля и совершаются обширные финансовые обороты, разливающіе довольство и матеріальное счастіе на обитателей и города, и всего края. О, далъ бы только Богъ, чтобы всѣ эти торговые обороты совершались законнымъ, христіанскимъ образомъ, чтобы занимающіеся ими не увлекались духомъ своекорыстія и несправедливости, не прилѣплялись сердцемъ къ благамъ земнымъ, а старались постоянно о пріобрѣтеніи и духовныхъ сокровищъ, которыя одни перейдутъ съ нами въ жизнь загробную! Прибавлю, что Харьковъ, какъ одинъ изъ многолюднѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ, представляетъ и весьма важное нравственное неудобство: въ подобныхъ городахъ гораздо болѣе соблазновъ и искушеній, почти на каждомъ шагу, нежели въ населеніяхъ меньшихъ. По всѣмъ этимъ, выгоднымъ и невыгоднымъ, обстоятельствамъ вмѣстѣ, если гдѣ, то особенно здѣсь, какъ и въ другихъ такихъ же городахъ, должно прежде всего и чаще всего напоминать христіанамъ: *горняя мудрствуйте, а не земная.*

Напечатлѣйте же, братіе и новыя чада мои о Господѣ, этотъ первый урокъ мой, выраженный словами Апостола, какъ можно глубже въ умахъ и сердцахъ вашихъ. Всѣ послѣдующія наставленія, какія, если Господь благословитъ, вы услышите изъ устъ моихъ, будутъ только подробнѣйшимъ раскрытіемъ этого перваго и главнѣйшаго урока. Ибо всѣ истины вѣры и благочестія, составляющія предметъ христіанской проповѣди, имѣютъ одну цѣль — научить насъ, какъ *мудрствовать горняя, а не земная*, т. е. какъ жить по человѣчески, по христіански. Аминь.

ВНѢШНЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЦЕРКВИ ВЪ ОБЩЕСТВѢ ВЪ ПЕРВЫЕ ТРИ ВѢКА ХРИСТІАНСТВА.

Ὑμεῖς δὲ ἐστε μάρτυρες τούτων (Лук. 24, 48).

Общій характеръ его.

Господь Іисусъ Христосъ, бесѣдуя съ Апостолами въ послѣдній разъ предъ временемъ своихъ страданій, сказалъ имъ: *азъ избрахъ вы отъ міра, сего ради ненавидитъ васъ міръ. Поминайте слово, еже азъ рѣхъ вамъ: нѣсть рабъ болій Господа своего. Аще мене изгнаша, и васъ иждепутъ: аще слово мое соблюдоша, и ваше соблюдутъ..... Отъ сонмищъ иждепутъ вы: но пріидетъ часъ, да всякъ, иже убіетъ вы, возмнится службу приносити Богу.—Въ мірѣ скорбни будете: но дерзайте, яко азъ побѣдихъ міръ* (¹). Таково было и дѣйствительно положеніе всѣхъ проповѣдовавшихъ и соблюдавшихъ вѣру Христову въ теченіе трехъ первыхъ вѣковъ христіанской Церкви. Христіане бѣдствовали въ мірѣ, и всякій думалъ, что, убивая ихъ, угождаетъ тѣмъ Богу.—Бывъ распространено повсюду, Христіанство утвердилось тогда главнымъ образомъ въ римской имперіи,

---

(¹) Іоанн. 15, 19 и 20; 16, 2 и 33.

по обширности предѣловъ и развитію гражданственности справедливо называвшейся вселенною (²). И хотя, по прекрасному сравненію одного древняго христіанскаго писателя, (³)что̀ въ тѣлѣ душа, то въ мірѣ были христіане,—хотя въ предѣлахъ римской имперіи христіане, по словамъ Тертулліана, въ его уже время наполняли собою все: города, острова, замки, пригороды, совѣты, лагери, трибы, декуріи, дворъ, сенатъ, форумъ, и только одни капища оставляли нераздѣльно язычникамъ; тѣмъ не менѣе, переходя отъ общихъ выраженій къ положительной численной опредѣленности, надобно сказать, что даже въ началѣ четвертаго вѣка они, по всей вѣроятности, составляли собою не болѣе двадцатой части (⁴) всего народонаселенія въ государствѣ, и мысль о совершенномъ истребленіи ихъ казалась еще не достаточно опасною для общественнаго блага, чтобы не рѣшаться на ея исполненіе. Тѣмъ ограниченнѣе было число христіанъ во второмъ, или въ первомъ вѣкѣ. И между тѣмъ трехвѣковыя, повсюдныя, почти непрерывныя гоненія не только не сократили Церкви, но и не воспрепятствовали ей столько распространиться, что наконецъ вѣра ея могла сдѣлаться господствующею во всемъ мірѣ.

(²) Лук. 2, 1. *Изыде повелѣніе отъ кесаря Августа, написати всю вселенную.*

(³) *Посл. къ Діогн.* въ Христ. чт. 1825 г., част. 20, стр. 151.

(⁴) *Тертулліанъ* около 212-го года писалъ Скапулѣ, рѣшившемуся поголовно истребить христіанъ (lib. ad Scap. cap. 5): quid ipsa Carthago passura est, decimanda a te!—Но, кромѣ свойственнаго Тертулліану иперболическаго образа выраженій, надобно имѣть въ виду, что даже тогда, когда въ городахъ христіане составляли большинство населенія, села и деревни большею частію оставались еще въ язычествѣ.

Причины гоненій.

Причиною гоненій были, во-первыхъ, законы римскаго государства противъ новыхъ вѣръ. Желая остановить гибельное для общества развитіе суевѣрій и пороковъ, распространявшихся подъ видомъ разныхъ родовъ богопочтенія, римское правительство подтвердило законами всякое богослуженіе, съ древности соблюдавшееся въ какомъ бы то ни было народѣ,— Римлянину вмѣнило въ непремѣнную обязанность исполнять обряды римскаго народа, иноземцу соблюдать обычаи его страны,—и объявило непозволеннымъ всякое служеніе богамъ новымъ, частнымъ, чуждымъ, не пользовавшимся прежде почитаніемъ какого-либо народа ([5]). Внушая каждому, что почитаніе своихъ боговъ и исполненіе своихъ отечественныхъ обрядовъ есть основаніе гражданскаго благополучія, оно назначило всякаго нововводителя въ дѣлахъ вѣры отправлять въ ссылку, если онъ изъ высшаго сословія, и подвергать смертной казни, если изъ низшаго ([6]). Но Христіанство не было древнею вѣрою какого ни-

([5]) *Ciceron.* De legib. lib. 2, — Separatim nemo habessit deos, neve novos: sed ne advenas, nisi publice adscitos, privatim colunto. *Tertull.* Apolog. cap. 4.

([6]) *Julii Pavli* lib. 5, tit. 21.—У *Діона Кассія* (по переводу Ксифилина) рѣчь Мецената къ Августу: почитай боговъ непремѣнно по отечественнымъ законамъ и *принуждай* другихъ почитать ихъ такимъ же образомъ. Тѣхъ же, которые вводятъ въ этомъ отношеніи что-нибудь чуждое, преслѣдуй и наказывай, не за то только, что они боговъ презираютъ, но за то, что, презирая ихъ, они презираютъ все другое, за то, что, вводя новыя божества, они соблазняютъ къ принятію новыхъ законовъ. Отсюда происходятъ потомъ заговоры и тайные союзы, отнюдь не терпимые въ монархіи. Не дозволяй никому быть безбожникомъ.

будь народа и притомъ должно было утвердиться не въ одномъ народѣ, а во всемъ мірѣ. Какъ богослуженіе новое, не бывшее нигдѣ народнымъ и отторгающее римскихъ гражданъ отъ ихъ отечественныхъ обрядовъ, оно было по римскимъ законамъ вѣрою запрещенною. Поэтому съ самаго начала язычники, не принимавшіе Вѣры, обвиняли проповѣдниковъ Христіанства предъ судомъ, что они *завѣщаваютъ обычаи, яже не достоитъ пріимати, ни творити римляномъ сущимъ* (Дѣян. 16, 21), или, что они *чуждихъ* боговъ проповѣдуютъ (Дѣян. 17, 18),—и въ послѣдствіи всегда, какъ во времена Тертулліана, съ строгостію и угрозами говорили принимавшимъ Вѣру: знаете, что не позволяется быть христіаниномъ ([7]). Правда, при всеобщей небрежности язычниковъ въ вѣрѣ, законы противъ новыхъ вѣръ исполнялись сначала не строго, и въ первомъ вѣкѣ язычники смѣшивали христіанъ съ Іудеями, вѣра которыхъ, какъ древняя и народная, была дозволена; но это продолжалось недолго, потому что не принявшіе Христіанства Іудеи всячески заботились объяснить язычникамъ, что христіане составляютъ общество совершенно особенное отъ іудейскаго, *вси противно велѣніемъ кесаревымъ творятъ, царя глаголюще иного быти, Іисуса* (Дѣян. 17, 7), — къ тому же и принятіе язычникомъ іудейства съ равною строгостію было запрещено римскими законами ([8]). Быстрое распространеніе повсюду Христіанства пробудило отъ усыпленія

([7]) Non licet esse vos,—*Tertull.* Apolog. cap. 4.

([8]) Таковъ законъ сената, изданный при Тиверіѣ: *Tacit.* Annal. lib. 2, cap. 85; таковы законы Антонина Нѣжнаго и Септимія Севера,—*Spartiani* vita Sever. pag. 70: *Judaeos fieri* sub gravi poena vetuit. Idem etiam de christianis sanxit...

всѣ гражданскіе законы противъ новыхъ вѣръ, тѣмъ живѣе, что язычники, не понимая превосходства христіанской Вѣры, считали ее безбожіемъ, или крайне грубымъ суевѣріемъ, во всякомъ случаѣ—вѣрою противною богамъ,—и это можно назвать второю причиною гоненій.

Два рода понятій о вѣрѣ надобно различать главнымъ образомъ въ древнемъ языческомъ мірѣ: понятія простаго народа и понятія людей образованныхъ. Народъ, коснѣя въ грубомъ идолопоклонствѣ, поставлялъ всю вѣру въ соблюденіи опредѣленныхъ обрядовъ. Люди образованные, презирая мнѣнія толпы и исполняя обряды римскаго народа изъ одного приличія и для примѣра въ повиновеніи законамъ, поставляли вѣру въ философскихъ умозрѣніяхъ о Божествѣ, которыя, по ихъ убѣжденію, конечно, не могли приводить къ недоступной истинѣ, по крайней мѣрѣ могли приближать къ ней, особенно если они не ограничены односторонними и бездоказательно-положительными мнѣніями. Христіанская же Вѣра представляла собою язычникамъ не новые только обряды, но вмѣстѣ—служеніе Богу духомъ и истиною, и не философію, которую каждый могъ бы измѣнять и передѣлывать по своей мысли, но вѣру безусловную, не допускающую ни малѣйшихъ измѣненій. Такимъ образомъ и неученые, и образованные язычники видѣли въ Христіанствѣ вѣру, совершенно несходную съ своими понятіями о богопочтеніи. Люди неученые, не имѣя силъ возвыситься надъ чувственностію, обращались къ христіанамъ съ требованіемъ, чтобы имъ показали христіанскаго Бога, и видѣли въ Христіанствѣ только отверженіе своихъ боговъ или безбожіе. Мало того, ду-

мали они, что христіане не почитаютъ ни одного изъ боговъ, не клянутся ихъ именами, гнушаются нашихъ храмовъ, отвращаются отъ всего идоложертвеннаго и не позволяютъ себѣ никакого участія въ нашемъ богослуженіи,—они не имѣютъ даже своихъ особенныхъ боговъ и капищъ и отвергаютъ всякое богопочтеніе (9). Какъ ни слабо язычники были привержены къ своимъ богамъ, ревность ихъ ожила и одушевилась, при видѣ быстраго распространенія безбожія, какимъ они почитали христіанскую Вѣру. Христіане сдѣлались для нихъ народомъ ненавистнымъ. Какъ безбожникамъ, естественно, они расположены были приписывать имъ самую нечестивую жизнь. Внѣшній строгій образъ жизни христіанъ казался имъ только личиною, прикрывавшею тайные ихъ пороки: язычники не могли понять, почему бы эти безбожные люди отреклись отъ участія въ пышныхъ обрядахъ и пріятныхъ для чувственности празднествахъ языческаго богослуженія, еслибы въ ихъ недоступныхъ для любопытства собраніяхъ не происходило чего-нибудь гораздо болѣе чувственнаго и порочнаго (10). Грубое и невѣжественное перетолкованіе любви христіанской и братскаго единенія между собою всѣхъ послѣдователей Христовыхъ, также пріобщеніе Тѣла и Крови Христовой, при ненависти къ мнимому христіанскому безбожію и лицемѣрію, навлекло на христіанъ подозрѣніе въ тайной порочной и безчеловѣчной жизни. Язычники думали, что христіане во время своихъ собраній закалаютъ

(9) *Minuc. Felic.* Octav. cap. 8. Templa, ut busta, despiciunt, deos despuunt, rident sacra; cap. 10: Cur nullas aras habent, templa nulla, nulla nota simulacra?—*Tertull.* Apologet.

(10) *Min. Fel.* Octav. cap. 10.

младенца, питаются его тѣломъ и кровію и, послѣ такого ужаснаго пиршества, предаются удовольствіямъ плотскаго вожделѣнія, не уважая никакихъ родственныхъ отношеній ([11]). Между тѣмъ люди образованные изъ язычниковъ, имѣя свое невыгодное мнѣніе о правилахъ христіанской жизни, порицали главнымъ образомъ христіанское вѣроученіе. Не допуская возможности достигнуть собственными силами несомнѣннаго знанія о дѣлахъ божественныхъ и поставляя достоинство мыслящаго человѣка въ томъ, чтобы онъ не останавливался на какомъ-нибудь мнѣніи, а всегда шелъ далѣе въ своихъ изслѣдованіяхъ, они почитали положительное ученіе Христіанства, не допускающее никакихъ измѣненій, суевѣріемъ, достойнымъ только грубой, необразованной черни ([12]), и самихъ христіанъ,— которые не могли подобно языческимъ философамъ смотрѣть безразлично на свое божественное вѣроученіе, и, не поставляя вѣры въ однихъ отвлеченныхъ умствованіяхъ, стремились осуществлять ея правила во всѣхъ дѣйствіяхъ жизни, которые не хотѣли принимать поэтому даже наружнаго участія въ языческихъ обрядахъ и жертвовали за то своею жизнію,—суевѣрами, упорными до ожесточенія, опасными безумцами, фанатиками, безсильными стать въ своей жизни выше чувственной внѣшности ([13]). Болѣе или менѣе раздѣляя

([11]) *Tertull.* Apolog. cap. 7; *Авинагор.* Апол. стр. 249 по пер. въ Хр. Чтен. 1843 г., ч. 2.; *Іустинъ Муч.*, *Минуцій Фел.* и друг.

([12]) *Цельсъ* у Ориген. кн. 3, § 55; *Minuc. Fel.* Octav. cap. 12 et 13; *Tacit.* Annal. lib. 15. num. 44: superstitio exitiabilis, odium generis himani; *Sveton.* vit. Neron. cap. 6: genus hominum superstitionis novae ac maleficae.

([13]) *Plinii* Epistol. lib. X, cap. 97: Qualecunque esset, quod fa-

даже нелѣпыя предубѣжденія народа противъ христіанской жизни, они почитали Христіанство сектою ненавистною и презрѣнною уже по самому его происхожденію изъ среды народа іудейскаго, чуждаго философіи и исключительно привязаннаго къ своимъ обрядамъ ([14]); тѣмъ болѣе, что содержаніе христіанскаго вѣроученія отнюдь не согласовалось съ ихъ философскими мнѣніями.

При такихъ взглядахъ на Христіанство, язычники находили распространеніе его пагубнымъ для благосостоянія общества. Вообще смотря на вѣру, какъ на основаніе гражданскаго союза людей ([15]), они думали и о Христіанствѣ, что оно служитъ основаніемъ союзу новаго народа, образующагося повсюду съ быстротою моровой язвы, начавшагося между Іудеями, усилившагося между другими народами, но отдѣлившагося отъ тѣхъ и другихъ и составившаго собою отдѣльное цѣлое ([16]). Подобное подозрѣніе, при превратныхъ понятіяхъ о христіанской Вѣрѣ и жизни, способствовало тому, что язычники скоро стали смотрѣть на христіанъ, какъ на общество заговорщиковъ ([17]). Не постигая того святаго начала братской любви, которое такъ тѣсно и неразрывно соединяло

---

terentur, pervicatiam certe et inflexibilem obstinationem debere puniri, et caet.

([14]) *Tertull.* Apolog. cap. 3, 21—23 et caet. *Minuc. Felix* cap. 9. *Ориг.* пр. Цельса, кн. 1, гл. 28. 31. 38. 66. 68 и др.; кн. 4, гл. 33. *Minuc. Fel.* cap. 10.

([15]) См. приведенную выше рѣчь Мецената, въ примѣч. 6.

([16]) *Tertull.* Ad Nationes lib. 1, cap. 7: Tertium genus dicimur... Apologet. cap. 1: Quasi detrimento...

([17]) *Tertull.* in Apolog: Non est factio dicenda, sed curia (ecclesiastica societas christianorum),—cap. 39 ad finem.

между собою всѣхъ послѣдователей Іисуса Христа, — что это значитъ, говорили они, что христіане, гдѣ бы и когда ни встрѣтились, сейчасъ узнаютъ другъ друга, какъ будто по какому-нибудь условію или тайному знаку, сейчасъ дѣлаются друзьями и готовы на взаимную помощь, хотя бы видѣлись въ первый только разъ ([18]). Христіане не боготворили императоровъ , не клялись ихъ именами, не уважали храмовъ, какіе воздвигала имъ лесть языческая; значитъ, говорили язычники, они враги императоровъ, не благоговѣйны къ нимъ, не чтутъ ихъ достоинства ([19]). Не желая быть въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ язычниками и заботясь болѣе о вѣчномъ спасеніи, нежели о временныхъ выгодахъ, христіане неохотно принимали на себя государственныя должности, прохожденіе которыхъ , при тогдашнихъ условіяхъ, не всегда совмѣстно было съ долгомъ христіанскимъ, нерѣдко оставляли военную службу, удалялись отъ увеселеній, отъ прежнихъ дурныхъ знакомствъ, отъ занятія торговлею и промыслами, прямо или косвенно служившими къ поддержанію языческаго богослуженія, вообще вели жизнь скромную и уединенную. По мнѣнію язычниковъ, это значило, что христіане — враги римскаго народа, сами по себѣ люди праздные и бездѣльные, что они человѣконенавистники ([20]). Про-

---

([18]) Occultis se notis et insignibus noscunt, et caet. Vid. *Minuc. Fel.* cap. 9. *Tertull.* Apolog. cap. 39,—aliosque.

([19]) *Іуст. Муч.* Апол. 1, § 23; *Tertull.* Apolog. cap. 28—36; ad Nation. lib. 1, cap. 17: irreligiosi in Caesares, hostes Caesarum.... sacrilegii et Majestatis rei convincimur.....

([20]) Hostes populi romani, homines infructuosi in negotiis, inertes etc., vid. *Min. Fel.* Oct. cap. 8—12; *Tertull.* Apolog. cap. 38. 42. et 43; De Idololatria cap. 6—13; De spectac. etc.

извольную бѣдность, уничиженіе ([21]) Христа ради, уничижившаго Себя до страданій, благоговѣніе къ святой Вѣрѣ, по которому христіане не допускали въ свои богослужебныя собранія праздныхъ и насмѣшливыхъ соглядатаевъ, все перетолковывали язычники противъ нихъ. Это народъ темный, бѣгущій отъ свѣта; люди опасные, безмолвные при другихъ и говоруны въ своихъ уголкахъ,—говорили они о христіанахъ ([22]). Общая ненависть къ христіанскому имени доводила ихъ до того, что они приписывали всѣ общественныя бѣдствія мщенію боговъ за распространеніе Христіанства, почитая христіанъ не только безбожниками, но презрителями и поругателями всего божественнаго и священнаго ([23]). Надобно ли прибавлять послѣ этого, что обиліе чудесъ, продолжавшееся въ Церкви во 2-мъ и 3-мъ вѣкѣ, для невѣрныхъ было причиною обвинять христіанъ въ обманѣ и волшебствѣ ([24])?—Такимъ образомъ, пока язычники не измѣнили своихъ понятій о христіанской Вѣрѣ и жизни и Христіанство не сдѣлалось въ римской имперіи вѣрою дозволенною, христіане должны были терпѣть гоненія. При всемъ томъ римское правительство ясно выразило свое мнѣніе о Христіан-

---

([21]) Purpuras despiciunt, ipsi seminudi.... pallidi, trepidi, — vid. *Minuc. Fel.* cap. 8 et 12.

([22]) Latebrosa et lucifugax natio, in publicum muta, in angulis garrula. *Ibid.*

([23]) Rident sacra.—*ibid.* Si Tiberis ascendit ad moenia, si Nilus non ascendit in arva, si coelum stetit, si terra movit, si fames, si lues, statim *Christianos ad leonem;* Tertull. Apolog. cap. 40.

([24]) *Ruinart.* Acta Martyr. — Achatii vel Acacii: ubi sunt magi socii artis tuae?—Acta Perpetuae, Felicit. etc. *ibid*, num. 16: ne substagerentur de carcere incantationibus aliquibus magicis. *Origen.* contra Celsum lib. 1, num. 6. *Tertull.* Apolog., etc.

ствѣ только въ началѣ 2-го вѣка, и первый едиктъ, касавшійся собственно христіанъ, принадлежитъ императору Траяну.

Исторія гоненій до времени Траяна.

Тертулліанъ разсказываетъ, что «Тиверій, въ царствованіе котораго (14—37 г.) имя христіанское начало становиться извѣстнымъ, узнавъ изъ донесеній Пилата о чудесахъ и воскресеніи Іисуса Христа, предложилъ сенату включить Его въ число боговъ, и, хотя сенатъ не принялъ этого предложенія, потому что усвоялъ себѣ независимое право судить о новыхъ божествахъ, императоръ остался однако при своемъ мнѣніи, угрожая казнію доносчикамъ на христіанъ» (25). Правда, разсказъ этотъ невѣроятенъ. Трудно представить, чтобы при Тиверіи сенатъ могъ не согласиться на какое бы то ни было предложеніе императора и чтобы этотъ недовѣрчивый государь, преслѣдовавшій иноземные обряды богослуженія, въ особенности іудейскіе (26), показалъ столько довѣрія къ донесенію Пилата, если бы даже оно было написано съ вѣрою и убѣжденіемъ. Сверхъ того вѣровавшіе во Христа не были еще извѣстны въ царствованіе Тиверія подъ именемъ христіанъ (27), и едиктъ противъ доносчиковъ на

---

(25) Comminatus periculum accusatoribus christianorum.—Apologet. cap. 5=cap. 21.

(26) *Sveton*. cap. 36: Externas coeremonias, aegyptios judaicosque ritus compescuit. Judaeorum juventutem..... distribuit, reliquos gentis ejusdem, *vel similia sectantes* Urbe submovit, sub poena perpetuae servitutis.......

(27) А къ Іудеямъ, какъ христіане называли еще себя, Тиверій былъ неблагосклоненъ.

нихъ, если онъ существовалъ, никогда не имѣлъ дѣйствія. Но справедлива мысль, лежащая въ основаніи Тертулліанова повѣствованія, что первые римскіе государи, при которыхъ имя христіанское начало дѣлаться извѣстнымъ, Тиверій и Кай Калигула (38—42 г.), не были гонителями Христіанства. Равнымъ образомъ императоръ Клавдій (42—56 г.), изгоняя Іудеевъ изъ Рима, какъ говоритъ Светоній ([28]), за то, что они постоянно возмущались по наущенію Христа, не имѣлъ намѣренія преслѣдовать христіанской Вѣры, хотя едиктомъ его изгонялись изъ Рима вмѣстѣ съ Іудеями христіане изъ Іудеевъ ([29]), и выразилъ этимъ только нерасположенность къ мятежническому духу іудейскаго народа, который, въ ожиданіи мнимаго Мессіи, дѣйствительно, часто возставалъ противъ римскаго господства. Тѣмъ не менѣе Церковь Христова имѣла уже гонителей и въ это время,

а) въ Палестинѣ.

Первыми гонителями ея были Іудеи палестинскіе, осудившіе на смерть Іисуса Христа и почитавшіе ученіе Его хулою на Бога и Моисея. Во время первоначальнаго распространенія Христіанства страна іудейская не имѣла уже самостоятельнаго правленія и со-

---

([28]) Vita. Clavd. cap. 25: Judaeos impulsore Chresto assiduò tumultuantes Româ expulit. Слово—*Chresto* надобно читать, какъ *Christo*; см. *Tertull.* Apolog. cap 3: *Chrestianus* pronunciatur a vobis, nam nec nominis certa est notitia penes vos. Также о словѣ *Chrestus* см. *Lactanc.* Divin. Jnstit. lib. 4, cap. 7.: Qui eum immutata littera Chrestum solent dicere. Сочинитель разговора Филопатрисъ говоритъ: Χρηςὸς вмѣсто: Χριςὸς, см. *Bullet*, pag. 341, Paris. 1825 ann.

([29]) Дѣян. 18, 2.

ставляла собою римскую провинцію; тѣмъ не менѣе управлялась по своимъ законамъ, подобно Сициліи, или городамъ Италіи. Внутреннія судилища Іудеевъ и ихъ великій синедріонъ оставались неприкосновенными. Вскорѣ по вознесеніи Господнемъ синедріонъ, имѣвшій въ то время во главѣ своей саддукеевъ, два раза призывалъ на судъ свой Апостоловъ, заключалъ ихъ въ темницу и подвергалъ тѣлесному наказанію, запрещая проповѣдовать объ Іисусѣ Христѣ; но частію *людей ради, яко вси прославляху Бога,* частію потому, что Апостолы не учили отступленію отъ іудейскаго закона, наконецъ и по опасенію, не проповѣдуютъ ли они истины, отпускалъ ихъ свободными и не рѣшался преслѣдовать болѣе ([30]). Гоненіе его на христіанъ началось собственно съ 37-го года по Р. Хр., когда съ саддукеями соединились и фарисеи, по всей вѣроятности, ошибочно смотрѣвшіе дотолѣ на Христіанство, какъ на особую отрасль своей секты ([31]). Поводомъ къ нему была проповѣдь первомученика архидіакона Стефана объ отмѣненіи въ Церкви обрядоваго Моисеева закона ([32]). Предавъ святаго Стефана побіенію камнями, невѣровавшіе Іудеи по волѣ синедріона стали преслѣдовать и всѣхъ другихъ христіанъ, не только въ Іерусалимѣ, но, сколько можно заключать по примѣру Савла гонителя, *дышавшаго прещеніемъ и убійствомъ на ученики Господни,* и въ другихъ городахъ, гдѣ были синагоги, зависѣвшія отъ синедріона. Преслѣдованіе ограничивалось временнымъ заключеніемъ

([30]) Дѣян. 4, 1—22; 5, 17—42.
([31]) Дѣян. 23, 6—9.
([32]) Дѣян. 6, 8; 8, 3.

христіанъ въ темницу, отрѣшеніемъ отъ должностныхъ мѣстъ и тѣлесными наказаніями; потому что Іудеи не имѣли права и рѣдко рѣшались самовольно осуждать кого-либо на смерть, римскіе же ихъ начальники не хотѣли заниматься дѣлами ихъ вѣры, тѣмъ болѣе не хотѣли почитать ихъ важными или уголовными (33). Таково было состояніе христіанъ между Іудеями во все время, пока продолжалось отдѣльное существованіе іудейскаго народа, и мученическая смерть Апостоловъ Іакова Зеведеова и Іакова Праведнаго составляетъ исключеніе. Убійствомъ Іакова Зеведеова (44 г.) царь Иродъ Агриппа (34), котораго раввины прославляютъ за попечительность о благѣ іудейскаго народа, хотѣлъ сдѣлать угодное Іудеямъ (Дѣян. 12, 2—3). А Іакова Праведнаго, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими христіанами предалъ смерти (63 г.) первосвященникъ Ананъ Младшій, пользуясь безначаліемъ, бывшимъ въ Іудеѣ по смерти прокуратора Феста до прибытія Альбина, за что и лишенъ былъ первосвященства (35). Около семи лѣтъ послѣ мученической кончины Іакова Праведнаго, вслѣдствіе возстанія Іудеевъ противъ Римлянъ и побѣдъ Веспасіана и Тита, отдѣльное существованіе народа іудейскаго окончилось. Іерусалимъ вмѣстѣ съ храмомъ ветхозавѣтнымъ былъ разрушенъ до основанія, а народъ частію истребленъ, частію раз-

(33) Дѣян. 23, 29 и 25, 25.

(34) Хотя Палестина составляла собою римскую область, однако нѣкоторые участки ея подъ именемъ еенархій управлялись, по волѣ Кесарей, наслѣдниками Иродовой фамиліи съ титломъ царей. Такимъ царемъ былъ Иродъ Агриппа; см. *Капефиг.* Ист. Іуд. ч. 1, стр. 69 и 137, С. п б. 1846 г. изд. 2.

(35) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 2, гл. 23.

сѣянъ (36). Христіане изъ Іудеевъ, составлявшіе іерусалимскую Церковь, предузнавая это событіе по пророчеству Іисуса Христа, переселились изъ Іерусалима передъ началомъ его осады въ заіорданскій городъ Пеллу и тѣмъ навлекли на себя еще большую ненависть со стороны неувѣровавшихъ своихъ единоплеменниковъ, какъ мнимые предатели отечественной свободы и братья христіанамъ изъ язычниковъ. Поэтому невѣровавшіе Іудеи, бывъ разсѣяны по разнымъ странамъ римской имперіи, не переставали вредить имъ, возставая противъ нихъ сами, когда имѣли возможность, или возбуждая язычниковъ; такъ что если язычники требовали сожженія христіанъ, то Іудеи первые слагали для этого костеръ.

б) въ другихъ странахъ.

Іудеи были первыми гонителями христіанъ и въ странахъ языческихъ. Изъ Дѣяній Апостольскихъ видно, что они, идя по слѣдамъ проповѣдниковъ Евангелія, повсюду старались возставлять противъ нихъ язычниковъ, внушая недовѣріе къ ихъ ученію и чудесамъ и выставляя ихъ опасными для общества нарушителями законовъ! Такъ они поступили съ Апостоломъ Павломъ и его сотрудниками въ Антіохіи писидійской, Иконіи, Листрахъ, Солуни и Беріи (37). Между самими язычниками прежде всѣхъ сдѣлались врагами Христіанства люди, которыхъ занятія и выгоды были связаны съ языческимъ богослуженіемъ, какъ то: дѣлатели идоловъ, жрецы, обманщики, питавшіе въ народѣ суе-

(36) *Тамъ-же*, кн. 3, гл. 5—8, *Капефиг*. Ист. Iуд. ч. 1, гл. 3 и 4.
(37) *Дѣян*. 13, 50; 14, 19 и 17, 5—13.

вѣріе ложными чудесами, или пророчествами. Такихъ враговъ встрѣтилъ еще апостолъ Павелъ въ Филиппахъ и Ефесѣ ([38]). Вмѣстѣ съ Іудеями они заботились распространить въ языческомъ народѣ то нелѣпое понятіе о христіанской Вѣрѣ и жизни, которое было причиною гоненій. И надобно думать, что состояніе христіанъ въ языческихъ областяхъ римской имперіи въ царствованіе Клавдія и Нерона (56—69) было поэтому гораздо бѣдственнѣе, нежели въ Палестинѣ въ послѣднее время отдѣльнаго существованія іудейскаго народа. Между тѣмъ какъ палестинскіе прокураторы, стараясь, повидимому, только притѣснять ввѣренный ихъ правленію народъ, ничего не дѣлали въ угодность ему, правители языческихъ областей, раздѣляя сами понятія народа, старались заслужить его благосклонность, и своевольство черни по отношенію къ христіанамъ нерѣдко бывало для нихъ закономъ. Въ первомъ своемъ посланіи Апостолъ Петръ писалъ малоазійскимъ христіанамъ: *аще укоряеми бываете о имени Христовѣ, блажени есте.... Да не кто убо отъ васъ постраждетъ яко убійца, или яко тать, или яко злодѣй, или яко чуждопосѣтитель: аще ли же яко христіанинъ, да не стыдится, да прославляетъ же Бога въ части сей* ([39]). Въ этихъ словахъ Апостола можно видѣть не только то, что христіане уже терпѣли гоненіе, но также, что причиною его было подозрѣніе въ преступленіяхъ, за которыя опредѣлена смертная казнь, и, слѣдовательно, что они терпѣли кровавое

([38]) *Дѣян.* 16, 19 и 19, 25—27. Cf. *Ruinart.* Acta Martyr., pass. S. Symphorosae et filiorum ejus, pag. 23.

([39]) 1 Петр. 4, 15—16.

гоненіе. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что въ послѣдніе годы царствованія Нерона (65 — 69 г.) язычники имѣли уже о христіанахъ самое несправедливое понятіе, и ненависть къ нимъ возрасла въ нихъ до такой степени, что этотъ жестокій государь воспользовался ею, чтобы сложить съ себя подозрѣніе въ пожарѣ, испепелившемъ двѣ трети Рима, и съ одной стороны утѣшить народъ, предоставивъ его неистовству христіанъ, какъ мнимыхъ виновниковъ пожара, съ другой доставить себѣ новыя зрѣлища. Гоненіе, воздвигнутое имъ на римскую Церковь, было такъ ужасно, что Тацитъ, раздѣлявшій мнѣніе черни о христіанахъ, при описаніи его, не могъ подавить съ себѣ чувства сострадания. Сказавъ, что Неронъ для уничтоженія молвы, приписывавшей причину пожара его страсти къ зрѣлищамъ, сложилъ вину на людей, навлекшихъ на себя общую ненависть позорною жизнію, которыхъ обыкновенно зовутъ христіанами, и что — это секта, преданная пагубному суевѣрію и со временъ Тиверія распространившаяся не только въ Іудеѣ, но даже и въ Римѣ, куда стекаются отвсюду всѣ звѣрскіе и постыдные роды богослуженій, онъ пишетъ далѣе: «Итакъ сначала схвачены были сознавшіеся (въ исповѣданіи Христіанства); потомъ по указанію ихъ уличено безчисленное множество другихъ, впрочемъ не столько въ зажигательствѣ, сколько въ ненависти къ человѣческому роду. Къ казни прибавили посмѣяніе; такъ что покрывали ихъ шкурами звѣрей и травили собаками, или распинали на крестахъ, или жгли (одѣвъ въ туники изъ горючихъ веществъ), и такимъ образомъ ночью они горѣли для освѣщенія вмѣсто факеловъ. Неронъ отдавалъ свои сады для представленія

такого зрѣлища и наконецъ онъ устроилъ по сему случаю цирковыя игры и участвовалъ въ нихъ самъ, мѣшаясь въ кучерскомъ платьѣ съ толпою народа, или сидя въ колесницѣ, такъ что хотя это были люди преступные и заслужившіе изысканный, новѣйшій родъ примѣрнаго наказанія, однако пробуждалось сострадапіе къ нимъ, какъ будто бы гибли они не для общественной пользы, а для удовлетворенія лютости одного человѣка» ([40]). Въ числѣ другихъ христіанъ, подъ конецъ гоненія, потерпѣли въ Римѣ мученическую смерть Апостолы Петръ и Павелъ: «Петръ пострадалъ подобно Господу, а Павелъ увѣнчался смертію Іоанна Крестителя» ([41]). Повидимому гоненіе должно было пасть только на римскихъ христіанъ, какъ мнимыхъ виновниковъ пожара; но безъ сомнѣнія примѣръ, поданный императоромъ въ столицѣ, не остался безъ вліянія на другіе города, такъ какъ и въ самомъ Римѣ подозрѣніе въ поджегѣ было только наружнымъ поводомъ къ гоненію, а причиною было собственно подозрѣніе въ ненависти къ человѣческому роду и тѣхъ мнимыхъ преступленіяхъ, которыя повсюду считались внушаемыми христіанскою Вѣрою. Предметомъ гоненія была, слѣдовательно, Вѣра. При всемъ томъ не видно, чтобы Неронъ издавалъ какое-либо повелѣніе о преслѣдованіи христіанъ собственно за Вѣру, и это могло быть причиною возможной по тому времени мѣры спокойствія ихъ въ царствованіе Веспасіана и Тита (70—81 г.), государей умныхъ и

([40]) *Tacit.* Annal. lib. XV, num. 44. Idem apud *Svetonium* Vita Neron.; *Senec.* Epist. XIV; *Juvenal.* sat. 1 et 8.

([41]) *Tertull.* De Praescript. cap. 36.

справедливыхъ. Но подозрительность и корыстолюбіе преемника ихъ Домиціана (81—96 г.) снова дали язычникамъ удобство вредить христіанамъ. Этотъ государь, наслѣдовавшій отчасти жестокость Нерона, былъ гонителемъ для всѣхъ своихъ подданныхъ и, поощряя доносчиковъ и клеветниковъ, лишилъ жизни, или сослалъ въ заточеніе множество римскихъ сановниковъ для присвоенія себѣ ихъ имущества. Между прочими, по свидѣтельству Діона Кассія, онъ многихъ предалъ смерти, или подвергъ ссылкѣ, по обвиненію въ принятіи безбожія и іудейскихъ обычаевъ, то есть, Христіанства ([42]). При немъ св. Іоаннъ Евангелистъ былъ исповѣдникомъ въ Римѣ и потомъ сосланъ въ заточеніе на островъ Патмосъ. Узнавъ, что въ Палестинѣ между наклонными къ мятежу Іудеями находятся въ живыхъ потомки Давида и родственники по плоти Іисуса Христа, внуки Іуды, брата Господня, подозрительный государь приказалъ представить ихъ себѣ; но увидавъ, что это бѣдные люди, трудами рукъ своихъ добывающіе себѣ пропитаніе, и услыхавъ отъ нихъ, что царство Христово *нѣсть отъ міра сего*, отпустилъ ихъ обратно ([43]). Напротивъ добрый и кроткій старецъ, императоръ Нерва (96—98 г.) былъ врагомъ доносовъ и тайной клеветы. Первымъ едиктомъ

([42]) Καὶ τῷ αὐτῷ ἔτει ἄλλους τε πολλοὺς, καὶ τὸν Φλάβιον Κλήμεντα ὑπατεύοντα, καίπερ ἀνεψιὸν ὄντα, καὶ γυναῖκα καὶ αὐτὴν συγγενῆ ἑαυτῷ Φλαβίαν Δομίτιλλαν ἔχοντα κατέσφαξεν ὁ Δομετιανὸς· ἐπηνέχθη δὲ ἀμφοῖν ἔγκλημα ἀθεότητος, ὑφ' ἧς οἱ ἄλλοι εἰς τὰ τῶν Ἰουδαίων ἤθη ἐξοκέλλοντες πολλοὶ κατεδικάσθησαν, — въ перев. Ксифилина, Жизнь Домиціана, — Римск. Ист. кн. 67, гл. 14. *Евсев.* Церк. Ист. кн. 3, гл. 17 — 20; *егоже* Хроник. Ἱςορεῖ ὁ Βρούττος πολλοὺς χριςιανοὺς κατὰ τὸ ἴδιον ἔτος Δομετιανοῦ μεμαρτυρηκέναι. — *Tertull.* Apolog. cap. 5. — *Sveton.* Vita Domit. num. 15.

([43]) *Егезиппъ* въ Церковн. Истор. Евсев. кн. 3, гл. 19 и 20.

своимъ онъ возвратилъ изъ заточенія всѣхъ, сосланныхъ Домиціаномъ по обвиненію въ Христіанствѣ (44). Такимъ образомъ въ короткое правленіе его язычники, при всей ненависти къ христіанамъ, не могли много вредить имъ. Но такъ какъ Вѣра христіанская, при всемъ томъ, почиталась недозволенною; то и въ это время христіане не могли пользоваться совершеннымъ спокойствіемъ. Подвергаясь повсюду подозрѣніямъ, насиліямъ и нападенію, они должны были скрываться отъ язычниковъ, и тѣмъ бѣдственнѣе, вѣроятно, былъ для нихъ новый законъ императора Траяна, изданный въ 99 году противъ тайныхъ обществъ—*ἑταιρείας* (45).

(Продолженіе будетъ).

---

(44) Ὁ *Νερόυας τούς τε κρινομένους ἐπ' ἀσεβείᾳ ἀφῆκε, καὶ τοὺς φεύγοντας κατήγαγε*, — *Діон. Касс.* у Ксифил. Жизнь Нервы, Римск. Ист. кн. 68, гл. 1. Поэтому Орозій вѣрнѣе, нежели Евсевій и Тертулліанъ, говоритъ: Hic (Nerva bonus) primo edicto suo *(Non Domitianus)* cunctos exules revocavit. Unde et Joannes Apostolus hac generali indulgentia liberatus Ephesum rediit. *Oros.* lib. VII, cap. 7.

(45) Epist. *Plin.* ad Trajan: Quod ipsum facere *desiisse*, post edictum meum, quo secundum mandata tua hetaerias esse vetueram.

РАЗБОРЪ

СУЖДЕНІЙ НОВѢЙШИХЪ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ О ЗЕМНОМЪ ШАРѢ СРАВНИТЕЛЬНО СЪ УЧЕНІЕМЪ СЛОВА Божія О ВИДИМОМЪ МІРѢ.

(Окончаніе).

Другое предположеніе, составленное геологами, для соглашенія сужденій ихъ о земномъ шарѣ съ ученіемъ слова Божія о видимомъ мірѣ, состоитъ въ томъ, что упоминаемые въ священномъ бытописаніи о сотвореніи міра дни принимаются ими не за обыкновенные дни въ 24 часа, но за цѣлыя эпохи неопредѣленной продолжительности, въ которыя будтобы совершилось постепенное образованіе всего, видимаго нами на землѣ, въ землѣ и надъ землею (*). Но если мы

(*) Надобно замѣтить, что изъ естествоиспытателей, сюда относящихся, одни допускаютъ необъятный періодъ времени отъ начала сотворенія вещества міра до эпохъ дѣйствительнаго его образованія, а другіе не допускаютъ, равно какъ изъ естествоиспытателей, придерживающихся перваго предположенія, одни допускаютъ послѣ первобытныхъ переворотовъ міра также необъятно продолжительныя эпохи окончательнаго его образованія, а другіе не допускаютъ. *Марсель де Серръ*, главный защитникъ втораго предположенія, отличаетъ свою теорію отъ другихъ такъ: suivant nous, la matière, qui compose les cieux et la terre, aurait été créée au commencement; elle n'aurait reçu et pris sa forme et sa disposition actuelle, que pendant les six

вникнемъ въ сужденія относящихся сюда естествоиспытателей о выраженіяхъ св. Писанія касательно шести дней творенія видимаго міра, если изслѣдуемъ сущность предположенія, допускающаго неопредѣленныя эпохи для объясненія мірообразованія, и наконецъ если разсмотримъ основанія, на которыхъ зиждется такое предположеніе; то опять убѣдимся, какъ нетвердо, неправдоподобно и неосновательно въ сужденіяхъ ихъ все, противорѣчущее буквальному сказанію слова Божія о видимой природѣ.

Объясняя употребленное въ бытописаніи о сотвореніи міра выраженіе—*день* (יום) въ томъ смыслѣ, будто подъ нимъ надобно разумѣть неопредѣленныя эпохи, геологи прежде всего стараются оправдать такое толкованіе мѣстами св. Писанія, въ которыхъ слово—*день* употребляется въ смыслѣ неопредѣленнаго продолженія времени, напр. Быт. 2, 4. Лев. 25, 29. Иса. 2, 17. Зах. 14, 7—9. Іоан. 8, 56. 2 Петр. 3, 18. Апок. 16, 14. и др. Но подобныя ссылки здѣсь ничего не доказываютъ. Слово—*день*, дѣйствительно, въ св. Писаніи иногда означаетъ неопредѣленное продолженіе времени, но только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ или прямой смыслъ выраженій или контекстъ рѣчи непремѣнно заставляютъ принять его именно въ этомъ смыслѣ, какъ напр. въ приведенныхъ мѣстахъ Писанія; а въ 1-й главѣ книги Бытія, въ описаніи сотворенія міра, такой смыслъ не вынуждается ни контекстомъ рѣчи, ни самымъ выраженіемъ, употребленнымъ Пророкомъ

époques de la création, tandis que, suivant d'autres naturalistes, les événements geologiques, qui s'y sont succedé, auraient eu lieu pendant cette première periode (anterieure aux six époques de la création). См. La Cosmogonie de Moise. Том. 1 въ началѣ.

Моисеемъ. Слово-*день* принимается здѣсь въ двухъ значеніяхъ: въ значеніи *свѣта,—и нарече Богъ свѣтъ день* (ст. 5),—и въ значеніи продолженія времени, равнаго дню; соединяя оба эти значенія вмѣстѣ, мы можемъ сказать, что *день* міразданія есть дневное продолженіе времени, происходящее и зависящее отъ свѣта. И такое продолженіе времени означено здѣсь самымъ опредѣленнымъ, положительнымъ образомъ: во-первыхъ, тѣмъ, что дни міразданія подлежатъ счисленію, отдѣляясь одинъ отъ другаго явленіемъ, противоположнымъ дневному явленію свѣта; во-вторыхъ, тѣмъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ свой вечеръ и свое утро. Что изчисляемые здѣсь дни разумѣются обыкновенными, это объясняетъ въ другомъ мѣстѣ самъ Пророкъ Моисей (кто можетъ лучше объяснить писателя, какъ не самъ онъ?), ссылаясь именно на дни творенія, когда онъ преподаетъ Израильтянамъ заповѣдь о соблюденіи седьмаго субботняго дня: *шесть дней*, говоритъ онъ въ книгѣ Исходъ, *дѣлай и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя, въ день же седмый суббота Господу Богу твоему: зане въ шести днехъ сотвори Господь небо и землю и море и вся яже въ нихъ, и почи въ день седмый: сего ради благослови Господь день седмый и освяти его* (Исх. 20, 9—11). Онъ заповѣдуетъ Іудеямъ работать шесть дней недѣли и святить день седьмый, разумѣя здѣсь, очевидно, дни обыкновенные, настоящіе. Причина заповѣди заключается въ дняхъ творенія, въ томъ, что Богъ творилъ міръ шесть дней, а въ седьмый день почилъ отъ дѣлъ своихъ. Разсуждая логично и просто, невозможно принимать здѣсь слова — *день* въ двухъ различныхъ значеніяхъ; если въ первомъ случаѣ оно означаетъ день обык-

новенный, то надобно принять тоже и во второмъ. Слѣдовательно, невозможно безъ явнаго насилія священному тексту принимать слово — *день* въ 1-й главѣ книги Бытія въ значеніи *эпохи*, или какого-нибудь неопредѣленнаго продолженія времени, тѣмъ болѣе, что самимъ Бытописателемъ оно неопустительно, шесть разъ въ одной главѣ, опредѣляется другими двумя принадлежностями обыкновеннаго дня — *вечеромъ* и *утромъ*. Но не означаютъ ли здѣсь и эти самыя слова чего-нибудь необыкновеннаго? Дѣйствительно, геологи, понимая всю силу этихъ опредѣлительныхъ выраженій Пророка Моисея, стараются дать и словамъ—*вечеръ* и *утро* значеніе необыкновенное, именно значеніе конца и начала геологическихъ переворотовъ земнаго шара и всего видимаго міра, частію ссылаясь также на мѣста св. Писанія, напр. Дан. 8, 14. 26. Захар. 14, 7—9, съ явною бездоказательною натяжкою употребляемыхъ здѣсь выраженій-*вечеръ* и *утро* въ пользу своей теоріи, преимущественно же указывая на самое сказаніе Моисея о томъ, что солнце, луна и звѣзды сотворены только въ четвертый день. Какіе, говорятъ они, могли быть дни и ночи въ первыя три эпохи мірообразованія, когда еще не было солнца, которымъ опредѣляется, при обращеніи земли нашей около своей оси, дневное продолженіе времени въ 24 часа? Не слѣдуетъ ли по крайней мѣрѣ первые три дня шестидневнаго творенія принимать за неопредѣленныя эпохи, отдѣляемыя одна отъ другой не смѣною дня и ночи, но естественными переворотами природы (*)? Въ отвѣтъ

(*) Нѣкоторые изъ геологовъ прямо выражаютъ, что въ первыя три эпохи не могло быть ночи, подобной послѣдующимъ ночамъ, но было постоянное, непрерывное, всеобщее царство свѣта или чего-ни-

на такіе вопросы мы не будемъ распространяться о томъ, что еще при сотвореніи свѣта въ первый день Богъ *разлучи между свѣтомъ и между тмою, и нарече свѣтъ день, а тму нарече нощь* (ст. 4 и 5), и слѣдовательно Самъ тогда же положилъ основаніе смѣнѣ дня и ночи; равно не будемъ распространяться и о томъ, что бытописатель Моисей означаетъ какъ первые три, такъ и послѣдніе три дня совершенно одинаковымъ образомъ, буквально сходнымъ оборотомъ рѣчи, и слѣдовательно не подаетъ никакого повода разумѣть послѣдніе въ одномъ смыслѣ—собственномъ, а первые въ другомъ—переносномъ: но прямо можемъ замѣтить, что вся сила такого возраженія противъ буквальной истины св. Писанія основывается на ложномъ представленіи, будто безъ обращенія земли вокругъ солнца и безъ настоящаго отношенія свѣтилъ небесныхъ къ землѣ не могло быть въ первые три дня творенія смѣнъ свѣта и тьмы, подобныхъ нашему дню и ночи. Напротивъ, если свѣтъ могъ существовать прежде солнца и свѣтилъ небесныхъ, какъ видно изъ сказанія св. Моисея о сотвореніи свѣта въ 1-й день, а солнца, луны и звѣздъ въ 4-й день, и изъ другихъ мѣстъ св. Писанія, въ которыхъ солнце отличается отъ свѣта, напр. Псал. 73, 16; 148, 3. Екклез. 12, 2., и какъ допускаютъ сами естествоиспытатели, видя въ свѣтѣ

будь подобнаго. La lumiére, qui avait remplacé, au commencement des choses, les tenèbres universelles, regnait à son tour, sans partage, sur la création tout antière; mais à la quatrième époque cette lumière du premier jour abandonne la terre.. говоритъ *Годефруа* въ своей Cosmogonie de la révélation при объясненіи 4-го дня творенія. По теоріи геологовъ должно быть такъ; но почему Пророкъ Моисей столь опредѣлительно говоритъ о томъ, чего будто бы не было и не могло быть?!

всеобщій, разлитый во всей природѣ, источникъ и причину теплоты, електричества, магнетизма и т. п.,— если свѣтъ есть не истеченіе какого — либо вещества изъ солнца, а тончайшая эѳирная жидкость, разлитая въ пространствѣ, совершенно независимая въ бытіи своемъ отъ солнца и прочихъ свѣтилъ небесныхъ и дѣлающаяся видимою или свѣтозарною отъ сотрясательнаго ея движенія, какъ допускаютъ почти всѣ новѣйшіе физики; то что препятствуетъ первымъ тремъ днямъ творенія продолжаться именно столько же времени, сколько продолжались послѣдніе три дня, сколько продолжаются съ тѣхъ поръ донынѣ всѣ наши дни? Для этого требовалось только одно условіе, чтобы свѣтоносная жидкость, уже тогда существовавшая, приводима была въ нѣкоторое сотрясательное движеніе, подобное тому, въ какое приводятъ ее нынѣ свѣтила небесныя, получившія къ тому способность отъ Бога въ четвертый день творенія, и возможности котораго отвергать никакъ невозможно. Какимъ же образомъ и какими силами свѣтоносный эѳиръ могъ быть тогда приводимъ въ сотрясательное движеніе? Объяснить это мы могли бы тогда, когда были бы въ состояніи постигнуть въ точности тѣ перемѣны въ первозданномъ веществѣ міра, которыя происходили въ первые три дня творенія, когда были бы въ состояніи представить ясно, какія именно явленія совершались при сотвореніи *свѣта* въ первый день, какія при сотвореніи *тверди* во второй день, и какія при отдѣленіи *воды* отъ *суши* въ третій день; но кто изъ смертныхъ можетъ сказать, *въ коей земли вселяется свѣтъ, тмѣ же кое есть мѣсто, гдѣ предѣлы ихъ и стези ихъ* (Іов. 38, 19), или *колика есть широта поднебес-*

ная, на которой столпи земли утверждени суть (ст. 6, и 18), или *гдѣ положены предѣлы и врата морю, егда изливашеся изъ чрева матере своея исходящее* (ст. 8—10)? Столь великія творческія дѣйствія превышаютъ наше разумѣніе и составляютъ *тайну* творенія Божія точно такъ же, какъ есть тайна для насъ появленіе вещества міра изъ небытія въ бытіе, *во еже отъ неявляемыхъ видимымъ быти* (Евр. 11, 3). Впрочемъ, дабы нѣсколько пояснить себѣ возможность смѣны дня и ночи въ первые три дня творенія прежде дѣйствія солнца и другихъ свѣтилъ, можно представлять явленія этихъ трехъ дней въ слѣдующемъ видѣ. Всеобще, хаотическое вещество міра создано было въ началѣ *невидимымъ* и *неустроеннымъ*. Такое состояніе міроваго вещества стало измѣняться съ того момента, когда по глаголу творческаго всемогущества: *да будетъ свѣтъ...* прежде всего *бысть свѣтъ,* — появилась свѣтоносная сущность (свѣтоносный эѳиръ, свѣтоносная сила, или какъ бы ни называли ее иначе), сущность тончайшая, сильнѣйшая и необходимѣйшая къ бытію и образованію другихъ вещей; она прогнала ту тьму, которая была *верху бездны,* проникала и сквозь нестройное водообразное вещество, дѣлая и его отчасти прозрачнымъ. Появленіе свѣта послѣ первобытнаго мрака и занятіе имъ міроваго пространства до назначенныхъ ему предѣловъ было первымъ днемъ: *и разлучи Богъ между свѣтомъ и между тмою... и бысть вечеръ и бысть утро, день единъ* (Быт. 1, 4. 5); а окончаніе этого творческаго дѣйствія было началомъ второй ночи. Явленія втораго дня начались творческимъ: *да будетъ твердь посредѣ воды...* Въ этотъ моментъ Словомъ Божіимъ могли быть назначены милліоны цент-

ровъ, около которыхъ вещество стало сосредоточиваться, могли явиться и силы, необходимыя для бытія тверди (напр. сила тяготѣнія), которыя, производя сосредоточеніе вещества, отдѣляли болѣе легкія и тонкія части его (напр. атмосферу) въ мѣста высшія, а болѣе плотныя части въ мѣста низшія или ближайшія къ центрамъ. Величественное явленіе свѣта должно было произойти отъ такого переворота, сотрясавшаго уже существовавшій свѣтоносный эѳиръ, и продолжаться до тѣхъ поръ, пока сосредоточеніе вещества не достигло опредѣленныхъ отъ Бога предѣловъ, иначе сказать, пока происходило *разлученіе воды, яже бѣ подъ твердію, отъ воды, яже бѣ надъ твердію* (ст. 7). Конецъ этого отдѣленія былъ концемъ втораго дня и началомъ третьей ночи. Явленія третьяго дня начались велѣніемъ Творца: *да соберется вода, яже подъ небесемъ, въ собраніе едино, и да явится суша* (ст. 9)... Отъ новаго сотрясенія эѳира, произведеннаго такимъ движеніемъ, которое въ тоже время, можетъ быть, совершалось и во всѣхъ другихъ тѣлахъ небесныхъ, должно было произойти новое явленіе свѣта, продолжавшееся до тѣхъ поръ, пока вода собиралась въ свои вмѣстилища, а суша стѣснялась въ назначенные ей предѣлы; но такъ какъ кругъ дѣятельности раздѣлявшагося вещества въ этотъ день былъ гораздо тѣснѣе, и слѣдовательно самое сосредоточеніе могло произойти гораздо скорѣе, нежели во второй день, то во 2-ю половину того же дня Богъ уже изрекъ другое повелѣніе: *да прорастить земля быліе травное* (ст. 11)... Конецъ отдѣленія водъ отъ суши, произращавшей немедленно растенія, есть конецъ третьяго дня и начало четвертой ночи. Послѣ того,

когда сжатіе вещества достигло крайнихъ своихъ предѣловъ, когда оно уже не могло производить подобныхъ сотрясеній свѣтоноснаго эѳира, тогда Богъ и устрояетъ въ небесныхъ пространствахъ особыя орудія свѣта—солнце, луну и звѣзды, изрекая: *да будутъ свѣтила на тверди небеснѣй, освѣщати землю и разлучати между днемъ и между нощію* (ст. 14). Что можетъ быть естественнѣе такого хода міротворенія, и между тѣмъ кто можетъ доказать, что для перваго, втораго и третьяго явленія недостаточно было дня въ 24 часа, если мы представимъ, съ какою необъятною быстротою распространяется свѣтъ и електричество, съ какою быстротою и нынѣ вращаются тѣла небесныя около своихъ центровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не будемъ забывать, что тогда самъ Богъ непосредственно содѣйствовалъ творимымъ силамъ и законамъ природы? При такомъ представленіи (*) мы не можемъ только опредѣлить въ точности, сколько именно часовъ продолжались первые три дня и сколько часовъ продолжались первые три ночи, и которые изъ нихъ были продолжительнѣе, дни или ночи; а что каждый изъ этихъ дней съ своею ночью составлялъ сутки, которые могли быть подобны нашимъ суткамъ въ 24 часа, это отвергать мы такъ же не беремся, какъ геологи не берутся доказывать и не хотятъ принимать открытой намъ здѣсь истины.

(*) Оно не противорѣчитъ никакимъ извѣстнымъ законамъ природы, не противорѣчитъ и слову Божію. Выраженія: *да будетъ свѣтъ..., да будетъ твердь..., да соберется вода въ собраніе едино..*, на которыя есть безчисленное множество толкованій, легко и удобно допускаютъ изложенное нами предположеніе. См. Записк. на книг. Бытія, изд. 1819 г. стр. 9—23.

Впрочемъ не въ одномъ только продолженіи времени заключается разность эпохъ, допускаемыхъ относящимися сюда геологами для образованія земнаго шара, отъ дней бытописанія Моисеева, но и въ существѣ самаго дѣла. Каждая эпоха, по мнѣнію ихъ, начиналась созиданіемъ изъ первобытнаго вещества различныхъ тварей, наполнялась произведеніями, особенно ей свойственными, какъ то: особеннаго рода земными слоями, растеніями и животными, своего рода формаціями, флорою и фауною, и оканчивалась разрушеніемъ созданнаго, такъ что каждая эпоха сама по себѣ составляетъ нѣчто отдѣльное цѣлое, хотя и находящееся въ нѣкоторой связи съ другими. Выше мы видѣли, какъ подобная идея о постепенныхъ созиданіяхъ и разрушеніяхъ при твореніи міра несообразна и несогласна съ понятіемъ о Богѣ, Творцѣ премудромъ и всеблагомъ, равно и необъяснима въ сущности своей никакими силами и законами природы, въ чемъ сознаются и сами геологи (*). Здѣсь же мы объяснимъ, въ какомъ противорѣчіи находится эта идея

(*) Одинъ изъ отличнѣйшихъ палеонтологовъ нашего времени *д'Орбиньи* (M. A. *d'Orbigny*) говоритъ: «Une première création s'est montrée avec l'étage silurien. Après l'anéantissement de celle-ci, par *une cause* géologique *quelconque*, après un laps de temps considérable, une seconde création a eu lieu dans l'étage dévonien, et successivement *vingt-sept fois* des créations distingues sont venues repeupler toute la terre de ses plantes et de ses animaux, à la suite de chaque perturbation géologique, qui avait tout détruit dans la nature vivante. Tel est le fait, le fait certain, mais *incomprehensible*, que nous nous bornons à constater, sans chercher à percer le mystère surhumain, qui l'environne». V. Cours. élemen. de Paleontologie. Tom. II, pag. 251. Тѣже мысли можно встрѣчать въ сочиненіяхъ почти всѣхъ другихъ геологовъ, исключая развѣ тѣхъ, которые берутся объяснять все и вездѣ, какъ бы то ни было.

съ самымъ сказаніемъ Пророка Моисея, котораго объясненіе она имѣетъ въ виду, какъ невозможно замѣнить *эпохами* ея упоминаемые въ священномъ Бытописаніи *дни* творенія. «Повторяя при каждомъ днѣ, что у него былъ вечеръ и было утро,—говорятъ геологи,—Моисей намекаетъ на эпохи образованія земли и означаетъ, что великіе перевороты отдѣляли одну изъ нихъ отъ другой, слѣдующей за нею, такъ, какъ и показываютъ намъ геологическіе факты» (*). Но Пророкъ Моисей употребляетъ выраженія: *бысть вечеръ и бысть утро*, и въ первый день, когда сотворенъ былъ свѣтъ, и во вторый, когда сотворена твердь, и въ четвертый, когда сотворены свѣтила небесныя; какіе же перевороты открываетъ намъ геологія въ земномъ шарѣ, соотвѣтствующіе этимъ тремъ днямъ или эпохамъ творенія, въ которыхъ собственно о землѣ ничего не говорится? Изъ всего повѣствованія Моисея о сотвореніи міра видно, что онъ изображаетъ происхожденіе не одной земли (не геогонію), а всего міра вещественнаго (космогонію); посему говоритъ во-первыхъ, что Богъ сотворилъ *небо и землю*, т. е. весь міръ; потомъ въ три изъ шести дней творенія—1-й, 2-й и 4-й—упоминаетъ кратко о томъ, что касается всего міра, т. е. о сотвореніи свѣта, тверди небесной и свѣтилъ—солнца, луны и звѣздъ; а въ прочіе три дня 3-й, 5-й и 6-й съ особенною подробностію описываетъ происхожденіе земли съ различными ея обитателями, хотя, по всей вѣроятности, и въ эти дни дѣйствія творческой силы не ограничивались одною

(*) *Марсель де Серръ* въ Cosmogonie de Moise, Tom. I, pag. 14 et 169.

землею (*). Слѣдовательно, говоря съ строгою точностію, остаются только три дня творенія, къ которымъ надобно приспособлять всѣ геологическіе факты, или три эпохи землеобразованія, за исключеніемъ которыхъ остальныя три не должны входить въ область геологіи. Почему же геологи почитаютъ каждый изъ шести дней повѣствованія Моисеева за отдѣльную эпоху *геологическую*, т. е. касающуюся земли и ея обитателей? Здѣсь заключается первая несообразность ихъ теоріи съ священнымъ Бытописаніемъ. Далѣе, если каждый день міроздания есть неопредѣленная эпоха времени, наполненная различными геологическими переворотами; то и каждый *вечеръ* и каждое *утро* будутъ означать уже не конецъ и начало обыкновеннаго дня, а конецъ и начало эпохи, или въ переносномъ смыслѣ разрушеніе и созиданіе,—разрушеніе во время такъ называемаго здѣсь *вечера* и созиданіе во время такъ называемаго *дня*, какъ и дѣйствительно утверждаютъ геологи. Но при такомъ взглядѣ на предметъ представляется весьма страннымъ, почему у свящ. Бытописателя конецъ эпохи или время разрушенія поставляется прежде ея начала или времени созиданія, вечеръ прежде утра, тогда какъ по существу всякаго дѣла необходимо напередъ создать что-нибудь, дабы потомъ разрушить, а никакъ не на оборотъ? Разумѣя слова: *вечеръ* и *утро*, въ смыслѣ отсутствія и появленія дневнаго свѣта, мы понимаемъ, почему здѣсь вечеръ поставленъ прежде утра, и почему Евреи и другіе древнѣйшіе народы считаютъ продолженіе дня отъ начала одного вечера сутокъ до начала другаго

(*) См. Записки на книгу Бытія, изд. 1819 г. стран. 20 и 21.

вечера; но разумѣя подъ ними геологическія эпохи, перевороты разрушенія и созиданія, мы рѣшительно не понимаемъ, почему св. Моисей во всѣ дни творенія употребляетъ именно эти выраженія: *вечеръ* и *утро*, а не какія-нибудь другія, болѣе точнымъ образомъ соотвѣтствующія мыслямъ нашихъ теоретиковъ, и притомъ съ такимъ постоянствомъ, шесть разъ въ одной главѣ, поставляетъ вечеръ прежде утра? И молчаніе его о вечерѣ и утрѣ седьмаго дня не можетъ означать ничего болѣе, какъ то, что въ этотъ день не было сотворено ничего новаго въ видимой природѣ, такъ какъ въ ней уже созданы были всѣ твари,—что этотъ день, благословенный и освященный Богомъ, не только по продолженію, какъ и предшествовавшіе ему дни, но и по виду тварей, не отличается отъ всѣхъ обыкновенныхъ дней послѣдующихъ,—а совсѣмъ не то, будтобы въ этотъ день началась новая геологическая эпоха, которая продолжается донынѣ. Иначе надобно объяснить, почему и она, эта седьмая эпоха, не началась точно также, какъ предъидущія, т. е. какимъ-нибудь переворотомъ, разрушительнымъ для всѣхъ предшествовавшихъ тварей,—какимъ образомъ, наприм. земныя животныя и человѣкъ, произведенія шестаго дня, перешли въ седьмый день и избѣгли, необходимо предполагаемаго между эпохами, разрушенія послѣ шестаго дня, при окончаніи котораго Бытописатель употребляетъ опять точно такое же выраженіе, какъ и прежде: *и бысть вечеръ и бысть утро, день шестый*? Вникая еще болѣе въ сущность теоріи, замѣняющей дни Моисеевы неопредѣленными эпохами времени, мы слышимъ, что какъ созиданія каждой эпохи касались всего міра вещественна-

го, растительнаго и животнаго, такъ и разрушенія въ каждую эпоху касались всего существовавшаго на землѣ, исключая животныхъ и человѣка, появившихся въ послѣднюю историческую эпоху творенія. Здѣсь заключается полное противорѣчіе геологическихъ предположеній съ священнымъ Бытописаніемъ. Въ сказаніи Прор. Моисея прямо и опредѣленно говорится, что растенія произошли изъ земли по повелѣнію Божію въ *третій* день, т. е. ихъ не было ни въ 1-й ни во 2-й день,—что рыбы и птицы сотворены въ *пятый* день, т. е. ихъ не было въ первые четыре дня; между тѣмъ въ геологическихъ системахъ приписывается каждой эпохѣ, отъ первой до послѣдней, своя флора и своя фауна, не похожая на флору и фауну предъидущей и послѣдующей эпохъ! Въ сказаніи Прор. Моисея говорится, что въ третій день произведены *быліе травное, сѣющее сѣмя по роду и по подобію, и древо плодовитое, творящее плодъ по роду на земли,* и что въ пятый день Богъ сказалъ рыбамъ и птицамъ: *раститеся, и множитеся, и наполните моря и землю,* т. е. всѣ эти твари получили при сотвореніи способность и благословеніе сохранять и распространять родъ свой; между тѣмъ въ системахъ геологическихъ признается несомнѣннымъ, что цѣлыя тысячи растеній и животныхъ, появившихся въ одну эпоху, тогда же умирали и не доживали до другой эпохи, не только въ частныхъ недѣлимыхъ, но въ цѣлыхъ своихъ родахъ и видахъ,—что каждая эпоха есть нѣчто отдѣльное отъ другихъ, отличающееся такими особенностями какъ въ земныхъ пластахъ, такъ и въ органическихъ ихъ обитателяхъ, которыя большею частію не повторялись въ слѣдующую за нею эпоху! Въ сказаніи Прор.

Моисея о сотвореніи міра, въ простомъ и буквальномъ его смыслѣ, вовсе нѣтъ никакого намека ни на какія разрушенія въ природѣ, или насильственныя появленія однихъ тварей на мѣсто другихъ; напротивъ все идетъ впередъ съ величественною, но быстрою постепенностію созиданія и образованія, такъ что самъ Богъ, взирая на свои созданія по частямъ и въ цѣломъ, неоднократно выражаетъ свое творческое одобреніе: *и видѣ Богъ свѣтъ, яко добро... и видѣ Богъ вся, елика сотвори, и се добра зѣло* (Быт. 1, 4. 31); между тѣмъ въ системахъ геологическихъ не допускается ни шагу впередъ безъ того, чтобы не отступить назадъ,— не полагается ни одной эпохи дальнѣйшей безъ разрушенія произведеній предъидущей эпохи,—не допускается собственно никакого усовершенствованія тварей, а только прерывочное появленіе тварей такъ называемыхъ болѣе совершенныхъ послѣ менѣе совершенныхъ, напр. появленіе въ одну эпоху моллюсковъ и полиповъ, въ другую—водяныхъ животныхъ, въ третью— амфибій, живущихъ въ водѣ и на сушѣ и т. д., какъ будто моллюски и амфибіи, инфузоріи и гады, и другія подобныя твари, не суть также совершенныя произведенія въ своемъ родѣ! Вообще, какъ бы геологи ни искажали текстъ свящ. Писанія, какъ бы ни разумѣли они выраженія: *день*, *вечеръ* и *утро*, во всякомъ случаѣ въ сказаніи Моисея опредѣленно и ясно означаются шесть отдѣльныхъ временъ, въ теченіи которыхъ совершилъ Богъ всѣ дѣла творенія и послѣ которыхъ наступилъ день покоя; между тѣмъ въ системахъ геологовъ насчитывается не шесть или семь различныхъ эпохъ образованія земнаго шара, которыя отличаютъ они по напластованію формацій, по минера-

логическимъ ихъ свойствамъ и по органическимъ въ нихъ остаткамъ, но болѣе 20, отъ 24 до 27, и, судя съ точки зрѣнія геологической, никакъ нельзя сокращать ихъ въ меньшее число эпохъ, безъ смѣшенія ихъ характеристическихъ особенностей (*)! Если такъ, то къ чему же служатъ здѣсь придуманныя геологами эпохи? Могутъ ли онѣ замѣнить собою шесть дней творенія, изъ которыхъ притомъ остается на долю земли только три—3, 5 и 6, изъ которыхъ каждый съ своимъ вечеромъ и утромъ, а не утромъ и вечеромъ (въ смыслѣ созиданія и разрушенія), и каждый съ своими произведеніями, продолжающими родъ свой отъ вѣка до нынѣ по силѣ дарованныхъ имъ на то способности и благословенія отъ Бога? Посему надобно принять одно изъ двухъ: или признать разбираемый нами второй способъ примиренія геологическихъ теорій съ священнымъ Бытописаніемъ, подобно первому, не достигающимъ своей цѣли; или признаться, что всѣ объясненія опытныхъ фактовъ природы и составленныя по нимъ теоріи мірообразованія сдѣланы совершенно независимо отъ сказанія бытописателя Моисея.

Дѣйствительно, основанія, на которыхъ опирается предположеніе о неопредѣленныхъ эпохахъ образованія земнаго шара и всего видимаго міра, не только чужды положительнымъ сказаніямъ слова Божія о

(*) Вообще полагаютъ въ земной корѣ однихъ осадочныхъ формацій 24, раздѣляя ихъ на 11 различныхъ почвъ и на 3 класса формацій. «Мы можемъ быть увѣрены, — говорится въ одномъ изъ русскихъ сочиненій,—что означенныя въ столбцѣ 24 формаціи указываютъ на столько же періодовъ, изъ которыхъ каждый отличался ему особенно свойственными животными и растеніями». Руков. къ Геогн. *Соколова*. 2 изд. 1842 г. ч. 2. стр. 21—22. *Д'Орбиньи*, какъ мы видѣли выше, полагаетъ въ землѣ отдѣльныхъ 27 формацій.

видимомъ мірѣ, но даже совершенно съ нимъ непримиримы. Спрашивается: какія же это основанія? — тверды ли онп сами по себѣ? — состоятъ ли они изъ фактовъ несомнѣнныхъ, точно изслѣдованныхъ, окончательно доказанныхъ, какъ увѣряютъ геологи? «Невозможно,—говорятъ они, — чтобы формаціи земной коры первоначальныя и осадочныя образовались въ продолженіи шести дней. Послѣднія изъ нихъ (т. е. осадочныя), состоящія изъ множества пластовъ, столь различныхъ какъ по своимъ химическимъ свойствамъ, такъ и по тварямъ (les êtres), въ нихъ сокрытымъ, необходимо требовали, для своего осажденія, продолжительныхъ періодовъ времени; ибо все расположеніе пластовъ доказываетъ медленныя и постепенныя осажденія веществъ, бывшихъ растворенными въ жидкости. Кромѣ того, слои различныхъ осадковъ, бывшіе первоначально горизонтальными, по большей части не сохранили своего первоначальнаго положенія; они оказываются болѣе или менѣе наклонными и часто даже вертикальными; такіе факты ясно доказываютъ, что послѣ своего образованія эти слои были разстроены, потерпѣли измѣненіе, которое опять должно требовать болѣе или менѣе продолжительныхъ промежутковъ времени. Различіе химическихъ свойствъ пластовъ также не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что они образовались въ различныя эпохи и, безъ сомнѣнія, весьма отдаленныя одна отъ другой. Окаменѣлости (les êtres fossiles), въ нихъ сокрытыя въ великомъ множествѣ, еще болѣе подтверждаютъ такое положеніе. Въ самомъ дѣлѣ, эти органическія тѣла совершенно различны въ своихъ специфическихъ свойствахъ, смотря по положенію или глубинѣ формацій, въ кото-

рыхъ они погребены; притомъ животныя, которыми наполнены различные осадочные слои земной коры, имѣютъ весьма различный возрастъ,—обстоятельство, которое никакъ не можетъ быть соглашено съ такимъ быстрымъ сотворенiемъ мiра, каково шестидневное. Такимъ образомъ физическiе факты говорятъ намъ, что протекъ продолжительный перiодъ времени между первымъ появленiемъ жизни на землѣ и появленiемъ человѣка, и еще болѣе продолжительный прежде этихъ двухъ эпохъ» (*). Соображая все, сказанное въ приведенныхъ словахъ, мы замѣчаемъ, что въ нихъ содержатся не одни факты, заимствованные прямо изъ природы, но и объясненiя этихъ фактовъ, которыхъ ни природа, ни слово Божiе, не даютъ намъ. Дѣйствительные факты и объясненiя фактовъ здѣсь надобно отличать самымъ строгимъ образомъ. Сближая тѣ и другiя съ предположенiемъ о неопредѣленныхъ эпохахъ образованiя нашей планеты, мы видимъ, что предположенiе основывается не на фактахъ, а на объясненiяхъ этихъ фактовъ, которыя принадлежатъ самимъ геологамъ. Провѣримъ же какъ факты геогностическiе, такъ и сужденiя о нихъ

(*) Эти разсужденiя, которыя составляютъ общiй голосъ новѣйшихъ естествоиспытателей, заимствованы слово въ слово изъ сочиненiя *Марсель-де-Серра*: La cosmogonie de Moise. Tom. I, pag. 40. Тамъ же онъ доказываетъ, что, если не принять *дни* Моисеевы за *эпохи*, то нужно принять первое предположенiе, т. е. объ образованiи мiра прежде шестидневнаго творенiя, чего допустить невозможно: «on ne peut concevoir ces générations, comme créées dans le commencement des temps et dans cette période indéfinie, qui a précédé la disposition actuelle de la terre; car évidement notre planète n'était pas alors susceptible de recevoir les êtres nombreux, qui s'y sont succédés pendant les periodes géologiques». Но почему же непремѣнно нужно принять *или* то, *или* другое?

геологовъ, дабы составить себѣ наиболѣе точное понятіе о самомъ предположеніи.

Ученіе о неопредѣленныхъ эпохахъ образованія земнаго шара выводится, какъ мы видимъ, преимущественно изъ сужденій, касающихся такъ называемыхъ осадочныхъ пластовъ земли—*нептуническихъ;* первоначальныя же породы, такъ называемыя *плутоническія* или *вулканическія*, которыя на всемъ земномъ шарѣ служатъ основаніемъ для породъ нептуническихъ и только частицами болѣе или менѣе крупными встрѣчаются въ водяныхъ пластахъ, прямо считаются застывшею корою зерна или ядра земнаго. Но не говоря уже о томъ, что постепенное остываніе раскаленной земной жидкости есть чистая мечта новѣйшихъ геологовъ, самая главная идея ихъ объ образованіи коры земной, идея о раздѣленіи всѣхъ составныхъ частей ея на вещества огненнаго и водянаго происхожденія оказывается неприложимою ко всѣмъ опытнымъ открытіямъ въ составѣ нашей планеты и находится въ противорѣчіи съ нѣкоторыми несомнѣнными фактами геогнозіи. Приведемъ здѣсь слова одного нѣмецкаго естествоиспытателя—*Фухса* (Fuchs), котораго теорія образованія земли отличается сколько безпристрастіемъ къ геологическимъ предразсудкамъ, столько же и ученостію: «вулканистъ или плутонистъ,— говоритъ онъ, — легко объясняетъ все при помощи огня; потому что огонь представляетъ ему такую силу, которая не знаетъ никакихъ предѣловъ; онъ можетъ самыя огнеупорныя тѣла, какъ то: алмазъ (Demant), корундъ (Korund), кварцъ (Quarz) и том. под. сдѣлать такъ жидкими, какъ вода, превратить ихъ даже въ паръ, какъ сдѣлалъ Лапласъ; противъ этого ничего сказать нельзя; это физически

не невозможно. Можно предоставить вулканисту такую забаву; но только мы должны спросить его: отчего въ горныхъ хребтахъ встрѣчаются разнородные минералы, легкоплавимые и трудноплавимые или даже вовсе для насъ неплавимые, не только подлѣ другъ друга, но весьма часто другъ въ другѣ, или проросшими насквозь одинъ другаго, такъ что нельзя оспаривать *одновременности* ихъ происхожденія? Какъ можно, спрашиваемъ мы, объяснить такое ихъ отношеніе, если прежде все было расплавлено въ однородную жидкость,—какъ это можетъ быть понятно и сообразно съ законами природы? Правда, въ плавильной печи мы часто видимъ происхожденіе кристалловъ, подобныхъ минераламъ, что̀ вулканисты объясняютъ въ свою пользу; но еще никогда не выходила оттуда смѣсь, подобная граниту. Если бы гранитъ, котораго существенныя составныя части—кварцъ (Quarz), полевой шпатъ (Feldspath) и слюда (Glimmer), былъ когда-нибудь расплавленъ; то напередъ долженъ былъ бы кристаллизоваться кварцъ, который пошелъ бы внизъ, потомъ шпатъ и слюда, соотвѣтственно разной плавимости и твердости этихъ трехъ тѣлъ. Какъ же они при такихъ условіяхъ могли сростись другъ съ другомъ, что̀ мы видимъ въ природѣ, и какъ они могли бы соединиться еще съ другими минералами, которые частію еще труднѣе плавятся, нежели кварцъ, какъ-то: корундъ (Korund) и цирконъ (Zircon), частію легче, нежели шпатъ и слюда, именно: гранатъ (Granat), роговая обманка (Hornblende), лепидолитъ (Lepidolith), турмалинъ (Turmalin)? Это въ моихъ глазахъ невозможно. Притомъ,—чего нельзя оставить безъ вниманія,—въ гранитѣ и подобныхъ горныхъ породахъ

доселѣ еще не найдено слѣдовъ стекловиднаго вещества (glasartigen Masse), котораго надобно въ немъ ожидать, если бы онъ былъ продуктомъ огня... Если такимъ образомъ вулканистъ оказывается несостоятельнымъ, то и нептунисту здѣсь предстоятъ значительныя трудности. Положеніе, будто всѣ горныя массы первоначально были распущены въ водѣ, находится въ противорѣчіи съ тѣмъ опытомъ, что минералы, изъ которыхъ состоятъ извѣстныя горы, частію совсѣмъ нерастворимы, частію мало растворимы въ водѣ; притомъ, если взять одни растворимые, то для этого нужна была бы несравненно большая масса воды, нежели какая есть теперь на земномъ шарѣ; еслибы даже принять предположеніе, что всѣ минералы первоначально были растворены въ водѣ, то встрѣчается другая трудность, подобная той, какую мы противопоставили вулканизму касательно плавимости составныхъ частей земли: въ горныхъ породахъ встрѣчаются вмѣстѣ минералы различной степени растворимости и кристаллизаціи; сообразно съ нею они и располагались бы пластами, а не срастались бы вмѣстѣ другъ съ другомъ, какъ мы видимъ на самомъ дѣлѣ» (*). Такимъ образомъ, по-

(*) См. его Theorie der Erde, in Müncher gelehrte Anzeigen. 1838 г. Tom. VI. 6, 209. у *Вагнера* въ Geschichte der Urwelt, cap. 22—45. Замѣченныя трудности *Фуксъ* удачно преодолѣваетъ своимъ ученіемъ объ *аморфизмѣ* твердыхъ тѣлъ; именно—онъ доказываетъ, что положеніе, будто всѣ тѣла, которыя образовались кристаллически, напередъ должны быть расплавлены огнемъ или растворены водою, не имѣетъ всеобщности и можетъ быть замѣнено положеніемъ: кристаллическому состоянію всегда должно предшествовать аморфическое, не кристаллизованное,—что не только расплавленныя, но и твердыя аморфическія тѣла могутъ кристаллизоваться непосредственно. Не излагая подробностей этой теоріи, избѣгающей системъ нептунистовъ и плутонистовъ, равно недопускающей и необъятныхъ періодовъ вре-

ложимъ, что фактъ существуетъ, т. е. что породы кристаллическія и не содержащія въ себѣ органическихъ окаменѣлостей дѣйствительно находятся въ самыхъ нижнихъ слояхъ земли, а некристаллическія и наполненныя окаменѣлостями въ верхнихъ слояхъ, но объясненія этого факта и сужденія о сущности всѣхъ вообще породъ земныхъ произвольны и несовсѣмъ достовѣрны, и потому подаютъ поводъ къ столь же произвольному предположенію о первоначальномъ состояніи нашей планеты.

Что касается до такъ называемыхъ нептуническихъ или осадочныхъ пластовъ земли, которые служатъ главною опорою для геологовъ, то *два* важныхъ *факта* представляются при взглядѣ на слоистый составъ земной коры, отъ древнѣйшихъ ея основаній до самыхъ верхнихъ формацій. *Первый* изъ этихъ фактовъ состоитъ въ томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ цѣлые ряды слоевъ, напр. первичныхъ, напластованы одинаково, т. е. въ одномъ направленіи и одномъ наклоненіи другъ къ другу, въ иныхъ мѣстностяхъ цѣлые ряды другихъ слоевъ, напр. вторичныхъ или третичныхъ, также напластованы одинаково, т. е. согласно какъ съ самими собою, такъ и съ первичными формаціями. Самое естественное и правильное заключеніе, какое можно вывести отсюда, будетъ то, что всѣ эти слои первичные, вторичные и третичные, расположенные такимъ образомъ, произошли отъ одной причины, дѣйствовавшей постоянно и одинаково въ

мени мірообразованія, замѣтимъ, что аморфизмъ ея весьма близокъ къ тому состоянію первоначальнаго вещества міра, въ какомъ представляетъ его намъ св. Писаніе, называя первобытный хаосъ *безобразнымъ* веществомъ (ἄμορφος ὕλη, Прем. 11. 18).

каждой мѣстности отъ начала до конца образованія пластовъ; только матеріалы или елементы, надъ которыми она дѣйствовала, были нѣсколько различны и видоизмѣняли ея дѣятельность. Преемственные слои этихъ пластовъ, дѣйствительно, иногда бываютъ такъ тѣсно соединены другъ съ другомъ, что невозможно указать не только подраздѣленій, но и главныхъ раздѣленій формацій первичныхъ, вторичныхъ и третичныхъ, если только не прибѣгать къ способамъ совершенно искусственнымъ и догадочнымъ; переходъ однихъ изъ этихъ слоевъ въ другіе часто бываетъ такъ незамѣтенъ, что самые систематическіе геологи не могутъ еще согласиться, какой слой здѣсь принадлежитъ къ одной формаціи и какой къ другой. Это обстоятельство не доказываетъ ли, что въ природѣ совершалось образованіе земной коры не совсѣмъ такъ, какъ вообще полагаютъ новѣйшіе естествоиспытатели, и что открываемые ими факты перетолковываются довольно произвольно? По крайней мѣрѣ отсюда очевидно, что нельзя принять господствующую, основанную чисто на предположеніи, идею о періодическихъ, всеобщихъ переворотахъ, между которыми будто бы происходило постепенное напластованіе земныхъ формацій, часто столь тѣсно соединенныхъ между собою, что онѣ не могутъ не быть дѣйствіемъ одной и постоянной причины, хотя и видоизмѣнявшей нѣсколько свою дѣятельность, смотря по мѣстностямъ и ихъ обстоятельствамъ. «Въ первыя времена развитія идеи о геологическихъ эпохахъ,—говоритъ одинъ изъ русскихъ геологовъ какбы въ подтвержденіе такой мысли,— господствовало мнѣніе, что переходъ отъ одной эпохи къ другой ознаменовывался огромными, насиль-

ственными переворотами, до того измѣнявшими лице земли, что каждая послѣдующая эпоха не похожа была на предъидущую; органомъ этихъ идей было тогда сочиненіе Кювье: Sur les revolutions du globe terrestre; въ послѣдствіи, болѣе подробное изученіе формацій различныхъ эпохъ привело къ убѣжденію, что между ними нѣтъ рѣзкихъ границъ и рѣшительно противоположныхъ разностей» (*). На чемъ же основывается самое мнѣніе о нѣсколькихъ, отдѣльныхъ эпохахъ въ отдаленныя отъ насъ, до-историческія времена мірообразованія?? *Другой фактъ*, представляющійся при взглядѣ на всѣ вообще формаціи земли и повидимому благопріятствующій мнѣнію о геологическихъ переворотахъ, состоитъ въ томъ, что многіе пласты земной коры находятся не въ горизонтальномъ положеніи, но то возвышаются, то понижаются подъ различными углами наклоненія другъ къ другу, или даже обращены совершенно въ противоположную сторону, нежели въ какую сосѣдственные имъ другіе пласты. Отсюда заключаютъ, что причина, образовавшая земную кору, дѣйствовала не постоянно, а испытывала различныя и продолжительныя остановки, встрѣчала препятствія отъ какой-то противоположной силы, нарушавшей правильность дѣйствій первой силы во всѣ эпохи мірообразованія. Но это заключеніе такъ противорѣчитъ первому, допущенному нами и самою природою указываемому факту, что мы не можемъ принять его безъ повѣрки; и если найдемъ способъ согласить эти два факта между собою,

---

(*) См. Естеств. Истор. земной коры, проф. *Куторги*, изд. 1858 г. стр. 297.

т. е. объяснить нарушеніе правильности въ образованіи формацій при постоянствѣ главной образовательной силы, то должны признать, что мы будемъ ближе къ истинѣ. Дѣйствительно, нѣтъ никакой надобности принимать ту и другую силу за совершенно противоположныя и разновременныя; онѣ могли дѣйствовать совокупно и одновременно, одна созидая, а другая нѣсколько видоизмѣняя ея созданія. Несомнѣнно, что неправильно-расположенные пласты, прежде нежели они были подняты и разстроены, должны быть устроены и сложены; слѣдовательно причина, образовавшая ихъ, должна дѣйствовать первая, и дѣйствовать постоянно созиданіемъ пластовъ правильныхъ, неразстроенныхъ, дѣйствовать однообразнымъ и всеобщимъ образомъ; но въ тоже время на нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, болѣе или менѣе обширныхъ, другая сила (по мнѣнію геологовъ — первоначальная теплота раскаленнаго ядра земнаго шара, а по мнѣнію отличнѣйшихъ физиковъ—химическая теплота, происходящая отъ вліяній атмосферныхъ недалеко отъ земной поверхности и совершенно достаточная для объясненія этого обстоятельства) могла производить въ образуемыхъ или уже образовавшихся пластахъ то повышенія, то пониженія, которыя видоизмѣняли дѣйствія первой силы, заставляли ее созидать формаціи въ другомъ порядкѣ и другомъ направленіи, но отнюдь не могли остановить всеобщей и постоянной ея дѣятельности; напротивъ, должны были тѣмъ болѣе усиливать ея энергію, чѣмъ болѣе было различіе и обиліе матеріаловъ отъ самаго ихъ смѣшенія и нарушенія правильнаго ихъ образованія. Такимъ образомъ два факта природы, повидимому столь противополож-

ные, примиряются между собою, и не оказывается никакой необходимости допускать преемственныя созиданія и разрушенія, изъ которыхъ послѣднія будто бы имѣли вліяніе на всю поверхность земнаго шара такъ же, какъ и первыя. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ современныхъ намъ геологовъ — *Лейль* (Lyell), разсматривая всѣ принимаемые имъ четыре класса горныхъ породъ—осадочныя, волканическія, плутоническія и метаморфическія,—не какъ послѣдовательныя, но какъ *современныя* (синхронистическія) произведенія образовательной силы природы, говоритъ: «подобно тому, какъ въ наше время образуются въ моряхъ и озерахъ осадочные, отчасти окаменѣлости содержащіе пласты, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ выступаютъ наружу волканическія породы; точно такъ и въ каждый протекшій до насъ періодъ водяные осадки были современны съ выступавшими на поверхность земли волканическими породами; а эти въ свою очередь находились въ связи съ другими также огненными породами, подвергавшимися во внутренности земной вліянію причинъ волканическихъ и плутоническихъ; между тѣмъ какъ нѣкоторые осадочные пласты отъ этихъ же причинъ измѣнялись въ свойствахъ и метаморфозировались... Ничѣмъ не доказывается, чтобы во время всѣхъ этихъ переворотовъ земная кора становилась часъ-отъ-часу толще. Касательно водяныхъ осадковъ уже доказано, что образованія въ однихъ мѣстахъ совершались на счетъ разрушеній въ другихъ. Подобно тому и въ недосягаемыхъ глубинахъ вновь кристаллизовавшіяся породы могли образоваться на счетъ расплавленія и переплавки прежнихъ. Объ относительной древности кристаллическаго основанія земной коры во-

обще, сравнительно съ лежащими на этомъ основаніи осадочными и волканическими породами, такъ же трудно судить, какъ и о фундаментѣ стараго зданія относительно къ самому строенію. Фундаментъ могъ быть еще старше строенія, могъ быть положенъ въ одно время съ возведеніемъ строенія, и наконецъ могъ быть подведенъ вновь подъ строеніе. Точно такія отношенія могли имѣть мѣсто между древностію верхнихъ и нижнихъ частей земной коры; все зависѣло отъ силы воды и огня въ приданіи веществамъ новой формы» (*). Гдѣ же основанія для предположенія, допускающаго необъятную продолжительность какъ созидательныхъ, такъ и разрушительныхъ эпохъ землеобразованія, будтобы рѣзко отдѣляющихся одна отъ другой и представляющихъ какбы особые міры въ одномъ нашемъ мірѣ?? Въ подтвержденіе того, какъ сомнительно такое предположеніе, замѣтимъ, что всѣ породы земной коры и по минералогическимъ своимъ свойствамъ отнюдь не такъ различны, чтобы онѣ должны были принадлежать совершенно къ различнымъ эпохамъ (да и въ различныя эпохи откуда могутъ взяться для осадковъ вещества, совершенно отличныя отъ прежнихъ?!). Извѣстно, что во всѣхъ геологическихъ пластахъ есть нѣкоторые общіе елементы, которые при различныхъ химическихъ соединеніяхъ съ другими елементами могли и могутъ давать слои различнаго рода (по *Фуксу* и *Вагнеру* эти общіе елементы суть кремнекислота и углекислота — Ciliciumsaüre и Kohlensäure);

(*) См. Руковод. къ Геогн. проф. *Соколова*, изд. 2. стр. 12—14. Выписка изъ сочиненія *Лейля*: Principles of Geology, имѣвшаго нѣсколько изданій.

извѣстно, что нептунисты находятъ возможнымъ производить всѣ пласты земли изъ воды, а плутонисты— изъ огня; извѣстно, что, по мнѣнію нео-нептунистовъ, даже граниты, гнейсы и другія фундаментальныя породы земной коры, по происхожденію существенно не отличаются отъ глины, известняковъ и другихъ породъ несомнѣнно водянаго происхожденія, что благородные и неблагородные металлы, покрывающіе стѣнки земныхъ жилъ, суть продукты не усиленной возгонки, а спокойнаго осажденія и тому под. (*). Прибавимъ къ этому, что самый порядокъ напластованія формацій, принимаемый геологами и требовавшій будтобы безмѣрно-продолжительныхъ періодовъ времени,

(*) См. въ Отечественныхъ Запискахъ за Февраль 1859 года статью: «Плутонисты и нео-нептунисты», въ которой разбираются новѣйшія, изданныя въ 1858 г. сочиненія геологовъ: Otto *Volger*, Emil. *Kluge*, A. *Perrey*, Adolf *Hoff*, J. *Schmidt* и H. *Eitles*. — Какъ еще не тверды заключенія геологовъ о свойствахъ земныхъ пластовъ, укажемъ на самый обыкновенный—каменноугольный. Обыкновенно полагаютъ, что матеріаломъ этого пласта были растенія, наносныя или на мѣстѣ отжившія; но *Вагнеръ*, согласно съ *Раумеромъ* (Raumer) и *Фуксомъ*, говоритъ: «ископаемыя растенія, которыя въ необыкновенномъ множествѣ встрѣчаются въ каменномъ углѣ, находятся въ такомъ же къ нему отношеніи, въ какомъ раковины къ известнякамъ; какъ мало известнякъ обязанъ своимъ происхожденіемъ заключеннымъ въ немъ органическимъ остаткамъ, такъ же мало происхожденіе каменнаго угля зависитъ отъ обугливанія царства растительнаго; какъ нерѣдко въ известковыхъ пластахъ животные остатки находятся въ такомъ множествѣ, что проникаютъ весь камень, такъ же часто мы видимъ подобное и въ минеральномъ углѣ; какъ фауна древняго міра стоитъ въ связи съ известковыми формаціями, такъ флора— съ угольными формаціями и сопровождающими ихъ конгломератами; окаменѣлыя растенія въ известковыхъ горахъ принадлежатъ къ рѣдкостямъ, что было бы необъяснимымъ фактомъ, еслибы флора древняго міра, какъ нынѣшняя, могла произрастать на каждой почвѣ». Смотр. Geschichte der Urwelt, стр. 32.

есть только ихъ предположеніе, не оправдываемое опытомъ. Природа нигдѣ не представляетъ намъ этой лѣстницы формацій, безъ перерывовъ, недостатковъ, или измѣненій. Въ дѣйствительности нѣтъ ни одного пласта изъ всей воображаемой лѣстницы, который бы не находился на самой земной поверхности, непокрытый никакимъ другимъ; въ одномъ мѣстѣ на поверхности лежитъ порода такъ называемая первичная, въ другомъ — угольная, въ третьемъ—тріасовая, въ четвертомъ—юрская или мѣловая и т. п. Съ другой стороны, восходя отъ породъ новѣйшихъ, такъ называемыхъ *дилювіальныхъ*, къ древнѣйшимъ, мы находимъ, что иногда порода третичная, иногда мѣлъ, иногда юра и т. д., лежатъ непосредственно на гранитѣ и другихъ первичныхъ, такъ что нужно не предполагать, а на вѣрное полагать, что нѣтъ въ природѣ ни одного пласта, который бы не лежалъ гдѣ-нибудь въ земной корѣ прямо на породѣ первичной. «Какую бы систему классораздѣленія осадковъ мы ни взяли за образецъ, — говоритъ одинъ изъ русскихъ геологовъ,—нигдѣ не найдется въ совокупности всѣхъ членовъ геогностическаго столбца; обыкновенно же не достаетъ въ промежуткахъ между находящимися формаціями тѣхъ или другихъ изъ числа означенныхъ въ столбцѣ; однимъ словомъ, ряды геогностическіе бываютъ всегда болѣе или менѣе неполные, и нѣтъ мѣста на земномъ шарѣ, гдѣ бы всѣ послѣдовательные осадки находились сполна; почвы, считаемыя въ этомъ отношеніи образцовыми и служащія къ опредѣленію другихъ осадковъ по сравненію съ ними, составляютъ только нѣкоторыя части цѣлаго столбца. Одни и тѣже пласты, нисколько не различающіеся признаками,

находятся во всѣхъ ярусахъ земли» (*). Гдѣ же основанія для продолжительно-постепеннаго и періодически-разновременнаго происхожденія коры земнаго шара??

Въ защиту предположенія геологовъ остается одно доказательство — существованіе органическихъ окаменѣлыхъ остатковъ во всѣхъ формаціяхъ, исключая такъ называемыя огненныя, кристаллическія. Доказательство это столь важно, что всѣ другія въ сравненіи съ нимъ занимаютъ второстепенное мѣсто и не представляютъ ничего рѣшительнаго. «S'il n'y avait, говоритъ знаменитый Кювье, que des terrains sans fossiles, il serait impossible de prouver, que tous les terrains n'ont pas été formés en même temps» (**). Значитъ, невозможно—предварительно допускать періодическую разновременность пластовъ земныхъ, а потомъ уже по нимъ опредѣлять, къ какому періоду принадлежатъ тѣ или другіе классы животныхъ и растеній ископаемыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ считать классы фауны и флоры признаками относительной древности пластовъ; ибо это значило бы обращать доказательство свое въ логическомъ кругѣ: сравнительную древность пластовъ доказывать органическими окаменѣлостями, а сравнительную древность окаменѣлостей пластами! Если же такъ, если опредѣленіе древности или недавности земныхъ пластовъ, болѣе или менѣе быстраго осажденія ихъ изъ прѣсныхъ или морскихъ водъ и т. п., зависитъ главнымъ образомъ отъ свойствъ ископаемыхъ окаменѣлостей; то спрашивается: на ка-

(*) См. Руковод. къ Геогноз. пр. *Соколова*, изд. 2. част. 2. стр. 20 и 24.

(**) Въ сочиненіи: Sur revolutions du globe terrestre.

комъ основаніи составляется опредѣленіе древности или недавности самихъ окаменѣлостей,—дѣлается ли оно независимо отъ всякой предзанятой системы, или оно зависитъ отъ теоріи, составленной a priori? Не принимается ли для этого предварительно такъ называемое періодическое появленіе различныхъ классовъ животныхъ и растеній чрезъ значительные промежутки времени, соотвѣтственно той или другой формаціи, хотя и независимо отъ ней? *Или* не допускается ли предварительно такъ называемое постепенное усовершенствованіе этихъ классовъ отъ перваго періода міробразованія до послѣдняго, съ низшихъ родовъ животныхъ и растеній до высшихъ? Дѣйствительно, эти двѣ мысли, допускаемыя a priori, составляютъ новый рядъ сужденій, который не только ведетъ естествоиспытателей къ предположенію ихъ о происхожденіи коры земнаго шара, но руководитъ и самымъ взглядомъ ихъ на геологическіе факты. *Первая* мысль подала поводъ къ слѣдующему положенію: каждая формація отличается особенно ей свойственною флорою и фауною, сохранившеюся въ окаменѣлыхъ остаткахъ, такъ что сходство окаменѣлостей въ формаціяхъ, находящихся хотя бы на различныхъ отдаленныхъ мѣстахъ земнаго шара, доказываетъ сходство и одновременность образованія формацій. Но если самыя формаціи, какъ мы видѣли выше, часто неразрывнымъ образомъ соединены между собою или незамѣтнымъ образомъ переходятъ одна въ другую; то очевидно, что невозможно въ такихъ случаяхъ положить общихъ, рѣзкихъ и опредѣленныхъ, границъ появленія и животныхъ окаменѣлостей однихъ за другими; если всѣ земныя формаціи, называемыя первичными,

вторичными и третичными, такъ перемѣшаны между собою, что часто мы не знаемъ, какая изъ нихъ осѣла прежде и какая послѣ, то подобнымъ же образомъ не можемъ сказать съ точностію и объ ихъ окаменѣлостяхъ, какія изъ нихъ существовали прежде и какія послѣ; однѣ и тѣже окаменѣлости могутъ встрѣчаться, вмѣстѣ съ своими формаціями, во всѣхъ глубинахъ земной коры и въ сосѣдствѣ со всѣми другими формаціями и окаменѣлостями; слѣдовательно, онѣ могли появиться во всѣ періоды образованія земной коры, или въ одно время со всѣми ея пластами.. Далѣе, хотя бы въ какихъ-нибудь мѣстностяхъ формаціи сами по себѣ отличались одна отъ другой самымъ рѣзкимъ образомъ по своимъ минералогическимъ свойствамъ или по своему напластованію, нельзя сказать, чтобы флора и фауна одной изъ нихъ совершенно отличались отъ флоры и фауны другой. Напротивъ, невозможно строго назначить предѣловъ, въ какой формаціи начинается одинъ родъ растеній и животныхъ, и въ какой—другой родъ. Многіе не только роды, но и виды животныхъ и растеній, господствующіе въ такъ называемыхъ первичныхъ формаціяхъ, переходятъ во вторичныя, изъ вторичныхъ въ третичныя, и на оборотъ господствующіе въ третичныхъ встрѣчаются, хотя въ меньшемъ числѣ, и во вторичныхъ и даже въ первичныхъ. Обыкновенно допускаемое предположеніе геологовъ, будто первичныя (иначе называемыя переходными) формаціи характеризуются отсутствіемъ окаменѣлостей позвоночныхъ животныхъ, вторичныя заключаютъ въ себѣ изъ этого класса животныхъ—только рыбъ и пресмыкающихся, а животныя млекопитающія и растенія явнобрачныя встрѣча-

ются только въ третичныхъ формаціяхъ, уже не имѣетъ своей всеобщности, по свидѣтельству точныхъ новѣйшихъ изслѣдованій (*). Все основаніе разбираемой нами мысли заключается въ томъ, будто одинаковыя породы животныхъ и растеній должны жить въ одинаковые геологическіе періоды; но такое предположеніе не только ничѣмъ не доказано, а напротивъ съ большею вѣроятностію надобно полагать, что различныя страны земнаго шара и даже различныя подраздѣленія одной и той же страны могли питать органическія существа весьма различныя, хотя бы даже температура была одинакова на всемъ земномъ шарѣ. Изученіе географіи животныхъ и растеній доказываетъ намъ, что распредѣленіе органическихъ существъ на земномъ шарѣ подчинено многимъ причинамъ, кромѣ климатическихъ. Если же это на опытѣ справедливо въ настоящее время, то почему не могло быть того же и прежде? Если это справедливо по отношенію къ существамъ, живущимъ на земной поверхности, то почему не могло быть тогоже и съ

(*) Dejá l'on a signalé des poissons et même des tortues dans les grauwackes et les schistes de transition et *dans le vieux grès rouge*, en compagnie avec les trilobites; trois espèces de *marsupiaux*, trouvées dans les terrains jurassiques de l'Angleterre, obligent à reculer la date longtemps assignée à l'apparition des mammiféres; pour nier l'existence des dicotylédones dans la période secondaire, il faut placer les conifères bien au dessous de cette classe de végetaux....et cael. См. статью *А. Пулè* подъ заглавіемъ: Des fossiles et de leur signification, въ Nouvell. encyclop. Theolog. Tom XLVIII. 1854 an. pag. 1445. Геологъ *д'Орбиньи*, въ своемъ Cours élementaire de Paleontologie, весьма отчетливо доказалъ существованіе однихъ и тѣхъ же породъ животныхъ и растеній въ разныхъ формаціяхъ, раздѣляя ихъ на породы періодически уменьшающіяся и возрастающія (periode decroissante et croissante).

существами, живущими не на земной поверхности? *Вторая* мысль подала поводъ къ слѣдующему положенію: чѣмъ ниже формація въ (предполагаемомъ только) столбцѣ геологическомъ, тѣмъ флора и фауна ея несовершеннѣе и менѣе похожа на классы растеній и животныхъ настоящаго времени; а чѣмъ формація выше въ этомъ столбцѣ, тѣмъ флора и фауна ея совершеннѣе; т. е. когда одни и тѣже растенія и животныя повторяются въ разныхъ формаціяхъ, то въ которой изъ нихъ встрѣчаются они въ болѣе совершенномъ видѣ, та принадлежитъ къ позднѣйшему періоду. Но, не говоря о томъ, что геологія еще не доказала постепеннаго развитія животныхъ организмовъ въ разные періоды образованія земнаго шара, а только встрѣтила или повтореніе однихъ и тѣхъ же органическихъ существъ въ разныхъ формаціяхъ, или существованіе нѣкоторыхъ родовъ животныхъ и растеній въ одной формаціи такихъ, какихъ въ другой вовсе нѣтъ, мы должны сказать, что самое усовершенствованіе ископаемыхъ тварей на опытѣ представляется не совсѣмъ такъ, какъ допускается въ приведенномъ положеніи. Такое усовершенствованіе ихъ или уподобленіе организмамъ, нынѣ существующимъ, зависитъ не отъ той или другой формаціи, но отъ положенія ея въ корѣ земной, отъ большей или меньшей отдаленности ея отъ земной поверхности. Этотъ законъ, какъ доказываютъ новѣйшія изслѣдованія, имѣетъ силу въ отношеніи *ко всѣмъ формаціямъ*: въ какомъ бы взаимномъ отношеніи ни находились пласты земли, будетъ ли гдѣ—нибудь лежать мѣлъ подъ известнякомъ, или юра подъ мѣломъ, или каменный уголь подъ известнякомъ и т. п., всегда ископаемыя окаме-

нѣлости, находящіяся ниже, т. е. далѣе отъ земной поверхности, менѣе сходны съ организмами, живущими на поверхности, нежели находящіяся въ высшихъ пластахъ. Этотъ законъ имѣетъ силу въ отношеніи *ко всѣмъ классамъ* ископаемыхъ: къ растеніямъ и животнымъ, къ позвоночнымъ животнымъ и непозвоночнымъ, млекопитающимъ и немлекопитающимъ, рыбамъ и пресмыкающимся, вѣроятно также къ птицамъ и насѣкомымъ, если бы только ихъ ископаемые остатки не были столь рѣдки и трудны для изслѣдованія. Этотъ законъ, впрочемъ, имѣетъ силу только *вообще*, въ отношеніи къ совокупности ископаемыхъ, къ большей части ихъ родовъ и видовъ; въ частности же и съ совершенною точностію геологія до сихъ поръ еще не опредѣлила, на какой глубинѣ, въ ряду формацій коры земной, оканчиваются организмы вовсе непохожіе на живущіе нынѣ, на какой начинаютъ показываться роды и виды органическихъ существъ, подобные нынѣ живущимъ, и на какой—совершенно съ ними сходные. Достовѣрно только одно обстоятельство, что ни на какой глубинѣ коры земной, ни въ одной изъ формацій такъ называемыхъ допотопныхъ не найдено окаменѣлыхъ остатковъ человѣка(*)! Всѣ эти факты касательно флоры и фауны ископаемаго міра доказываютъ, что растительная и животная жизнь, въ различной степени ея органическаго развитія, была внѣдрена не только на поверхности земли, не только въ воздухѣ и водѣ, но и въ самой землѣ до нѣкоторой глубины ея, съ замѣтнымъ разнообразіемъ, по мѣрѣ удаленія отъ ея поверхности и, конечно, въ связи съ минеральными

(*) См. упомянутую ст. *А. Пуйе* въ Nouv. Encycl. theol. tom. XLVIII, 1851, pag. 1115.

свойствами земныхъ формацій, доставлявшихъ тварямъ пищу и питіе; съ теченіемъ же времени, по какой-то, неизвѣстной для геологіи, причинѣ, эта жизнь изсякла въ большей части родовъ и видовъ; а отпюдь не доказываютъ того, будто одни изъ ископаемыхъ цѣлыми тысящелѣтіями древнѣе другихъ по своему происхожденію, будто одни изъ нихъ постепенно возраждались на счетъ жизни другихъ, будто остатки ихъ вмѣстѣ съ формаціями цѣлыми вѣками осаждались изъ воды другъ поверхъ друга и т. под. Формаціи сами въ себѣ не имѣютъ никакихъ ясныхъ признаковъ своей относительной древности, и ископаемые органическіе остатки также не имѣютъ сами въ себѣ никакихъ ясныхъ признаковъ своей относительной древности; слѣдовательно, ни отъ первыхъ къ послѣднимъ, ни отъ послѣднихъ къ первымъ дѣлать заключенія въ этомъ отношеніи мы основательно не можемъ. Не поколеблетъ такого вывода ни одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ частныхъ вопросовъ, какіе предлагаются геологами касательно ископаемой флоры и фауны; напр. почему нѣкоторыя ископаемыя животныя, не похожія на нынѣшнихъ, обнаруживаютъ органы зрѣнія и дыханія, подобные тѣмъ же органамъ нынѣшнихъ животныхъ?— почему ископаемыя животныя и растенія, чѣмъ ниже лежатъ въ землѣ, тѣмъ менѣе обнаруживаютъ подчиненія законамъ климатическаго различія, которымъ подчинены твари нынѣшнія? — въ какой связи находятся ископаемыя животныя и растенія съ нынѣ живущими, т. е. происходятъ ли настоящія отъ ископаемыхъ, или настоящія составляютъ особый органическій міръ, отличный отъ прежняго, и въ первомъ случаѣ почему въ земной корѣ встрѣча-

ются организмы вовсе непохожіе на настоящіе, а во второмъ — почему иногда въ верхнихъ слояхъ земли встрѣчаются и организмы похожіе на настоящіе? — и пр. и пр. Не входя въ подробное разрѣшеніе всѣхъ подобныхъ вопросовъ, которые какъ обращаются геологами въ пользу ихъ теоретическаго предположенія, такъ же могутъ быть направлены и противъ этого предположенія, приведемъ здѣсь отвѣтъ на нихъ человѣка, спеціально занимавшагося геологіею и вполнѣ заслуживающаго нашего довѣрія. «Хотя, — говоритъ А. *Вагнеръ*, — древній міръ животныхъ и растеній показываетъ разительное отличіе отъ настоящаго, но оно не въ такой степени рѣшительно, чтобы мы не могли включить типы этихъ животныхъ и растеній въ ряды настоящихъ органическихъ тварей. Сколь ни различны взгляды естествоиспытателей на начала классификаціи флоры и фауны, но всѣ они вообще согласны въ томъ пунктѣ, что классораздѣленіе, которое обнимаетъ нынѣ существующіе организмы, весьма легко можетъ принять въ себя и первобытные ископаемые организмы даже изъ древнѣйшаго періода. Органическій міръ отъ самаго начала созданъ по одному и тому же главному плану, и его исторія показываетъ только постепенное стремленіе—сдѣлаться болѣе и болѣе сходнымъ съ настоящимъ состояніемъ тварей. Предъ наступленіемъ всемірнаго потопа это стремленіе достигло своей высшей степени; при сравненіи животнаго міра непосредственно предъ потопомъ и непосредственно послѣ потопа, которое конечно можетъ быть сдѣлано съ обстоятельностію только въ отношеніи къ млекопитающимъ животнымъ, мы встрѣчаемъ уже всѣ роды и, вѣроятно, всѣ виды настоящіе. Прав-

да, предпотопная фауна представляетъ нѣсколько родовъ, которые въ послѣпотопной болѣе не встрѣчаются, и многіе изъ прочихъ родовъ представляютъ специфическое отличіе отъ послѣпотопныхъ, но надобно замѣтить, что бо̀льшая часть земной поверхности въ отношеніи къ допотопнымъ остаткамъ еще не изслѣдована; и такимъ образомъ можно полагать, что между ними могутъ найтись еще многіе роды, которые окажутся тожественными съ настоящими. Правда, что въ допотопной фаунѣ даже между млекопитающими есть множество родовъ, о которыхъ опредѣленно можно сказать, что они между живущими нынѣ тварями болѣе не существуютъ; ихъ всеобщее истребленіе можетъ быть приписано только одновременной могущественной катастрофѣ»... (*)

И такъ основанія, приводимыя новѣйшими естествоиспытателями въ доказательство и втораго предположенія объ эпохахъ постепеннаго образованія нашего земнаго шара, не подтверждаются опытными фактами, а напротивъ положительно опровергаются ими; вмѣстѣ съ тѣмъ представленія о свойствахъ этихъ эпохъ и переворотахъ, отдѣляющихъ одну отъ другой, опирающіяся на такихъ основаніяхъ, не выдерживаютъ критики; затѣмъ и составленное въ духѣ такого предзанятаго мнѣнія толкованіе свящ. текста о шестидневномъ твореніи міра оказывается совершенно произвольнымъ и несообразнымъ даже съ многими сторонами самой теоріи геологовъ. Напрасно они, вмѣстѣ съ однимъ безбожникомъ, иронически восклицаютъ: «шести-

(*) См. *Вагнера* Gesch. der Urw. стр. 237 и 238. Мнѣніе о возможности включить многіе ископаемые типы въ ряды нынѣшнихъ животныхъ и растеній упоминается и у *Гумбольдта,* хотя имъ подвергается сомнѣнію. См. *Космосъ* въ перев. Флорова. Част. 1. стр. 188.

дневное твореніе міра для всемогущества Божія слишкомъ продолжительно, а для естественныхъ геологическихъ процессовъ слишкомъ кратко»! (*) Если на это великое дѣло смотрѣть съ надлежащей точки зрѣнія, т. е. какъ на непосредственное дѣло Существа всемогущаго, но вмѣстѣ свободнаго и премудраго; то можно съ достовѣрностію сказать, что для сотворенія міра именно шести дней не много и не мало. Если оставить пустыя мечты, а собрать только достовѣрныя свѣденія, выработанныя и въ этой области геологическими изслѣдованіями; то надобно сказать, что физическіе факты не только не противорѣчать сказаніямъ слова Божія о видимомъ мірѣ, но могутъ быть объяснены не иначе, какъ только при буквальномъ его руководствѣ. Такъ, по свѣденіямъ геологіи, животныя и растенія, должно быть, родились и жили въ болѣе мягкой почвѣ, нежели въ какой нынѣ находятся ихъ окаменѣлости, не ограничивались опредѣленными мѣстностями на земномъ шарѣ въ распредѣленіи ихъ родовъ и видовъ, и чѣмъ глубже, тѣмъ менѣе зависѣли отъ климатическихъ особенностей настоящей температуры. И по сказанію св. Писанія, Богъ повелѣлъ землѣ *прорастить быліе травное* въ то время, когда лишь только дано было повелѣніе *отдѣлиться водѣ отъ суши*, въ третій день мірозданія, прежде сотворенія солнца, положившаго начало климатическимъ особенностямъ на земномъ шарѣ; а чрезъ день послѣ того дано было повелѣніе: *да изведутъ воды гады душъ живыхъ... и сотвори Богъ киты великія и всяку душу животныхъ гадовъ* (Быт. 1,

(*) Слова *Штраусса* (Strauss), приведенныя у *Вагнера* на стр. 474.

11. 20. 21.), когда еще ни земля, лишь только освободившаяся отъ изобилія воды, не могла сдѣлаться столь же твердою, какъ нынѣ, ни обращеніе земли вокругъ солнца не могло установить даже на поверхности земнаго шара климатическихъ поясовъ, которыхъ внутри его не могло быть и послѣ, не можетъ быть и нынѣ. Такимъ образомъ, по законамъ физическимъ ничто не препятствуетъ полагать съ этихъ дней начало органическихъ существъ не только на поверхности земли, но и въ самой землѣ, въ самыхъ формаціяхъ земныхъ, гдѣ не совсѣмъ отсутствуютъ и другія стихіи, необходимыя для бытія тварей,—огненная теплота, воздухъ и вода; равно и повелѣнія Божіи, изреченныя въ приведенныхъ словахъ, не слѣдуетъ ограничивать одною земною поверхностію, однимъ воздухомъ и водою, оставивъ внутренность земли безъ всякой, особенно ей свойственной, производительности, или полагать появленіе какъ растеній, такъ и животныхъ, на одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ земнаго шара, а не вездѣ, гдѣ готова была удобная и соотвѣтственная среда для ихъ существованія (*). По свѣдѣніямъ геологіи, образованіе земной коры должно было получить свой настоящій видъ отъ двухъ силъ—одной созидавшей, а другой видоизмѣнявшей ея созданія, силы по-

(*) Въ Запискахъ на кн. Бытія, при изъясненіи творческихъ дѣйствій 3-го дня, авторъ замѣчаетъ: «къ сей же части творенія относить можно, по ближайшему сродству, и царство ископаемое; ибо всѣ виды тварей бытіемъ своимъ должны быть обязаны Творцу»—стр. 22. И при изъясненіи 5-го дня творенія говоритъ: «дабы произвести первые виды животныхъ, Богъ обращаетъ творческое слово свое къ водамъ: *да породятъ воды*; симъ повелѣніемъ а) не сообщается водамъ жизнодательная сила; ибо въ семъ самомъ мѣстѣ дѣйствіе творенія приписывается Богу; в) не полагается вода единственнымъ веществомъ, изъ котораго должны произойти первые виды животныхъ; ибо извѣстно по опыту, что въ составъ каждаго члeновнаго тѣла входятъ всѣ стихіи»... стр. 28.

ложившей пласты земные одни надъ другими, и силы приподнявшей эти пласты въ горныхъ хребтахъ въ различныхъ направленіяхъ; слѣдов. было время, когда правильность (горизонтальность или параллельность) дѣйствія первой силы измѣнена дѣйствіями второй. И въ св. Писаніи, хотя не говорится ясно, но весьма ощутительно показывается время, когда могъ (говоримъ только: *могъ*) происходить этотъ переворотъ на лицѣ новосозданной земли,—именно четвертый день творенія. Въ этотъ день, въ который сотворены солнце, луна и звѣзды, на землѣ собственно не полагается сотворенія ничего новаго; но такого промежутка (lacuna) въ столь быстромъ, непосредственномъ дѣйствіи Божіемъ, каково шестидневное твореніе міра, нельзя никакъ объяснить, если не допустить въ этотъ день необыкновенныхъ естественныхъ переворотовъ на земной поверхности, вслѣдствіе которыхъ, такъ сказать, остановилась творческая дѣятельность на землѣ на одни сутки... Первое соприкосновеніе и взаимодѣйствіе новоотдѣленныхъ другъ отъ друга стихій—огненнаго эѳира, воздуха, воды и земли, при содѣйствіи свѣтилъ небесныхъ, должно было произвести столь могущественныя явленія, которыхъ гигантскіе слѣды остались съ того времени до нынѣ, и которыхъ необъятную силу, разительность и отчасти разрушительность, вѣроятно, не моглобы вынести ни одно существо живущее и чувствующее. *Можетъ быть*, по этому-то, премудрый Творецъ, повелѣвъ землѣ въ третій день прорастить быліе травное, которому перевороты четвертаго дня не могли причинить никакого вреда, приступилъ къ творенію живыхъ существъ не ранѣе, какъ въ пятый день. По свѣденіямъ геологіи

несомнѣнно, что бо̀льшая часть подземныхъ тварей и земныхъ животныхъ, жившихъ въ глубокой древности, вымерли на различныхъ широтахъ и глубинахъ земнаго шара, въ различныхъ возрастахъ и развитіяхъ ихъ организма, исключая немногіе роды тварей, нынѣ существующихъ; слѣдов. было время и была причина, которая тогда произвела такое истребленіе земнородной жизни и которая должна быть не менѣе могущественна, какъ и сила, произведшая столь разнообразную жизнь. И св. Писаніе положительно и ясно увѣряетъ насъ, что спустя 2,262 года отъ сотворенія міра и за 5,105 лѣтъ до нашего времени было одно такое событіе, совершенное самимъ всемогущимъ Богомъ, — именно всемірный потопъ, который продолжался годъ и десять дней, который ниспосланъ былъ, какъ кара, за грѣхи людей и имѣлъ прямое назначеніе *погубити всяку плоть, въ ней же есть духъ жизни подъ небесемъ, и елика суть на земли* (Быт. 6, 17). Если сами геологи приписываютъ перевороты, будтобы отдѣлявшіе одинъ періодъ мірообразованія отъ другаго, дѣйствію водъ, обращавшихся по какой-то неизвѣстной причинѣ на землю и истреблявшихъ на ней всѣхъ животныхъ и всѣ растенія предшествовавшаго періода; то тѣмъ съ бо̀льшею увѣренностію можемъ мы приписывать подобное же дѣйствіе всемірному потопу, когда слово Божіе говоритъ намъ, что во время него и отъ него *умре всякая плоть движущаяся по земли, птицъ и скотовъ и звѣрей, и всякій гадъ движущійся на земли, и всякій человѣкъ: и вся, елика имутъ дыханіе жизни, и все, еже бѣ на суши, умре: и потребися всякое востаніе, еже бяше на лицѣ всея земли, отъ человѣка даже до ско-*

та, и гадовъ, и птицъ небесныхъ, и потребишася отъ земли: и оста Ное единъ, и иже съ нимъ въ ковчегѣ (Быт. 7, 21—23). Вотъ единственный достовѣрный періодъ—отъ сотворенія міра до потопа, — въ который началась и развивалась жизнь ископаемыхъ животныхъ и растеній, и единственный достовѣрный переворотъ, который прекратилъ жизнь ихъ во многихъ родахъ и видахъ (*). Можетъ ли геологія чѣмъ-нибудь доказать, что этотъ, указанный св. Писаніемъ, періодъ слишкомъ для того кратокъ и этотъ переворотъ—не рѣшителенъ? Есть въ св. Писаніи и другія несомнѣнныя истины, которыя касаются сущности видимаго міра и окончательной судьбы его и находятся въ такой тѣсной связи съ исторіею сотворенія міра и человѣческаго рода, что никакъ не слѣдуетъ опускать ихъ изъ виду при изъясненіи происхожденія и первобытнаго состоянія тварей. Слово Божіе научаетъ насъ, что вслѣдствіе грѣхопаденія человѣковъ, соединенныхъ тѣсными узами со всею видимою природою, всѣ твари подверглись пагубному перевороту—*суетѣ*, которая побуждаетъ ихъ съ того времени до нынѣ *совоздыхать и соболѣзновать съ нами* (Рим. 8, 20—22), и этотъ переворотъ могъ произойти и произошелъ мгновенно, дѣйствіемъ Божескаго *проклятія*, столь же сильнаго, какъ и Его благословеніе. Еще слово Божіе научаетъ насъ, что при концѣ видимаго міра Богъ воскреситъ наши умершія тѣла, разрушитъ настоящую

(*) На потопъ можно смотрѣть отчасти, какъ на дѣйствіе, обратное отдѣленію воды отъ суши. Какъ существованіе животныхъ и растеній невозможно было прежде этого раздѣленія, такъ обратное ему дѣйствіе должно было неминуемо произвести истребленіе всякой жизни на землѣ и подъ землею.—Вообще о потопѣ см. Записк. на кн. Быт., стр. 193—213.

вселенную и возсоздастъ новое небо и новую землю, и этотъ страшный переворотъ совершится дѣйствіемъ всемогущества Божія *вскорѣ, во мгновеніи ока, въ послѣдней трубѣ* (Кор. 15, 52). Что скажутъ на это, какъ объяснятъ съ своей точки зрѣнія, сколько періодовъ и эпохъ назначатъ для этихъ міровыхъ переворотовъ новѣйшіе естествоиспытатели — геологи, которые столь смѣлою рукою описываютъ происхожденіе міра и до-историческое его существованіе??

Да, высока задача науки-геологіи, великъ и обширенъ предметъ ея изслѣдованій, несомнѣнна важность ея для изученія земли, подобно какъ важна другая наука—астрономія для изученія тѣлъ небесныхъ. Премудрый сынъ Сираховъ, обозрѣвъ всѣ видимыя твари на землѣ и надъ землею и прославивъ за нихъ премудраго Бога, прибавляетъ: *многа сокровена суть вящшая сихъ: малая бо видѣхомъ дѣлъ его* (Сир. 33, 35). Геологія, повидимому, берется раскрыть намъ тайны Божіи, сокрытыя въ нѣдрахъ нашей планеты, въ наружной корѣ, въ горахъ и пропастяхъ земнаго шара,—хочетъ сказать о томъ, чего не досказано намъ въ словѣ Божіемъ и чего не подозрѣвали мудрецы всѣхъ вѣковъ отъ начала міра до нынѣ,—надѣется разоблачить такія дѣла Божіи, которыя мы, подобно какъ и самаго Бога, разумѣемъ нынѣ только *отчасти* и видимъ только *якоже зерцаломъ въ гаданіи*, а не *лицемъ къ лицу* (1 Кор. 13, 12). Съ удовольствіемъ желали бы мы услышать отъ нея отвѣты на великіе вопросы о природѣ, но отвѣты разумные, а не мечтательные, положенія ясныя и оправдываемыя опытомъ, а не затемняющія дѣло, рѣшенія достойныя величія предмета, а не унижающія

вмѣстѣ съ предметомъ и самихъ теоретиковъ. Еще съ большимъ удовольствіемъ мы выслушали бы и приняли бы ученіе геологовъ, если бы оно было согласно съ ученіемъ св. Писанія о видимомъ мірѣ, а не противорѣчило ему самымъ неосторожнымъ и возмутительнымъ образомъ. Почему? Не потому только, что мы почитаемъ св. Писаніе богооткровеннымъ словомъ Божіимъ, не потому только, что мы привыкли вѣровать и несомнѣнно вѣруемъ въ его истинность, но и потому, что всѣ результаты ученія новѣйшихъ геологовъ, противные буквальному смыслу св. Писанія, сами по себѣ такъ шатки, неправдоподобны, сомнительны, преждевременны, невѣрны,— и потому, что мы, вмѣстѣ съ благоразумнѣйшими учеными, Виземаномъ, Вагнеромъ, Раумеромъ, Фухсомъ, Стефенсомъ, Шубертомъ и другими, питаемъ предчувствіе возможности— согласить когда-нибудь вѣщанія книги природы съ книгою слова Божія, — и потому наконецъ, что мы раздѣляемъ мнѣнія отличныхъ испытателей природы А. *Гумбольдта* и *Марсель-де-Серра* о новѣйшей наукѣ—геологіи и старѣйшей изъ книгъ—св. Писаніи. Первый изъ нихъ въ своемъ прославленномъ твореніи какбы невольно выразилъ слѣдующее: «когда изученіе химіи будетъ расширяться плодотворными идеями, тогда и изъ тѣсныхъ предѣловъ нашихъ лабораторій можетъ распространиться ясный свѣтъ на широкое поле геогнозіи, на великія подземныя мастерскія природы, образующія каменные пласты и ихъ превращающія; философъ—наблюдатель тогда только избѣгнетъ обмана кажущихся аналогій, мелкаго взгляда на процессы природы, когда будетъ безпрестанно имѣть въ виду сложность условій, подъ которыми отдѣльныя,

намъ хорошо извѣстныя теперь, матеріи могли измѣнять въ первобытномъ мірѣ свои взаимныя химическія противодѣйствія, при болѣе интенсивной, сосредоточенной, непомѣрной силѣ, дѣйствовавшей въ то время» (*). Вторый, хотя и разошедшійся въ своей теоріи съ св. Писаніемъ, однако говоритъ о немъ слѣдующее (**): «если освободиться отъ всякаго предразсудка, то легко понять, съ какою несправедливостію, даже съ какимъ невѣжествомъ нѣкоторые философы прошедшаго столѣтія судили о книгѣ, которой они никогда не понимали надлежащимъ образомъ и не могли понять по причинѣ недостаточныхъ успѣховъ самой науки; здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, обнаруживается, что малознаніе ведетъ къ заблужденію, а истина есть великое знаніе; посему мы старались воспользоваться всѣми заключеніями, которыя наука недавно вывела о явленіяхъ природы, и, при свѣтѣ лучей ея, сравнить Моисеево сказаніе о твореніи съ новыми взглядами, какіе представило касательно этого предмета знаніе устройства нашего земнаго шара. Результатъ такого изслѣдованія, надобно признаться, не мало удивляетъ насъ: онъ убѣждаетъ насъ, что это сказаніе, осуждаемое нѣкоторыми, какъ бы смѣшное и несвязное, находится въ лучшемъ согласіи съ несомнѣннѣйшими геогностическими фактами, нежели системы, изобрѣтенныя, такъ называемыми, блистательнѣйшими геніями»!

Е. Ловягинъ.

(*) См. Космосъ А. *Гумбольдта* въ перев. Флорова, ч. 1, стр. 176 и 177. Подобныя же мысли о геологіи см. у *Вагнера* въ Gesch. der. Urw. pag. 4,—и въ Геогнозіи г. *Соколова*, изд. 2. част. 1 стр. 198 и 199.

(**) См. у *Вагнера* въ Gesch. der Urw. p. 469. Выписка изъ сочиненія: Cosmogonie de Moise.

СЛОВО,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ ѲЕОФАНОМЪ, ЕПИСКОПОМЪ ТАМБОВСКИМЪ И ШАЦКИМЪ, 5-го іюля 1859 г. ВЪ ТАМБОВСКОМЪ КАѲЕДРАЛЬНОМЪ СОБОРѢ ПРИ ВСТУПЛЕНІИ НА ПАСТВУ.

Во имя Бога, въ Троицѣ покланяемаго — Отца и Сына и Св. Духа, привѣтствую васъ, Богомъ мнѣ ввѣренная паства, апостольскимъ привѣтствіемъ, — въ желаніи благодати и мира. *Благодать вамъ и миръ да умножатся*, — какъ два источника всякаго блага душевнаго и тѣлеснаго: да исполняется умъ вашъ вѣдѣніемъ Бога и всякой истины, отъ Него исходящей, съ соотвѣтственными тому чувствами и расположеніями; сердце ваше да разверзается къ братолюбію и всякому благотворенію, и всѣ начинанія ваши да обращаются ко славѣ Единаго Бога.... воздуха благорастворепіе, земли плодородіе и все, ко временному вашему благоденствію потребное, да даруетъ вамъ щедродательная милость Божія,—аще благоволитъ.

О всемъ семъ — непрестанная къ Богу грѣшная молитва моя. Ибо мы уже не чужіе другъ другу. Въ часъ нареченья, еще невѣдая васъ, я уже вступилъ въ общеніе съ вами, давъ обѣтъ Богу и св. Церкви — вамъ принадлежать заботою, трудами и даже всею жизнію. Въ равное возмездіе сотворили, какъ

полагаю по увѣренности въ христіанской совѣсти вашей, нѣчто подобное и вы, опредѣливъ себя на вниманіе, и, въ нужномъ случаѣ,—на послушаніе моему немощному слову и дѣлу по вѣрѣ въ любви. А нынѣ сей взаимный союзъ, основанный на взаимномъ самопожертвованія, освященъ приношеніемъ безкровной жертвы пожершемуся за насъ Господу, отъ Коего, ради сего, и да низыдетъ всякое благословеніе на наше начавшееся сопребываніе. Съ сей минуты у насъ и добро и зло общи, и это не на время только, но и на вѣчность; ибо сопребываніе сіе, хотя началось во времени и на время, но запечатлѣно характеромъ, выходящимъ за предѣлы времени, потому что, будучи сопряжено со взаимными обязательствами, свыше опредѣленными, и въ день суда оно послужитъ въ оправданіе или осужденіе наше. Въ этомъ довольно, кажется, побужденія къ тому, чтобъ ходить намъ другъ предъ другомъ, какъ предъ лицемъ Бога, со всѣмъ вниманіемъ и добросердечіемъ, со взаимными благожеланіями, въ молитвѣ другъ о другѣ, и во взаимномъ другъ другу содѣйствіи, со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвая.

Думаю, впрочемъ, что нѣтъ нужды раскрывать предъ вами взаимныя наши обязательныя отношенія. Вы уже не въ первый разъ вступаете въ нихъ; а мнѣ позвольте напомнить объ нихъ себѣ самому про себя. Объ одномъ только считаю нужнымъ предложить вамъ съ нѣкоторою подробностію на первый разъ, именно, начертать образъ здраваго ученія христіанскаго, которому надобно внимать, яко свѣтильнику, сіяющему во тмѣ человѣческихъ мнѣній и заблужденій, и которому я буду слѣдовать въ моемъ посильномъ служе-

ніи слову истины. Выслушайте, что исповѣдую, чему учить и вѣры во что искать буду по долгу пастырства, и по сему судите, кто нашъ и кто чуждъ намъ, съ кѣмъ общиться и кого убѣгать должно, чему слѣдовать и чего удаляться надобно. Не новое что и не свое будетъ предложено, а то, что издревле предано намъ, какъ св. законъ вѣры и неизмѣнное правило жизни. Такъ исповѣдую, что Богъ, единый по существу, есть троиченъ въ лицахъ — Отецъ, Сынъ и Духъ Святый, и что сіи Три не имена суть одного и того же лица, и не названія разныхъ дѣйствій того же лица; но три ѵпостаси единаго Божества. Такъ исповѣдывать заповѣдала святая Церковь, такъ и буду учить и такой вѣры буду искать отъ всѣхъ по долгу пастырства.

Исповѣдую, что сей тріѵпостасный Богъ всесовершенный, по свободной волѣ своей, безъ всякой внутренней или внѣшней какой-нибудь необходимости, въ 6 дней, единымъ словомъ своимъ сотворилъ міръ сей, не изливаясь въ міръ и не сливаясь съ нимъ, а пребывая въ Себѣ цѣлымъ и неизмѣннымъ, хотя вездѣ сущъ есть и все исполняетъ. Такъ заповѣдуетъ исповѣдывать св. Церковь, такъ и учить буду, и такой вѣры по долгу буду искать отъ всѣхъ.

Исповѣдую, что всеблагій Богъ, сотворивъ міръ, не оставилъ его на произволъ судьбы и не оковалъ узами неумолимой какой-то необходимости, какъ учитъ невѣріе и суемудріе. А съ тою же свободою и властію, съ какою сотворилъ его, съ тою же и правитъ имъ, и благостынно печется о всякой твари, паче же разумной, все свободно направляя къ благимъ цѣлямъ своимъ, не стѣсняясь законами естества, которые са-

ми суть не что иное, какъ выраженіе Его же воли, потому всецѣло подлежатъ Его свободному распоряженію и измѣненію тамъ, гдѣ сего требуетъ Его безпредѣльная премудрость. Такъ исповѣдывать заповѣдуетъ святая Церковь, такъ буду учить и такой вѣры буду искать отъ всѣхъ.

Исповѣдую, что мы, будучи сотворены для всегдашняго общенія съ Богомъ и неизмѣннаго въ Немъ блаженства, въ прародителяхъ нашихъ, нарушеніемъ Его заповѣди, отпали отъ Него, навлекли на себя праведный гнѣвъ Его, и подпали временному наказанію и вѣчному осужденію, и что потому всякое видимое и испытываемое нами зло внутреннее или внѣшнее, не есть естественное наше состояніе, или слѣдствіе нашей ограниченности, а есть прямой плодъ грѣха,—наказаніе, только милостію Божіею обращаемое въ очистительное намъ орудіе, подъ условіемъ вѣры, покаянія и смиренной покорности волѣ Божіей. Такъ исповѣдывать заповѣдуетъ св. Церковь, такъ буду учить и такой вѣры буду искать отъ всѣхъ.

Исповѣдую, что движимый любовію Господь, не терпя, чтобъ любимое Его твореніе — человѣкъ погибалъ въ семъ бѣдственномъ положеніи, благоволилъ низойти на землю, принять на себя человѣческое естество, страданіемъ и смертію удовлетворить правдѣ Божіей и, по воскресеніи, вознестись на небо и, сѣдши одесную Бога и Отца, снова открыть человѣку свободный доступъ къ живому Богообщенію.

Исповѣдую, что всѣ, возстановительныя божественныя силы, яже къ животу и благочестію, положены Господомъ во св. Его Церкви, какъ единственной врачебницѣ нашей, и дѣйствуютъ въ ней Духомъ Свя-

тымъ, чрезъ св. таинства и другія освятительныя учрежденія, надъ всѣми съ отверстымъ вѣрою сердцемъ приступающими къ нимъ.... и что другаго способа къ принятію благодатныхъ силъ нѣтъ и быть не можетъ, что бы ни замышляли и какъ бы иначе ни мечтали одуховляться нѣкоторые мечтательные умы.

Исповѣдую, что всякому ищущему спасенія нужно первѣе всего покаяться съ рѣшимостію не грѣшить болѣе, хотя бы это стоило жизни; за тѣмъ приступить къ таинствамъ для полученія благодати, въ укрѣпленіе слабыхъ на добро своихъ естественныхъ силъ, далѣе идти посильно путемъ заповѣдей Христовыхъ, среди всѣхъ освятительныхъ учрежденій и молитвованій Церкви, существенно необходимыхъ для возгрѣванія въ насъ духа благодати, подъ вліяніемъ подвиговъ самоотверженія къ умерщвленію страстей,— пока наконецъ достигнемъ въ свѣтлую область безстрастія и чистоты, въ сію мѣру возраста исполненія Христова.

Исповѣдую, что начавшіе симъ путемъ, вступая въ общеніе съ Богомъ, вступаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ общеніе съ невидимымъ міромъ — Ангелами и всѣми святыми, прежде ихъ Богу угодившими, и, прибѣгая къ ихъ заступленію, получаютъ благовременную отъ нихъ помощь, — паче же всѣхъ отъ пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи — всесильной нашей заступницы и ходатаицы.

Исповѣдую, что за грѣхъ первородный душа разлучится съ тѣломъ дѣйствіемъ смерти и пребудетъ въ семъ раздѣленіи до будущаго воскресенія и суда,—или питаясь надеждою вѣчнаго блаженства, если слѣдовала во всемъ волѣ Божіей, или томясь страхомъ вѣчныхъ мукъ, если противилась заповѣдямъ Господнимъ.

Все сіе исповѣдую всею душею, всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ моимъ, потому что такъ исповѣдывать заповѣдуетъ св. Церковь.... Такъ и учить буду и такой вѣры буду искать отъ всѣхъ....

И вотъ я намѣренно очертилъ вамъ все наше исповѣданіе, чтобы возобновить въ мысли вашей свѣтлый ликъ Вѣры нашей, — указать путь, которымъ заповѣдано намъ идти, и намекнуть на тѣ распутія, на которыя уклоняются, иные по недостатку ученія, другіе по учености, худо направленной. И да избавитъ васъ Господь отъ сихъ уклоненій! Все изображенное мною не ново! Держитесь сей старой вѣры, какъ держались ее отцы наши, и за то оставили намъ ясные слѣды своей богоугодности, отъ нихъ же есть и такъ усердно чтимый вами и славимый всею православною Россіею Сергій Радонежскій, котораго нынѣ память совершается. — Бѣгайте новинъ въ дѣлахъ вѣры и благочестія и блюдитеся отъ этихъ лживыхъ пророковъ, которые приходятъ въ одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы, — проразумѣвайте ложь, кроющуюся въ привлекательныхъ словахъ льстецовъ, ищущихъ растлить васъ подъ видомъ доброжелательства.

Я разумѣю всѣхъ неправомыслящихъ и неправоходящихъ, не по немощи, а по упорству, съ желаніемъ привлечь и другихъ на свою сторону,—разумѣю...

Невѣрующихъ во св. Троицу и думающихъ, что Отецъ сынъ и св. Духъ не суть лица единаго Божества, а суть имена одного лица,—

Отвергающихъ божественное творчество и промыслительность и думающихъ, что міръ со всѣми въ немъ тварями самослучайно произошелъ и правится самъ собою,—

Невѣрующихъ въ паденіе человѣка, и бѣдственное состояніе наше инымъ образомъ объясняющихъ,—

Невѣрующихъ во св. Церковь, какъ единую врачебницу, вмѣщающую въ себѣ всѣ возстановительныя для насъ силы, и св. ея таинства и освятительныя средства считающихъ простыми обрядами безъ внутренней силы, —

Мечтающихъ освятительную силу Божіей благодати получить какимъ-то сокровеннымъ невидимымъ способомъ, а не тѣмъ, какой предлагается св. Церковью,—

Непризнающихъ нужными подвижничества и всѣхъ дѣлъ самоотверженія, льстя себя ложною надеждою совмѣстить духъ Христовъ съ духомъ міра,—

Чуждающихся общенія со святыми и презорливо отвергающихъ ихъ ходатайство и заступленіе,—равно какъ пагубныя дѣйствія духовъ злобы поднебесныхъ,—

Непризнающихъ духовности души, ея безсмертія, будущаго воскресенія тѣлъ нашихъ и вѣчнаго воздаянія всѣмъ намъ по дѣломъ нашимъ, —

Явныхъ и тайныхъ нарушителей уставовъ св. Церкви Божіей, не считающихъ нужнымъ соблюдать посты, исповѣдываться, причащаться, не чтущихъ св. праздниковъ и дней воскресныхъ, или, вмѣсто должнаго ихъ чествованія, предающихся неразумнымъ увеселеніямъ и забавамъ, —

Съ дерзкимъ самооправданіемъ, не хранящихъ чистоты до брака, и вѣрности супружеской по бракѣ,—вымышляя вмѣсто Богомъ благословеннаго иной какой-то способъ сожитія, —

Вообще всѣхъ увлекающихся и увлекающихъ неукротимымъ своеволіемъ въ образѣ мыслей и правилахъ жизни...

Видите теперь, кто нашъ и кто не нашъ,—на чьей

сторонѣ истина и гдѣ ложь.—Уклоняйтесь же отъ зла и творите благо. Св. Ап. и Ев. Іоаннъ Богословъ, видя пагубу отъ появленія лживыхъ учителей въ стадѣ Христовомъ, — съ одной стороны возбуждалъ бдительность вѣрующихъ, указывая на сіе появленіе ихъ, съ другой научалъ разузнавать лживость ихъ ученія внутреннимъ духовнымъ помазаніемъ. Находясь нѣсколько въ подобныхъ обстоятельствахъ, и мы обращаемъ къ вамъ слово того же Апостола: *возлюбленные, не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть: яко мнози лжепророки изыдоша въ міръ....* (1 Іоан. 4, 1). *Нынѣ мнози антихристи быша... кои отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ* (1 Іоан. 2, 18. 19). Спросите, какъ узнавать ихъ и ихъ ученіе?— По начертанію истины, нами предложенному, или по мудрому правилу, предложенному св. Игнатіемъ Богоносцемъ: держитесь законнаго пастырства, и никогда не отпадете отъ истины. Ибо пастыри и учители даны церкви Пастыреначальникомъ и Главою ея Господомъ—*къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова,... да не бываемъ младенцы влающеся всякимъ вѣтромъ ученія во лжи человѣчестѣй, въ коварствѣ козней льщенія.*

Богъ же Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ славы, да дастъ вамъ духа премудрости и откровенія къ познанію его—просвѣщенна очеса сердца вашего, яко увѣдѣти вамъ, кое есть упованіе званія его и кое богатство славы достоянія его во святыхъ и кое преспѣющее величество силы его въ насъ вѣрующихъ по дѣйству державы крѣпости его. Аминь.

ВНѢШНЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЦЕРКВИ ВЪ ОБЩЕСТВѢ ВЪ ПЕРВЫЕ ТРИ ВѢКА ХРИСТІАНСТВА.

Ὑμεῖς δὲ ἐςε μάρτυρες τούτων (Лук. 24, 48).

(Продолженіе).

Состояніе христіанъ со времени Траяна до Марка Аврелія (98—161 г.).

Изъ всего сказаннаго не трудно замѣтить, что доселѣ язычники пользовались противъ христіанъ законами, запрещавшими не прямо Христіанство, которое, дѣйствительно, могло находить себѣ защиту подъ сѣнію ([46]) дозволенной вѣры іудейской, но тѣ преступленія, которыя несправедливо почитались соединенными съ исповѣданіемъ его. Наконецъ, когда успѣшное распространеніе Христіанства сдѣлалось уже весьма замѣтнымъ, такъ что обратило вниманіе языческаго правительства, явился законъ, направленный противъ него непосредственно. Въ 110 году по Р. Хр., въ царствованіе Траяна (98 — 117 г.), Плиній Младшій былъ правителемъ Виѳиніи и Понта, странъ, въ которыхъ христіанская Вѣра, утвердившись со временъ апостольскихъ, распространялась успѣшно. Язычники приводили къ нему на судъ большое множество хри-

---

([46]) *Tertull.* Apolog.: sub umbraculo licitae Judaeorum religionis.

стіанъ; но, не имѣя никакого опредѣленнаго закона касательно Христіанства и не зная поэтому, какъ должно поступать съ обвиняемыми въ исповѣданіи его, онъ обратился къ императору съ просьбою разрѣшить свое недоумѣніе. Письмо его представляетъ собою единственный памятникъ внѣшняго состоянія христіанъ въ то время, и, кажется, не излишнимъ будетъ привести его здѣсь. «Считаю честію, государь,-писалъ Плиній,—относиться къ тебѣ за разрѣшеніемъ моихъ сомнѣній. Я никогда не былъ при дознаніяхъ и производствѣ дѣлъ о христіанахъ; поэтому не знаю, что и въ какой мѣрѣ подлежитъ наказанію, или слѣдствію. Надобно ли обращать вниманіе на различіе возрастовъ, или судить и дѣтей равно съ возрастными? Давать ли за раскаяніе прощеніе, или за оставленіе Христіанства не избавлять отъ наказанія? Казнить ли за одно имя, хотя бы оно не было соединено съ преступленіями, или за преступленія, оказывающіяся въ связи съ именемъ? Между тѣмъ, когда приводили ко мнѣ обвиняемыхъ въ Христіанствѣ, я поступалъ такъ: спрашивалъ ихъ самихъ, дѣйствительно ли они христіане? Сознающихся спрашивалъ въ другой и третій разъ, угрожая наказаніемъ. Не измѣняющихъ показанія повелѣвалъ казнить, такъ какъ не сомнѣвался, что во всякомъ случаѣ,—что̀ бы такое ни было то, что они исповѣдуютъ,—одно упрямство и непоколебимая непреклонность заслуживаютъ казни. Подобными безумцами оказалось и нѣсколько римскихъ гражданъ, которыхъ поэтому я назначилъ переслать въ Римъ. Какъ обыкновенно бываетъ, едва затронулъ дѣло, встрѣтилось множество особенностей, видоизмѣняющихъ мѣру преступленія при его распростране-

ніи. Былъ представленъ списокъ безъ подписи автора, съ предложеніемъ, чтобы всѣ, поименованные въ немъ, отреклись, что они не христіане, или не были христіанами. Но когда при мнѣ они поклонились богамъ, почтили ладаномъ и виномъ твое изображеніе, которое я приказалъ для сего принести вмѣстѣ съ изображеніями божествъ, и сверхъ того произнесли хулу на Христа, а говорятъ, что дѣйствительныхъ христіанъ нельзя припудить ни къ чему этому; тогда я рѣшилъ отпустить ихъ. Одни, поименованные въ спискѣ, сказали, что они христіане, но потомъ тотчасъ же отреклись; другіе,— что содержали Христіанство, но оставили, кто болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ, кто еще болѣе, иные даже болѣе двадцати лѣтъ: всѣ почтили и твой образъ, и изображенія боговъ, произнесши хулу на Христа. По ихъ словамъ, все преступленіе или заблужденіе ихъ состояло въ слѣдующемъ: въ опредѣленный день передъ разсвѣтомъ обыкновенно собирались они, пѣли попеременно между собою гимнъ Христу, какбы Богу, и обязывали себя таинствомъ не на злодѣяніе какое-либо, но чтобы не воровать, не отнимать чужаго силою, не любодѣйствовать, не обманывать, не утаивать залоговъ. По совершеніи этого, говорили они, всѣ расходились и собирались снова для вкушенія пищи, обыкновенной впрочемъ и невинной, но это послѣднее перестали дѣлать вслѣдствіе моего едикта, которымъ я по твоему повелѣнію запретилъ тайныя собранія (hetaerias). Послѣ такого показанія я счелъ тѣмъ болѣе необходимымъ допросить подъ пытками двухъ служанокъ, которыя звались діакониссами, обо всей правдѣ, но ничего не нашелъ, кромѣ суевѣрія грубаго и безмѣрнаго, и посему рѣшился обратиться

къ тебѣ. Дѣло, кажется мнѣ, достойно вниманія, особенно по многочисленности подлежащихъ ему. Множество людей всякаго возраста, пола и состоянія, или уже подвергается суду, или подвергнется; потому что зараза этого суевѣрія распространилась не только на города, но даже на села и деревни. Кажется однако,— можно остановить ее и уничтожить. По крайней мѣрѣ, довольно замѣтно, что храмы, почти уже опустѣвшіе, начали наполняться (47), празднества, давно прервавшіяся, возобновляются и повсюду продаются жертвы, тогда какъ прежде весьма рѣдко можно было видѣть покупателя ихъ. Отсюда легко понять, какое множество людей можетъ исправиться, если дать мѣсто раскаянію» (48).—Отвѣтъ императора былъ таковъ: «въ судѣ надъ христіанами ты поступалъ, какъ должно. Вообще нельзя поставить одного правила, которое служило бы опредѣленною формою для всѣхъ случаевъ. Поисковъ за ними не должно быть; но если ихъ представляютъ на судъ и обвиняютъ, должно казнить, такъ впрочемъ, что если кто отречется отъ Христіанства и покажетъ это самымъ дѣломъ, то есть, поклонится нашимъ богамъ, тотъ получаетъ прощеніе за раскаяніе. Безъименные же доносы ни въ какомъ случаѣ не должны быть принимаемы; потому что подобное дѣло можетъ произвесть вреднѣйшія послѣдствія и должно быть чуждо времени нашего царствова-

(47) Причиною множества отпадшихъ отъ Христіанства, по всей вѣроятности, было то, что первоначально крещеніе преподавалось безъ достаточнаго приготовленія и испытанія въ вѣрѣ приступавшихъ къ его принятію.

(48) Epistol. *Plinii Jun.* lib. 10, epist. 97.

нія» (49). Таковъ былъ первый законъ противъ Христіанства. Еще Тертулліанъ замѣчалъ его внутреннее противорѣчіе. Странный приговоръ, говорилъ онъ; если ты казнишь христіанъ, какъ виновныхъ, почему же и не отыскиваешь ихъ? Если не отыскиваешь ихъ, какъ невинныхъ, за чѣмъ же казнишь (50)? Противорѣчіе это впрочемъ исчезаетъ, если смотрѣть не съ чисто нравственной, а съ гражданской точки зрѣнія языческаго законодателя. Не осуждая христіанской Вѣры, но въ тоже время не признавая ее и государственною, Траянъ имѣлъ въ виду наказывать только публичность неповиновенія общественнымъ законамъ, служившимъ къ поддержанію народной вѣры, считая причину такого неповиновенія саму по себѣ неважною и не заслуживающею казни. Итакъ, хотя законъ его, какъ и законы его преемниковъ до Марка Аврелія, отчасти ограждалъ христіанъ отъ нападеній язычниковъ, не признавая Христіанства преступленіемъ самимъ по себѣ, запрещая безъименные доносы и устанавливая, слѣдовательно, правильное судопроизводство надъ ними; во всякомъ случаѣ, пользуясь имъ, язычники могли теперь прямо достигать того, къ чему прежде приходили косвенными путями, и положеніе христіанъ въ римской имперіи должно было поэтому со времени изданія его сдѣлаться стѣснительнѣе. Областнымъ правителямъ, которые равнодушно могли произносить смертные приговоры, или сами раздѣляли мнѣнія народа, открылась полная свобода приносить христіанъ въ жертву народнаго фанатизма, для пріоб-

---

(49) Ibidem, epist. 98.

(50) Apologet. cap. 2.

рѣтенія тѣмъ любви къ себѣ. При преемникѣ Траяна, Адріанѣ (117—138 г.), они могли думать, что усердіе въ гоненіи христіанъ доставитъ имъ благосклонность даже императора; такъ какъ всѣмъ извѣстна была его набожная преданность отечественному идолослуженію. Когда въ 124-мъ году, путешествуя по Греціи, онъ посвятилъ себя въ эллинскія мистеріи, враги Христіанства сочли это знакомъ усилить нападеніе на Церковь. Не стѣсняя себя законными формами судопроизводства, народъ требовалъ повсюду немедленной казни христіанъ, какъ преступниковъ, безъ всякихъ допросовъ, справокъ и отлагательствъ. Два ученыхъ христіанина, Кодратъ и Аристидъ, представили тогда государю свои апологіи, или сочиненія, написанныя въ защиту своей Вѣры. Трудно рѣшить, имѣли ли они на него какое-нибудь вліяніе; во всякомъ случаѣ ревность его къ древней римской вѣрѣ была не столько велика, чтобы подавить свойственную ему любовь къ справедливости. Нечуждые справедливости областные правители также не могли одобрять совершенія казни безъ законнаго изслѣдованія дѣла, въ удовлетвореніе только воплямъ черни. Проконсулъ Малой Азіи Серенній Граніанъ жаловался на затруднительное положеніе, въ какое ставятъ областнаго правителя подобные случаи, и это было поводомъ новаго закона касательно христіанъ, изданнаго Адріаномъ на имя преемника Серенніева Минуція Фундана и другихъ проконсуловъ. Ненависть, по которой язычники обвиняли христіанъ въ мнимыхъ преступленіяхъ, не довольствуясь осуждать ихъ за одну Вѣру, послужила въ настоящемъ случаѣ на пользу Церкви. Находя, что, безъ соблюденія правильности въ судопроизводствѣ, невинные христіане

могутъ подвергаться одной участи вмѣстѣ съ невиновными, Адріанъ повелѣлъ принимать только правильные доносы на христіанъ, за справедливость которыхъ доносчикъ отвѣчалъ бы предъ судомъ, а навѣты и вопли толпы оставлять безъ вниманія, притомъ— обращать вниманіе на личную правдивость доносчиковъ и рѣшать дѣло такъ, что если христіане дѣйствительно окажутся виновными въ нарушеніи законовъ, то должны подлежать казни по мѣрѣ преступленія, если же окажутся невинными, то долженъ быть наказанъ доносчикъ, какъ злодѣй ([81]). Высказанною въ законѣ цѣлію такого постановленія было оградить невинныхъ христіанъ отъ злонамѣренности клеветниковъ, которые, грозя несправедливымъ обвиненіемъ въ преступленіяхъ, могли вынуждать у нихъ всякаго рода пожертвованія, или дѣйствительно подвергать ихъ осужденію по личной непріязни ([82]). Ограждая частію безопасность христіанъ, законъ этотъ не могъ однакоже доставить имъ полнаго спокойствія, по своей неопредѣленности. Если Адріанъ имѣлъ въ виду осуждать не самое Христіанство, а только преступленія, приписываемыя ему; тогда онъ поставлялъ христіанскую Вѣру на ряду съ дозволенными родами богослуженій: но если бы дѣйствительно онъ имѣлъ намѣреніе сдѣлать христіанскую Вѣру дозволенною; то долженъ бы былъ выразить опредѣленнѣе, что онъ разумѣетъ подъ нарушеніемъ

([81]) Церк. Ист. *Евсев.* кн. 4, гл. 9. Подлинность закона видна не только изъ апологіи Мелитона (тамъ же, гл. 26), поданной Марку Аврелію, но и изъ умѣренности выраженій снисходительныхъ къ христіанамъ. Конечно, не безъ причины древніе христіане называли Адріана *πανάριστος ἀνήρ.*

([82]) *Евсев.* *ἵνα μὴ τοῖς συκοφάνταις χορηγία κακουργίας παρασχεθείη*,— *Руфин.*: ne caluwn'atoribus *latrocinandi* tribuatur occasio.

законовъ. Это особенно нужно было послѣ Траянова закона, которымъ одно соблюденіе христіанской Вѣры, неразрывное съ явнымъ отверженіемъ идолопоклонства, признавалось уже дѣйствіемъ противозаконнымъ. Конечно, безпорядочные вопли толпы перестали быть опасными для христіанъ; но во всякомъ случаѣ только снисходительные къ христіанству областные правители могли пользоваться закономъ Адріана къ совершенному огражденію ихъ отъ страданій за Вѣру. Тертулліанъ указываетъ нѣсколько примѣровъ тому. Такъ Цинцій Северъ постановилъ форму, какъ должны отвѣчать христіане, представленные въ судъ, чтобы быть отпущенными. Веспроній Кандидъ отпускалъ христіанъ свободными подъ предлогомъ, что противозаконно было бы выслушивать при судѣ надъ ними вопли черни и тѣмъ поддерживать въ городѣ безпорядокъ. Пуденцій, увидавъ изъ донесенія, при которомъ присланъ былъ къ нему христіанинъ, что обвиненный былъ схваченъ толпою народа, отпустилъ его свободнымъ, рѣшивъ, что вслѣдствіе закона онъ не можетъ судить человѣка, котораго никто лично не обвиняетъ ([83]).

Не расположеніе къ Христіанству, но чувство справедливости побудило императора Адріана къ изданію такого постановленія. Какъ усердный почитатель отечественнаго язычества, онъ не любилъ иноземныхъ родовъ богопочтенія ([84]), и о Христіанствѣ, въ письмѣ своемъ ([85]) къ консулу Сервіану объ Александрійцахъ, отзывался весьма неуважительно на ряду съ египет-

---

([83]) Epist. ad Scapul. cap. 4.

([84]) *Aelii Spartiani* Vita Hadriani, cap. 22.

([85]) *Flavii Vopisci* Vita Saturnini, cap. 2. — *Bullet*, Hist. de l'etabliss. du christ., Paris, 1825 an., pag. 219—220.

скимъ идолопоклонствомъ Серапису ([56]). Между тѣмъ въ то самое время, какъ язычники принуждены были такимъ образомъ ослабить нападеніе на Церковь, неожиданно поднялось жестокое гоненіе отъ Іудеевъ. Они возмутились противъ Римлянъ подъ предводительствомъ лжемессіи Варкохава и, желая принудить христіанъ къ участію въ своемъ изувѣрствѣ и мятежѣ, предавали ихъ жестокимъ мученіямъ и смерти въ Палестинѣ и сопредѣльныхъ областяхъ ([57]).

Со смертію императора Адріана, дѣйствіе благодѣтельнаго для христіанъ закона его окончилось. Разныя общественныя несчастія, въ царствованіе преемника его Антонина Нѣжнаго (138—161 г.) постигавшія римскую имперію, какъ то: голодъ, наводненіе Тибра, землятрясеніе въ Малой Азіи и на островѣ Родосѣ, опустошительные пожары въ Римѣ, Антіохіи и Карѳагенѣ ([58]), снова пробудили въ язычникахъ фанатическую ожесточенность противъ христіанъ. Кроткій и человѣколюбивый, Антонинъ не могъ быть доволенъ вспышками народной ненависти при такихъ случаяхъ: онъ писалъ

([56]) Поэтому недостовѣренъ слухъ, передаваемый Эліемъ Лампридіемъ, писателемъ, жившимъ въ началѣ 4-го вѣка, будто Адріанъ имѣлъ намѣреніе включить Іисуса Христа въ число римскихъ боговъ и *съ этою цѣлію* устроилъ во всѣхъ городахъ храмы безъ истукановъ, называвшіеся Адріановыми, но что жрецы отсовѣтовали ему это, сказавъ, что тогда всѣ примутъ Христіанство (*Lamprid.* Vita Alex. Sever. cap. 24). Подобное мнѣніе могло образоваться такъ, что, не зная назначенія Адріановыхъ храмовъ, любопытные въ послѣдствіи хотѣли какъ-нибудь объяснить его; между тѣмъ Адріанъ извѣстенъ былъ закономъ, благодѣтельнымъ для христіанства, а потому приписали и ему то, что извѣстно было о другомъ императорѣ, благосклонномъ къ христіанамъ, Александрѣ Северѣ.

([57]) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 4, гл. 8.

([58]) *Julii Capitolini* Vita Antonini Pii, cap. 9.

жителямъ разныхъ городовъ, между прочимъ Лариссянамъ, Солунянамъ и всѣмъ Грекамъ, чтобы относительно христіанъ они не предпринимали ничего новаго ([59]). Этотъ государь сдѣлалъ для христіанъ даже еще болѣе, если только подлинно предписаніе его, а отнюдь не преемника его Марка Аврелія, азійскому Обществу (πρὸς τὸ Κοινὸν τῆς Ἀσίας); потому что въ немъ ясно выражено, что христіанъ не должно осуждать, если они не обнаруживаютъ никакихъ враждебныхъ намѣреній противъ римскаго правительства, и что если кто станетъ обвинять кого-либо только въ томъ, что онъ христіанинъ, то обвиняемаго освобождать отъ суда, хотя бы онъ оказался дѣйствительно христіаниномъ, а обвинителя подвергать суду ([60]). Но сочинитель предписанія выражается языкомъ, приличнымъ болѣе христіанину, нежели языческому императору и притомъ такому, который былъ особенно преданъ церемоніямъ римскаго народа. По крайней мѣрѣ, послѣдующія событія нисколько не намекаютъ на предварительное существованіе его ([61]).

Гоненіе Марка Аврелія (161—180 г.)

Въ правленіе слѣдующаго императора, Марка Аврелія Философа, новыя общественныя бѣдствія, въ особенности опустошительная зараза, распространившаяся изъ Еѳіопіи постепенно по всѣмъ областямъ

([59]) *Мелитон.* апологъ. въ Церк. Истор. *Евсев.* кн. 4, гл. 26.

([60]) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 4, гл. 13.

([61]) Евсевій, приведя его, какбы въ доказательство подлинности указываетъ на апологію Мелитона; но въ отрывкѣ апологіи (см. кн. 4, гл. 26) объ этомъ собственно предписаніи не упомянуто, между тѣмъ какъ говорится о менѣе важныхъ посланіяхъ къ Лариссянамъ и проч.

римскаго государства, навлекли на христіанъ новое нападеніе. Въ это время жилъ въ Малой Азіи лжепророкъ и мнимый волхвъ Александръ. Пользуясь необыкновеннымъ уваженіемъ у язычниковъ, онъ всячески старался поддерживать въ нихъ ненависть къ христіанству: жаловался, что весь Понтъ полонъ безбожниками и христіанами, требовалъ, чтобы народъ преслѣдовалъ ихъ, если не хочетъ навлечь на себя гнѣва боговъ, и не иначе начиналъ показывать свои мнимыя чудеса, какъ провозгласивъ напередъ: прочь отсюда безбожниковъ, эпикурейцевъ, христіанъ (**). Но если бы все происходило только отъ народнаго фанатизма и если бы царствовавшій государь смотрѣлъ на гоненія подобно своимъ предшественникамъ; то и онъ, конечно, успѣлъ бы остановить или, по крайней мѣрѣ, укротить ихъ. Напротивъ оказывается, что въ его правленіе народъ и власть верховная взаимно соединились противъ Церкви. Въ Малой Азіи воздвигнуто было на христіанъ такое жестокое гоненіе, что Мелитонъ, епископъ сардійскій, рѣшился обратиться съ просьбою о защитѣ къ императору. «Нынѣ, чего никогда еще не бывало, писалъ онъ, подвергается гоненію и преслѣдуется *новыми* эдиктами родъ людей богобоязненныхъ. Безстыдные доносчики и искатели чужаго, находя себѣ въ нихъ поводъ, явно разбойничаютъ, днемъ и ночью грабятъ жителей, ни въ чемъ невиноватыхъ. И если это дѣлается по твоему повелѣнію, пусть дѣлается такъ; царь справедливый не захочетъ чего-либо несправедливаго. Въ такомъ случаѣ мы съ удовольствіемъ принимаемъ честь идти на

(**) *Luciani* Alexander sev Psevdomantis, num. 25.

смерть и просимъ тебя только объ одномъ—чтобы ты самъ напередъ узналъ подвижниковъ гонимаго упрямства и потомъ рѣшилъ, смерти ли и наказанія достойны они, или освобожденія и спокойствія. Если же это опредѣленіе и *новый едиктъ*, котораго не заслуживаетъ даже непріязненность варваровъ, вышли не отъ тебя; то мы еще болѣе просимъ не презрѣть насъ среди столь явнаго грабительства» ([63]). — Въ самомъ дѣлѣ, неужели Маркъ Аврелій, мудрый государь и философъ, дѣйствительно самъ былъ гонителемъ христіанства? — Правда, можно было вслѣдствіе доносовъ осуждать христіанъ за одну вѣру *или*, какъ выражались язычники, за одно упрямство—въ отверженіи язычества, по закону Траяна, и законъ этотъ никогда не былъ отмѣненъ, хотя при кроткихъ преемникахъ Траяновыхъ не исполнялся строго. Но Мелитонъ говоритъ, что въ Малой Азіи объявленъ новый едиктъ, поощряющій доносы и столько жестокій, что его не заслужили бы даже варвары. Въ царствованіе Марка Аврелія это странно тѣмъ болѣе, что онъ не любилъ доносчиковъ и вообще имѣлъ правиломъ умѣрять строгость наказаній, полагаемыхъ законами за преступленія ([64]). Съ другой стороны трудно представить, чтобы едиктъ былъ объявленъ проконсуломъ самовольно. И Мелитонъ, не смотря на двоякое предположеніе въ своихъ словахъ, которыя показываютъ въ немъ столько же христіанской мудрости, сколько чувства истиннаго достоинства, очевидно, былъ увѣренъ, что онъ принадлежалъ самому императору. Благоразумный нас-

---

([63]) *Евсев.* Церк. Истор. кн. 4, гл. 26.

([64]) *Julii Capitolini* Vita Marc. Avrel. cap. 11, cap. 21.

тырь Церкви выразился нерѣшительно, по всей вѣроятности, съ цѣлію успѣшнѣе такимъ образомъ произвесть перемѣну въ понятіяхъ и распоряженіяхъ государя, не оскорбляя его прямымъ укоромъ въ несправедливости. Надобно, слѣдовательно, думать, что Маркъ Аврелій дѣйствительно былъ жестокимъ гонителемъ христіанства. Вникнувъ пристальнѣе въ его образъ мыслей, можно убѣдиться въ этомъ окончательно.

Характеръ гонителя.

Какъ стоикъ, онъ уважалъ спокойствіе духа при видѣ смерти, но только тогда, когда оно соединено съ равнодушіемъ, проистекаетъ изъ холоднаго самоотреченія и есть плодъ разсудочныхъ убѣжденій. Горячее одушевленіе, съ которымъ шли на смерть христіане и которое проистекало изъ живой *вѣры* въ будущую жизнь, изъ *чувствъ* любви къ Богу и надежды на Его милосердіе, должно было поэтому казаться ему слѣпымъ сумасбродствомъ; потому что до ихъ убѣжденія, изъ котораго проистекало это одушевленіе, нельзя было дойти ни какими философскими умствованіями. То, что давало христіанину рѣшимость лучше умереть, нежели покориться закону, требовавшему идолопоклонства, было также мало понятно и также казалось слѣпымъ упрямствомъ для Марка Аврелія, какъ и для Плинія; но въ немъ къ нетерпимости гражданской должна была присоединиться нетерпимость философская. Искренній стоикъ, онъ, конечно, не былъ чуждъ философскаго фанатизма, который не менѣе отличается нетерпимостію понятій, несогласныхъ съ прина-

тою системою, и ревностію къ гоненію на нихъ, какъ и всякій другой фанатизмъ. Платонъ для счастія государства считалъ необходимымъ, чтобы правитель былъ фолософомъ ([65]): хорошо, если бы его философіею была сама мудрость; но ничего нѣтъ хуже, если это—приверженность къ какой-нибудь философской школѣ. «Готовность къ смерти, пишетъ государь—фолософъ въ своихъ монологахъ ([66]), должна проистекать изъ собственнаго размышленія каждаго, а не изъ одного только упрямства, какъ у христіанъ, и надобно встрѣчать смерть съ достоинствомъ и превосходствомъ предъ нею, а не съ хвастовствомъ и ложнымъ блескомъ». Итакъ, если даже онъ не считалъ христіанъ нравственно—виновными и не вѣрилъ молвѣ народной, и тогда, смотря на нихъ, какъ на опасныхъ для общественнаго порядка и твердости законовъ, полупомѣшанныхъ мечтателей, презирающихъ жизнь и въ самозабвеніи ищущихъ смерти ([67]), онъ могъ счесть необходимымъ, при быстромъ распространеніи Христіанства, взять строгія мѣры къ пресѣченію этого мнимаго зла.—Несправедливо однако было бы видѣть

([65]) *Lactant.* Jnstitut. Div. lib. 3, cap. 21.

([66]) Lib 11, cap. 3, *δια ἐςιν ἡ ψυχὴ ἡ ἕτοιμος, ἐὰν ἤδη ἀπολυθῆναι δέῃ τοῦ σώματος, καὶ ἤτοι σβεσθῆναι, ἢ σκεδασθῆναι, ἢ συμμεῖναι· τὸ δὲ ἕτοιμον τοῦτο ἵνα ἀπὸ ἰδικῆς κρίσεως ἔρχηται, μὴ κατὰ ψιλὴν παρατάξιν, ὡς οἱ χριςιανοὶ, ἀλλὰ λελογισμένως καὶ σεμνῶς, καὶ ὥςε καὶ ἄλλον πεῖσαι ἀτραγῴδως.*

([67]) См. рѣчи Цецилія въ Октавіѣ *Минуц. Феликс.* гл. 8, гл. 12 и др. Purpuras despiciunt, ipsi seminudi... pallidi, trepidi.... desperati, biacothanati (*βιάιως* — насильно и *θάνατος* — смерть), semaxii, sarmentitii. — *Tertull.* Apologet. cap. 48. — Pro mira stultitia et incredibili audacia, spernunt tormenta praesentia, dum incerta metuunt et futura, et dum mori post mortem timent, interim mori non timent,—cap. 8 *Min. Fel.*

въ Маркѣ Авреліѣ только философа, сообразующаго всѣ свои поступки съ принятою системою. Онъ былъ младенчески преданъ отечественному идолослуженію, наслѣдовавъ эту преданность, какъ самъ говоритъ, отъ своей благочестивой матери, хотя и старался избѣгать его суевѣрій ([68]). Онъ вѣрилъ, напримѣръ, вмѣстѣ съ современными ему язычниками, что боги во снахъ открываютъ средства для излеченія болѣзней, и былъ увѣренъ, что самъ получалъ неоднократно такія пособія и внушенія, бывъ больнымъ. Когда зараза, свирѣпствовавшая при немъ, распространилась по Италіи, онъ видѣлъ въ этомъ знакъ свыше возстановить древнее идолослуженіе во всей точности, отвсюду созвалъ тогда жрецовъ въ Римъ, и тѣми же многочисленными празднествами, отъ которыхъ, по его мнѣнію, могла прекратиться зараза, онъ ознаменовалъ свое отправленіе на войну противъ Маркоманновъ ([69]). Даже язычники смѣялись надъ безчисленностію жертвъ, которыя по его приказанію были принесены во время приготовленій къ этому походу ([70]). Понятно такимъ образомъ, что не только по философскимъ, но и по религіознымъ своимъ понятіямъ, Маркъ Аврелій долженъ былъ сдѣлаться строгимъ гонителемъ христіанства, сколько могла дозволить ему это кротость его характера, по которой онъ старался ограничивать смертные приговоры. Въ судѣ надъ преступниками цѣлію его было не наказаніе ихъ, а пресѣченіе зла, и добрый госу-

([68]) Monolog. lib. 11, cap. 18.

([69]) *Julii Capitolini* Vita Marc. Avr. cap. 13, cap. 21.

([70]) Амміанъ Марцеллинъ (кн. 25, гл. 4) сохранилъ современную эпиграмму на его усердіе къ жертвоприношеніямъ въ то время: οἱ λευκοὶ βόες Μάρκῳ τῷ Καίσαρι· ἂν σὺ νικήσῃς, ἡμεῖς ἀπωλόμεθα.

дарь охотно давалъ прощеніе всякому, кто раскаявался въ своихъ преступленіяхъ, даже въ такихъ случаяхъ, когда могъ бы наказывать, нисколько не показавшись строгимъ ([71]); но христіане не могли сознавать предъ нимъ своей виновности и должны были непоколебимо *упорствовать* въ томъ, что было запрещено законами. Поэтому очень вѣроятно, что онъ повелѣлъ употреблять предварительно всѣ средства, чтобы вынуждать у нихъ отреченіе отъ Вѣры, и произносить надъ ними смертный приговоръ только въ крайнемъ случаѣ, когда рѣшительно не представлялось возможности отклонить ихъ отъ нея. Такъ, худо расчитанное человѣколюбіе, конечно, могло дать поводъ къ жестокостямъ.

Характеръ гоненія.

Двѣ новыхъ особенности представляются въ гоненіяхъ съ этого времени. Законъ Траяна запрещалъ отъискивать христіанъ; теперь, напротивъ, мѣстнымъ властямъ повелѣно было тщательно искать ихъ, хотя народъ въ своемъ ожесточеніи часто дѣлалъ это излишнимъ, предваряя самъ законные поиски, производимые гражданскими властями. «Сколько невѣрующихъ, столько и враговъ у насъ, говоритъ Тертулліанъ ([72]). Іудеи по зависти, воины по алчности къ грабежу, рабы по низости своей природы, вседневно слѣдятъ за нами, вседневно предаютъ насъ, постоян-

([71]) *Jul. Cap.* Vita M. A. cap. 13.

([72]) Apologet. cap. 7.

([73]) У *Оригена* прот. Цельса, кн. 8, § 43, стр. 773, по издан. *Car. Delar ue*, Paris. 1733: ἤτοι φεύγοντες καὶ κρυπτόμενοι ἢ ἀλισκόμενοι καὶ ἀπολλύμενοι. Кн. 8, § 69 стр. 793: ὑμῶν δὲ κἂν πλανᾶται τὶς ἔτι λανθάνων, ἀλλὰ ζητεῖται πρὸς θανάτον δίκην.

но вторгаются насильственнымъ образомъ даже въ мѣста нашихъ богослужебныхъ собраній». Поэтому христіане часто должны были скрываться, чтобы спастись отъ преслѣдователей, какъ это видно изъ современныхъ повѣствованій объ извѣстныхъ гоненіяхъ того времени и словъ также современника ихъ, Цельса (73). Во-вторыхъ, доселѣ, если кто обвиненъ былъ предъ судомъ въ Христіанствѣ и не могъ уже избавиться отъ осужденія, то, послѣ двукратнаго предложенія объ отреченіи отъ Вѣры, не прибѣгая къ пыткамъ, его осуждали прямо на смерть. Теперь, напротивъ, употреблялись продолжительныя пытки съ цѣлію склонить христіанъ къ отреченію; и смертный приговоръ произносился большею частію послѣ долгихъ мученій. Такому порядку гоненія вполнѣ соотвѣтствуетъ законъ, сохранившійся въ актахъ мученика Симфоріана и въ разныхъ манускриптахъ ихъ озаглавливаемый именами императоровъ, то Авреліана, то Аврелія, но, по всей вѣроятности, принадлежащій Марку Аврелію (74). Содержаніе его таково. «Находя,

(73) См. на предъидущей страницѣ.

(74) Руинарцій не усумнился озаглавить его именемъ Аврелія согласно съ однимъ изъ трехъ древнихъ манускриптовъ (Codex Rosbacensis,—vid. Acta Martyr. pag. 78—83 edit. Amstelaedami 1713 an.). По ходу мыслей, оффиціальному языку, согласію съ историческими свидѣтельствами, древности самыхъ актовъ, подлинность приведеннаго закона не должна быть заподозриваема; но если бы онъ принадлежалъ Авреліану, то и смерть мученика, въ актахъ котораго онъ сохранился, должно было бы относить къ царствованію тогоже государя, а это невѣроятно, такъ какъ гоненія тогда не было, и христіанская Вѣра, бывъ признана дозволенною, не могла уже почитаться нарушеніемъ законовъ. Луціемъ Авреліемъ Коммодомъ онъ не могъ быть изданъ; потому что Коммодъ былъ благосклоненъ къ христіанамъ. Итакъ его можно приписать только Марку Аврелію Антонину.

что называющіе себя въ наши времена христіанами суть нарушители законовъ, повелѣваемъ разъискивать ихъ и, если они не согласятся приносить жертвы нашимъ богамъ, подвергать разнымъ мученіямъ, но такъ, чтобы строгость не преступала предѣловъ справедливости и наказаніе прекращалось, какъ скоро достигнута цѣль—пресѣченіе преступленій». Последнее выраженіе совершенно въ духѣ Марка Аврелія: начальства всегда должны имѣть въ виду цѣль—подавить Христіанство, несовмѣстное съ государственнымъ идолослуженіемъ, возвратить отступившихъ къ почитанію римскихъ боговъ и отпюдь не дѣйствовать съ слѣпою жестокостію; но такое отвлеченное наставленіе, конечно, не могло на самомъ дѣлѣ ограничивать прихотливую жестокость языческаго начальника, какъ скоро онъ былъ раздраженъ очевидною безполезностію своихъ усилій въ отклоненіи мучимыхъ христіанъ отъ Вѣры ([74]).

Примѣры гоненія по мѣстамъ.

1) Надобно, наконецъ, представить нѣсколько примѣровъ настоящаго гоненія, чтобы видѣть дѣйствія христіанъ среди его. Историческіе памятники представляютъ теперь полную возможность для этого. Вопервыхъ, до нашего времени сохранилось трогательное

([75]) Въ Пандектахъ Марку Аврелію приписывается еще законъ: Relegandum ad insulam qui aliquid fecerit, quo leves hominum animi superstitione numinis terreantur. Хотя этотъ законъ могъ быть направленъ и не противъ только христіанъ; но и христіанъ осуждали на основаніи его, какъ видно изъ посланія св. Діонисія коринѳскаго къ римской Церкви. См. Церк. Ист. *Евсев.* кн. 4, гл. 23. Cf. Luciani et Celsi opiniones.

посланіе Церкви смирнской къ филадельфійской и всѣмъ другимъ Церквамъ о гоненіи, бывшемъ въ Смирнѣ въ 167 году, во время котораго пострадалъ достоблаженный и святый Поликарпъ, епископъ смирнскій, ученикъ Апостола Іоанна ([76]). Проконсулъ Стацій Квадратъ, управлявшій въ то время Малою Азіею, самъ, по видимому, не расположенъ былъ къ гоненію, но народъ, подстрекаемый Іудеями, требовалъ христіанской крови неотступно. Уступая волѣ народа и предписаніямъ законовъ, онъ старался дѣйствовать на христіанъ сперва угрозами и видомъ орудій мученія, потомъ прибѣгалъ и къ продолжительнымъ пыткамъ, вѣроятно, когда замѣчалъ въ комъ-либо изъ страдавшихъ слабость и колебаніе, но иногда, видя безполезность ихъ, послѣ угрозъ непосредственно произносилъ смертный приговоръ. Мучительные роды смерти, на которые по жестокой прихоти народа онъ осуждалъ мучениковъ, какъ то: сожженіе на кострѣ и растерзаніе дикими звѣрями, могли не казаться ему жестокостію; потому что они употреблялись обыкновенно при наказаніи людей, не пользовавшихся правами римскаго гражданства и виновныхъ въ тѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ молва обвиняла христіанъ ([77]).

([76]) Отрывочно въ Церк. Ист. *Евсев.* кн. 4, гл. 15. Вполнѣ по переводу съ Клерикова изданія Patres Apostolici въ Христ. Чт. 1821 г, ч. 1, стр. 125—140.—*Ruinart.* Acta Martyr. pag. 28—52. въ текстахъ латинскомъ и греческомъ по изданію Котелерія.

([77]) Qui sacra impia nocturna ve, ut quem obcantarent, fecerint facienda ve curaverint, aut cruci suffiguntur, aut bestiis objiciuntur. Qui hominem immolaverint, sive ejus sanguine litaverint, fanum templum ve polluerint, bestiis objiciuntur, vel si honestiores sint, capite puniuntur. Magicae artis conscios summo supplicio affici placuit, id est, bestijs objici aut cruci suffigi, ipsi autem magi vivi exuruntur. *Jul. Pavlus* in Sententiis Receptis.

Среди жестокихъ страданій и продолжительныхъ пытокъ, заставлявшихъ даже многихъ изъ зрителей проливать слезы, мученики оставались спокойны и неизмѣнны въ терпѣніи, не дозволяя себѣ ни жалобъ, ни стоновъ. «Они показали всѣмъ намъ, пишутъ смирнскіе христіане, что во время мученій были внѣ тѣла, или лучше, что самъ Господь укрѣплялъ ихъ, бесѣдуя съ ними, и, взирая на благодать Христову, они презирали мірскія казни». Здѣсь стало явнымъ различіе между спокойною разумною рѣшимостію всѣмъ жертвовать за истинную Вѣру, въ надеждѣ на укрѣпляющую помощь Божію, и фанатическимъ увлеченіемъ, самонадѣянно ищущимъ опасности и исчезающимъ при дѣйствительной встрѣчѣ съ нею. Нѣкто Квинтъ Фригіянинъ, увлекшись самонадѣянностію и уговоривши нѣсколько другихъ христіанъ, подобныхъ себѣ по неразумію, самъ явился съ ними на судъ къ проконсулу, объявилъ себя христіаниномъ и самохвально вызвался на всѣ мученія за истинную Вѣру,—поступокъ, который давалъ язычникамъ поводъ смотрѣть на христіанъ, какъ на опасныхъ фанатиковъ, съ слѣпою хвастливостію предающихся смерти, и котораго христіанская Церковь никогда не одобряла! — Но когда проконсулъ, послѣ долгихъ угрозъ, повелѣлъ предать несчастнаго на растерзаніе дикихъ звѣрей, горячность его уничтожилась, онъ отрекся отъ Вѣры и принесъ жертву идоламъ. «Посему, братія, говорится далѣе въ посланіи, мы не одобряемъ тѣхъ, которые предаются на мученіе сами; ибо не такъ учитъ Евангеліе». Не такъ поступилъ и девяностолѣтній епископъ Поликарпъ. Услышавъ о вопляхъ народа, требовавшаго его смерти, онъ сначала хотѣлъ остаться въ городѣ и

спокойно ожидать воли Божіей, но потомъ склонился на просьбы близкихъ къ себѣ людей и удалился въ одну недальнюю отъ города деревню. Тамъ въ обществѣ небольшаго числа христіанъ, онъ проводилъ день и ночь въ молитвѣ, молясь по своему обыкновенію за всѣхъ людей и за всѣ Церкви. Когда его нашли здѣсь, онъ перешелъ въ другое селеніе. Искавшіе немедленно явились и сюда, и хотя уже не застали его, но одинъ изъ двухъ малолѣтнихъ рабовъ подъ пыткою открылъ имъ его новое убѣжище. Когда такимъ образомъ нашли его снова, онъ могъ удалиться и отсюда въ другое мѣсто, но, видя неизбѣжность опасности, не захотѣлъ и сказалъ: да будетъ воля Господня! По этому онъ показался сыщикамъ, приказалъ предложить имъ пить и ѣсть, сколько они хотѣли, а для себя попросилъ только немного времени, чтобы безпрепятственно помолиться. Два часа молился онъ немолчно, бывъ исполненъ благодати Божіей, такъ что даже язычники были тронуты благоговѣйностію его молитвы. Потомъ преслѣдователи отправились съ нимъ въ городъ. На пути встрѣтилъ его самъ иринархъ Иродъ и, пересадивъ въ свою повозку, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ сталъ дружески говорить ему: что худаго сказать: господи кесарь,—принесть жертву и тѣмъ спасти себѣ жизнь? Святой епископъ сначала ничего не говорилъ на это, но когда они начали настоятельно убѣждать его, отвѣтилъ имъ спокойно: я не намѣренъ дѣлать того, что вы мнѣ совѣтуете. Увидавъ безполезность убѣжденій, они столкнули его изъ своей повозки съ такою силою, что онъ, упавши, вывихнулъ ногу. Не обративъ на это вниманія, св. Поликарпъ поспѣшно продолжалъ путь далѣе, какъ будто

съ нимъ не случилось ничего непріятнаго. Когда привели его на судебную площадь, при шумѣ окружавшаго ее народа проконсулъ сказалъ ему: поклянись геніемъ кесаря, раскайся, произнеси хулу на Христа, и я отпущу тебя. Но онъ отвѣчалъ: восемьдесятъ шесть лѣтъ я служу Ему и видѣлъ отъ Него только доброе; могу ли хулить Царя моего и Спасителя! Послѣ новыхъ увѣщаній проконсула, св. Поликарпъ продолжалъ: «напрасна честолюбивая надежда твоя убѣдить меня къ отреченію и напрасно притворяешься ты незнающимъ, кто я. Открыто объявляю, что я христіанинъ. Если же хочешь знать, въ чемъ состоитъ ученіе христіанское, назначь день и выслушай».—Убѣди народъ, отвѣчалъ проконсулъ, показывая этимъ, какъ мало собственно самъ онъ расположенъ былъ къ гоненію. Но святитель продолжалъ далѣе: «тебя я удостоиваю слышать отъ меня оправданіе, потому что мы научены воздавать должную честь поставленнымъ отъ Бога начальствамъ и властямъ, доколѣ это безвредно для нашего спасенія, а ихъ я считаю недостойными того, чтобы предъ ними защищаться». И въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ сталъ говорить теперь фанатической толпѣ народа, громко требовавшей его казни, о святости евангельскихъ истинъ, не значило ли бы это — бросать бисеръ предъ свиніями! Послѣ тщетныхъ угрозъ дикими звѣрями и сожженіемъ на кострѣ, проконсулъ приказалъ провозвѣстнику трижды объявить среди площади, что Поликарпъ исповѣдалъ себя христіаниномъ. Въ этомъ заключался уже смертный приговоръ. Народъ отвѣчалъ на объявленіе неукротимымъ крикомъ: это учитель нечестія, отецъ христіанъ, истребитель нашихъ боговъ! И такъ какъ

проконсулъ согласился на требованіе его сжечь Поликарпа; то костеръ явился скорѣе, чѣмъ произнесено повелѣніе, при чемъ особенно усердно дѣйствовали, по своему обыкновенію, Іудеи. Когда хотѣли пригвоздить святаго мученика къ столбу на кострѣ, онъ сказалъ: «оставьте меня такъ. Тотъ, кто даетъ мнѣ силы терпѣть сожженіе, дастъ силы и безъ гвоздей быть на кострѣ неподвижнымъ». Наконецъ, предъ самымъ временемъ зажженія костра, онъ произнесъ молитву: «Господи, Боже Вседержитель, Отче возлюбленнаго и благословеннаго Сына твоего, Іисуса Христа, чрезъ котораго мы получили познаніе о Тебѣ, Боже Ангеловъ и Силъ и всякаго созданія и всего рода праведныхъ, живущихъ предъ Тобою, благодарю Тебя, что Ты удостоилъ меня въ сей день и часъ принять участіе въ числѣ свидѣтелей (78) твоихъ и въ чашѣ Христа твоего»! — Смирнская Церковь указывала въ смерти своего епископа «примѣръ, каково должно быть мученичество по духу евангелія; ибо онъ подобно Господу, говорится въ посланіи, ожидалъ страданія до тѣхъ поръ, пока не былъ преданъ (а не спѣшилъ къ мученичеству самовольно, безъ призванія), дабы и мы подражали ему въ томъ, имѣя въ виду не собственное только благо, но и благо ближнихъ, такъ какъ истинной и твердой любви свойственно не себѣ только искать спасенія, но и всѣмъ братіямъ».—Даже и для земнаго благосостоянія Церкви полезна была мученическая кончина добраго пастыря. Насытив-

(78) Свидѣтелей, то есть, мучениковъ=*μαρτύρων*, какъ назывались страдавшіе за Вѣру, примѣнительно къ словамъ Іисуса Христа: *вы же есте свидѣтеліе симъ*, Лук. 24, 48 (*ὑμεῖς δὲ ἐστε μάρτυρες τούτων*).

шись такою жертвою, фанатизмъ народа охладѣлъ; поэтому проконсулъ, не бывъ лично расположенъ преслѣдовать христіанъ, прекратилъ поиски и не хотѣлъ знать, чтобы они существовали еще въ его округѣ.

2) Другой современный памятникъ гоненія, бывшаго при Маркѣ Авреліѣ, представляетъ собою посланіе Церквей ліонской и віеннской о страданіяхъ, перенесенныхъ ими въ 177-мъ году ([78]). Фанатическое свирѣпство народа было здѣсь также велико, какъ и въ Смирнѣ, если не болѣе; но въ настоящемъ случаѣ его раздѣляли и гражданскія власти. Вспышки народной ненависти постепенно становились сильнѣе и сильнѣе. Гдѣ только показывались христіане, язычники ругали ихъ, били, грабили, влачили по улицамъ и бросали въ нихъ камнями. Наконецъ они схватили нѣсколько человѣкъ и представили городскимъ властямъ. Схваченные были заключены въ темницу, потому что, по отсутствію проконсула, ихъ не могли судить немедленно. Проконсулъ, прибывши, началъ дѣло пытками, домогаясь не столько принудить христіанъ къ отреченію отъ Вѣры, сколько вынудить у нихъ признаніе въ приписываемыхъ имъ молвою нелѣпыхъ и противоестественныхъ порокахъ.—Смирнскій проконсулъ былъ еще столько благоразуменъ, что не обращалъ вниманія на подобные слухи.—Одинъ молодой человѣкъ, благороднаго происхожденія, Веттій Эпагаѳъ, присутствуя при допросѣ въ числѣ зрителей и не имѣя силъ равнодушно слышать дѣлаемыхъ во время пытокъ вопросовъ касательно этихъ обвиненій, потребовалъ, чтобы ему дозволено было говорить въ защиту христіанъ и

([78]) Церк. Истор. *Евсев.* кн. 5. предисловіе и гл. 1—4.

доказать, что у нихъ нѣтъ ничего ни безбожнаго, ни нечестиваго. Но проконсулъ, не будучи расположенъ слушать христіанскія апологіи, спросилъ только, не христіанинъ ли онъ, и, такъ какъ Эпагаѳъ громогласно исповѣдалъ себя христіаниномъ, приказалъ заключить его въ темницу, какъ христіанскаго защитника. Между тѣмъ нѣсколько язычниковъ, бывшихъ въ услуженіи у христіанъ, по страху пытокъ показали, что господа ихъ дѣйствительно виновны въ предполагаемыхъ преступленіяхъ. Какъ ни мало довѣрія заслуживали подобнаго рода показанія, фанатики сочли ихъ совершенно достаточными для убѣжденія въ справедливости своихъ предположеній и считали себя теперь въ правѣ употребить противъ христіанъ всѣ жестокости. Не было пощады ни родству, ни знакомству, ни полу, ни возрасту. Непоколебимость и спокойствіе мучениковъ среди самыхъ изысканнѣйшихъ мученій содѣлали очевиднымъ, пишутъ ліонскіе христіане, что они были орошаемы и укрѣпляемы живою водою, текущею изъ небеснаго источника,—что тамъ нѣтъ ничего страшнаго, гдѣ любовь къ Отцу, и нѣтъ ничего болѣзненнаго, гдѣ слава Христова. Девяностолѣтній епископъ ліонскій Поѳинъ, слабый отъ преклонности лѣтъ и отъ болѣзни, но юношески бодрый по ревности къ страданіямъ за Вѣру, былъ также привлеченъ на судъ. Когда проконсулъ спросилъ его: кто Богъ христіанскій?—онъ отвѣчалъ, какъ заслуживалъ того дѣлавшій подобные вопросы: узнаешь, если будешь достоинъ. За это стали влачить его безпощадно, нанесли ему множество ранъ, били руками и ногами, бросая въ него всѣмъ, что у кого было въ рукахъ. Наконецъ, едва живой, онъ былъ брошенъ въ темницу, гдѣ и

умеръ черезъ два дня. Даже отреченіе отъ Вѣры не избавляло въ настоящемъ случаѣ отъ страданій; отрекшіеся почитались виновными уже не въ соблюденіи Христіанства, но въ преступленіяхъ, приписываемыхъ христіанамъ, и вмѣстѣ съ исповѣдниками заключаемы были въ темницы, какъ человѣкоубійцы и беззаконники, чему причиною было, можетъ быть, то, что нѣкоторые изъ нихъ, уступая мучительности пытокъ, давали вынужденно ложное признаніе. Многіе умирали въ убійственныхъ темницахъ отъ душноты, отъ голода, отъ безпомощности послѣ страданій, тогда какъ «иные, претерпѣвъ жесточайшія мученія, послѣ которыхъ, и при всевозможномъ врачеваніи, казалось, нельзя было остаться въ живыхъ, оставались живы, не получая никакой помощи отъ людей, но бывъ хранимы и укрѣпляемы по душѣ и по тѣлу самимъ Господомъ, такъ что могли даже ободрять и утѣшать прочихъ». Такимъ образомъ «по благодати Господа, не хотящаго смерти грѣшника», твердые исповѣдники Вѣры успѣли обратить отрекшихся, но и послѣ отреченія заключенныхъ вмѣстѣ съ ними, и «Дѣва Матерь, святая Церковь, исполнилась великою радостію, принявъ опять живыми тѣхъ, кого прежде извергла, какъ мертвыхъ». Между тѣмъ, по приказанію отъискивать христіанъ, «каждый день брали вновь подъ стражу достойныхъ восполнить число скончавшихся уже мучениковъ». Такъ какъ взятыхъ подъ стражу было слишкомъ много и между ними находились даже римскіе граждане, надъ которыми только императоръ могъ произносить окончательный приговоръ; то проконсулъ счелъ за лучшее донести обо всѣхъ въ Римъ и отложить рѣшеніе ихъ участи до полученія императорскаго едикта. Едиктъ

былъ полученъ; и имъ повелѣвалось отрекшихся отъ Вѣры освободить, а прочихъ лишить жизни. Маркъ Аврелій, слѣдовательно, подобно Траяну, не довѣрялъ обвиненіямъ, взносимымъ на христіанъ молвою, и преслѣдовалъ только Вѣру. Послѣ этого проконсулъ приказалъ сначала вывести изъ темницъ и представить на судъ тѣхъ, которые при первомъ допросѣ склонились къ отреченію. Всѣ ожидали, что они вновь отрекутся теперь и получатъ свободу; но, къ досадѣ и изумленію язычниковъ, почти всѣ они твердо исповѣдали себя христіанами и мужественно рѣшились на смерть за святую Вѣру: такъ что «внѣ сего лика мучениковъ остались только тѣ, въ которыхъ никогда не было ни слѣда вѣры, ни мысли о брачной одеждѣ, ни понятія о страхѣ Божіемъ, и которые своимъ поведеніемъ безчестили свою Вѣру». Потомъ тѣ изъ исповѣдниковъ, которые имѣли права римскаго гражданства, были усѣчены мечемъ, за исключеніемъ впрочемъ одного изъ нихъ, Аттала, котораго проконсулъ въ угожденіе народу противозаконно подвергъ пыткамъ, предалъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ и уже въ предсмертномъ томленіи повелѣлъ заколоть. Прочіе послѣ новыхъ разнообразныхъ мученій были брошены дикимъ звѣрямъ; при этомъ пятнадцатилѣтній отрокъ Понтикъ, поддерживаемый ободреніями своей сестры, и Бландина, робкая, немощная и слабая женщина, которыхъ язычники надѣялись принудить къ отреченію и съ этою цѣлію ежедневно заставляли прежде смотрѣть на мученія другихъ, перенесли всевозможные роды пытокъ и страданій и возбудили всеобщее удивленіе, показавъ на себѣ, какъ велика можетъ быть сила Божія и въ столь слабыхъ и нѣжныхъ сосудахъ. Конечно, не всегда благодати Божіей

принадлежатъ подобныя явленія. Сила воли, окамененной фанатическимъ ожесточеніемъ въ терпѣніи, подавивъ всѣ природныя ощущенія, можетъ произвесть въ человѣкѣ, какъ извѣстно изъ многихъ опытовъ, необыкновенныя, по видимому, сверхъестественныя дѣйствія. Но съ фанатизмомъ неразрывно связаны самонадѣянность и высокомѣріе; напротивъ смиреніе и любовь— признакъ дѣйствій, производимыхъ Духомъ Божіимъ. Этотъ признакъ показалъ, что мученики ліонскіе были истинными Христовыми учениками. Они отказались отъ почтенія, которое другіе христіане усердствовали оказывать имъ , какъ доблестнымъ подвижникамъ Вѣры, и, хотя выдержали уже два раза изысканныя мученія, еще не были увѣрены въ собственныхъ силахъ, потому что не были фанатиками и чувствовали, какъ слаба плоть при всей бодрости духа. Горестно укоряли они тѣхъ, которые въ письмахъ или въ разговорѣ чтили ихъ названіемъ *свидѣтелей* Христовыхъ или мучениковъ. Это названіе, они говорили, принадлежитъ собственно только *Первенцу изъ мертвыхъ* и Начальнику жизни , *иже есть свидѣтель вѣрный* (Апокал. 1, 5), или, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, которыхъ свидѣтельство запечатлѣлъ Христосъ смертію; мы же—только слабые и смиренные исповѣдники. Со слезами просили они братій усердно молиться, чтобы достигнуть имъ совершенства. Не превозносясь надъ падшими, съ искреннею любовію они увѣщевали ихъ къ твердости и прилежно молили Господа, чтобы Онъ благоволилъ снова призвать ихъ къ Вѣрѣ; даже къ гонителямъ своимъ не оказывали непріязненнаго чувства и молились, подобно Стефану первомученику, чтобы Господь помиловалъ тѣхъ, которые подвергали ихъ столь многимъ мученіямъ. Не вражду и нестрое-

нія поселили они между братіями, но оставили имъ радость, миръ, единодушіе и любовь.—Разнообразнымъ поруганіемъ надъ тѣлами пострадавшихъ мучениковъ, продолжавшимся въ теченіе шести дней, и сожженіемъ ихъ ярость народа наконецъ насытилась. Оставшійся послѣ сожженія пепелъ былъ высыпанъ въ близъ текущую рѣку Рону, чтобы не оставалось на землѣ и слѣда мнимыхъ враговъ благочестія. Никакими деньгами, никакими просьбами христіане не могли достигнуть, чтобы имъ отданы были для погребенія священные останки свидѣтелей Христовыхъ. Думая такимъ образомъ поколебать самую Вѣру въ воскресеніе и будущую жизнь, язычники говорили имъ о мученикахъ: «теперь посмотримъ, воскреснутъ ли они, и возможетъ ли Богъ ихъ помочь имъ и избавить ихъ изъ рукъ нашихъ».—Но и здѣсь, утоливъ неистовство народа, гоненіе притихло, не смотря на многочисленность оставшихся христіанъ.

3) Внесши посланіе Церквей ліонской и віенской въ свою исторію, Евсевій справедливо говоритъ: «отсюда можно съ вѣроятностію заключать о томъ, что дѣлалось тогда и въ другихъ провинціяхъ. Впрочемъ тамъ, гдѣ христіанъ было немного, имъ легче было скрываться и менѣе могло представляться поводовъ къ пробужденію народнаго фанатизма. Начальства не считали нужнымъ въ такихъ странахъ озабочивать себя поисками, и надобны были какія-нибудь случайности, чтобы пробудить ихъ ревность. Такъ въ одномъ городѣ, недалеко отъ Ліона, Отенѣ ([80]), язычники и не думали о гоненіи, потому что христіанъ было не много, и они были малоизвѣстны, какъ неожиданно одинъ христіанинъ обратилъ на себя общее внима-

([80]) Augustodonum, sev Aedua.

ніе. Совершалось празднество въ честь Цибелы ([81]). Статуя ея съ большою торжественностію, при многочисленномъ стеченіи народа, была носима по городу, и, встрѣчаясь съ процессіею, всѣ падали на колѣна. Но одинъ молодой человѣкъ хорошей фамиліи, христіанинъ Симфоріанъ, случайно встрѣтившись съ нею, по чувству вѣры не могъ такимъ образомъ вмѣстѣ съ другими поклониться идолу и, по всей вѣроятности, на вопросъ, почему онъ не могъ этого сдѣлать, сказалъ что-либо о ничтожествѣ идолопоклонства. Немедленно его схватили и представили къ мѣстному начальнику, какъ возмутителя общественнаго богослуженія. При допросѣ судья сказалъ ему: «ты христіанинъ! Значитъ, ты скрывался отъ насъ, такъ какъ у насъ немного людей этой Вѣры; почему же не хотѣлъ ты поклониться изображенію матери боговъ»?— Симфоріанъ отвѣчалъ ему; «я сказалъ уже тебѣ, что я христіанинъ. Я почитаю Бога истиннаго, царствующаго на небесахъ, а демонскаго идола не только не почитаю, но даже, если позволишь, соглашусь разбить его молотками». Послѣ этого судья, прочитавъ указъ о гоненіи, объявилъ Симфоріана виновнымъ въ нарушеніи вѣры и государственныхъ законовъ и, такъ какъ не могъ ни обѣщаніями, ни угрозами склонить его къ отреченію, приговорилъ къ смерти. Мать мученика, провожая сына на мѣсто казни, говорила ему: «дитя мое, дитя мое, держи въ умѣ Бога живаго, Симфоріанъ! Будь твердъ, сынъ мой; мы не должны бояться смерти, которая ведетъ къ несомнѣнной жизни. Укрѣпи свое сердце, сынъ мой; воззри на Того, кто царствуетъ на небѣ».—Симфоріанъ былъ обезглавленъ, и тѣло его съ честію погребено вѣрными ([82]).

([81]) Berecynthiae.
([82]) *Ruinart.* Acta Martyr. pag. 78—83.

ВНѢШНЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЦЕРКВИ ВЪ ОБЩЕСТВѢ ВЪ ПЕРВЫЕ ТРИ ВѢКА ХРИСТІАНСТВА.

Ὑμεῖς δέ ἐστε μάρτυρες τούτων (Лук. 24, 48).

(Продолженіе).

Прекращеніе Авреліева гоненія и положеніе христіанъ при Коммодѣ (180—192 г.)

По сказанію, составленному Евсевіемъ изъ свидѣтельствъ Клавдія Аполлинарія и Тертулліана, Маркъ Аврелій чудеснымъ произшествіемъ былъ побужденъ перемѣнить свой образъ дѣйствій касательно христіанъ. Въ 174 году, на войнѣ противъ Маркоманновъ и Квадовъ войско его было окружено непріятелями и, томясь жаждою, находилось въ крайней опасности; но по молитвѣ христіанскихъ воиновъ двѣнадцатаго легіона дождь освѣжилъ Римлянъ, буря разсѣяла непріятелей и императоръ одержалъ побѣду. Вслѣдствіе этого чудеснаго событія онъ будто бы далъ двѣнадцатому легіону названіе громоноснаго ([83]), пересталъ преслѣдовать христіанъ и, хотя не включилъ христіанской Вѣры явно въ число дозволенныхъ, но постановилъ строго наказывать тѣхъ, кто сталъ бы обвинять христіанъ за одну только Вѣру ([84]). Въ изложенномъ сказаніи справед-

([83]) Fulminea, κεραυνοφόρον.

([84]) *Евсев.* Церковн. Истор. кн. 5, гл. 5. *Tertull.* Apologet. cap. 5; Epist. ad Scapulam cap. 4.

ливое перемѣшано, однако же, съ ложнымъ. Во-первыхъ, Маркъ Аврелій не пересталъ вслѣдствіе описаннаго происшествія преслѣдовать христіанъ; потому что ужасное гоненіе на галльскія Церкви происходило спустя три года послѣ него ([85]). Во-вторыхъ, двѣнадцатый легіонъ носилъ названіе громоноснаго еще со временъ кесаря Августа ([86]). Но то несомнѣнно, что въ походѣ противъ Маркоманновъ римское войско дѣйствительно спаслось такимъ необычайнымъ образомъ отъ грозившей опасности и язычники видѣли въ этомъ дѣло Божіе, только они приписывали его не Богу христіанскому и не молитвамъ христіанъ, но своимъ богамъ и молитвѣ императора, или всего языческаго войска, не упоминая уже о слѣпыхъ суевѣрахъ, которые производили его отъ магическихъ заклинаній египетскихъ волхвовъ ([87]). Самъ Маркъ Аврелій приписывалъ удачу похода также пособію боговъ ([88]) и, слѣдовательно, не могъ видѣть въ ней повода перемѣнить свои распоряженія касательно христіанъ. При всемъ томъ несправедливо было бы обвинять въ вымыслѣ христіанскихъ писателей, сохранившихъ своеобразное преданіе о ней. Въ громоносномъ легіонѣ могло быть, дѣйствительно, нѣ-

---

([85]) Посему-то, можетъ быть, Евсевій и сказалъ: «впрочемъ объ этомъ пусть думаетъ, кто какъ хочетъ».

([86]) *Діонъ Кассій* (кн 55, гл. 23 по переводу Ксифилина), перечисляя римскіе легіоны во время Августа, говоритъ: *τὸ δωδέκατον ςρατοπέδον τὸ ἐν Καππαδοκίᾳ, τὸ κεραυνοφόρον.*

([87]) Ibid. lib. 71, cap. 8. Съ воздѣтыми къ небу руками императоръ молился будтобы, говоря: «я воздѣваю къ Тебѣ руки, которыя не проливали еще человѣческой крови» (не считая крови христіанъ, враговъ Юпитера). Въ такомъ положеніи рисовали его на картинахъ среди воиновъ, собирающихъ въ свои шлемы падавшій съ неба дождь. *Themistocl.* Orat. 15: *τὶς ἡ βασιλικωτάτη τῶν ἀρετῶν.*

([88]) Monolog. lib. 1 ad finem.

сколько, может быть, и много христіанъ, и, хотя трудно представить, чтобы при Маркѣ Авреліи они были избавлены отъ участія въ общемъ богослуженіи языческаго войска, но по особенности обстоятельствъ и это могло случиться. Въ общей крайности христіанскіе воины прибѣгли такимъ образомъ съ молитвою къ Богу и, по возвращеніи на мѣста жительства разсказывая о походѣ, со всѣмъ правомъ приписывали полученіе небеснаго пособія силѣ своей молитвы. Многіе изъ христіанъ въ простотѣ сердца могли при этомъ приходить къ мысли, что и для Марка Аврелія, также, какъ для нихъ, было совершенно ясно, что не Юпитеръ или другой какой-либо идолъ, а истинный Богъ ихъ послалъ спасительный дождь, и не по молитвѣ язычниковъ, невѣдущихъ Его, а вѣрныхъ рабовъ своихъ. По крайней мѣрѣ, Клавдій Аполлинарій, епископъ іерапольскій, въ апологіи къ государю или въ другомъ какомъ-либо апологетическомъ сочиненіи, которое между прочимъ служитъ указаніемъ, что гоненіе еще не было прекращено, по всей вѣроятности, старался внушить это гонителямъ Христіанства (89).

(89) Правда, когда Евсевій приписываетъ Аполлинарію свидѣтельство, будто бы двѣнадцатый легіонъ вслѣдствіе этого чудеснаго событія названъ громоносными,—нельзя не удивиться, какимъ образомъ современникъ могъ допустить такую грубую ошибку. Но надобно думать, что Аполлинарій сказалъ только: теперь государь съ правомъ называетъ двѣнадцатый легіонъ громоносными, или употребилъ другое подобное выраженіе, изъ котораго Евсевій, при бѣгломъ чтеніи могъ вывести свое несправедливое заключеніе, какъ это дѣйствительно случилось съ нимъ при выпискѣ здѣсь же Тертулліанова свидѣтельства о письмѣ Марка Аврелія, гдѣ вмѣсто Тертулліановыхъ словъ: christianorum forte militum, онъ сказалъ прямо: христіанъ, измѣнивъ такимъ образомъ ихъ смыслъ и силу.

Между тѣмъ, спустя не много времени, гоненіе, дѣйствительно прекратилось, и съ царствованіемъ Аврелія Коммода (180—192 г.) началось для Церкви болѣе спокойное премя, продолжавшееся до конца втораго столѣтія. Коммодъ былъ благосклоненъ къ христіанамъ не потому, чтобы сколько нибудь уважалъ христіанскую Вѣру, но по нерадѣнію къ дѣламъ государственнымъ и привязанности къ Марціи, женщинѣ, которая, неизвѣстно почему, старалась оградить христіанъ отъ гоненій. Въ его царствованіе знаменитые римскіе граждане цѣлыми семействами и со всѣмъ родствомъ обращались къ Вѣрѣ на ряду со множествомъ людей всякаго состоянія ([90]). Очень можетъ быть, что онъ отмѣнилъ законъ своего отца, или даже издалъ едиктъ, запрещавшій доносы на христіанъ, дававшіе поводъ ко многимъ безпорядкамъ, и этотъ самый едиктъ нѣкоторые христіане, въ томъ числѣ Тертулліанъ, въ послѣдствіи могли приписать его предшественнику, какъ слѣдствіе чуднаго событія съ громоносным легіономъ,— тѣмъ легче, что самаго Коммода всѣ почитали человѣкомъ недостойнымъ, унижающимъ санъ государя и поэтому какбы не способнымъ сдѣлать столь доброе дѣло. Съ другой стороны вѣроятно, что онъ даже и не издавалъ никакого постановленія въ пользу христіанъ, что гоненіе укротилось само собою при извѣстной нерасположенности къ нему императора и что Тертулліанъ основалъ свое мнѣніе объ изданіи подобнаго постановленія на одномъ происшествіи, изъ котораго между прочимъ видно, что и при Коммодѣ обвиненіе предъ судомъ въ исповѣданіи Христіанства

([90]) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 5, гл. 21.

подвергало смертной казни. Римскій сенаторъ Аполлоній былъ обвиненъ своимъ рабомъ предъ префектомъ Рима въ исповѣданіи христіанской Вѣры: такъ какъ онъ не отрекся отъ обвиненія, то былъ осужденъ на смерть; но и обвинитель его также былъ преданъ позорной смерти ([91]), не за обвиненіе въ Христіанствѣ, какъ могъ думать Тертулліанъ, потому что обвиненіе принято, но, по закону императора Нервы, за доносъ на своего господина. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, становится понятнымъ, почему и въ царствованіе Коммода нѣкоторые областные правители могли быть гонителями Церкви. Таковъ былъ Аррій Антонинъ, проконсулъ Малой Азіи. Но когда онъ началъ гоненіе, христіане въ огромномъ числѣ явились сами предъ его судилище, надѣясь остановить его своею многочисленностію, что̀ могло казаться весьма вѣроятнымъ, такъ какъ гоненіе было начато безъ особеннаго повелѣнія. Дѣйствительно, проконсулъ пришелъ въ ужасъ отъ многочисленности мнимыхъ фанатиковъ, ищущихъ смерти; онъ приказалъ схватить нѣсколько человѣкъ изъ собравшейся къ нему толпы христіанъ, а остальнымъ сказалъ: несчастные, если вамъ хочется умереть, развѣ мало у васъ стремнинъ, или оселовъ ([92])! СвятыйИриней, писавшій въ царствованіе Коммода, говоритъ о своемъ времени, что христіане находились на службѣ при дворѣ кесаря, пользовались благодѣяніями римскаго правительства равно со всѣми други-

---

([91]) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 5, гл. 21. Ему перебиты были голени,—наказаніе рабу за доносъ на господина.

([92]) *ὦ δεῖλοι, εἰ θέλετε ἀποθνήσκειν, κρημνοὺς ἢ βρόχους ἔχετε,*—*Tertull.* Epist. ad Scapul. cap. 5.

ми подданными, мирно и спокойно могли ходить по всѣмъ путямъ и плавать по морю (93); и однако онъ же пишетъ, что Церковь во всѣ времена, не исключая и настоящаго, повсюду предпосылаетъ ко Отцу множество мучениковъ (94). Такое противорѣчіе опять можно понять, только допустивъ, что Коммодъ, дѣйствительно, былъ благосклоненъ къ христіанамъ, но что онъ положительно не отмѣнялъ законовъ, изданныхъ противъ христіанской Вѣры.

Положеніе христіанъ послѣ смерти Коммода до царствованія Геліобагала (192—219 г.).

Гражданскіе безпорядки, возникшіе послѣ смерти Коммода, и междоусобная война за престолъ, которую вели Песценній Нигеръ, Клавдій Албинъ и Септимій Северъ, достигшій наконецъ (196 г.) единодержавія, какъ всѣ общественныя бѣдствія, не могли быть благопріятны для Церкви. Климентъ александрійскій, писавшій въ это время свои Строматы, говоритъ: у насъ неизсякаемый источникъ мучениковъ, и каждодневно мы видимъ, какъ сожигаютъ, распинаютъ и обезглавливаютъ ихъ предъ нашими глазами (95). Подобно Коммоду, Септимій Северъ лично

---

(93) Advers. Haeres. lib. 4, cap. 49, edit. Paris 1639 an; pag. 389 et 390.

(94) Jbid. cap. 64 ejusdem editionis, pag. 400.

(95) *Ἡμῖν δὲ ἄφθονοι μαρτύρων πηγαὶ ἑκάστης ἡμέρας, ἐν ὀφθαλμοῖς ἡμῶν θεωρούμεναι, παροπτωμένων, ἀνασκινδαλευομένων, τὰς κεφαλὰς ἀποτεμνομένων*,—lib. 2, pag. 414, edit. Coloniae 1688 ann. Византійскій правитель Цецилій Капелла былъ ожесточеннымъ гонителемъ Церкви; погибая во время взятія Византіи Септиміемъ Северомъ, онъ воскликнулъ: радуйтесь, христіане!—*Tertull.* Epist. ad Scapul. cap. 3.

расположенъ былъ къ терпимости Христіанства, чему причиною, по достовѣрному свидѣтельству Тертулліана, было то, что нѣкогда одинъ христіанинъ, именемъ Прокулъ, исцѣлилъ его отъ болѣзни, помазавъ масломъ ([96]). Онъ зналъ, что многіе изъ самыхъ знаменитыхъ римскихъ гражданъ исповѣдуютъ христіанскую Вѣру, и не только не преслѣдовалъ ихъ, но уважалъ и явно защищалъ отъ ненависти язычниковъ ([97]). Впрочемъ, такъ какъ прежніе законы противъ христіанъ не были имъ отмѣнены; то гоненія не могли прекратиться повсюду. Изъ сочиненій Тертулліана, написанныхъ въ концѣ 2 и началѣ 3-го столѣтія, видно, что напримѣръ въ сѣвероафриканской области язычники жестоко гнали христіанъ по поводу отреченія ихъ отъ участія въ языческомъ образѣ празднованій въ честь императора ([98]). Къ этому въ 202-мъ году присоединился еще законъ, подъ угрозою смертной казни запрещавшій принятіе Христіанства, равно какъ и іудейства ([99]). Хотя Септимій Северъ желалъ такимъ образомъ только остановить распространеніе христіанской Вѣры, оставляя самихъ христіанъ въ покоѣ; но во всякомъ случаѣ подобное обнаруженіе воли государя въ умахъ ожесточенныхъ гонителей могло оправдывать всевозможныя нападенія на Церковь. Въ нѣкоторыхъ странахъ возникли столь

([96]) Epist. ad Scapul. cap. 4.

([97]) Jbidem.

([98]) Apologet. cap. 12, cap. 29—37. Ad Nationes lib. 1. etc. Vid. Johann. Lavr. *Mosheim* de aetate Apologetici Tertulliani initioque persecutionis Severi Disquisitionem—in Patrologiae Curs. Compl. tom. 1, pag. 535—560.

([99]) *Spartian.* Vita Severi, pag. 70.

ужасныя гоненія, что христіане пришли къ мысли о близости пришествія антихристова ([100]). Особенно много мучениковъ было въ Египтѣ и кареагенской области ([101]). Въ иныхъ мѣстахъ можно было деньгами и подарками покупать у мѣстныхъ начальниковъ свободу въ отправленіи богослуженія и безопасность отъ гоненій; но не всѣ одобряли эту мѣру, видя въ ней частію оскорбленіе христіанскаго имени, частію поводъ любостяжательнымъ гонителямъ возбуждать гоненія снова, или поддерживать ихъ продолжительность ([102]). Такое положеніе христіанъ продолжалось и во все царствованіе Каракаллы (211—218 г.), хотя этотъ жестокій государь не давалъ особеннаго повелѣнія преслѣдовать ихъ. Все зависѣло отъ образа мыслей мѣстныхъ начальниковъ: иные сами искали средствъ безъ явнаго нарушенія законовъ избавлять христіанъ отъ осужденія ([103]); другіе свирѣпствовали въ гоненіяхъ по личной ненависти къ Христіанству, или въ угожденіе языческому народу; нѣкоторые, наконецъ, довольствовались буквальнымъ исполненіемъ Траянова закона ([104]). Около 212-го года Тертулліанъ писалъ африканскому проконсулу Скапулѣ, что онъ могъ бы исполнять обязанности своей службы, не забывая человѣколюбія и не прибѣгая къ жестокостямъ, но поступая подобно начальнику легіона, или правителю Мавританіи, которые осуждаютъ христіанъ толь-

---

([100]) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 6. гл. 7.

([101]) Тамъ-же, кн. 6, гл. 1 и гл. 4—7. *Тертулліана* книги: ad Nationes, de Corona militis, de Fuga in persecutione.

([102]) *Tertull.* montan., lib. de Fuga in persecut. cap. 12—14.

([103]) *Jdem*, in Epist. ad Scapul. cap. 4.

([104]) Jbid, cap, 3 et 4.

ко на усѣченіе мечемъ, какъ было приказано съ самаго начала ([105]).

Мученики.

Для болѣе яснаго представленія особенностей въ гоненіяхъ этого времени полезно будетъ прослѣдить нѣсколько описаній страданія извѣстныхъ мучениковъ. Изъ приводимыхъ Евсевіемъ свидѣтельствъ о мученикахъ александрійскихъ, равно какъ и изъ сочиненій Тертулліана, можно видѣть, что хотя нѣкоторые мѣстные правители подвергали христіанъ жестокимъ мученіямъ и народъ сочувствовалъ ихъ лютости; тѣмъ не менѣе подозрѣніе касательно виновности христіанъ въ противоестественныхъ преступленіяхъ начинало уже ослабѣвать и не у всѣхъ находило себѣ вѣру ([106]). Причиною гоненія часто было только отверженіе языческаго богослуженія, почитавшагося опорою общественнаго благосостоянія, и мысль, будто Христіанство есть вѣра, несогласующаяся съ государственнымъ устройствомъ и препятствующая внѣшнему благоденствію общества, будто съ распространеніемъ его уменьшаются не только доходы языческихъ храмовъ, но и сборы торговыхъ пошлинъ, подрываются многіе промыслы, падаетъ торговля и со временемъ могутъ сдѣлаться затруднительными наборы войска ([107]). Около 202-го года язычники схватили нѣсколько христіанъ изъ нумидійскаго города Сциллиты и представили на

([105]) Cap. 4—sed gladio tenus, sicut et a primordio mandatum est.

([106]) *Tertull.* Apologet. cap. 50: nam et proxime, ad lenonem damnando christianam potius, quam ad leonem, confessi estis labem pudicitiae apud nos atrociorem omni poena et omni morte reputari. *Евсев.* Церк. Ист. кн. 6, гл. 5.

([107]) Cf. *Tertulliani* Apologet., lib. de jdolatr. et de corona milit.

судъ проконсула Сатурнина. Проконсулъ сказалъ христіанамъ: «вы можете получить прощеніе отъ императора, если искренно обратитесь къ нашимъ богамъ». Мы никогда не дѣлали ничего худаго, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, по имени Сператъ, — чуждаемся всякой неправды, никого не злословимъ и, хотя вы дурно поступаете съ нами и обижаете насъ, мы и за это платимъ благодарностію. Молясь за тѣхъ, которые гонятъ насъ, мы повинуемся императору во всемъ, касающемся порядка сей жизни; но покланяемся только истинному Царю и Господу. — Проконсулъ замѣтилъ на это: «мы также заботимся о благочестіи; тѣмъ не менѣе клянемся геніемъ императора и молимъ боговъ за его здравіе, что̀ и вы должны сдѣлать». — Сператъ продолжалъ: я не знаю никакого генія властителя міра, но служу небесному Богу, котораго никто изъ людей не видѣлъ и не можетъ видѣть. Никогда я не присвоивалъ себѣ чужаго и не дѣлалъ ничего противузаконнаго; но, если что покупаю, пошлину отдаю и всѣ другія общественныя повинности плачу, потому что признаю императора моимъ господиномъ, но почитаю только Царя царей, Господа моего, и покланяюсь только Господу всѣхъ народовъ. Христіанка Доната прибавила еще: честь мы воздаемъ кесарю, а страхъ Божій и богослуженіе Христу, Богу истинному. — Проконсулъ приказалъ заключить христіанъ въ темницу до слѣдующаго утра. На другой день онъ снова убѣждалъ ихъ къ отреченію и давалъ три дня на размышленіе; но, такъ какъ они объявили свою вѣру непоколебимою, то осудилъ ихъ на усѣченіе мечемъ «за упорное отверженіе служенія богамъ и отреченіе воздавать должную честь импера-

тору». Вступая на мѣсто казни, мученики преклонили колѣна и принесли благодарственную молитву Господу, сподобившему ихъ быть свидѣтелями божественнаго своего ученія ([108]).

Немного лѣтъ спустя взяты были подъ стражу въ Карѳагенѣ Ревокатъ, Сатурнинъ, Секундулъ, Перпетуя и Фелицитата ([109]), все еще люди молодые и только оглашенные въ исповѣданіи Христіанства. Ихъ заключеніе и страданія представляютъ нѣсколько трогательныхъ чертъ силы вѣры въ борьбѣ съ естественными чувствами человѣческой природы, не только не подавляемыми, но освящаемыми и усиливаемыми Христіанствомъ. Перпетуя, двадцатидвухлѣтняя женщина, по богатству, происхожденію и замужству, принадлежала къ высшему сословію общества. Ея образованность, красота, молодость и нѣжность сложенія возбуждали общее состраданіе къ рѣзкой перемѣнѣ въ ея положеніи, когда вмѣстѣ съ людьми рабскаго сословія она должна была подвергнуться заключенію въ темницѣ. Но кромѣ тѣлесныхъ мученій при рѣшимости умереть за Вѣру Христову ей надобно было бороться съ любовію къ первому своему дитяти, бывшему еще груднымъ, и нѣжною привязанностію къ престарѣлому отцу. Мать ея была христіанка; но отецъ—язычникъ. Когда Перпетуя взята была подъ стражу, онъ пришелъ къ ней и со всею силою отеческой любви старался убѣдить ее, если не совершенно отречься отъ Вѣры, по крайней мѣрѣ не называть себя предъ судомъ христіанкою. Отецъ мой, отвѣчала она, посмо-

([108]) *Ruinart.* Acta Martyr. pag. 84—89.

([109]) Память ихъ 1. Февраля.

три: этотъ сосудъ называется кружкою, и другаго названія ты не можешь ему дать; такъ и я—христіанка, и другаго имени дать себѣ не могу. Между тѣмъ всѣ заключенные были крещены, такъ какъ священнослужители, подъ предлогомъ посѣщенія содержимыхъ подъ стражею, или вспоможенія имъ, обыкновенно имѣли свободный доступъ къ христіанамъ,—по крайней мѣрѣ, всегда легко могли покупать его у стражей, въ настоящемъ же случаѣ это было тѣмъ легче, что заключенные содержались, хотя подъ надзоромъ стражи, но еще не въ темницѣ. Спустя немного ихъ перевели въ темницу. «Я ужаснулась при видѣ ея», говоритъ Перпетуя въ своихъ запискахъ, на основаніи которыхъ составлено описаніе ея страданій. «О страшный день! Невиданный мракъ, духота и жаръ отъ множества содержимыхъ, грубое обращеніе солдатъ, и ко всему этому—мучительное безпокойство о дитяти»! Діаконы, приносившіе заключеннымъ святые дары, успѣли, впрочемъ, за деньги выпросить у темничнаго стража особое помѣщеніе для христіанъ отдѣльно отъ преступниковъ. Тогда Перпетуя поспѣшила взять къ себѣ свое дитя. «Она не могла болѣе разстаться съ нимъ, не смотря на всѣ убѣжденія матери; поручала ей и брату его воспитаніе; плакала вмѣстѣ съ ними о горькомъ положеніи христіанъ, но утѣшалась присутствіемъ своего сына, такъ что темница перестала страшить ее и какбы превратилась для нея во дворецъ». Наконецъ стало извѣстно, что на слѣдующій день вызовутъ христіанъ къ допросу. Отецъ Перпетуи, огорченный мнимымъ упорствомъ ея и еще болѣе состарѣвшійся отъ горя, теперь забылъ свой гнѣвъ и снова пришелъ къ ней. «Дочь моя, говорилъ онъ, сжалься надъ моими

сѣдинами; сжалься надъ отцемъ, если достоинъ я, чтобы ты звала меня отцемъ. Не самъ ли я заботился о твоемъ воспитаніи и берегъ тебя до этого цвѣтущаго возраста, не любилъ ли я тебя болѣе всѣхъ твоихъ братьевъ! Не отдавай же меня на позоръ людямъ. Вспомни о своихъ братьяхъ, вспомни о матери и теткѣ, вспомни о своемъ сынѣ, который безъ тебя не будетъ живъ. Оставь упрямство и не губи насъ всѣхъ. Никому изъ насъ нельзя будетъ свободно говорить, если ты подвергнешься чему-нибудь»!—Говоря это, онъ цѣловалъ ей руки, падалъ предъ нею на колѣна и со слезами называлъ не дочерью, но госпожей своей. «Жаль мнѣ было сѣдинъ отца моего, пишетъ Перпетуя; онъ одинъ изъ всего нашего рода не могъ видѣть ничего утѣшительнаго въ моемъ страданіи, и я ободрила его, сказавъ: во время допроса пусть будетъ, что Богу угодно; знай, что мы не властны въ себѣ, но состоимъ въ волѣ Божіей». Когда наступило это время, отецъ Перпетуи явился также на судъ и, взявъ себѣ ея младенца, снова умолялъ ее объ отреченіи изъ любви къ сыну. Онъ не переставалъ просить ее и послѣ того, когда произнесенъ былъ приговоръ: то, переходя отъ скорби къ отчаянію, рвалъ на себѣ волосы, падалъ и проклиналъ день своего рожденія; то снова умолялъ съ такою горестію, что внушалъ состраданіе къ себѣ во всякомъ. Пожалѣй сѣдинъ своего отца,—сказалъ на судѣ прокураторъ, послѣ допроса другихъ, обращаясь къ Перпетуѣ,—пожалѣй слабаго младенца, и принеси жертву за здравіе императоровъ.—Не могу, отвѣчала Перпетуя.—«Ты христіанка?»—Христіанка. — Тогда всѣ исповѣдники были осуждены на смерть. Съ радостію возвратились они

въ темницу. Но печаль отца сокрушала Перпетую, «такъ какбы она сама переносила всѣ его страданія; кромѣ того, она не могла болѣе видѣть своего сына, котораго онъ взялъ къ себѣ». Другая женщина, Фелицитата, страдала въ темницѣ муками рожденія. Когда темничный стражъ, желая поколебать ея вѣру, сказалъ ей: «если эта болѣзнь такъ невыносима для тебя, подумай, что будетъ, когда бросятъ тебя дикимъ звѣрямъ»; она отвѣчала: «теперь терплю только я то, что терплю, а тогда будетъ и Тотъ терпѣть за меня, за кого я буду терпѣть». Мужъ ея Ревокатъ былъ осужденъ вмѣстѣ съ него, но рожденная въ темницѣ дочь не осталась безъ пріюта и была взята на воспитаніе одною христіанкою. — Прежде, чѣмъ мученики, испытавъ лютость дикихъ звѣрей, были усѣчены мечемъ, прощаясь съ этою жизнію, они въ послѣдній разъ дали взаимно другъ другу христіанскій поцѣлуй братской любви. «Будьте тверды въ вѣрѣ, заповѣдали они христіанамъ, бывшимъ свидѣтелями ихъ смерти, любите другъ друга и не соблазняйтесь нашими страданіями» (110).

Состояніе христіанъ со времени Геліогабала до Деціева гоненія (219—249 г.).

Съ царствованіемъ Геліогабала (219—249 г.) началось для христіанской Церкви болѣе спокойное время, хотя терпимость этого государя къ христіанамъ проистекала не изъ добраго источника. Не уважая

(110) *Ruinart*. Acta Martyr. pag. 90—119. Древность актовъ несомнѣнна между прочимъ и потому, что составитель ихъ не былъ чуждъ понятій монтанистическихъ.

отечественнаго язычества, Геліогабалъ былъ самъ приверженцемъ иноземныхъ обрядовъ, именно сирійскаго служенія солнцу. Чтобы сдѣлать этотъ родъ служенія господствующимъ въ римской имперіи, онъ хотѣлъ ослабить прежде уваженіе къ древнему римскому идолопоклонству и посему-то терпѣлъ Христіанство, какъ всѣ иноземныя богослуженія; но, достигши своей цѣли, предполагалъ и его преобразовать въ свою секту, и тогда, конечно, сдѣлался бы гонителемъ (''').

Совсѣмъ по другому побужденію былъ благосклоненъ къ христіанамъ и къ Христіанству преемникъ его, Александръ Северъ (223—234) г.). Этотъ добрый и благородный государь, по своимъ философскимъ понятіямъ бывъ эклектикомъ, видѣлъ недостаточность языческихъ вѣрованій; но, не зная вѣры истинной и предполагая, что въ основаніи каждой вѣры скрываются преданія истиннаго откровенія Божія, уважалъ всѣ роды богопочтенія и благоговѣлъ предъ всѣмъ, что касалось служенія Богу. Таковъ, между прочимъ, былъ взглядъ его и на Христіанство. Онъ признавалъ Іисуса Христа существомъ божественнымъ на ряду со многими языческими божествами; поставилъ въ своей божницѣ, гдѣ проводилъ каждое утро, изображеніе его между изображеніями Аполлонія Тіанскаго, Авраама, Орфея и другихъ, кого почиталъ существами божественной природы, хотѣлъ построить ему храмъ и включить его въ число римскихъ бо-

(''') *Aelii Lamprid.* Vita Heliogabal. cap. 3. 6 et 7.—Dicebat praeterea, Judaeorum et Samaritanorum religiones et christianam devotionem illuc transferendas, ut omnium culturarum secretum Heliogabali (dei) sacerdotium tnepag.—pag. 102.

говъ ([112]). Слова Спасителя: *якоже хощете, да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ такожде* (Лук. 6, 31), нравились ему до такой степени, что, не довольствуясь частымъ повтореніемъ ихъ, онъ приказалъ надписать ихъ на дверяхъ своего дворца и на публичныхъ зданіяхъ ([113]). Юлія Маммея, мать этого государя, имѣвшая на него большое вліяніе, желая лучше познакомиться съ христіанскою Вѣрою, во время пребыванія своего въ Антіохіи нарочно вызывала къ себѣ Оригена, отправивъ для охраненія его почетную стражу, и онъ, безъ сомнѣнія, успѣлъ утвердить въ ней то уваженіе къ Христіанству, которое со славою для всей Церкви пробуждалъ въ языческихъ философахъ ([114]). Въ свою очередь она могла передать впечатлѣніе своихъ бесѣдъ съ нимъ сыну и близкимъ къ себѣ людямъ. Назначая выборы мѣстныхъ начальниковъ, Александръ Северъ внушалъ язычникамъ подражать примѣру христіанъ при избраніи священнослужителей ([115]). Мало этого, когда произошелъ споръ объ одномъ мѣстѣ въ Римѣ, на которомъ построенъ былъ христіанскій храмъ, между христіанами и язычниками, объявившими на него свои права и хотѣвшими построить тамъ харчевню, онъ рѣшилъ дѣло въ пользу христіанской церкви, признавая, слѣдовательно, ее обществомъ, находящимся подъ покровитель-

---

([112]) In queis et Apollonium, et quantum scriptor temporum suorum dicit, Christum, Abraham et Orpheum, et huiuscemodi deos habebat,—pag. 123. Christo templum facere voluit, eumque inter deos recipere. Quod et Adrianus cogitasse fertur... pag. 129. Vit. Alexandri, *Aelii Lampridii.*

([113]) Ibid. pag. 132.

([114]) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 6, гл. 21.

([115]) *Lamprid.* Ibid. pag. 130.

ствомъ законовъ([116]). Но какъ ни расположенъ былъ этотъ государь къ Христіанству, онъ не осмѣлился включить его въ число дозволенныхъ законами религій; между тѣмъ знаменитый правовѣдъ его времени, Домицій Улпіанъ, въ сочиненіи объ обязанностяхъ проконсула собралъ всѣ законы прежнихъ государей противъ Церкви ([117]).

Грубый Ѳракіянинъ Максиминъ (235—237 г.), достигнувъ престола убійствомъ Александра Севера, ненавидѣлъ христіанъ за расположенность ихъ къ своему предшественнику и въ особенности преслѣдовалъ епископовъ, какъ главныхъ распространителей евангельскаго ученія ([118]). Опустошительныя землетрясенія, часто повторявшіяся въ Понтѣ и Каппадокіи, дали язычникамъ новый поводъ возставать на святую Церковь въ этихъ странахъ, и они преслѣдовали ее тѣмъ свободнѣе, что начальникъ каппадокійской провинціи, Серепіанъ, самъ напитанъ былъ чувствами враждебными Христіанству ([119]). Хотя гоненіе такимъ образомъ возникало только по мѣстамъ, и христіане могли спасаться бѣгствомъ въ другія страны, хотя оно вообще не было и такъ жестоко, какъ въ прежнія времена; не смотря на то впечатлѣніе его на христіанъ, въ теченіе многихъ лѣтъ пользовавшихся ненарушимымъ спокойствіемъ, было сильно ([120]).

([116]) Quum christiani quemdam locum, qui publicus erat, occupassent, contra popinarii dicerent sibi eum deberi, rescripsit melius esse, ut quomodocumque illic Deus colatur, quam popinariis dedatur, — *Idem* ibid. pag. 131.

([117]) *Lactantii* Instit. Divin. lib. 5, cap. 11. Ut doceret, quibus poenis affici oporteret eos, qui se cultores Dei confiterentur.

([118]) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 6, гл. 28.

([119]) Acerbus et dirus persecutor.

([120]) *Firmiliani* Epist. ad Cypr. num. 10. in Patrolog. Curs. Compl. tom. 3, pag. 1163—1164. *Origen.* in Matth., edit Delarue 1740 an. Oper. Origen. tom. 3, pag. 857.

Но тѣмъ счастливѣе для Церкви казалось время царствованія преемниковъ Максимина-Гордіана (238—243 г.) и Филиппа Аравитянина (244—249 г.). Послѣдняго многіе изъ христіанъ во второй половинѣ третьяго и въ четвертомъ вѣкѣ почитали даже принявшимъ христіанскую Вѣру. «Носился слухъ ([121]), будто онъ, бывъ христіаниномъ, захотѣлъ однажды вмѣстѣ съ народомъ участвовать въ молитвахъ церковныхъ во время послѣдняго всенощнаго бдѣнія предъ Пасхою,—то есть въ ночь съ великой субботы на свѣтлое воскресенье,—но епископъ той ([122]) церкви не допустилъ его, сказавъ, что не можетъ дозволить ему входа въ церковь дотолѣ, пока онъ не очиститъ своихъ преступленій общественнымъ покаяніемъ, и императоръ будто бы согласился подвергнуться такому покаянію и загладилъ преступленія добрыми дѣлами». Слухъ этотъ былъ, однако, неоснователенъ, судя потому, что во всѣхъ дѣлахъ своего царствованія Филиппъ являлся представителемъ господствовавшаго въ римской имперіи язычества ([123]). Въ его время Оригенъ писалъ свое сочиненіе противъ Цельса, и хотя говоритъ въ немъ, что христіане пользовались тогда весьма спокойнымъ положеніемъ, но не даетъ ни малѣйшаго намека, чтобы и самъ императоръ былъ

([121]) *Evseb.* Hist Eccles. lib. 6, cap. 34: *τοῦτον κατέχει λόγος χριστιανὸν ὄντα..... ἐθελῆσαι κτλ.* Въ хроникѣ Евсевія Филиппъ называется прямо первымъ христіанскимъ государемъ.

([122]) Позднѣйшее преданіе дополняетъ, будто это было въ антіохійской церкви при епископѣ Вавилѣ; но Евсевій не слыхалъ еще этого.

([123]) См. Исторію *Зосимы*, изд. Боннск. 1837 г. Corp. Script. Hist. Byz., кн. 1, стр. 22—23; кн. 2, стр. 63—72, и тамъ же *Rettemeieri* Commentar. historic. pag. 343—446.

христіаниномъ, не смотря на то, что ему неоднократно представлялся поводъ указать на это обстоятельство и онъ долженъ былъ знать его хорошо, имѣя сношенія съ царскимъ домомъ ([124]). Можно было бы думать, что императоръ скрывалъ свою вѣру по политическимъ причинамъ; но съ этимъ несообразно опять то, что онъ пришелъ въ христіанскую церковь, особенно—въ такое время, когда необходимо предполагать многочисленное стеченіе народа, или еще болѣе, что онъ подвергся даже общественному покаянію. Первый слѣдъ мнѣнія о принятіи Филиппомъ христіанской Вѣры встрѣчается, впрочемъ, у достовѣрнаго свидѣтеля. Діонисій александрійскій писалъ (около 258 г.) о третьемъ преемникѣ этого государя, Валеріанѣ, что ни одинъ изъ прежнихъ государей не былъ столько благосклоненъ и милостивъ къ христіанамъ, какъ онъ въ началѣ своего царствованія,—ни даже тѣ, о которыхъ говорили, что они явно были христіанами ([125]). — Подъ этими послѣдними можно только разумѣть Филиппа и Александра Севера, и вѣроятно, что Діонисій, правильно понимая дѣло, ставилъ ихъ обоихъ въ одномъ классѣ. Подобно Александру Северу, Филиппъ могъ вводить и Христіанство въ кругъ своего религіознаго еклектизма, а молва увеличила его уваженіе къ христіанской Вѣрѣ, и принятіе переносныхъ выраженій въ буквальномъ смыслѣ породило мысль, что онъ былъ дѣйствительно христіаниномъ. Убіеніе имъ своего предшественника и

([124]) *Евсевій* (Церк. Истор. кн. 6, гл. 36) упоминаетъ о письмахъ Оригена къ царю Филиппу и его супругѣ Севирѣ.

([125]) Ὀυδ᾽ οἱ λεχθέντες ἀναφανδὸν χριστιανοὶ γεγονέναι. *Euseb.* Hist. Eccles. lib. 7, cap, 10.

многое другое изъ его жизни не связывалось съ исповѣданіемъ Христіанства; поэтому могла произойти догадка, что онъ былъ отлученъ отъ общенія и подвергался общественному покаянію. Соображенія дополняли ее неясными указаніями обстоятельствъ—времени, впослѣдствіи — мѣста, и такъ могло составиться все вышеприведенное сказаніе.

Взглядъ Оригена на внѣшнее состояніе Церкви.

Но вмѣсто того, чтобы долго останавливаться на немъ, гораздо лучше прослѣдить здѣсь взглядъ знаменитаго христіанскаго философа, Оригена, на борьбу, которую доселѣ вела Церковь за свое существованіе, на ея положеніе въ обществѣ въ это время и на ея тогдашнюю будущность. Касательно бывшихъ гоненій Оригенъ говоритъ: «соблюдая предписываемое кротостію и человѣколюбіемъ правило не мстить врагамъ, христіане достигли того, чего не достигли бы, если бы имѣли дозволеніе воевать за себя и были очень могущественны,—достигли силою Бога, который самъ всегда воинствовалъ за нихъ и, когда было нужно, останавливалъ тѣхъ, кто на нихъ возставалъ и имѣлъ намѣреніе ихъ истребить. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ Богъ не допускалъ всецѣлаго истребленія христіанъ, потому что восхотѣлъ, чтобы Христіанство существовало и вся земля была наполнена имъ; то по временамъ нѣсколько, очень ограниченное число человѣкъ умирало за христіанскую Вѣру ([126]),—для воспоминанія, чтобы, взирая на нѣсколько подвижниковъ за

([126]) Ὀλίγοι κατὰ καιροὺς τὲ σφόδρα εὐαρίθμητοι ὑπὲρ τῶν χριςιανῶν θεοσεβείας τεθνήκασι.

Вѣру, другіе учились презирать смерть. А потомъ, чтобы немощнѣйшіе избавились отъ страха смерти, промышляя о вѣрующихъ, Богъ однимъ мановеніемъ разсѣявалъ всѣ умыслы противъ нихъ; такъ что ни цари, ни мѣстные начальники, ни народъ, никто не возставалъ противъ нихъ болѣе ([127])».— Обращая вниманіе на состояніе Церкви въ свое время, онъ пишетъ, что «число христіанъ постоянно увеличивается и ежедневно умножается; такъ что Господь подалъ имъ даже и дерзновеніе, хотя все еще представляются тысячи препятствій для распространенія въ мірѣ ученія Іисусова. Но такъ какъ восхотѣлъ Богъ, чтобы ученіе Іисуса Христа просвѣтило всѣхъ; то всѣ человѣческіе умыслы противъ христіанъ напрасны, и чѣмъ болѣе цари, мѣстные начальники и народъ стѣсняли ихъ, тѣмъ болѣе они умножались и становились сильнѣе и сильнѣе ([128]). Между множествомъ принимающихъ теперь Вѣру есть люди богатые, стоящіе на высшихъ степеняхъ почестей, знатныя и благородныя женщины; такъ что предстоятели Церквей пользуются уже и честію въ обществѣ, хотя безчестіе отъ невѣрующихъ превышаетъ еще честь отъ единовѣрцевъ ([129]). Подозрѣніе христіанъ въ противоестественныхъ преступленіяхъ, при всей своей нелѣпости имѣвшее нѣкогда столь большую силу въ умахъ почти всѣхъ язычниковъ, теперь остается только у весьма немногихъ, у тѣхъ, которые по предубѣжденію не хотятъ даже вступать въ простой разговоръ съ христіанами ([130]), и

([127]) *Origen.* Contra Cels. lib. 3, num. 8, pag. 452, edit. Delarue.

([128]) Jbidem lib. 7, num. 26, pag. 712—713.

([129]) Jbidem lib. 3, num. 9, pag. 453.

([130]) Jbidem lib. 6, num. 27, pag. 651.

гоненія противъ христіанъ, по волѣ Божіей, притихли уже давно ([131])».—Но, смотря на будущее, Оригенъ думалъ, что «это спокойствіе въ положеніи ихъ легко можетъ быть нарушено, какъ скоро враги Христіанства придутъ къ мысли, что причина частыхъ возмущеній, возникающихъ нынѣ, кроется въ многочисленности христіанъ, постоянно возрастающей отъ небрежности мѣстныхъ начальниковъ, которые не преслѣдуютъ ихъ такъ, какъ въ прежнія времена ([132])». Такимъ образомъ онъ предвидѣлъ, что гоненія еще не окончились, что мысль, будто распространеніе Христіанства, подавляя древнее идолослуженіе римскаго народа, влечетъ за собою паденіе римской имперіи, рано или поздно можетъ сдѣлаться причиною новыхъ гоненій. «Впрочемъ, говорилъ онъ ([133]), если Богу будетъ угодно, мы можемъ непостижимымъ образомъ (*παραδόξως*) пользоваться и спокойствіемъ среди ненавидящаго насъ міра, уповая на Сказавшаго: *дерзайте, яко азъ побѣдихъ міръ* (Іоанн. 16, 33). Онъ дѣйствительно побѣдилъ міръ. Слѣдовательно міръ имѣетъ надъ нами столько власти, сколько попуститъ Побѣдившій его силою Отчею, и Его побѣда есть залогъ нашей побѣды. Если же Онъ восхощетъ, чтобы мы опять боролись и подвизались за Вѣру; то пусть выступаютъ противоборцы, — мы скажемъ имъ: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ, Господѣ нашемъ* (Филипп. 4, 13)». Оригенъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что «наступитъ время, когда всѣ другіе роды богослуженій уничтожатся, и Христіанство одно

([131]) Jbidem lib. 3, num. 15, pag. 456: πεπαῦσθαι ἤδη χρόνῳ πλείονι.
([132]) Jbidem.
([133]) Jbidem lib. 8, num. 70, pag. 794.

будетъ господствовать во всемъ мірѣ, пріобрѣтая себѣ дотолѣ постоянно болѣе и болѣе послѣдователей» ([134]).

Начало Деціева гоненія (249—251 г.).

Между тѣмъ предположеніе его о наступленіи новыхъ гоненій сбылось скоро, или лучше въ то самое время, когда онъ писалъ о немъ въ Кесаріи палестинской, въ другомъ мѣстѣ оно уже сбывалось. Какой-то поэтъ — фанатикъ, или обманщикъ, проповѣдуя въ Александріи волю мнимыхъ боговъ и грозя общественными бѣдствіями, возбудилъ весь городъ къ нападенію на христіанъ. За исключеніемъ немногихъ, христіане успѣвали впрочемъ спасать свою жизнь отъ гонителей и оставались тверды въ Вѣрѣ, какъ вдругъ распространилось извѣстіе о перемѣнѣ въ правленіи и вслѣдъ за тѣмъ явился едиктъ, осуществившій почти тотъ самый ужасъ, о которомъ предсказалъ Господь: *якоже прельстити, аще возможно, и избранныя* (Матѳ. 24, 24) ([135]). Когда послѣ благосклоннаго къ христіанамъ правленія вступалъ на престолъ государь, усердно преданный народному идолослуженію; то весьма естественно, что онъ приписывалъ постоянно возраставшее увеличеніе числа христіанъ спокойному состоянію ихъ въ предшествовавшее царствованіе и поэтому находилъ нужнымъ подтвердить во всей строгости или даже усилить прежніе законы противъ нихъ. Такъ, послѣ благосклоннаго къ христіанамъ Антонина Нѣжнаго, Маркъ Аврелій былъ гонителемъ; послѣ Александра Севера, Максиминъ Ѳракіянинъ преслѣдовалъ

([134]) Jbidem, num. 68, pag. 793. Cf. num. 72, pag. 795 et 796.

([135]) Послан. *Діонис. александр.* къ Фабію въ Ц. Ист. *Евсев.* кн. 6, гл. 41.

христіанство; такъ случилось и теперь, когда, послѣ пораженія Филиппа, въ 249 году вступилъ на престолъ Декій Траянъ. Уже около тридцати лѣтъ христіане во многихъ странахъ пользовались ненарушимымъ спокойствіемъ; въ иныхъ даже болѣе. При такой продолжительности мирнаго времени, когда не было явной опасности исповѣдывать Христіанство, кромѣ истинно вѣрующихъ оказалось въ Церкви и много такихъ, которые или по принятіи Христіанства не сохранили въ себѣ ревностнаго духа вѣры, или, происходя отъ христіанскихъ родителей и получивъ крещеніе въ младенчествѣ, не воспитали въ себѣ страха Божія, или, наконецъ, приняли Христіанство не столько по убѣжденію, сколько по примѣру близкихъ къ себѣ людей и по какимъ-либо житейскимъ (136) расчетамъ, вообще много недостойныхъ христіанскаго званія и неготовыхъ къ борьбѣ за Вѣру. Поэтому, вмѣстѣ съ Оригеномъ, можно признать наступившее гоненіе, дѣйствительно, дѣломъ Промысла, восхотѣвшаго такимъ образомъ укрѣпить и прославить Церковь, очистивъ ее отъ недостойныхъ. Вскорѣ по укрощеніи перваго его пыла, Кипріанъ епископъ карѳагенскій писалъ къ своей паствѣ по поводу множества отпадшихъ: «если откроемъ причину пораженія; то узнаемъ и лекарство отъ ранъ. Господь восхотѣлъ испытать людей своихъ, и такъ какъ продолжительность мира сдѣлала насъ безпечными и, можно сказать, усыпила нашу вѣру, то судъ небесный возбудилъ ее. Каждый

(136) *Origen.* contr. Cels. lib. 1, num. 67, pag. 372. *Καὶ ἔτι γε τὸ ὄνομα Ἰησοῦ... ἐμποιεῖ... καὶ φιλανθρωπίαν, καὶ χρηστότητα, καὶ ἡμερότητα, ἐν τοῖς μὴ διὰ τὰ βιωτικὰ ἢ τίνας χρείας ἀνθρωπικὰς ὑποκριναμένοις, ἀλλὰ παραδεξαμένοις γνησίως τὸν... λόγον.*

началъ стараться объ увеличеніи своего наслѣдства и, забывъ, какъ прежде жили вѣрующіе при Апостолахъ и какъ всегда должны жить, съ ненасытною алчностію заботился о приращеніи имѣнія. Не стало ни къ священнослуженіямъ благоговѣйности, ни къ таинствамъ полной вѣры, ни въ дѣлахъ милосердія и правилахъ жизни должнаго благочинія. Заботливость о наружности, хитрые обманы, семейныя связи съ язычниками, ложныя клятвы, неуваженіе къ священнослужителямъ, злословіе и взаимные раздоры поселились между мірянами. А большая часть епископовъ, которые должны учить ихъ и словомъ и примѣромъ, пренебрегая служеніемъ божественнымъ, озаботились дѣлами земными и блуждали по разнымъ областямъ для пріобрѣтенія богатствъ неправедною торговлею, оставивъ свои каѳедры, покинувъ паствы и не думая о бѣдныхъ братіяхъ въ Церкви ([137])». При такомъ состояніи нѣкоторыхъ Церквей понятно, что крайне жестокое гоненіе, для большей части христіанъ неожиданно возникшее теперь, должно было многихъ поразить ужасомъ.

Порядокъ гоненія.

Децій имѣлъ намѣреніе совершенно уничтожить христіанство. Въ самомъ началѣ 250-го года онъ повелѣлъ строго разъискивать христіанъ и принуждать ихъ къ соблюденію обрядовъ римскаго идолослуженія угрозами и мученіями, въ случаѣ же недостаточности подобныхъ средствъ, предавать смерти, преимущественно епископовъ, какъ опоръ христіанской Вѣры ([138]).

([137]) De Lapsis num. 5 et 6, pag. 468—470 in Patrol. Curs. Compl. tom. 4.

([138]) *S. Cypr.* epist 52: tyrannus infestus sacerdotibus Dei (Decius).

Постепенно гоненіе усиливалось и распространялось отъ Рима по областямъ. Въ каждомъ мѣстѣ, для выполненія царскаго едикта, прежде всего объявлялся срокъ, къ которому всѣ мѣстные христіане должны были явиться въ судъ, чтобы отречься отъ Вѣры и принести жертву идоламъ. Тѣмъ, которые, до исполненія его, оставляли свое отечество, сверхъ отобранія имѣній, воспрещалось возвращеніе на родину подъ угрозою смертной казни; тѣхъ же изъ христіанъ, которые оставались на мѣстѣ своего жительства, не желая лишиться имѣній, но между тѣмъ не хотѣли явиться и въ судъ для отреченія отъ Вѣры, или которые вообще по чувству вѣры не желали искать спасенія въ бѣгствѣ, судъ долженъ былъ разъискивать при содѣйствіи (159) пяти избраннѣйшихъ гражданъ. Если христіане, бывъ такимъ образомъ найдены и представлены суду, оставались твердыми въ исповѣданіи, ихъ неоднократно подвергали всякаго рода мученіямъ и потомъ заключали въ темницы, изнуряя голодомъ и жаждою, чтобы поколебать ихъ вѣру; такъ что до произнесенія приговора къ смерти они большею частію должны бывали вытерпѣть страданія, несравненно болѣе ужасныя, чѣмъ самая смерть. Нѣкоторыя мѣстныя начальства, по корыстолюбію, или по несочувствію къ гоненіямъ, довольствовались впрочемъ и тѣмъ, чтобы христіане, не принося жертвы на самомъ дѣлѣ, пріобрѣтали себѣ отъ суда свидѣ-

(159) *Cyprian.* Epist. 40, num. 3, pag. 334 in 4 tom. Patrolog. Curs. Compl. Quinque primores illi qui edicto nuper magistratibus fuerant copulati, ut fidem nostram subruerent. Прибавленіе слова *edicto* указываетъ на то, что такъ было не только въ Кареагенѣ, но и повсюду.

тельство ([140]) въ принесеніи ея, или даже, чтобы они, хотя и не являясь сами въ судъ, озаботились о внесеніи своихъ именъ въ веденный при судѣ списокъ лицъ, оказавшихъ покорность требованіямъ изданнаго едикта—acta facientes ([141]). Не говоря о слабыхъ, многіе охотно пользовались такимъ списхожденіемъ, по невѣдѣнію, не предполагая въ томъ ничего преступнаго въ отношеніи къ исповѣданію Вѣры; но Церковь всегда осуждала это, какъ безмолвное отреченіе.

Впечатлѣніе и первое дѣйствіе его на христіанъ.

Современникъ гоненія св. Діонисій, епископъ александрійскій, такъ описываетъ впечатлѣніе и первое дѣйствіе, произведенныя на христіанъ изданнымъ едиктомъ. «Всѣ тогда, говоритъ онъ, поражены были ужасомъ; многіе изъ людей знатнѣйшихъ отъ страха сами спѣшили явиться въ судъ; другіе, несшіе общественныя должности, были призываемы къ тому необходимостію; а нѣкоторыхъ вели друзья и домашніе. Приходившіе называемы были по именамъ и приступали къ нечистымъ и сквернымъ жертвамъ, одни— блѣдные и трепещущіе, какъ будто не по желанію принести жертву, а съ намѣреніемъ сами сдѣлаться жертвою идоловъ, такъ что въ окружавшей себя толпѣ народа возбуждали насмѣшки, показывая всѣмъ свое малодушіе и предъ лицемъ смерти, и при видѣ жертвы; другіе подходили къ жертвенникамъ съ большею готовностію, стараясь самою смѣлостію доказать,

([140]) Libellum, libellatici.

([141]) Ibidem, epist. 31, num. 3, pag. 310. Adversus eos, qui se ipsos infideles illicita nefariorum libellorum professione prodiderant... sed etiam adversus illos, qui acta fecissent, licet praesentes cum fierent non affuissent, cum praesentiam suam utique, ut sic scriberentur, mandando fecissent.

что они и прежде не были христіанами. Къ нимъ-то относится истинное предсказаніе Господне, что богатымъ трудно спастись. Изъ прочихъ же одни слѣдовали за тѣми, другіе за другими, иные убѣжали, а нѣкоторые были схвачены, и изъ послѣднихъ — одни устояли до узъ и темницы, а другіе, хотя находились въ заключеніи уже много дней, но потомъ, еще не дождавшись суда, отреклись. Были и такіе, которые, вытерпѣвъ довольно пытокъ, на дальнѣйшія мученія не отважились. Только твердые и блаженные столпы, укрѣпляемые Господомъ, принявъ достойную и приличную себѣ силу и постоянство необоримой вѣры, содѣлались дивными свидѣтелями царства Божія». Изъ числа мучениковъ святый Діонисій упоминаетъ за тѣмъ объ Юліанѣ, Макаріѣ, Александрѣ, Епимахѣ (142), пятнадцатилѣтнемъ отрокѣ Діоскорѣ и многихъ другихъ (143).

Мученики.

Вообще, не смотря на множество слабыхъ и отпадшихъ, никогда прежде не являлось въ Церкви столько твердыхъ исповѣдниковъ Вѣры и мучениковъ, какъ въ гоненіе Деція, не продолжавшееся и двухъ полныхъ лѣтъ (250—251). Кромѣ упомянутыхъ мучениковъ александрійскихъ, преимущественно извѣстны: Фабій, епископъ и мученикъ (*), и Целеринъ исповѣдникъ римскій, мученица Агаѳія, (**) пострадавшая въ Катанеѣ, Павелъ мученикъ Карѳагенскій, Троадій неокесарійскій, Меркурій кесаріе-каппадокійскій, Поліевктъ мелитинскій, Трифонъ никейскій и Кодратъ никоми-

(142) Память его 31 Октября.

(143) Церк. Ист. *Евсев.*, кн. 6, гл. 41.

(*) Память его 5 Августа.

(**)—5 го Февраля.

дійскій (*). Множество готовыхъ повсюду жертвовать жизнію за святую Вѣру устрашало самихъ гонителей и примѣры отпаденія отъ Вѣры немедленно вызывали на подвигъ исповѣдниковъ непоколебимыхъ. Въ Троадѣ вмѣстѣ съ мучениками Андреемъ, Петромъ и Павломъ (**) подвергнутъ былъ страданіямъ за Вѣру нѣкто Никомахъ. Мучитель, казалось, хотѣлъ истощить надъ нимъ всю жестокость, какбы въ отмщеніе за непоколебимость другихъ, и страдалецъ, изнемогши подъ пытками до потери сознанія, отрекся въ минуту самой смерти. Но торжество гонителя было непродолжительно. Въ тоже мгновеніе изъ толпы, окружавшей мѣсто суда, раздался явственный голосъ: «бѣдный, несчастный человѣкъ, за чѣмъ слабостію одной минуты ты подвергъ себя мученіямъ вѣчнымъ». Вслѣдъ за тѣмъ, по требованію проконсула, вышла на средину сказавшая эти слова, шестнадцатилѣтняя дѣвица Діонисія и мученическою кончиною запечатлѣла непоколебимость своей вѣры ([144]). Св. Діонисій разсказываетъ о подобномъ же происшествіи въ Александріи: «мѣсто судіи по обыкновенію окружалъ отрядъ воиновъ, и когда во время допроса одинъ изъ подсудимыхъ христіанъ склонялся къ отреченію отъ Вѣры, эти воины старались поддержать его взглядами, движеніями рукъ и наконецъ, видя безуспѣшность тайныхъ намековъ, поспѣшно подошли къ судейскому сѣдалищу и исповѣдали себя христіанами, такъ что проконсулъ и присутствовавшіе съ нимъ пришли въ страхъ, а подсуди-

---

(*) Дни страданія послѣднихъ пяти мучениковъ воспоминаются 2 Марта, 21 Ноября, 9 Января, 1 го Февраля и 10 Марта.

([144]) *Ruinart*. Acta Martyr. Petri, Andreae, Pauli et Dionysiae, pag. 158—160.

(**) Память ихъ—18 Мая.

мые, ожидая мучений, сдѣлались дерзновеннѣе. Вотъ, прибавляетъ святый Діонисій, и судіи трепещутъ, а подсудимые выходятъ изъ судилища съ ликованіемъ и радостію о своемъ исповѣданіи, потому что славное торжество ихъ благословляется самимъ Богомъ ([145])».

Продолженіе гоненія.

Такимъ образомъ надежда легко подавить Христіанство, родившаяся въ умахъ гонителей вслѣдствіе значительнаго числа отпадшихъ отъ Вѣры при самомъ обнародованіи едикта, оказалась тщетною, когда Церковь, избавившись отъ слабыхъ и частію недостойныхъ людей, вступившихъ въ нее во времена мира, представила на борьбу истинныхъ чадъ своихъ, подвижниковъ непоколебимыхъ, приводившихъ гонителей въ ужасъ своею твердостію и многочисленностію. Это впрочемъ не вразумило мѣстныхъ начальствъ, напротивъ заставило ихъ усилить жестокости гоненія и самому гоненію дало особое направленіе. Ихъ преслѣдованіе обратилось главнымъ образомъ противъ епископовъ и всѣхъ вообще священнослужителей Церкви, въ которыхъ они справедливо видѣли очевидную опору твердости другихъ христіанъ въ вѣрѣ. Итакъ явился цѣлый сонмъ священномучениковъ: Карпъ епископъ ѳіатирскій въ Пергамѣ съ діакономъ Папилою и св. Агаѳоникою ([146]), Несторъ епископъ магидскій въ Памфиліи, Кириллъ епископъ гортинскій на островѣ Критѣ, Александръ епископъ команскій въ Понтѣ, Сатурнинъ епископъ тулузскій въ Галліи, Вавила епископъ

([145]) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 6, гл. 41 къ концу.

([146]) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 4, гл. 15. Ruinart. pag. 30 et 138. Память ихъ 13-го Октября.

антіохійскій, Піоній пресвитеръ смирнскій, Александръ епископъ іерусалимскій ([147]) и многіе другіе священнослужители, имена которыхъ были менѣе извѣстны, скончались мученическою смертію. Лишеніе Церкви ея пастырей было для нея дѣйствительнымъ бѣдствіемъ, такъ какъ могло на время ослаблять по мѣстамъ внѣшнее единство ея членовъ, лишать ихъ бодрости, а иногда и необходимыхъ вещественныхъ пособій. Между тѣмъ, съ другой стороны, со смертію епископа гдѣ-либо, гоненіе утихало. Посему нѣкоторые изъ епископовъ, какъ св. Кипріанъ кареагенскій и Діонисій александрійскій ([148]) благоразумно удалялись изъ мѣстъ своего жительства, не по опасенію за себя, но для своихъ пасомыхъ,—для того, чтобы своимъ неосторожнымъ присутствіемъ не разжигать лютости гоненія и имѣть полную возможность чрезъ письменныя распоряженія безопасно и непрерывно помогать нуждамъ гонимыхъ. Они оставляли вмѣсто себя нѣсколько пресвитеровъ, по мѣрѣ нужды замѣняя однихъ другими и давая имъ правила, какъ должно вести себя и что дѣлать во время гоненія ([149]). Св. Григорій епископъ неокесарійскій поступилъ еще своеобразнѣе. Онъ собралъ всѣхъ новоувѣровавшихъ своихъ пасомыхъ и, удалившись изъ города, скрывался въ пустыняхъ вмѣстѣ съ ними ([150]). Вслѣдствіе такой мѣры въ его

([147]) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 6, гл. 39. *Ruinart.* Acta Martyr. pag. LIVet 124—128. Дни ихъ страданія воспоминаются Церковію 28 Февраля, 9 Іюля, 12 Августа, 3 Іюня, 4 Сентября, 11 Марта и 12 Декабря.

([148]) *Евсев.* Церк. Истор. кн. 6, гл, 40; *S. Cypriani* epist. 14.

([149]) *S. Cypr.* epist. 4 et 7, — semper edit. Migne, in Patrol. Curs. Compl.

([150]) *Gregor. Nyssen.* in Vita Gregorii Thaumaturgi.

мые, ожидая мученій, сдѣлались дерзновеннѣе. Вот
прибавляетъ святый Діонисій, и судіи трепещутъ
подсудимые выходятъ изъ судилища съ ликованіе
и радостію о своемъ исповѣданіи, потому что слав
торжество ихъ благословляется самимъ Богомъ ([145])».

Продолженіе гоненія.

Такимъ образомъ надежда легко подавить
анство, родившаяся въ умахъ гонителей в
значительнаго числа отпадшихъ отъ Вѣры п
обнародованіи едикта, оказалась тщетною, ц
ковь, избавившись отъ слабыхъ и части
ныхъ людей, вступившихъ въ нее во в
представила на борьбу истинныхъ чадъ
вижниковъ непоколебимыхъ, приводивш
въ ужасъ своею твердостію и многочис
впрочемъ не вразумило мѣстныхъ на
тивъ заставило ихъ усилить жесто
самому гоненію дало особое направле
дованіе обратилось главнымъ обра
скоповъ и всѣхъ вообще священнос
въ которыхъ они справедливо вид
ру твердости другихъ христіанъ в
ся цѣлый сонмъ священномучени
Ѳіатирскій въ Пергамѣ съ діако
Агаѳоникою ([146]), Несторъ епископ
филіи, Кириллъ епископъ гортин
тѣ, Александръ епископъ
нинъ епископъ тулуз

([145]) ... Церк...

([146]) ... Пе...

Памят...

[redacted] *(252—253 г.).*

[redacted] христіане наслажда-
[redacted] ы слѣдующаго 252-го.
[redacted] .лу распространившаяся
[redacted] ая язва, засухи, голодъ,
[redacted] (154). Императоръ пове-
[redacted] ннымъ для спасенія отъ
[redacted] милостивлять боговъ прино-
[redacted] ристіане, конечно, не могли
[redacted] аннаго едикта; и такъ, явил-
[redacted] гоненію на нихъ, и Церковь
[redacted] .никами (155). Римскій епископъ
[redacted] .о жизни вступившій на каѳед-
[redacted] управлявшій римскою Церковію
[redacted] твенно сдѣлался первою жертвою
[redacted] сосланъ въ заточеніе, а потомъ
[redacted] .ископъ Лукій, имѣвшій довольно
[redacted] .н, чтобы въ столь опасное вре-
[redacted] .реемство Корнелію, чрезъ полго-
ь его и въ ссылкѣ, и въ мучени-
войны и возмущенія препятствовали
ру заняться христіанами и распро-
на нихъ повсюду, а несчастная
я его лѣтомъ 253-го года, даровала
ду спокойствіе и миръ.

Гоненіе Валеріана.

Галла императоръ Валеріанъ (253—

ad Demetrian., vid. num. 3, 5, 7—8, 10—12.
55 ad Cornelium: sacrificia, quae edicto pro-
jubebatur.
epist. 56 ab Thibaritanos, de exhortatione mar-
кн. 7, гл. 1 и 2.

Церкви не оказалось ни одного отпадшаго. Съ началомъ 251-го года гоненіе повсюду сдѣлалось слабѣе. Одною изъ важнѣйшихъ причинъ этого могла быть смѣна ежегодно избираемыхъ начальниковъ, такъ какъ гоненіе было начато и ведено преимущественно по мысли правительства. Новые проконсулы и президенты, не получивъ ([151]) отъ императора подтвержденія на данный ихъ предшественникамъ едиктъ, не чувствовали охоты ревностно исполнять его, тѣмъ болѣе, что давнишнія предубѣжденія противъ христіанства въ народѣ ослабѣли и христіане начинали пріобрѣтать нѣкоторое уваженіе къ себѣ. Правда, преслѣдованіе еще продолжалось; но бывали примѣры, что, не желая пролитія крови, судіи въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей рѣшались разубѣдить какого-либо епископа, или пресвитера въ превосходствѣ Христіанства предъ язычествомъ и, не успѣвъ въ этомъ, иногда освобождали его отъ суда. Въ подобныхъ случаяхъ мѣсто суда становилось мѣстомъ проповѣди о христіанской Вѣрѣ. Это можно видѣть изъ актовъ святаго Піонія пресвитера смирнскаго, также изъ актовъ святаго Акакія епископа ([152]), изъ которыхъ первый принялъ впрочемъ мученическую смерть. Гражданскія возмущенія и война съ Готѳами отвлекли потомъ совершенно вниманіе Декія отъ христіанъ, а къ концу 251-го года онъ лишился на войнѣ жизни ([153]).

([151]) Acta Martyr. ep. Acacii, vel Achatii, num. V. Ut imperator gesta cognoscat, et ejus nutu quid de te agi debeat decernatur. Lectis itaque omnibus gestis, Decius.... Achatium legi suae reddidit.

([152]) *Ruinart*. Acta Martyr. S. Pionii; cf. *Евсев.* Церк. Ист. кн. 4, гл. 15; et Acta disputationis S. Achatii.

([153]) *Lactanc*. de mort. persecut cap. 4.

Гоненіе Галла и Волузіана (252—253 г.).

При его преемникѣ Галлѣ христіане наслаждались спокойствіемъ до половины слѣдующаго 252-го. года; но потомъ мало по малу распространившаяся по всей римской имперіи моровая язва, засухи, голодъ, снова измѣнили ихъ положеніе ([154]). Императоръ повелѣлъ всѣмъ своимъ подданнымъ для спасенія отъ общественныхъ бѣдствій умилостивлять боговъ приношеніемъ жертвъ ([155]). Христіане, конечно, не могли буквально исполнить изданнаго едикта; и такъ, явился новый поводъ къ гоненію на нихъ, и Церковь украсилась новыми мучениками ([156]). Римскій епископъ Корнелій, съ опасностію жизни вступившій на каѳедру по смерти Фабія и управлявшій римскою Церковію еще при Дeцiѣ, естественно сдѣлался первою жертвою гоненія. Онъ былъ сосланъ въ заточеніе, а потомъ преданъ смерти. Епископъ Луцій, имѣвшій довольно христіанской твердости, чтобы въ столь опасное время принять на себя преемство Корнелію, чрезъ полгода былъ преемникомъ его и въ ссылкѣ, и въ мученической кончинѣ. Войны и возмущенія препятствовали впрочемъ императору заняться христіанами и распространить гоненіе на нихъ повсюду, а несчастная смерть, постигшая его лѣтомъ 253-го года, даровала христіанамъ повсюду спокойствіе и миръ.

Гоненіе Валеріана.

Преемникъ Галла императоръ Валеріанъ (253—

([154]) *S. Cypr.* Lib. ad Demetrian., vid. num. 3, 5, 7—8, 10—12.

([155]) *Cypriani* epist. 55 ad Cornelium: sacrificia, quae edicto proposito celebrare populus jubebatur.

([156]) *S. Cyprian.* epist. 56 ab Thibaritanos, de exhortatione martyrii; *Евсев.* Церк. Ист. кн. 7, гл. 1 и 2.

259 г.) въ началѣ своего царствованія былъ такъ благосклоненъ къ христіанамъ, какъ ни одинъ изъ предшествовавшихъ государей, ни даже тѣ, о которыхъ говорили, что они явно были христіанами; но съ 257 года, по вліянію Макрина, онъ измѣнилъ свой образъ мыслей и началъ ихъ преслѣдовать ([157]). Многочисленность христіанъ, простиравшаяся въ это время до того, что, по словамъ святаго Діонисія александрійскаго, весь домъ царя наполнялся людьми благочестивыми и былъ церковію Божіею, была причиною, что гоненіе обращено было преимущественно противъ епископовъ, какъ это было и прежде, при Деціѣ и Галлѣ. Въ началѣ, повидимому, оно не обѣщало быть ни жестокимъ, ни кровопролитнымъ. Повелѣно было епископовъ, а равно пресвитеровъ и діаконовъ, ссылать въ заточеніе, въ надеждѣ, что съ удаленіемъ ихъ отъ церквей и съ уничтоженіемъ такимъ образомъ церковнаго богослуженія легко будетъ прочихъ христіанъ отклонять отъ Вѣры. Посему, вмѣстѣ съ этимъ подъ угрозою строгаго наказанія запрещено было и отправленіе богослуженія. Такой порядокъ первоначальнаго преслѣдованія очевиденъ изъ сохранившихся до нашего времени проконсульскихъ допросовъ святому Діонисію епископу александрійскому и святому Кипріану епископу кароагенскому. «Когда приведены были на судъ Діонисій епископъ, пресвитеръ Максимъ, Маркеллъ и діаконы— Фавстъ, Евсевій и Херемонъ; то проконсулъ Эмиліанъ послѣ устной бесѣды съ ними сказалъ: я говорилъ о человѣколюбіи къ вамъ нашихъ государей, вы полу-

([157]) *Діонис. алекс.* посл. къ Эрмамм. въ Церк. Ист. *Евсев.* кн. 7, гл. 10.

чили отъ нихъ позволеніе быть внѣ опасности, если захотите поклоняться богамъ, сохраняющимъ ихъ царствованіе. — Діонисій отвѣчалъ: не всѣ покланяются всѣмъ богамъ, но каждый только тѣмъ, которыхъ признаетъ. Мы исповѣдуемъ единаго Бога, Творца всяческихъ, ввѣрившаго и царство боголюбезнѣйшимъ императорамъ Валеріану и Галліену. Его чтемъ мы, Ему кланяемся и Его молимъ постоянно о безмятежности ихъ царствованія».—Но кто же, возразилъ проконсулъ, препятствуетъ вамъ вмѣстѣ съ богами по природѣ покланяться и этому, если только Онъ Богъ?—Діонисій отвѣчалъ: «мы никакому другому не покланяемся». — Тогда проконсулъ сказалъ имъ: вижу, что вы не благодарны и безчувственны къ милости государей; посему не можете оставаться въ этомъ городѣ: васъ пошлютъ въ предѣлы Ливіи, въ Кефронъ; это мѣсто я избралъ по повелѣнію нашихъ императоровъ. Ни вамъ, ни другимъ, ни подъ какимъ видомъ не будетъ позволено дѣлать богослужебныя собранія, или посѣщать такъ называемыя усыпальницы. А кто не явится въ назначенное мною мѣсто, или будетъ найденъ въ какомъ-нибудь собраніи; тотъ самъ приготовитъ себѣ опасность: въ надлежащемъ надзорѣ недостатка не будетъ. Ступайте же, куда вамъ приказано ([188])».—Послѣ подобнаго же допроса и опредѣленія святому Кипріану въ Карѳагенѣ, проконсулъ Патернъ прибавилъ, что едиктъ императорскій касается не епископовъ только, но также пресвитеровъ, и что богослужебныя собранія въ какихъ бы то ни было мѣстахъ и посѣщеніе усыпальницъ запрещены подъ угрозою смертной казни ([189]).

([188]) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 7, гл. 11.

([189]) *Ruinart.* acta S. Mart. Cyprian. pag. 216.

Цѣль едикта однакоже не была достигнута, какъ видно изъ того, что вслѣдъ за тѣмъ, послѣ многихъ безчеловѣчно жестокихъ истязаній, было заключено въ темницы и сослано въ рудники для работы множество христіанъ, правда, въ особенности епископовъ и лицъ другихъ степеней духовенства, но также и міранъ, даже женщинъ и дѣтей, по всей вѣроятности, схваченныхъ во время богослуженія или при посѣщеніи усыпальницъ. Стараясь о поддержаніи возможнаго благосостоянія заключенныхъ и изгнанныхъ за святую Вѣру, святый Кипріанъ, терпѣвшій самъ изгнаніе, ободрялъ ихъ въ терпѣніи истинно пастырскими посланіями ([160]); сверхъ того онъ снабдилъ сосланныхъ въ рудники весьма значительнымъ денежнымъ пособіемъ изъ собственныхъ доходовъ и церковныхъ имуществъ для удовлетворенія ихъ необходимыхъ потребностей ([161]). Вообще, императоръ скоро убѣдился въ безполезности принятой противъ христіанъ мѣры. Видимое удаленіе епископовъ на самомъ дѣлѣ нисколько не отдѣляло ихъ отъ паствъ. Письменно и чрезъ посольство довѣренныхъ лицъ они управляли всѣми дѣлами своихъ Церквей, какбы присутствуя среди ихъ лично, и ссылка дѣлала ихъ еще болѣе любезными для пасомыхъ. Между тѣмъ въ мѣстахъ изгнанія, заключенія и изнурительныхъ тѣлесныхъ работъ, вокругъ ихъ собирались новыя паствы христіанъ, раздѣлявшихъ ихъ страданія. Въ иныхъ странахъ, куда до того времени христіанская Вѣра еще не проникала, эти из-

([160]) Epist. 77 ad Nemesianum et caeteros martyres in metallo constitutos; epist. 78—81; epist. 81 ad Sergium et Rogatianum et caeteros confessores in carcere constitutos.

([161]) Epist. 80: non minimam quantitatem; epist. 78, num. 3.

гнанники были первыми распространителями ея, основывая тамъ новыя Церкви. Такъ святый Діонисій александрійскій разсказываетъ о своемъ изгнаніи въ Кефронъ: «въ Кефронѣ составилась у насъ великая Церковь, частію изъ братій александрійскихъ, которые прибыли вслѣдъ за мною, частію изъ пришельцевъ египетскихъ. Богъ и тамъ отверзъ намъ двери слова. Сперва преслѣдовали насъ и били камнями, а потомъ многіе язычники, оставивъ идоловъ, обратились къ Богу,—и тогда-то нами посѣяны были тамъ первыя сѣмена слова, котораго прежде они не принимали. Какъ будто для того именно Богъ и привелъ насъ къ нимъ; ибо какъ скоро мы исполнили это служеніе, Онъ указалъ намъ другое мѣсто ([162])».—Посему Валеріанъ для уничтоженія христіанства рѣшился прибѣгнуть къ мѣрамъ строгимъ и болѣе, повидимому, дѣйствительнымъ. Въ слѣдующемъ 258 году онъ издалъ едиктъ, которымъ повелѣвалъ: епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ предавать смерти; сенаторовъ, благородныхъ мужей и всадниковъ римскихъ лишать принадлежащихъ имъ правъ достоинства и имуществъ,— если же и по лишеніи имѣній они останутся христіанами, казнить смертію; женщинъ высшаго сословія, по отобраніи ихъ имѣній, ссылать въ заточеніе; наконецъ христіанъ, состоящихъ въ царской службѣ, отсылать на работы въ царскія имѣнія. Едиктъ, повидимому, не касался людей низшаго сословія, изъ которыхъ должно было составляться большинство христіанъ, и не узаконялъ безполезнаго кровопролитія; но въ дѣйствительности ему подлежали всѣ христіане

([162]) Евсев. Церк. Ист. кн. 7, гл. 11.

безъ исключенія, такъ какбы сословіе, неупомянутое въ немъ, повелѣвалось подвергать тѣмъ большимъ истязаніямъ, чѣмъ ничтожнѣе оно въ сравненіи съ другими ([163]). Такъ началось это кровопролитное и убійственное гоненіе, которое Евсевій называетъ жесточайшимъ ([164]). Римскій епископъ, преемникъ Стефана, Сикстъ и діаконы его церкви—Фелициссимъ, Агапитъ и Лаврентій были первою его жертвою, пострадавъ мученически 6 Августа 258 года ([165]). Вслѣдъ за тѣмъ начальники областей вызвали сосланныхъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ изъ мѣстъ ихъ заточенія, и всѣ они, кто не могъ или не хотѣлъ скрыться, были преданы смерти. Такъ пострадали: священномученикъ Кипріанъ епископъ кароагенскій—14 Сентября тогоже года ([166]), великомученикъ Никифоръ пресвитеръ антіохійскій ([167]), Ѳерапонтъ священномученикъ сардійскій ([168]), Кипріанъ епископъ въ Никодиміи (+2 Октября), Кириллъ и Мамантъ въ Кесаріи каппадокійской ([169]), Зинонъ епископъ веронскій (+12 Апрѣля), Феликсъ пресвитеръ ноланскій ([170]), Фруктуозъ епископъ таррагонскій въ Испаніи ([171]), Прискъ,

---

([163]) *S. Cypriani* epist. 82 ad Successum, de nuntiis Roma reversis, persecutionem nuntiantibus.

([164]) Σφοδρότατα πλέυσαν,—Hist. Eccles. lib. 7, cap. 11.

([165]) *S. Cypriani* epist. ad Successum. Память ихъ 10 Августа.

([166]) Die octava decima Kalondarum Octobrium, *Ruinart*. Acta martyr. et episcopi Cypriani, pag. 218. Память его 31 Августа.

([167]) Память его 9 Февраля. *Ruinart*. Acta Martyr. pag. 239.

([168]) Память его 27 Мая.

([169]) Память его 2 Сентября. *Ruinart*. Acta Martyr. pag. 243 et 264.

([170]) Jbidem pag. 247—262.

([171]) Jbid. pag. 218—222 ét 468.

Малхъ и Александръ въ Кесаріи палестинской ([172]). Васса епископъ никскій ([173]), Діонисій первый епископъ парижскій, пресвитеръ его Рустикъ и діаконъ Елевоерій, по древнему сказанію, принявшіе мученическую смерть на горѣ близъ Парижа, впослѣдствіи названной посему горою мучениковъ ([174]), и множество другихъ повсюду. Повѣствованіе Пруденція о бѣлой массѣ, то есть, о трехъ стахъ мученикахъ, брошенныхъ въ Утикѣ въ ровъ съ горящею известію и извлеченныхъ потомъ въ видѣ известковой массы, достаточно характеризуетъ это повсемѣстное убійство христіанъ ([175]).

Объявленіе Христіанства дозволенною вѣрою.

Гоненіе Валеріана окончилось въ 259-мъ году, когда послѣ несчастной войны съ Персами онъ былъ плѣненъ ими, и сынъ его Галліенъ, бывшій прежде его соправителемъ, сдѣлался единодержавнымъ государемъ. Жестокости послѣдняго гоненія охладили въ язычникахъ желаніе преслѣдовать Христіанство и принесли Церкви ту пользу, что новый императоръ, только по несочувствію къ гоненіямъ и безъ всякаго личнаго расположенія къ христіанской Вѣрѣ, при самомъ началѣ своего правленія предоставилъ христіанамъ сво-

---

([172]) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 7, гл 12.

([173]) *Rutnart.* in Acta Martyr. Praefat. general. pag. XXIV.

([174]) Mont des martyrs, et par corruption—Mont martre. *Ruinart.* Admonitio in pass. S. Saturnini, pag. 128.

([175]) *Prudent.* in hymno 13, de S. Cypriano: prosiluere alacres cursu rapido simul trecenti.... Candida massa dehinc.... *Augustini* Sermo in Natali martyrum Candidae massae: Sermo 3 in Natali S. Cypriani. *Ruinart.* Acta Martyrum pag. 202—203, 469 et 618 in Calendario carthaginensi.

бодное исповѣданіе ихъ Вѣры и повелѣлъ возвратить имъ богослужебные домы, кладбища или усыпальницы и всѣ отобранныя у нихъ въ предшествовавшее царствованіе имѣнія. Такимъ образомъ онъ призналъ христіанскую Вѣру дозволенною и христіанскую Церковь законно—существующимъ въ имперію обществомъ, потому что только такое общество по римскимъ законамъ могло пользоваться правомъ владѣнія. Но такъ какъ на Востокѣ и въ Египтѣ около двухъ лѣтъ удерживалъ еще власть Макринъ; то въ этихъ странахъ законъ Галліена получилъ свое дѣйствіе только въ 261-мъ году, бывъ подтвержденъ грамотою на имя святаго Діонисія александрійскаго, Пинны, Димитрія и прочихъ епископовъ ([176]). Посему въ то время, какъ западные христіане пользовались уже миромъ, на Востокѣ продолжалось еще гоненіе по едикту Валеріана. Евсевій приводитъ замѣчательный примѣръ мученической кончины въ это время. Въ Кесаріи палестинской одинъ военный чиновникъ, именемъ Маринъ, получилъ мѣсто сотника; но въ то время, когда ему слѣдовало принять знакъ и отличія новой должности, его соперникъ, имѣвшій послѣ него ближайшее право на полученіе ея, донесъ начальству, что Маринъ не можетъ быть удостоенъ римскихъ отличій, какъ христіанинъ и человѣкъ, неприносящій жертвъ государямъ. Судія далъ обвиненному три часа на размышленіе, хочетъ ли онъ оставаться христіаниномъ. Когда Маринъ послѣ сего вышелъ изъ суда, къ нему пришелъ тамошній епископъ Θеотекнъ, увлекъ его своею бесѣдою, взялъ за руку и привелъ въ церковь. Здѣсь, поставивъ

([176]) Эту грамату приводитъ *Евсевій:* Церк. Ист. кн. 7, гл. 13.

его предъ самымъ алтаремъ, потомъ откинувъ нѣсколько его плащъ и одною рукою указывая на висѣвшій у него мечь, а другою на книгу божественныхъ Евангелій, онъ предложилъ ему по волѣ избрать одно изъ двухъ. Маринъ, нимало не колеблясь, простеръ правую руку къ божественному Писанію. «Держись же Бога, сказалъ ему епископъ,—держись и, укрѣпляемый Имъ, получишь, что избралъ. Иди съ миромъ».—Послѣ твердаго исповѣданія Вѣры предъ судомъ, Маринъ скончался потомъ смертію мученика ([177]).

Положеніе христіанъ съ 261-го до 303-го года.

Законъ Галліена существенно измѣнилъ внѣшнее положеніе христіанъ. Христіанство стало наконецъ вѣрою дозволенною; существованіе христіанской Церкви ограждено закономъ, и если прежде не всѣ расположены были преслѣдовать ее по существовавшимъ узаконеніямъ, то теперь и желавшіе ее преслѣдовать должны были опасаться того, какъ дѣйствія противозаконнаго. Важность этого измѣненія открывается уже при второмъ преемникѣ Галліена, Домиціѣ Авреліанѣ, вступившемъ на престолъ въ 270-мъ году. По происхожденію изъ низшаго сословія общества и воспитанію въ грубомъ суевѣріи, по слѣпой преданности къ древнему римскому идолопоклонству и убѣжденію, что отъ усердія къ нему зависитъ благосостояніе государства, наконецъ, по наклонности къ быстрымъ и суровымъ мѣрамъ, Авреліанъ долженъ былъ съ самаго начала своего царствованія сдѣлаться жестокимъ гонителемъ христіанства ([178]). Во время войны съ Аллеманами въ римскомъ

([177]) Церк. Ист. кн. 7, гл. 15. Память его 7 Августа.

([178]) *Flavius Vopiscus* in D. Aureliano: Aurelianus severus, tru-

сенатѣ было предложено мнѣніе обратиться по древнему обычаю за совѣтомъ къ сивиллинымъ книгамъ; но многіе изъ сенаторовъ отвергли его подъ предлогомъ, что огромныя военныя силы императора дѣлаютъ излишнимъ совѣтъ съ богами. Спустя нѣсколько времени мнѣніе это снова было предложено, и императоръ съ выраженіемъ крайняго неудовольствія писалъ по сему случаю сенату: «я удивляюсь, что вы тратите такъ много времени на разсужденіе, обратиться или нѣтъ къ сивиллинымъ книгамъ, какъ будто вы засѣдаете въ христіанской церкви, а не во храмѣ всѣхъ боговъ». Онъ требовалъ потомъ, чтобы сенатъ употребилъ всѣ старанія о принесеніи возможно—большаго числа жертвъ, такъ какъ отнюдь не стыдно побѣждать съ помощію боговъ, чтобы для этого не жалѣлись никакія издержки, и даже, чтобы приносимы были въ жертву плѣнники ([179]). При всемъ томъ однако, этотъ жестокій государь, нерасположенный къ Церкви и повелѣвавшій приносить въ жертву людей, въ первые годы своего правленія ничего не предпринималъ противъ Христіанства. Мало того, однимъ рѣшеніемъ своимъ въ третій годъ царствованія онъ показалъ, что признаетъ христіанскую Церковь законно существующимъ въ имперіи обществомъ. Именно, когда въ Антіохіи возникло несогласіе между христіанами о томъ, кому быть тамъ епископомъ, и Павелъ епископъ антіохійскій, низложенный за ложное ученіе, бывъ поддерживаемъ единомышленниками, не хотѣлъ передать ан-

---

culentus, sanguinarius fuit princeps; *Eutropius* in libr. 9: de eodem vir in bello potens, animi tamen immodici, et ad crudelitatem propensioris.

([179]) *Flavii Vopisci* cap. 20.

тіохійской церкви поставленному на его мѣсто епископу Домну; то Авреліанъ, къ которому обратились христіане съ просьбою привести въ исполненіе судъ церковный, опредѣлилъ—передать антіохійскую церковь тѣмъ, съ кѣмъ италійскіе и римскій епископы въ догматѣ согласны ([180]). Только въ 275-мъ году онъ рѣшился уже, вѣроятно—для особеннаго умилостивленія боговъ, устранить всѣ препятствія и начать гоненіе на христіанъ; но прежде, чѣмъ успѣлъ исполнить свое намѣреніе, лишился жизни ([181]). Около сорока лѣтъ христіанская Церковь наслаждалась, такимъ образомъ, спокойствіемъ и миромъ. Число христіанъ необыкновенно умножилось между всѣми сословіями, хотя изъ множества новопоступившихъ въ Церковь не мало, безъ сомнѣнія, было и недостойныхъ христіанскаго званія. Церковь приняла внѣшній видъ, соотвѣтствовавшій ея

([180]) *Τούτοις νέιμαι προςάττων τὸν οἶκον, οἷς ἂν οἱ κατὰ τὴν Ἰταλίαν καὶ τὴν Ῥωμαίων πόλιν ἐπίσκοποι τοῦ δόγματος ἐπιςέλλοιεν. Euseb.* Hist. Eccles. lib. VII. cap. 30.

([181]) *Евсевій* говоритъ въ своей исторіи: «Едва задумалъ онъ и только лишь хотѣлъ подписать противъ насъ едиктъ, какъ постигъ его судъ Божій (кн. 7, гл. 30)». Но Лактанцій (lib. de mortibus persecutorum, cap. 6) прибавляетъ, что едиктъ былъ уже изданъ и только не дошелъ до дальнѣйшихъ провинцій. На этомъ основаніи другіе стали утверждать, что при Авреліанѣ было гоненіе. Дѣйствительно, надобно думать, что даже и въ промежутокъ времени отъ Галліенова указа до Діоклитіанова гоненія бывали примѣры мученической смерти христіанъ, въ видѣ исключеній (vid. Ruinart. Acta Martyr. praefat. general. pag. LVIII—LX); тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться, что въ настоящемъ случаѣ свидѣтельство Евсевія заслуживаетъ предпочтенія предъ другимъ и что бо̀льшая часть повѣствованій о мученикахъ всего разсматриваемаго времени, не выдерживая согласія съ несомнѣнно извѣстнымъ въ исторіи, должна быть относима къ болѣе раннему, или къ позднѣйшему времени.

внутреннему благосостоянію; вмѣсто прежнихъ простыхъ церквей или домовъ для богослуженія появились теперь, особенно въ большихъ городахъ, обширные и великолѣпные храмы. Императоръ Діоклитіанъ, съ 284 года управлявшій имперіею сперва одинъ, потомъ съ 286 года вмѣстѣ съ Максиміаномъ Геркуліемъ, а съ 292-го года при пособіи еще двухъ кесарей Констанція Хлора и Галерія Максиміана, оказывалъ всегда, по крайней мѣрѣ, видимую благосклонность къ Христіанству, которое нашло себѣ доступъ даже въ его семейство ([182]). Въ гражданской службѣ и при дворахъ царей многіе изъ христіанъ занимали высокія и почет-

---

([182]) «Что сказать, говоритъ Евсевій (Церк. Ист. кн. 8, гл. 1) о начальствовавшихъ надъ всѣми правителяхъ?—Домашнимъ, женамъ, дѣтямъ и слугамъ они дозволяли открыто и свободно слѣдовать божественному слову и христіанской жизни».—Въ самомъ дѣлѣ, воспоминаемая Церковію 24 Ноября мученица Августа, или императрица, супруга императора Максиміана, и 23 Апрѣля мученица царица Александра (см Niceph. Call. lib. 7, cap. 15; Godefridi Enschenii in tomo 3 Aprilis, historiae s. Georgii martyris fragmentum, pag. 103) были, если можно что-нибудь знать о нихъ, Валерія дочь Діоклитіана, выданная имъ за Галерія Максиміана, сдѣлавшагося въ 305-мъ году императоромъ, и мать ея, то есть жена Діоклитіана Приска—Александра. Лактанцій (de mort. persecut. cap. 14 et 15) говоритъ, что послѣ вторичнаго пожара въ своемъ дворцѣ, Діоклитіанъ въ раздраженіи по подозрѣнію къ христіанамъ прежде всего *принудилъ* дочь свою Валерію и супругу Приску *осквернится жертвоприношеніемъ*,—выраженіе, показывающее ихъ вѣру, потомъ уже началъ преслѣдовать христіанъ придворныхъ, духовенство и проч. Впослѣдствіи, особенно послѣ смерти Галерія, ничто не препятствовало имъ раскаяться и снова вступить въ Церковь. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что онѣ перенесли гоненіе отъ преемника Галеріева Максимина и, по смерти его, пострадали отъ Ликинія въ 314 году (ibidem cap. 51). Ихъ бѣдственную жизнь, по смерти Галерія, описываетъ Лактанцій въ указанномъ сочиненіи (гл. 39—41 и 51; въ переводѣ Карнеева по изд. 1848 г., ч. 2, стр. 195—197 и 206—207). Въ концѣ 50-й гла-

ныя должности. Таковы были упоминаемые Евсевіемъ Дороѳей и Горгоній, знаменитые между лицами, занимавшими самыя высокія правительственныя мѣста; таковъ былъ Лукіанъ, начальникъ придворныхъ, къ которому писалъ святый Ѳеона епископъ александрійскій о томъ, какъ должно ему проходить свою должность ко благу Церкви ([183]). Предстоятели Церквей пользовались благоволеніемъ, вниманіемъ и дружескимъ обращеніемъ у всѣхъ префектовъ и консуловъ. Такое благосостояніе Христіанства, говоритъ Евсевій, съ каждымъ днемъ упрочивалось, приходило въ силу и величіе,—и никакая ненависть не стѣсняла его, никакой злой врагъ не былъ въ состояніи вредить, или чрезъ людскіе навѣты мѣшать ему, пока божественная и небесная рука осѣняла и охраняла свой народъ, по мѣрѣ его достоинства ([184]).

вы, сказавъ, что всѣ нечестивые наказаны такимъ образомъ за гоненія, въ концѣ 51-й главы, въ которой говоритъ о кончинѣ Валеріи и ея матери, онъ прибавляетъ: «и такъ ихъ погубили за благочестіе и савъ ихъ».

([183]) Praepositus cubiculariorum. Посланіе переведено въ Христ. Чт. 1825, часть XX, стр. 163 и далѣе.

([184]) Церк. Ист. кн. 8, гл. 1.

ВЗГЛЯДЪ

НА НОВѢЙШІЙ ГЕРМАНСКІЙ РАЦІОНАЛИЗМЪ.

Всякое великое явленіе, какъ въ мірѣ политическомъ, такъ и религіозномъ, обнаруживаетъ благотворное или гибельное значеніе свое въ своихъ плодахъ. Часто бываетъ трудно, нерѣдко даже невозможно, составить себѣ объ извѣстномъ историческомъ явленіи ясное и справедливое понятіе въ то время, когда оно совершается, но по прошествіи болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени плоды его непремѣнно начинаютъ обнаруживаться, и предъ лицемъ всего свѣта свидѣтельствовать о благотворномъ или гибельномъ его значеніи.

Во всей новой исторіи нѣтъ, безъ сомнѣнія, ни одного явленія, которое по важности и обширности его послѣдствій, и вмѣстѣ по многообразію сужденій о немъ, могло бы сравниться съ протестантизмомъ. Но если мы хотимъ составить себѣ безпристрастное, ясное и опредѣленное сужденіе объ этомъ замѣчательномъ явленіи, то лучше всего обратимся къ нынѣшнему состоянію германскаго раціонализма; говоримъ «нынѣшнему», ибо все, заключавшееся, такъ сказать, какъ въ зернѣ, въ ученіи реформаторовъ XVI вѣка и ближайшихъ ихъ послѣдователей, мало по малу вы[illegible]пая наружу, созрѣло въ теченіи новѣйшаго [illegible]

такъ, что самый поверхностный даже взглядъ на такъ называемое новѣйшее богословіе (die moderne Theologie) во всемъ свѣтѣ обнаруживаетъ шаткость основаній и ложность всего протестантскаго вѣроученія.

Протестантство съ самаго своего появленія отказалось отъ истинной опоры Вѣры и Церкви, и тѣмъ проложило путь необузданному произволу человѣческой мысли, отвергнувшей всякій законный авторитетъ. Прервавъ связь свою со всею предшествовавшею жизнію христіанской Церкви, протестантство сдѣлалось началомъ не внутренняго единенія въ Вѣрѣ, какъ мечталъ Лютеръ, а непрерывнаго разъединенія и раздора. Правда, протестанты согласны между собою въ ученіи о священномъ Писаніи, какъ единственномъ источникѣ истинъ Вѣры; но, предоставляя вмѣстѣ съ тѣмъ уразумѣніе священныхъ книгъ и усвоеніе таинъ Откровенія произволу всякаго вѣрующаго, они освятили, такъ сказать, неограниченное господство человѣческой личности, и дали полный просторъ всевозможнымъ бредням гордаго и самонадѣяннаго разума. Вотъ почему нѣтъ у протестантовъ единства, согласія и твердости въ Вѣрѣ, нѣтъ логически строгаго раскрытія вѣроученія, но напротивъ, при совершенномъ недостаткѣ всякихъ твердыхъ основаній, является одно безспокойное, текучее движеніе разнородныхъ, вѣчно противорѣчащихъ другъ другу взглядовъ и мнѣній, которыя совершенно не соотвѣтствуютъ любимому, само по себѣ конечно лживому, понятію протестантовъ о постепенномъ развитіи, усовершенствованіи и уясненіи религіозныхъ идей. Вмѣсто того, чтобы быть незыблемою скалою, къ которой каждый, ищущій Вѣры и спасенія, могъ бы притекать съ твердымъ упованіемъ,

божественное Откровеніе въ рукахъ протестантовъ сдѣлалось какбы сосудомъ, въ который каждый по произволу влагаетъ собственныя свои мысли и мнѣнія, плоды своихъ личныхъ, ограниченныхъ и шаткихъ изслѣдованій.

Что же собственно составляетъ начало и средоточіе новѣйшаго протестантскаго богословія? На чемъ остановиться, какъ на характеристическомъ явленіи въ безконечно почти разнообразномъ хаосѣ богословскихъ произведеній нынѣшней протестантской Германіи? Отвѣтить на этотъ вопросъ не трудно. Въ 1835 году появилось въ Германіи сочиненіе, которое положило начало почти всѣмъ явленіямъ нынѣшняго протестантско—германскаго богословія; мы разумѣемъ «Жизнь Іисуса» (das Leben Iesu) Штрауса. Останавливаясь на этомъ сочиненіи, какъ на основаніи новѣйшей богословской литературы Германіи, мы разумѣемъ не то, чтобы оно заключало въ себѣ какую-нибудь новую идею для протестантства; напротивъ сочиненіе Штрауса важно въ Германіи собственно по своему разрушительному, все ниспровергающему и крайне гибельному вліянію. Имъ начинается совершенное разрушеніе символическаго протестантизма и вообще всего оставшагося еще въ Германіи Христіанства; оно поколебало послѣднія основы Вѣры богооткровенной. На основаніи всеразрушающей дѣятельности Штрауса стали быстро возникать разнородныя системы и теоріи, одна другой гибельнѣе и нечестивѣе,

Чтобы правильно понять и оцѣнить это новѣйшее богословское направленіе, появившееся въ Германіи со временъ Штрауса и извѣстное подъ именемъ *миѳическаго* богословія, намъ необходимо предваритель-

но познакомиться съ тою литературно—богословскою дѣятельностію, которая, въ теченіи прошедшаго столѣтія и начала нынѣшняго, подготовляла собою то, обозрѣніемъ чего мы намѣрены заняться.

Самое важное вліяніе на образованіе нынѣшнихъ богословскихъ системъ и направленій Германіи имѣла борьба, продолжавшаяся въ теченіи прошедшаго столѣтія между *раціонализмомъ* и *супранатурализмомъ*.

Подъ именемъ богословскаго *раціонализма* разумѣется то богословское направленіе, по которому разумъ человѣческій признается высшимъ учителемъ и судьею въ дѣлѣ Вѣры, а священное Писаніе, хотя и признается божественнымъ Откровеніемъ, но Откровеніемъ *не* сверхъестественнымъ, появившимся сообразно съ общими естественными законами, по которымъ Промыслъ Божій обыкновенно дѣйствуетъ въ нравственномъ мірѣ; другими словами, раціонализмъ признаетъ, вмѣсто благодати и сверхъестественнаго дѣйствія Божія въ дѣлѣ Откровенія, обыкновенный Промыслъ Божій, который путемъ обыкновенныхъ естественныхъ средствъ привелъ нѣкоторыхъ людей къ относительно чистому познанію о Богѣ, такъ однако, что это познаніе, подобно каждому другому, зависѣло отъ обыкновенныхъ средствъ образованія, вліянія народностей, духа времени и т. под. И такъ, по взгляду раціоналистовъ, у еврейскаго народа развилось, по устроенію божественнаго Промысла, болѣе чистое Богопознаніе, чѣмъ у другихъ народовъ, въ формахъ свойственныхъ образованію еврейскаго народа и перемѣшанныхъ съ предразсудками тогдашняго времени. Въ священномъ Писаніи вѣчная и божественная истина облечена, слѣдовательно, съ раціоналистической точки

зрѣнія, въ несовершенныя и человѣческія формы, и разуму принадлежитъ право судить о томъ, что въ священныхъ книгахъ должно быть признаваемо за божественную истину и что напротивъ въ немъ составляетъ не болѣе какъ мѣстныя и временныя ошибочныя мнѣнія:—священное Писаніе есть для раціоналистовъ не слово Божіе, а источникъ, изъ котораго разумъ можетъ извлечь божественную истину, отдѣляя ее отъ перемѣшанныхъ съ нею человѣческихъ заблужденій.

Очевидно, что раціонализмъ въ описанномъ нами смыслѣ составляетъ прямой и необходимый плодъ общихъ началъ протестантскихъ: раціоналисты довершили только начатое Лютеромъ дѣло. Лютеръ утвердилъ за своими послѣдователями право различать въ священномъ Преданіи и въ ученіи Церкви слѣды божественной истины отъ примѣшанныхъ будто бы къ ней человѣческихъ заблужденій; раціоналисты распространили только это начало на послѣдній, остававшійся еще у протестантовъ дотолѣ непогрѣшимый, божественный авторитетъ—на священное Писаніе. Лютеръ утвердилъ автономію человѣческаго разума въ дѣлѣ истолкованія богооткровенныхъ истинъ; раціоналисты распространили власть ума и на самыя эти истины.

Хотя такимъ образомъ раціонализмъ явился, какъ естественное слѣдствіе протестантизма вообще, тѣмъ не менѣе онъ не вдругъ могъ утвердиться въ протестантскомъ мірѣ; ему пришлось вступить въ сильную и продолжительную борьбу съ такъ называемымъ у Германцевъ *супранатурализмомъ*, т. е. съ тѣмъ богословскимъ направленіемъ, которое еще не уклонилось отъ истинно христіанскаго ученія о божественномъ Откро-

веніи, какъ объ особенномъ *сверхъестественномъ* дарѣ божественной благодати, дѣйствующей *независимо* отъ установленныхъ Богомъ, при сотвореніи міра, естественныхъ законовъ природы. Это направленіе еще удержано было Лютеромъ и его послѣдователями въ теченіи первыхъ двухъ вѣковъ послѣ реформаціи, и донынѣ отличаетъ строгихъ послѣдователей первыхъ реформаторовъ отъ приверженцевъ новѣйшихъ протестантскихъ направленій. Подъ именемъ супранатурализма разумѣется такимъ образомъ въ отличіе отъ раціонализма то воззрѣніе, по которому допускается *непосредственное* божественное Откровеніе, истинность и божественность котораго подтверждается *способомъ его сообщенія*, тогда какъ разуму не дается права рѣшительнаго суда о его содержаніи. Сначала протестантскіе супранатуралисты сильно возстали противъ постепенно усиливавшагося въ Германіи раціонализма; вѣрные своему понятію о священномъ Писаніи, какъ о непреложномъ выраженіи божественной истины, они и символическимъ книгамъ своимъ хотѣли придать значеніе непогрѣшимаго авторитета (почему и самое богословіе супранатуралистовъ носитъ названіе символическаго — orthodoxe Theologie, Symbol-Theologie). Но не было въ самыхъ началахъ протестантизма достаточной опоры этому болѣе близкому къ истинѣ направленію, и потому мы видимъ, что символическое богословіе Германцевъ подъ роковыми для него ударами раціонализма постепенно уступало поле битвы послѣднему: раціонализмъ сталъ господствовать въ Германіи съ прошлаго столѣтія на мѣсто заключеннаго въ символы XVI вѣка вѣроученія Лютера и Кальвина.

Общимъ характеромъ этаго прошловѣковаго ра-

ціонализма была совершенная безсвязность и несостоятельность. Древняя протестантская система (die orthoxe Theologie) была подкопана во всѣхъ своихъ частяхъ и шаталась, такъ сказать, во всѣ стороны; а на мѣсто ея собственно не воздвигнуто было никакой новой. Повсюдная нетвердость и внутреннее противорѣчіе, мелочные и ни къ чему не ведущіе споры о разумѣ и Откровеніи, постоянныя нападенія на древнюю догматическую систему реформаціи, внѣшнія чисто филологическія занятія священнымъ Писаніемъ безъ всякой вѣры, безъ всякаго единомыслія—вотъ что представляется взорамъ наблюдателя на почвѣ протилов'ѣковаго германскаго протестантизма.

Это шаткое, разрѣшавшееся и безхарактерное протестантство прошлаго столѣтія носитъ названіе «переходнаго богословія» (Uebergangstheologie), такъ какъ оно занимаетъ собою средину между богословіемъ символическимъ (orthodoxe), господствовавшимъ у протестантовъ въ теченіи первыхъ двухъ вѣковъ послѣ реформаціи, и новѣйшимъ (moderne Th.), преобладающимъ въ настоящее время. Рѣзкія и чисто отрицательныя формы этого переходнаго богословія имѣли то вліяніе, что онѣ подорвали авторитетъ всѣхъ положительныхъ догматическихъ данныхъ и сдѣлали Христіанство предметомъ однѣхъ университетскихъ преній, предметомъ совершенно человѣческимъ. Ниспровергая все, воздвигнутое вѣками, отвергая и вѣру и Откровеніе, ложные германскіе просвѣтители этого періода не создали однако никакого новаго вѣроученія на мѣсто ниспроверженнаго ими. Проповѣданное ими нравоученіе также безцвѣтно, какъ и вѣроученіе ихъ: не имѣя никакихъ твердыхъ основаній и будучи лишено истинныхъ

началъ христіанскихъ, нравоученіе раціоналистовъ должно было играть жалкую роль угодницы всѣмъ страстямъ по духу времени, особенно мелочному практическому эгоизму.

Не долго однако могло продолжаться владычество этого чисто отрицательнаго раціонализма; лишившись собственныхъ своихъ основъ, Религія должна была мало по малу слиться съ другими болѣе сильными у Германцевъ стихіями, съ поэзіею и философіею, и вмѣстѣ съ ними принять одинъ общій характеръ— *фантастическій*. Находясь подъ вліяніемъ философіи Фихте и Шеллинга и соединяясь съ поэтическимъ настроеніемъ тогдашняго времени, раціонализмъ, описанный нами, преобразовался въ такъ называемый *романтизмъ*, имѣвшій всестороннее значеніе въ Германіи при началѣ нынѣшняго столѣтія. Характеристическая черта романтизма заключается въ его противоположности съ прозою прошлаго вѣка, съ мелочною разсудочною дѣятельностію и съ эгоистическимъ нравоученіемъ,—въ его стремленіи проникнуть и усвоить безконечное путемъ *чувства* и (при помощи фантазіи — *творческихъ, непосредственныхъ силъ*) мимо разсудочной дѣятельности обнять безусловное, какъ вѣчно присущее человѣческому духу. Уничтожая всякое разумное посредство и вращаясь исключительно въ области фантазіи и чувства, романтизмъ совершенно отдѣлился отъ дѣйствительности и принялъ характеръ среднихъ вѣковъ, которые любили разукрашать все прелестями поэзіи.

Само собою понятно, что и это направленіе германскаго богословія такъ же мало могло имѣть прочности, какъ и предшествовавшее ему. Будучи, такъ

сказать, произвольною религіею фантазіи, романтизмъ поддерживался лишь совершеннымъ упадкомъ религіозности и нравственности въ окружавшемъ, дѣйствительномъ мірѣ Германцевъ,—упадкомъ, который былъ произведенъ описаннымъ нами отрицательнымъ раціонализмомъ. Коль скоро поэтому подъ вліяніемъ внѣшнихъ бѣдствій, поразившихъ Германію во время войнъ Наполеона, религіозная энергія была возрождена, то фантастическій романтизмъ долженъ былъ уступить свое мѣсто началу новой эры для германскаго богословія. Но увы! это новѣйшее богословіе по самому началу своему не имѣло твердыхъ христіанскихъ основъ; оно должно было подчиниться ложнымъ протестантскимъ началамъ и поставить себя въ связь и въ зависимость отъ предшествовавшаго ему переходнаго раціоналистическаго періода. Другими словами, новѣйшее германское богословіе, донынѣ царствующее у протестантовъ, должно было принять по необходимости характеръ раціоналистическій, характеръ тѣмъ болѣе гибельный для христіанскихъ началъ, что это богословіе, не довольствуясь уже отрицательными нападеніями на богооткровенныя истины, возмечтало на развалинахъ ниспроверженнаго Христіанства создать новую религію, болѣе, будто бы, достойную нашихъ просвѣщенныхъ временъ.

Вслѣдъ за пробужденіемъ религіозной энергіи, главнымъ поводомъ къ образованію этой новѣйшей системы германскаго богословія послужила философія *Гегеля*. Съ 1817 до 1831 года постоянно болѣе и болѣе стекались со всѣхъ концевъ Германіи около Гегеля слушатели; распространяясь по Германіи, его философскія идеи проникали въ область протестанска-

го богословія, уже давно растлѣвшаго и лишеннаго истинныхъ религіозныхъ основъ.

Съ самаго начала своей дѣятельности Гегель сильно возстаетъ противъ предшествовавшихъ ему мыслителей, которые, опираясь на своемъ собственномъ ограниченномъ самосознаніи, совершенно отдѣлились отъ дѣйствительности и удалились въ область фантазіи и чувства. Въ противоположность съ этимъ, оказавшимся уже несостоятельнымъ, направленіемъ предшествовавшаго періода идеализма и романтизма, Гегель стремится къ дѣйствительности; онъ хочетъ углубиться въ абсолютную субстанцію или сущность вещей. Подъ вліяніемъ этого стремленія, Гегель создалъ философскую систему, главная цѣль которой заключается въ томъ, чтобы примирить внѣшнюю дѣйствительность съ умопредставляемымъ, абсолютную субстанцію—съ субъектомъ, Спинозу съ Фихте. Гегель положилъ въ основаніе своего ученія мысль Фихте о правахъ и безконечномъ значеніи человѣческаго самосознанія; онъ проникнутъ мыслію идеалистовъ, что только то имѣетъ цѣну для человѣка, что прошло чрезъ его самосознаніе и имъ сохраняется. Но поставляя такимъ образомъ свое ученіе въ связь съ предшествовавшими философемами Германіи, Гегель вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ однако наше самосознаніе пустымъ и ложнымъ, пока абсолютное не лежитъ въ его основаніи и не составляетъ собственнаго его существа. Основная мысль Гегелевой философіи есть поэтому слѣдующая: абсолютное есть процессъ, есть саморазвитіе субстанціи до степени субъекта, сущности вещей до степени человѣческаго самосознанія. Этимъ Гегель въ самомъ основаніи хочетъ примирить истину и знаніе,

объектъ и субъектъ, идею и дѣйствительность, или вообще божественное и человѣческое, — они должны быть признаны составными моментами одного и того же процесса абсолютнаго.

Какое же значеніе эти идеи Гегеля должны были имѣть въ области протестантскаго богословія? Онѣ должны были, очевидно, имѣть то значеніе, что подъ ихъ вліяніемъ все внѣшнее и сверхъестественное въ Религіи въ догматикахъ германскихъ было преобразовано во внутреннее и необходимое; такъ напр. само божественное Откровеніе изъ внѣшняго и положительнаго сдѣлалось для новѣйшаго протестантскаго богословія вѣчнымъ, непрерывнымъ и внутреннимъ процессомъ, проникающимъ собою всю исторію человѣческаго рода въ смыслѣ развивающейся въ человѣкѣ божественной жизни. Понятіе объ Откровеніи заняло такимъ образомъ опять свое мѣсто въ германскомъ богословіи; оно получило снова смыслъ у богослововъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишилось своего христіанскаго значенія и было существенно искажено; ибо изъ внѣшняго Откровенія гегеліанизмъ сдѣлалъ внутреннее, изъ однажды исторически совершившагося—вѣчное, изъ чудеснаго и сверхъестественнаго— духовно-необходимое. Точно также поступилъ гегеліанизмъ и съ ученіемъ о *воплощеніи Сына Божія*. Это ученіе, совершенно отвергнутое раціоналистами предшествовавшаго періода, снова было вызвано, но вмѣстѣ съ тѣмъ также совершенно измѣнено послѣдователями Гегеля; ибо изъ единократно совершившагося оно также сдѣлалось вѣчно продолжающимся, и вмѣсто воплощенія собственно Сына Божія, какъ единаго отъ Троицы божественнаго Лица, гегеліане учили о вочеловѣченіи Боже-

ства вообще — въ смыслѣ существеннаго единства Божества и человѣчества, какъ двухъ соединенныхъ моментовъ одного и того же вѣчно продолжающагося процесса.

Подъ вліяніемъ гегелевскихъ идей образовалась теперь постепенно та *миѳическая* система германскаго богословія, которая донынѣ сохраняетъ всю свою силу у современныхъ раціоналистовъ. Уже непосредственные послѣдователи Гегеля хотѣли отождествить его идеи съ положительнымъ христіанскимъ вѣроученіемъ, и скоро пришли къ странному заключенію, будто мысли Гегеля вполнѣ согласны съ христіанскимъ богословіемъ по содержанію, а различны только по формѣ. Мнимо-истинное объясненіе непостижимыхъ христіанскихъ таинъ было признано торжествомъ гегеліанской философіи. Даубъ, Маргейнеке, Гинрихсъ, Гёшель, Конради, Розенкранцъ, Эрдманнъ—вотъ имена тѣхъ послѣдователей Гегеля, которые особенно старались соединить откровенныя истины съ своими новыми философемами. Но самые главные дѣятели въ постепенномъ развитіи миѳической системы, — дѣятели, проложившіе своими сочиненіями и своимъ вліяніемъ путь тому ученію, которое во всей своей ужасающей наготѣ является за тѣмъ у Штрауса и его послѣдователей, это—*Шлейрмахеръ* и *Де Ветте*.

Шлейрмахеръ, бывшій въ одно время съ Гегелемъ профессоромъ берлинскаго университета, стремился къ тому, чтобы поднять значеніе вѣры, какъ живаго источника и кореннаго начала всякой духовной жизни и дѣятельности; онъ хотѣлъ дать Христіанству новое значеніе въ глазахъ образованныхъ классовъ общества (болѣе или менѣе воспитанныхъ въ духѣ ра-

ціоналистическомъ) и для этого, подобно другимъ германскимъ богословамъ, поставилъ себѣ задачею примирить христіанское вѣроученіе съ научнымъ тогдашнимъ направленіемъ. Съ этою цѣлію Шлейрмахеръ въ своей «Сущности Религіи» сдѣлалъ безотчетное религіозное *чувство* единственнымъ богословскимъ основаніемъ своей системы, и имъ замѣнилъ положительное ученіе священнаго Писанія и символическихъ книгъ. Поэтому все, что по мнѣнію Шлейрмахера не можетъ служить непосредственною пищею *чувства*, было совершенно выброшено изъ его догматики и предоставлено либо исторіи, либо космологіи и метафизикѣ. Углубляясь исключительно въ мысль объ искупленіи и Искупителѣ, онъ представилъ все прочее содержаніе христіанскаго вѣроученія въ видѣ общихъ понятій, несущественныхъ и почти ненужныхъ въ Христіанствѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ стремленія своего, къ примиренію Христіанства съ господствовавшимъ тогда въ Германіи раціоналистическимъ направленіемъ, онъ склонился къ тому, чтобы путемъ иносказательныхъ толкованій уничтожить въ вѣроученіи все сверхъестественное и чудесное. То же самое, хотя нѣсколько въ другомъ видѣ, дѣлалъ и Де Витте. Подъ обаяніемъ той же мысли о необходимости поставить вѣру на болѣе прочное, недосягаемое для критики и скептицизма основаніе, Де Ветте сталъ давать значительной части священныхъ повѣствованій значеніе эпоса, недоступнаго по высотѣ сокрытыхъ въ немъ идей ни для какихъ обыкновенныхъ критическихъ разборовъ. При всемъ томъ, какъ Шлейрмахеръ, такъ и Де Ветте оставляли еще неприкосновенными нѣкоторыя части христіанской догматики. Оставался еще одинъ шагъ для

довершенія новаго раціоналистическаго зданія, и этотъ шагъ совершенъ былъ Штраусомъ.

Штраусъ, молодой тюбингенскій магистръ, занимавшійся въ теченіи долгаго времени изученіемъ твореній Гегеля, отличался умомъ холоднымъ и скептическимъ и притомъ умѣньемъ излагать свои мысли въ формѣ краснорѣчивой и увлекательной. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что это совершенство изложенія отчасти способствовало гибельному для Германіи успѣху его сочиненія «Жизнь Іисуса».

Главное значеніе этого сочиненія заключается въ томъ, что оно есть послѣдній результатъ всего предшествовавшаго развитія раціонализма и какбы въ фокусѣ представляетъ собою совокупность всего дотолѣ выработаннаго ложно направленнымъ германскимъ богословіемъ. Съ холоднымъ равнодушіемъ, съ ужасающимъ отсутствіемъ всякихъ, даже самомалѣйшихъ признаковъ вѣры, Штраусъ какбы только отдаетъ отчетъ въ томъ, къ какимъ горестнымъ для Христіанства слѣдствіямъ ведетъ гордая автономія германской мысли, разлагающей и испытывающей все на основаніи своихъ ложныхъ апріорическихъ началъ. Электрическимъ ударомъ поразило это сочиненіе все германское богословіе, и вниманіе, возбужденное имъ, распространилось даже далеко за предѣлы самой Германіи.

Исходная точка сочиненія Штрауса двоякая: *философски-умозрительная* и *историко-критическая*. Но обѣ онѣ стараются поддерживать одна другую, и взаимодѣйствіемъ ихъ это сочиненіе пріобрѣтаетъ свою мнимую, логическую силу и округленность. Умозрительное начало Штрауса заимствовано имъ изъ философіи Ге-

геля; это есть мысль объ имманентномъ существованіи Бога въ мірѣ. Дѣятельность Божія во вселенной понимается Штраусомъ въ смыслѣ непрерывнаго, внутренняго и необходимаго процесса, совершенно исключающаго собою возможность чудесъ и вообще всего сверхъестественнаго. Невозможность всего чудеснаго есть не только начало, но вмѣстѣ главная мысль, опредѣляющая собою всю критическую дѣятельность Штрауса. Частнымъ выраженіемъ этой главной мысли служитъ у Штрауса то, что воплощеніе Господа Іисуса Христа есть не единократное, а общее и всегдашнее, такъ что все сказанное о Спасителѣ въ священномъ Писаніи надобно понимать о божественной идеѣ, постепенно развивающейся въ человѣческомъ родѣ вообще. По намѣренію Штрауса, эта послѣдняя мысль должна служить идеальнымъ возстановленіемъ всего, ниспроверженнаго имъ въ критической части его сочиненія. Штраусъ предполагаетъ успокоить встревоженное чувство своихъ читателей: онъ хочетъ провести мысль, что хотя внѣшніе, повѣствуемые Евангеліемъ факты, по его мнѣнію, ложны и имѣютъ значеніе миѳологическое, тѣмъ не менѣе и сверхъ-естественное рождество Іисуса Христа, и чудеса Спасителя, Его воскресеніе и вознесеніе суть идеальныя, вѣчно осуществляющіяся истины, которыя должны быть прилагаемы вообще ко всему человѣческому роду.

Исходная точка всѣхъ критическихъ изслѣдованій Штрауса есть мысль о томъ, что въ Евангеліяхъ нѣтъ, будто бы, ничего историческаго. Все повѣствуемое евангельскою исторіею, по мнѣнію Штрауса, носитъ на себѣ характеръ миѳологическій, и наравнѣ со всѣми прочими древними миѳологіями служитъ поэти-

ческимъ выраженіемъ вѣчныхъ, неизмѣнныхъ идей.— Христіанскія Церкви признаютъ, что въ евангельскихъ повѣствованіяхъ заключается *исторія*, и притомъ *сверхъестественная*: раціонализмъ (прежняго періода), допуская первое, отвергаетъ послѣднее; а Штраусъ заключилъ, что на этомъ половинномъ пути остановиться нельзя, что необходимо отнять у евангельскихъ событій даже значеніе простыхъ историческихъ (хотя бы и естественныхъ) фактовъ и низвести ихъ въ область миѳологіи.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Штрауса и нынѣшнихъ раціоналистовъ, въ Евангеліи подъ видомъ Богочеловѣка изображается идеальное человѣчество. Все человѣческое проникнуто, говорятъ они, Божествомъ, и изображенный въ Евангеліи Христосъ есть не что иное, какъ наилучшее и совершеннѣйшее изъ всѣхъ миѳологическихъ олицетвореній воплощающагося Божества, т. е. нравственно-идеальнаго человѣчества.

Какъ могло развиться въ этихъ ужасающихъ размѣрахъ ученіе, совершенно отвергающее всѣ основы святой Вѣры нашей? Мы уже упомянули о томъ, что Штраусъ собственно только доводитъ до послѣднихъ антихристіанскихъ результатовъ ученіе предшествовавшихъ ему германскихъ богослововъ. Все его ученіе собственно есть не что иное, какъ таже философія Гегеля въ ея приложеніи къ евангельскимъ повѣствованіямъ. Христологія Штрауса есть какбы символическій переводъ отвлеченныхъ гегелевскихъ философемъ: Богъ не есть уже болѣе безконечное и недосягаемое Существо, самобытное и независимое отъ конечнаго міра; но напротивъ Онъ проникаетъ собою все такъ, что конечная природа, т. е. внѣшній міръ и

духъ человѣческій есть не что иное, какъ внѣшнее обнаруженіе Божества, обнаруженіе, чрезъ которое Богъ какбы вѣчно выходитъ изъ самаго Себя, чтобы за тѣмъ вѣчно же возвращаться къ единству съ самимъ Собою (пантеизмъ). Человѣкъ не имѣетъ въ себѣ истины, какъ духъ конечный; равно и Богъ не имѣетъ въ Себѣ реальности, какъ духъ безконечный. Истинное и реальное бытіе не имѣется такимъ образомъ ни въ Богѣ, ни въ человѣкѣ самихъ по себѣ, а только въ Богочеловѣкѣ, т. е. въ отождествленіи конечнаго съ безконечнымъ..... Съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество достаточно созрѣло, чтобъ сдѣлать эту мысль основаніемъ своей вѣры, съ этихъ поръ, по мнѣнію какъ Гегеля, такъ и Штрауса, ученіе о личномъ Тріединомъ Богѣ должно быть замѣняемо ученіемъ о Богочеловѣкѣ или объ абсолютномъ въ смыслѣ отождествленія субстанціи (безконечнаго, неограниченнаго, Бога) съ субъектомъ (конечнымъ, ограниченнымъ, человѣкомъ).

Такимъ образомъ у нынѣшнихъ раціоналистовъ пантеизмъ подъ вліяніемъ гегеліанской философіи перешелъ въ ѳеантропизмъ, въ безусловное обоготвореніе человѣческаго духа; ибо Богъ, получающій свою дѣйствительность и полноту лишь въ духѣ человѣческомъ, есть чистое отвлеченіе; тогда какъ дѣйствительный Богъ—это самъ человѣкъ!!

И такъ, вотъ послѣдній результатъ протестантизма. Напрасно благонамѣренные изъ протестантовъ, приверженцы конфессіональной и другихъ умѣренныхъ партій, хотятъ освободить себя и свое ученіе отъ внутренней связи съ изображеннымъ нами новѣйшимъ раціоналистическимъ атеизмомъ. Напрасно, ибо связь эта

существуетъ, она очевидна для всякаго, знакомаго съ основными началами протестантскаго вѣроученія, и наперекоръ всѣмъ софизмамъ германскимъ она клеймитъ протестантство печатію ученія ложнаго по его началамъ, дающаго мѣсто безбожію и въ высшей степени гибельнаго для нравственныхъ цѣлей человѣчества, по его нынѣ созрѣвшимъ и представленнымъ нами результатамъ.— Когда западно-христіанское общество, отдѣлившись въ XI-мъ вѣкѣ отъ союза съ единою, истинною, вселенскою Церковію, прервало внутреннюю, живительную связь свою съ сверхъестественнымъ и откровеннымъ; то оставалась еще связь внѣшняя, историческая,-связь, донынѣ поддерживаемая римскою Церковію и сообщающая послѣдней довольно благовидную, христіанскую наружность. Раціонализмъ, правда, уже господствовалъ въ западномъ обществѣ, но онъ былъ прикрытъ именемъ непогрѣшимаго папскаго авторитета, замѣнившаго собою для западныхъ христіанъ непогрѣшимое руководство Святаго Духа истины. Когда же затѣмъ въ XVI-мъ вѣкѣ большая часть западно-христіанскаго общества прервала и эту внѣшнюю, историческую связь съ сверхъестественною основою Христіанства, когда мнимыя права авторизованнаго дотолѣ въ лицѣ папы человѣческаго разума были усвоены реформаторами всѣмъ ихъ послѣдователямъ; тогда раціонализмъ долженъ былъ по логической необходимости дѣлать болѣе и болѣе успѣховъ. Уничтоживъ послѣднія узы, связывавшія его съ авторитетомъ богоустроенной Церкви, духъ западный долженъ былъ искать для себя новую опору, сначала во внѣшнемъ видимомъ мірѣ, затѣмъ въ самомъ себѣ. Этою необходимостію объясняются всѣ явленія посте-

пенно развивавшагося протестантскаго раціонализма: послѣ того какъ протестанты въ теченіи XVI-го и XVII вѣковъ, не сознавая еще собственныхъ своихъ началъ и находясь подъ обаяніемъ безотчетнаго религіознаго чувства, остались вѣрными символическимъ книгамъ реформаторовъ, разумъ человѣческій въ протестантскомъ мірѣ какбы встрепенулся, освободилъ себя отъ оковъ чувства и сталъ вступать въ права, незаконно усвоенныя ему реформаторами. Но желая найти себѣ опору, разумъ сначала, какъ мы видѣли въ прошловѣковомъ раціонализмѣ, вращался въ области внѣшнихъ матеріалистическихъ расчетовъ, довольствовался мелочною, эгоистическою нравственностію. Наконецъ, дознавъ недостаточность внѣшнихъ, текучихъ явленій, разумъ ищетъ для себя послѣднюю опору въ самомъ себѣ, и дѣлаетъ свое собственное возгордившееся *я* средоточіемъ вселенной и божествомъ; и вотъ прежній пантеизмъ и натурализмъ являются въ новой формѣ идеализма и ѳеантропизма во всѣхъ ихъ новѣйшихъ гибельныхъ измѣненіяхъ.

И. Осининъ.

СЛОВО

НА ОСВЯЩЕНІЕ ХРАМА ВЪ ЖЕНСКОМЪ СУХОТИНСКОМЪ БОГОРОДИЦКОМЪ МОНАСТЫРѢ, ПРОИЗНЕСЕННОЕ ПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ ѲЕОФАНОМЪ, ЕПИСКОПОМЪ ТАМБОВСКИМЪ И ШАЦКИМЪ, ІЮЛЯ 8 ДНЯ 1859 ГОДА.

Се и еще воздвигнутъ и освященъ храмъ живому Богу! Се и еще мѣсто селенія славы Его, мѣсто упокоенія душъ скорбящихъ, мѣсто питанія и напоенія душъ алчущихъ и жаждущихъ—словомъ Божіимъ и св. таинствами, мѣсто пріискренняго общенія съ невидимымъ міромъ Ангеловъ и святыхъ!—Благодареніе Господу, увѣнчавшему благое дѣло сіе успѣхомъ! Да благословитъ Онъ и начавшихъ его, несшихъ труды приведенія его къ концу, помогавшихъ, содѣйствовавшихъ и всѣхъ, какимъ-нибудь образомъ соприкосновенныхъ ему.

Храмъ сей назначается для васъ, сестры, оставившія міръ и Господу себя уневѣстившія. Вы удалились, бѣгая, и водворились въ пустыни, за тѣмъ, чтобъ безпрепятственнѣе приближаться къ возлюбленному вами Господу, и невозмущаемымъ отъ праха мірской суеты окомъ зрѣть выну красоту лица Его. Вотъ и Господь являетъ знаменіе своего къ вамъ благовѣстительнаго приближенія, простираетъ къ вамъ длани свои для пріятія васъ, назначаетъ мѣсто, гдѣ Онъ готовъ

внимать желаніямъ отверстаго къ Нему сердца вашего. Думаю, что нельзя найти сильнѣйшаго для васъ побужденія къ тому, чтобы приметаться въ семъ дому Божіемъ, если не непрестанно, то по крайней мѣрѣ всякой разъ, какъ будете зовомы сюда по уставу св. Церкви.

Не сомнѣваюсь, что это и было и будетъ такъ. Но не могу не напомнить вамъ, что для васъ мало являться предъ лице Господа въ храмъ, внѣ васъ сущій; вамъ надобно устроить Господу храмъ въ себѣ самихъ, чтобъ всегда имѣть Его въ себѣ и съ собою. Ибо если ко всѣмъ, то тѣмъ болѣе къ вамъ идетъ слово Апостола: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте*..... И слѣд. если ко всѣмъ, то тѣмъ болѣе къ вамъ должна относиться заповѣдь: *какъ каменію живому, созидаться въ храмъ духовенъ, святительство свято приносити жертвы благопріятны Богови Іисусъ Христомъ* (1 Петр. 2, 4—5).

Объ этомъ нынѣ помыслить вамъ тѣмъ болѣе прилично, что устроенный и освященный нынѣ храмъ есть прямой образъ того невидимаго храма, который должно устроить для Него въ сердцѣ нашемъ. Приложите же къ совершенному уже труду въ устроеніи сего видимаго храма и другой трудъ, которому и конца быть не можетъ,—объ уготовленіи сердца своего въ всегдашній духовный храмъ Господу.

Не думайте, чтобъ это было такъ мудрено и такъ высоко, что превысило бы рѣшительно силы ваши. Вы уже созидаетесь въ храмъ сей. Надобно только продолжать начатое непрерывно, и съ тою же ревностію, съ какою начато. Чтобъ видѣть впрочемъ, что именно

надо дѣлать, я изображу вамъ коротко все зданіе храма Господу въ сердцѣ.

Для храма видимаго выбираютъ и очищаютъ мѣсто. — Надобно расчистить внутрь насъ мѣсто сердца для зданія храма духовнаго. Сіе расчищеніе совершается *покаяніемъ*, т. е. искреннимъ сознаніемъ своихъ грѣховъ и обвиненіемъ себя въ нихъ, чтобъ выну стоять предъ лицемъ Господа безотвѣтными, и спасенія себѣ чаять отъ единой милости Его. Господь не любитъ тѣхъ, которые являются къ Нему праведниками, и благосклоннымъ является только тѣмъ, кои мытаревымъ гласомъ вопіютъ къ нему: *Боже милостивъ буди намъ грѣшнымъ.* — На расчищенномъ мѣстѣ углубляютъ и кладутъ основаніе. — Основаніе храма духовнаго въ сердцѣ составляютъ *вѣра* и твердая *рѣшимость жить по вѣрѣ*. Только вѣра, сочетаваясь съ рѣшимостію, дѣлаетъ внутреннее зданія непоколебимымъ, и даже недоступнымъ ни для сомнѣній и недоумѣній, ни для неудобствъ, противленій и скорбей. Рѣшившійся жить по вѣрѣ не страшится уже ни скорбей, ни самой смерти: вотъ почему таковый и почитается ничѣмъ неодолимымъ или стоящимъ на несокрушимомъ основаніи.

Положивъ основаніе, возводятъ за тѣмъ зданіе, полагая камень на камени, скрѣпляя ихъ извѣстными веществами, и все направляя по предположенному плану и масштабу. Все сіе въ соотвѣтственныхъ свойствахъ есть или должно быть и во внутренней храминѣ; здѣсь *камни* суть разныя *добродѣтели*, къ какимъ, когда и гдѣ представляется случай: кротость, воздержаніе, терпѣніе, послушаніе, милость, трудолюбіе и проч., кои, одна къ другой прилагаясь, творятъ воз-

ращеніе тѣла внутренняго храма; *скрѣпляющій цементъ* суть съ одной стороны притоки чрезъ св. таинства *благодати*, безъ которой всё наше остается сухимъ, несвязнымъ, непрочнымъ, а съ другой —*любовь*, безъ которой никакіе подвиги и никакіе труды не имѣютъ цѣны, или, какъ говоритъ Апостолъ, — все ничто; *планъ и масштабъ* — *разсужденіе*, которымъ опредѣляются мѣра, вѣсъ и числа трудовъ, предпріятій и подвиговъ, безъ сего внутренняго соразмѣрителя могущихъ обезобразить все зданіе, и слѣд. сдѣлать ничтожными и безполезными всѣ, подъятые уже до того, труды. Навыкъ къ сему разсужденію, основательному и здравому, пріобрѣтается послушнымъ житіемъ подъ *руководствомъ* пастырей, духовныхъ отцевъ, старцевъ и старицъ, которые, на первый разъ, а иногда и на всю жизнь, и должны составлять единственныхъ руководителей въ созиданіи сердца для Господа.

Проникнутый любовію трудъ добродѣланія подъ дѣйствіемъ Божіихъ таинствъ, при руководствѣ пастырей и своего разсужденія, возводитъ зданіе до верха. За тѣмъ *кровлю* его составитъ глубокое *смиреніе*, которое спасетъ сіе зданіе отъ сырости тщеславія и человѣкоугодія, отъ сухоты надменія и гордыни, отъ потрясающихъ ударовъ своенравія и непокорности. Останется послѣ сего *возглавить* зданіе и поставить на немъ *крестъ*. То и другое совершится однимъ дѣйствіемъ *преданности* въ волю Божію, которое точно есть глава добродѣтелей самоотверженія и крестъ, на которомъ окончательно распинается наша самость.

Вотъ и храмъ! Хотите ли знать, что составляетъ его внѣшнюю *ограду? Непоколебимая вѣрность всѣмъ уста-*

вамъ и предписаніямъ св. Божіей Церкви, а въ васъ сверхъ того — и уставу вашему монастырскому. За сею оградою безопасно укрываются отъ всѣхъ бурь и волненій, воздвигаемыхъ духомъ вѣка, суемудріемъ и страстями. Пока есть сія вѣрность, зданіе безопасно; гдѣ нѣтъ его, тамъ все мало по малу разорится, пока отъ всего не останется камня на камнѣ.

Но мы все еще внѣ сего внутренняго храма. Надобно войти внутрь его,—украсить, освятить, облагоухать, чтобъ достойно совершить тамъ святительство святое — приносить жертвы, благопріятныя Богови. Ибо Господь хощетъ не пребывать только въ насъ, но и сопребывать съ нами въ насъ. Спрашиваете: какъ войти внутрь самихъ себя? — *Вниманіемъ, трезвеніемъ, собранностію*. Когда мысли разсѣяны, онѣ всѣ парятъ надъ внѣшними предметами; но по мѣрѣ отрѣшенія отъ сихъ послѣднихъ, онѣ собираются внутрь и по мѣрѣ собранности еще болѣе отрѣшаются отъ-внѣ. Этимъ взаимодѣйствіемъ созрѣваетъ наконецъ внутреннее трезвеніе, въ которомъ око ума выну зритъ внутрь сердца, — и устрояется глубокое, невозмутимое вниманіе къ сущему тамъ и ко всему, привходящему туда.

Чѣмъ украсить внутреннюю храмину сердца? Благими помышленіями, слагающимися изъ глубокихъ убѣжденій въ истинахъ Вѣры съ соотвѣтственными имъ чувствами и расположеніями, т. е. помышленіями о Богѣ Тріѵпостасномъ, Его безпредѣльныхъ совершенствахъ, твореніи, промышленіи, таинствѣ искупленія и всемъ домостроительствѣ спасенія,—о будущемъ устроеніи всего, и проч., которыя (помышленія) не могутъ не исполнять сердца или страхомъ, или сокру-

шеніемъ, или упованіемъ, или мужественною готовностію на всё и проч., что все въ совокупности составляетъ красоту храмины сердечной.

Освѣщеніе сему храму доставляетъ невозмутимое непрестанное *созерцаніе Бога вездѣсущаго*, безъ котораго и внутрь собраться, или чувствами какими благими преисполняться нѣтъ возможности, хотя и оно само взаимно поддерживается сими послѣдними и зрѣетъ вмѣстѣ съ ними. Сей свѣтъ Богозрѣнія, освѣщая и согрѣвая сердце, возбуждаетъ въ немъ непрестанныя къ Богу *взыванія*, или *воздыханія* изъ глубины, съ представленіемъ Ему разныхъ преходящихъ и непрестанныхъ потребностей духа, или съ изъявленіемъ движеній любви къ Нему—сладчайшему, что все составляетъ ѳиміамъ *молитвы сердечной*, восходящей, какъ утро, или, какъ кадило благовонное, возносящейся къ Богу.

Въ облагоуханномъ такимъ образомъ храмѣ сердца будетъ совершатся и *жертва* духовная, Богу благопріятная, состоящая въ приношеніи Ему сознанія, самодѣятельности и свободы и выражающаяся болѣзненнымъ къ Нему припаданіемъ, въ сердцѣ сокрушенномъ и смиренномъ. Сей жертвы ждетъ отъ насъ Господь, ею услаждается и ради ея готовъ ниспосылать всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ. Симъ завершается устроеніе внутренняго Богу храма и внутренняго священнодѣйствія въ семъ храмѣ.

Вотъ и все! Трудно ли, легко ли сіе дѣло, но оно необходимо. Нельзя останавливаться намъ на одномъ внѣшнемъ дѣланіи, хотя и безъ него не можетъ состояться и установиться ничто внутреннее. Сдѣлано внѣшнее: позаботимся и о внутреннемъ. Можно не

сомнѣваться, что и оно есть и, можетъ быть, ради его есть и сіе внѣшнее; но можно опасаться, не затмила бы, или не заслонила бы сія видимость, такъ очевидная, той невидимости, почти неуловимой. Посему бдите и не попускайте, чтобъ врагъ сгубилъ плоды трудовъ вашихъ, остановивъ васъ на пол-пути.

Сыне, даждь ми сердце, говоритъ Господь. И отдадимъ его. Припомните притчу о десяти дѣвахъ.... Чего недоставало юродивымъ? Внутренняго дѣланія. Внѣшне онѣ были исправны,—дѣвство соблюли, и постовъ не нарушали, и въ храмъ Божій ходили, и прочее, уставомъ положенное, исполняли; а объ устроеніи мыслей и чувствъ не попеклись. И было сердце ихъ, вмѣсто храма Богу, — дебрь, всякими дикими растеніями заросшая, полная гадовъ и насѣкомыхъ, или запустѣлое зданіе,—жилище филиновъ и нетопырей.

Блюдитеся убо, чтобъ не подпасть участи ихъ. Начатое вами хорошо и многоцѣнно, но если и совершите е, какъ подобаетъ. Не послужило бы иначе самое начало вамъ въ осужденіе, — что начали и не довели до конца. И молитеся Господу и пречистой Его Матери, нашей Владычицѣ, коей посвященъ храмъ сей, да явятъ васъ, благоволеніемъ благости своея, совершенными во всемъ,—и совершенъ вашъ духъ, душа и тѣло въ пришествіи Господнемъ да сохранится, да даруетъ вамъ Богъ силою утвердитися духомъ Его во внутреннемъ человѣцѣ, вселитися Христу вѣрою въ сердца ваша. Аминь.

БЕСѢДА

СЪ ГОСУДАРЕМЪ НАСЛѢДНИКОМЪ, ЦЕСАРЕВИЧЕМЪ,

ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ

НИКОЛАЕМЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМЪ

Протопресвитера В. Бажанова

НА КАНУНѢ СОВЕРШЕННОЛѢТІЯ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА,

7-го Сентября 1859 года.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО!

Еще нѣсколько часовъ, — и Россія, на всемъ необъятномъ пространствѣ своемъ, будетъ торжествовать день Вашего совершеннолѣтія,—и сколько усердныхъ моленій о Васъ вознесется къ престолу Божію!

Радостно настоящее торжество Россіи, свѣтло и безоблачно; усердно и искренно благодареніе ея Всевышнему Міроправителю. Она торжествуетъ Ваше совершеннолѣтіе при жизни и даже въ лѣта полнаго мужества и силы Вашего Родителя, возлюбленнаго Монарха своего, и потому радость ея не только не возмущается никакою озабочивающею мыслію, но и проникается свѣтлою надеждою, что Вамъ, до подъя-

тія тяжкаго бремени правленія, суждено еще многіе годы совершенствоваться подъ руководствомъ Вашего Родителя, и потомъ уже вмѣстѣ съ престоломъ Его наслѣдовать и многолѣтними опытами пріобрѣтенную мудрость Его.

Отъ сего свѣтлаго и радостнаго торжества Россіи обратитесь къ Самимъ Себѣ и спросите Себя: «Что же должно происходить въ душѣ Моей при сей всеобщей радости»?

Обращаясь къ прошедшему, Вы не можете съ дерзновеніемъ сказать предъ строгимъ судомъ Вашей совѣсти, предъ судомъ Божіимъ, что Вы воспользовались имъ вполнѣ соотвѣтственно великому Вашему назначенію,—а это естественно должно возбудить въ богобоязненномъ сердцѣ Вашемъ чувство глубокаго смиренія, чувство благоговѣйнаго умиленія предъ Всевышнимъ Раздаятелемъ судебъ человѣческихъ. Но Вы можете съ полнымъ сознаніемъ сказать, что прошедшее было для Васъ временемъ непотеряннымъ. Такъ; Ваше прошедшее представляетъ собою поле, на которомъ посѣяны добрыя, чистыя сѣмена,—и эти добрыя сѣмена, упавши на добрую землю, при благословеніи свыше, взошли и пустили корни, и, къ сердечной радости сѣятелей, обѣщаютъ обильную жатву. О, да вознесется же, при взорѣ на прошедшее, изъ глубины души Вашей радостное благодареніе къ престолу Всевышняго, тако благоизволившаго о Васъ, тако благодѣющаго Вамъ! Да наполнится сердце Ваше горячими сыновними чувствами любви и благодарности къ Августѣйшимъ Вашимъ Родителямъ, которыхъ нѣжныя попеченія и мудрая заботливость о Васъ окружили

Васъ наставниками и воспитателями разумными, благородными и богобоязненными! Да не забвены будутъ въ благодарномъ сердцѣ Вашемъ и Ваши воспитатели и наставники, которые, воодушевляясь чувствомъ своего долга, любовію къ отечеству, любовію и преданностію къ Вамъ, со всѣмъ усердіемъ и ревностію трудились надъ образованіемъ и правильнымъ направленіемъ ума и сердца Вашего!

Къ чему располагаетъ душу Вашу настоящее? — Оно встрѣчаетъ и привѣтствуетъ Васъ свѣтлымъ взоромъ, и призываетъ Васъ вполнѣ участвовать во всеобщей радости Россіи и вмѣстѣ съ нею отъ всей души благодарить Всевышняго Міроправителя, что Ваше совершеннолѣтіе совершилось при самыхъ благопріятнѣйшихъ для Васъ обстоятельствахъ.

Но Ваше будущее встрѣчаетъ Васъ взоромъ важнымъ и призываетъ Васъ къ трудамъ, — къ неослабнымъ трудамъ и подвигамъ. Вамъ предназначено свыше управлять нѣкогда цѣлымъ народомъ, и народомъ многочисленнымъ; а для этого необходимо нужно Вамъ научиться прежде управлять Самимъ Собою, своими мыслями, своими склонностями и желаніями, и покорять ихъ подъ владычество закона Царя царствующихъ и Господа господствующихъ. Безъ этой важной науки Вы не можете исполнить великаго назначенія Вашего; а эта наука пріобрѣтается большими трудами и усиліемъ.

Вашему попеченію и руководству будетъ ввѣрено обширнѣйшее въ мірѣ Государство; а для этого необходимо нужно, чтобы Вы заблаговременно ознакоми-

лись со всѣми его нуждами и потребностями, и изучили все, что должно служить къ его благосостоянію.

На Васъ будутъ обращены взоры всѣхъ Вашихъ подданныхъ, и Вы будете служить примѣромъ для всѣхъ: какія же твердыя правила вѣры и благочестія, какое богомысленное настроеніе души, какое строгое уваженіе къ уставамъ православной Церкви, какое внимательное наблюденіе за всѣми своими словами и дѣйствіями, за всѣми движеніями своего сердца, какое самоотверженіе — потребны къ тому, чтобы всегда и вездѣ служить для всѣхъ примѣромъ назидательнымъ, благотворнымъ! А все это не приходитъ само собою, но пріобрѣтается большими трудами и усиліемъ и прилежнымъ поученіемъ въ законѣ Господнемъ.

Вашему суду будутъ подлежать и отъ Васъ ожидать правосудія и милосердія милліоны людей: размыслите же, какая потребна для этого мудрость! Сколько потребно знанія, напряженнаго вниманія и осмотрительности къ тому, чтобы судить *правосудно* и *милосердо*, и, соединяя съ правосудіемъ милосердіе, не ослабить чрезъ то уваженія къ законамъ и не повредить благу общему!

И такъ въ знаменательный для Васъ день всеобщаго радостнаго торжества Россіи, въ день всеобщихъ моленій о Васъ и всеобщихъ радостныхъ надеждъ на Васъ, устремляя взоръ свой къ Вашему будущему, которое со всею своею важностію призываетъ Васъ къ великимъ трудамъ и подвигамъ, произнесите въ душѣ Вашей, въ живомъ чувствѣ присутствія Божія, священный обѣтъ съ твердою, непреложною рѣшимостію, исполнять его, — священный обѣтъ,

со всею ревностію и напряженіемъ силъ, неослабно трудиться надъ пріобрѣтеніемъ необходимаго для Царей сокровища, сокровища мудрости, и расположить Себя къ трудамъ такъ, чтобы они сдѣлались для Васъ существенною потребностію, Вашею пищею, Вашимъ наслажденіемъ. И Вы достигнете этого, если будете проникнуты мыслію, что Вы трудитесь для блага другихъ, по волѣ Божіей и во славу всесвятаго имени Его,—если будете воодушевлены святымъ желаніемъ быть истиннымъ благодѣтелемъ своего народа.

Но среди трудовъ и попеченій о пріобрѣтеніи истинной мудрости не забывайте того, что говоритъ Премудрый къ ищущимъ мудрости: *Господь даетъ премудрость, и отъ лица Его познаніе и разумъ. Возжелѣвъ премудрости, соблюди заповѣди, и Господь подастъ ю тебѣ.*

Благовѣрный Государь!

О если бы Господь Богъ, предъизбравый Васъ на великое служеніе, милостивно призрѣвши на смиреніе Ваше, на благость искреннихъ намѣреній и желаній сердца Вашего, благоволилъ изречь нѣкогда въ пренебесномъ совѣтѣ своемъ и о Васъ, что изрекъ Онъ о кроткомъ и смиренномъ Давидѣ: *Обрѣтохъ Давида раба Моего; елеемъ святымъ Моимъ помазахъ его. Истина Моя и милость Моя съ нимъ. Той призоветъ Мя: Отецъ мой еси Ты, Богъ мой и заступникъ спасенія моего! И Азъ первенца положу его высока паче Царей земныхъ. Въ вѣкъ сохраню ему милость Мою; и положу въ вѣкъ вѣка сѣмя его, и престолъ его яко дніе неба.*

РѢЧЬ

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ СВЯТѢЙШЕМЪ СУНОДѢ РЕКТОРОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ, АРХИМАНДРИТОМЪ НЕКТАРІЕМЪ, ПО НАРЕЧЕНІИ ЕГО ВО ЕПИСКОПА ВЫБОРГСКАГО, ВИКАРІЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХІИ.

СВЯТѢЙШІЕ ІЕРАРХИ И ОТЦЫ!

И такъ избраніемъ Вашимъ и повелѣніемъ Августѣйшаго Монарха я призванъ къ святительскому служенію. Чувствуя важность сего служенія, припоминая, что его боялись вселенскіе Богословы и Златоусты,—убѣгали мужи — Ангелы во плоти, со страхомъ вопрошаю себя: кто я, дерзающій приступать къ сему служенію? Что могу указать въ себѣ въ залогъ исполненія Вашихъ надеждъ обо мнѣ?...

О, нѣтъ, не сознаніе какихъ нибудь достоинствъ двигало моими устами, когда изрекалъ я согласіе на принятіе святительскаго служенія! Отъ самаго вступленія въ чинъ иноческій посвятивъ всего себя служенію Церкви, я совершенно предоставилъ судьбу свою въ волю Божію; въ распоряженіяхъ Начальства обо мнѣ видѣлъ указанія мнѣ свыше, — и въ послушаніи Начальству искалъ и побужденій къ исполненію долга, и успокоенія сердцу, смущаемому немощами плоти и трудностію ввѣряемыхъ мнѣ служеній. И теперь, при

всемъ сознаніи своего недостоинства, при всемъ пониманіи величія и трудности святительскаго служенія, дерзновеніе—принимать оное обрѣтаю въ повиновеніи Вашему призванію, какъ волѣ Божіей. Вѣрую, что самъ Господь чрезъ Ваше Святѣйшество нарекаетъ меня епископомъ; вѣрую, что Онъ и поможетъ мнѣ проходить сіе служеніе, и въ этой вѣрѣ ищу успокоенія сердцу при мысли о немощахъ своихъ и о великой отвѣтственности святительскаго служенія. Да послужитъ мнѣ вѣра сія въ оправданіе надеждъ обо мнѣ Вашихъ, Святѣйшіе Іерархи и Отцы! Да будетъ вѣра сія предъ Тобою, первенствующій Іерархъ сего священнаго Собора, ручательствомъ, что и въ святительскомъ санѣ я буду нижайшимъ послушникомъ Твоимъ! Два года служу я Церкви Божіей подъ Твоимъ архипастырскимъ руководствомъ; въ это краткое время, Твое отеческое вниманіе ко мнѣ до того возрастило въ сердцѣ моемъ сыновнюю преданность къ Тебѣ, что она не истребится во мнѣ нигдѣ и никогда. Уповаю, что по обычной Твоей благости ко мнѣ, и въ новомъ предстоящемъ мнѣ служеніи Церкви, Ты своею многолѣтнею опытностію восполнишь мою неопытность, своею мудростію умѣришь, — гдѣ нужно, — мое рвеніе, своею ревностію сохранишь меня отъ унынія и разслабленія духовнаго, и вообще научишь меня право править слово истины и быть вѣрнымъ блюстителемъ ввѣреннаго мнѣ вертограда наукъ, который такъ близокъ и дорогъ Твоему сердцу.

Предавая себя распоряженіямъ Вашего Святѣйшества, прошу Вашихъ святыхъ молитвъ о ниспосланіи мнѣ благодати Всесвятаго Духа, немощная врачующей и оскудѣвающая восполняющей.

РѢЧЬ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ, ПРЕДЪ ВСТУПЛЕНІЕМЪ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ВЪ ХАРЬКОВСКІЙ КАѲЕДРАЛЬНЫЙ СОБОРЪ, СКАЗАННАЯ ПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ МАКАРІЕМЪ, ЕПИСКОПОМЪ ХАРЬКОВСКИМЪ И АХТЫРСКИМЪ, 16 СЕНТЯБРЯ 1859 ГОДА.

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Во всемъ великомъ царствѣ природы нѣтъ ничего великаго предъ безпредѣльнымъ величіемъ Творца; за то нѣтъ ничего малаго и ничтожнаго для Его безконечной благости и любви. Онъ, какъ Отецъ всего существующаго, печется о всѣхъ и о всемъ: отъ совершеннѣйшихъ духовъ, окружающихъ престолъ Его, до самыхъ послѣднихъ насѣкомыхъ и полевыхъ цвѣтковъ, — отъ огромнѣйшихъ свѣтилъ, плавающихъ въ пространствахъ небесныхъ, до власовъ главы нашей и мельчайшихъ песчинокъ земли (Матѳ. 6, 26—30; 10, 30). *Благъ Господь всяческимъ и щедроты его, на всѣхъ дѣлѣхъ его* (Пс. 144, 9).

Такъ, — видимъ мы и чувствуемъ,—и для Твоего отеческаго сердца, при всемъ царственномъ величіи, какимъ облекъ Тебя Господь, и для Твоего сердца нѣтъ ничего малаго и ничтожнаго во всемъ обширномъ царствѣ, врученномъ Тебѣ отъ Бога. Твоя неизмѣримая бла-

гость и любовь объемлютъ всѣхъ насъ на всѣхъ пространствахъ русской земли, всѣхъ — и близкихъ и дальнихъ, и знатныхъ и незнатныхъ, и высшихъ и низшихъ, и вельможъ и самыхъ послѣднихъ поселянъ. О всѣхъ Ты заботишься, всѣмъ желаешь лучшаго, для всѣхъ уготовляешь средства, *да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (1 Тим. 2, 2). И мало тѣхъ непрерывныхъ трудовъ, какіе несешь Ты для насъ, Помазанникъ Божій, вдали отъ насъ, въ Твоемъ царствующемъ градѣ; Ты подъемлешь еще новые труды—посѣщать другіе грады и веси Твоего исполинскаго царства, чтобы ближе видѣть наши нужды, вѣрнѣе устроять наше счастіе и даровать всѣмъ намъ неизъяснимую радость насладиться лицезрѣніемъ Тебя—нашей общей Радости.

О, да воздастъ же Тебѣ самъ *Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи* (2 Кор. 1, 3) за всѣ тѣ щедроты и утѣхи, какія Ты изливаешь на насъ! Да благословитъ и увѣнчаетъ Онъ полнымъ успѣхомъ всѣ Твои царственныя начинанія и намѣренія, направленныя къ нашему благу. Да сотворитъ Онъ Тебя въ великой семьѣ русской «отца, о чадѣхъ веселящася».

Господи! силою твоею да возвеселится Царь (Пс. 20, 2).

ВНѢШНЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЦЕРКВИ ВЪ ОБЩЕСТВѢ ВЪ ПЕРВЫЕ ТРИ ВѢКА ХРИСТІАНСТВА.

(Продолженіе).

Ὑμεῖς δὲ ἐστὲ μάρτυρες τούτων (Лук. 24, 40).

Причины новыхъ гоненій. а) Мысль о нераздѣльности древняго могущества имперіи съ древнимъ идолопоклонствомъ.

Римское правительство все еще держалось мысли, что гражданское могущество имперіи зависитъ отъ непоколебимости ея древнихъ законовъ и вѣрности богамъ, своею помощію прославившимъ Римъ. Между тѣмъ христіанская Вѣра, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе подрывавшая древнее государственное идолопоклонство, лежавшее въ основаніи законовъ, по-видимому, грозила ниспровергнуть и древній государственный порядокъ, почитавшійся оплотомъ гражданскаго могущества. Желая возстановить древній блескъ римской имперіи, императоръ Діоклитіанъ долженъ былъ посему придти къ мысли возстановить прежде всего прочность древняго римскаго идолослуженія. Эта мысль лежала въ основѣ закона, въ 296-мъ году изданнаго имъ противъ манихеевъ ([185]). Она же послу-

([185]) Законъ этотъ помѣщенъ въ цѣлости у *Bullet*, Hist. de l'etabliss. du christ. pag. 239—240, not. 75; у *Баронія* подъ 287 го-

жила причиною новыхъ гоненій и на христіанскую Церковь, какъ это ясно высказалъ въ своемъ едиктѣ виновникъ ихъ, императоръ Галерій ([186]). Съ другой стороны, христіанская Церковь значительное время признавалась уже обществомъ, дозволеннымъ законами; она столько распространилась, что подавленіе ея было опасно для общественнаго спокойствія; многократные опыты доказали, что гоненія не сокращаютъ ея,—всѣ эти причины, не смотря на желаніе возстановить силу древняго идолопоклонства, останавливали Діоклитіана до глубокой старости отъ гоненій на христіанъ, и, чтобы исторгнуть его согласіе на это, надобно было имѣть на него сильное вліяніе ([187]).

б) Фанатическая партія въ язычествѣ.

Общее мнѣніе языческаго народа, нѣкогда отличавшееся необычайною нетерпимостію къ христіанамъ,

домъ; онъ упоминается уже въ приписываемыхъ святому Амвросію медіоланскому толкованіяхъ на посланія Ап. Павла, именно при изъясненіи 2 Тим. 3, 6 и 7, см. Patrol. Curs. Compl. tom. 17, pag. 493.— Sed dii immortales providentia sua ordinare et disponere dignati sunt, ut quae bona et vera sunt.... Quibus nec obviam ire, nec resistere fas est, neque reprehendi a nova vetus religio deberet. Maximi enim criminis est retractare, quae semel antiquitus tractata et definita sunt, et statum et cursum tenent et possident; unde et pertinaciam pravae mentis nequissimorum hominum punire, inde ingens nobis studium est.

([186]) De mort. persecut. cap. 34. Inter caetera quae pro Reipublicae semper commodis atque utilitate disponimus, nos quidem volueramus antehac, juxta leges veteres et publicam disciplinam Romanorum cuncta corrigere, atque id providere, ut etiam christiani.... ad bonas mentes redirent. Qui rem publicam evertebant,—см. ниже примѣч. 218.

([187]) De mort. persecut. cap. 11. Diu senex (Diocletianus) furori ejus (Falerii Maximiani) repugnavit, ostendens, quam perniciosum esset inquietari orbem terrae, fundi sanguinem multorum; illos (christianos) libenter mori solere. . etc.

значительно уже начало склоняться въ ихъ пользу. Безчеловѣчныя жестокости гонителей къ людямъ, невиновнымъ ни въ какомъ преступленіи, пробуждали естественное человѣческое чувство даже въ томъ, кто отдавалъ старому идолопоклонству предпочтеніе предъ новою Вѣрою. Всѣ подозрѣнія противъ святыхъ правилъ христіанской жизни разсѣялись, и христіане нерѣдко пробуждали въ народѣ невольное уваженіе къ своимъ подвигамъ добродѣтели. Сочувствіе имъ было такъ живо, что во время вновь наступившихъ гоненій многіе изъ язычниковъ скрывали преслѣдуемыхъ христіанъ въ своихъ домахъ, и часто рѣшались лучше пожертвовать своимъ имуществомъ и свободою, нежели выдать скрывавшихся подъ ихъ защитою ([188]). «Даже прежніе убійцы наши радовались», говоритъ Евсевій, когда вслѣдствіе предсмертнаго Галеріева указа гоненіе на нѣсколько времени прекратилось ([189]). Но тѣмъ сильнѣе разжигалась ненависть къ христіанскому имени въ фанатическихъ приверженцахъ римской старины, предчувствовавшихъ близость ея паденія. Они напрягали всѣ свои силы, чтобы предупредить и, если можно, устранить этотъ, по ихъ понятіямъ, подрывъ порядка и благосостоянія. Многіе государственные люди, водившіеся чувствами ложнаго патріотизма и не умѣвшіе умѣрять ихъ подобно Діоклитіану, жрецы и поклонники или тщеславные приверженцы языческой философіи и словесности искали только могущественнаго представителя себѣ, чтобы начать еще одну, послѣднюю, но тѣмъ болѣе упорную

([188]) *Athanas. Magn.* Hist. Arianor. ad Monachos, num. 64. Въ переводѣ Творен. св. отцевъ, 1852 годъ, част. 2, стр. 137.

([189]) Церк. Ист. кн. 9, гл. 1, въ концѣ.

и ожесточенную борьбу съ христіанскою Вѣрою,— и этотъ представитель нашелся для нихъ въ лицѣ зятя Діоклитіанова, кесаря Каія Галерія Максиміана. Рѣшительный, настойчивый и неумолимо непреклонный по характеру, онъ военными талантами возвысился изъ самаго низшаго сословія и въ санѣ кесаря не освободился отъ недостатковъ своего воспитанія, раздѣляя съ чернью грубое суевѣріе, слѣпое раболѣпство жреческимъ прорицаніямъ и преданность древнимъ обрядамъ идолослуженія. Естественно, что враги Христіанства не опускали случаевъ внушать ему гоненіе на святую Церковь. Когда, во время походовъ, онъ обращался къ жрецамъ, дѣлавшимъ по внутренностямъ жертвъ прорицанія, христіане, по службѣ обязанные быть при немъ, обыкновенно творили при этомъ на челѣ своемъ крестное знаменіе, чтобы отогнать злыхъ духовъ, почитаемыхъ язычниками подъ видомъ идоловъ и своимъ вліяніемъ омрачающихъ ихъ умы. Но жрецы, по убѣжденію ли, или только съ цѣлію оправдать неудачу своихъ предсказаній и во всякомъ случаѣ раздражить государя, жаловались ему, что не видятъ обыкновенныхъ признаковъ принятія жертвы и боги не являются къ ней, чуждаясь присутствія стороннихъ людей, не потому, чтобы боялись ихъ креста, но потому, что это враждебное и противное знаменіе ненавистно имъ ([190]). Много также могло дѣйствовать на Галерія ко вреду Церкви то обстоятельство, что нѣкоторые изъ христіанъ, по неразумію почитая военныя дѣйствія и битвы, сопряженныя съ

([190]) *Lactanc.* De mort. persecutorum cap. 10; cf. Divin. Instit. lib. IV, cap. 27; *Евсевія*, о жизни Константина кн. 2, гл. 50, по изд. въ Христ. Чт. стр. 144.

взаимнымъ убійствомъ, дѣломъ противнымъ своей немощной совѣсти, отказывались отъ обязанностей военной службы, хотя исполненіе ея въ настоящее время не было уже сопряжено съ необходимостію участвовать въ языческихъ обрядахъ ([191]). Конечно, значеніе

([191]) (Anno Christi 295) Tusco et Anulino consulibus, IV Jd. Martii, Teveste in foro inducto Fabio Victore una cum Maximiliano; et admisso Pompejano Advocato idem dixit: Fabius Victor Temonarius est constitutus cum Valesiano Quintiano, cum bono tirone Maximiliano filio Victoris, quoniam probabilis est, rogo ut incometur. Dion Proconsul dixit: quis vocaris? Maximilianus respondit: quid autem vis scire nomen meum? Mihi non licet militare, quia christianus sum. Dion: apta illum. Cumque aptaretur, Maximiliamus respondit: non possum militare, non possum malefacere. Christianus sum. Dion: incumetur. Cumque incumetus fuisset, ex Officio recitatum est: habet pedes quinque, uncias decem. Dion ad Officium: signetur. Cumque resisteret, Maximilianus respondit: non facio; non possum militare. Caput mihi praecide, non milito saeculo; sed milito Deo meo. Dion ad Maximilianum: milita et accipe signaculum. Respondit: non accipio signaculum. Iam habeo signum Christi Dei mei. Dion ad Officium: signetur. Cumque reluctaret, respondit: non accipio signaculum saeculi; et si signaveris, rumpo illud, quia nihil valet. Ego christianus sum, non licet mihi plumbum collo portare, post signum salutare Domini mei Iesu Christi. Dixit Dion proconsul: in sacro comitatu dominorum nostrorum Diocletiani et Maximiani, Constantii et Maximi, milites christiani sunt et militant. Maximilianus respondit: ipsi sciunt, quod ipsis expediat. Ego tamen christianus sum, et non possum mala facere. Dion dixit: qui militant quae mala faciunt? Maximilianus respondit: tu enim scis, quae faciunt. Dion dixit: quia indevoto animo militiam recusasti, congruentem accipies sententiam ad caeterorum exemplum. Et decretum ex tabella recitavit: Maximilianum, eo quod indevoto animo sacramentum militiae recusaverit, gladio animadverti placuit. Maximilianus respondit: Deo gratias. Annorum fuit XXI, et mensium trium, dierum X et VIII.—Pater autem ejus Victor regressus est domui suae cum gaudio magno, gratias agens Deo, quod tale munus Domino praemisit. *Ruinart*. Acta Maximiliani, pag. 299—302. *Ibidem* Acta Tarachi, Probi etc.: pag. 423: Μάξιμος ἡγέμων εἶπεν ποίας εἶ τύχης; Τάραχος εἶπεν· ςρατιωτικῆς, καὶ Ῥωμαῖος εἰμι τῷ γένει· διὰ δὲ τὸ Χριςιανόν με εἶναι, νῦν παγανεύειν ᾑρετησάμην κτλ.

подобныхъ примѣровъ должно было терять всякую силу при вниманіи къ тому, что множество другихъ безпрекословно отправляли ее; но враги Церкви могли изъ каждаго подобнаго случая выводить заключеніе, что христіанская Вѣра несовмѣстна съ порядкомъ государственной жизни, и при готовомъ уже предубѣжденіи противъ нея подобное заключеніе могло не казаться ни поспѣшнымъ, ни страннымъ.

Начало Галеріева, или Діоклитіанова гоненія.

При всемъ желаніи, кесарь Галерій не осмѣливался, однако, предпринять что-либо противъ христіанской Церкви безъ согласія Діоклитіана. Уже послѣ счастливаго похода въ Арменію, пріобрѣтши вліяніе на императора, онъ рѣшился прежде всего удалить христіанъ отъ своего двора ([192]). Потомъ, пользуясь наступленіемъ торжественнаго дня восшествія Максиміана Геркулія на престолъ, онъ далъ приказъ войскамъ, чтобы всѣ, состоящіе въ службѣ, посвятили этотъ день жертвоприношеніямъ и празднеству за здравіе императора, разумѣя жертвы и празднества языческія; не желающихъ же повиноваться сдѣланному распоряженію повелѣлъ изгнать изъ службы и лишить принадлежащаго имъ военнаго достоинства. «Тотчасъ же, говоритъ Евсевій ([193]), весьма многіе воины царства Христова, нимало не колеблясь, предпочли тогда свое исповѣданіе славѣ и выгодамъ, какія до того имѣли. Рѣдко—гдѣ тотъ или другой изъ нихъ жертвовалъ при этомъ Вѣрѣ не только потерею чести но и жизни», и вѣроятно въ тѣхъ только случаяхъ,

([192]) De mort. persecut. pag. 10.

([193]) Церк. Ист. кн. 8, гл. 4.

когда представлялся какой нибудь видимый предлогъ не только изгнать изъ службы кого-либо, какъ христіанина, но и наказать, какъ оскорбителя царскаго величества. Въ самомъ дѣлѣ, при явной несправедливости сдѣланнаго распоряженія весьма легко могли нѣкоторые дозволить себѣ неосторожное слово или мало обдуманный поступокъ, и тѣмъ дать поводъ къ обвиненію себя въ мятежѣ, или нарушеніи военныхъ правилъ. Подобный примѣръ представляетъ собою сотникъ Маркеллъ, пострадавшій въ африканскомъ городѣ Тингисѣ. Принуждаемый во время упомянутаго празднества совершить возліяніе богамъ въ честь императора, онъ всталъ изъ общаго стола, откинулъ портупею къ бывшимъ тутъ знаменамъ легіона и сказалъ внятнымъ голосомъ: «я воинствую Іисусу Христу, царю вѣчному»; потомъ бросилъ сотническую вѣтвь и оружіе и прибавилъ: «съ сего времени я перестаю служить вашимъ императорамъ; я презираю вашихъ деревянныхъ и каменныхъ боговъ, нѣмыхъ и глухихъ идоловъ; если таково теперь условіе службы, что принуждаютъ приносить жертвы богамъ и императорамъ, то вотъ я бросаю вѣтвь и портупею, отказываюсь отъ знаменъ и не хочу болѣе служить». Его осудили на смерть подъ тѣмъ предлогомъ, что, исповѣдавъ себя христіаниномъ и въ противность военной дисциплинѣ сбросивъ съ себя знаки военнаго достоинства, онъ охулилъ боговъ и кесаря при всемъ народѣ ([194]).

Первый едиктъ противъ христіанъ.

Но кромѣ изгнанія христіанъ изъ военной служ-

([194]) *Ruinart.* Acta martyr. Marcelli, pag. 302—304.

бы, императоръ въ теченіе цѣлыхъ осьмнадцати лѣтъ своего правленія не хотѣлъ и не дозволялъ предпринимать противъ Церкви ничего болѣе. Онъ былъ уже старъ и дряхлъ, много страдалъ отъ постоянныхъ болѣзней и хотѣлъ сложить съ себя тяжелое бремя правленія государствомъ, чтобы послѣдніе дни старости провесть въ мирномъ уединеніи частнаго человѣка, когда зимою 303-го года прибылъ къ нему въ Никомидію Галерій. Окруживъ его партіею фанатическихъ язычниковъ, этотъ ненавистникъ христіанскаго имени, горѣвшій нетерпѣніемъ овладѣть верховною властію и пріобрѣтшій на своего больнаго тестя неограниченное вліяніе, употребилъ всѣ усилія склонить его въ пользу своего намѣренія. Долго, говоритъ Лактанцій, силился старикъ одолѣть его ярость, представляя, какъ это опасно для общественнаго спокойствія, жестоко, безполезно, и предлагая довольствоваться тѣмъ, чтобы не дозволять Христіанства ни въ войскѣ, ни въ придворной службѣ; но не могъ отклонить жестокости безумнаго человѣка и согласился передать дѣло на судъ Совѣта избранныхъ военныхъ и гражданскихъ сановниковъ. Частію по убѣжденію, частію изъ ласкательства, Совѣтъ опредѣлилъ уничтоженіе Христіанства. Діоклитіанъ все еще не склонялся и потребовалъ спросить боговъ и обратиться къ милезскому Аполлону. Когда же и оракулъ отвѣтилъ, какъ врагъ христіанской Вѣры; онъ не могъ долѣе противостоять требованіямъ Совѣта, кесаря и Аполлона, но, и подписывая едиктъ, говорилъ, что христіане — люди благочестивые, и настаивалъ, чтобы дѣло производилось безъ пролитія крови ([195]). Языческій праздникъ Терми-

([195]) *Lactant.* de mort. persecut. cap. 11. *Евсев.* Жизнь Констант. кн. 2, гл. 51.

налій, 23-го Февраля 303-го года, былъ избранъ какъ бы терминомъ, то есть концемъ, существованію Христіанства. На самомъ разсвѣтѣ этого дня значительный отрядъ воиновъ окружилъ никомидійскую церковь: двери были разломаны, найденныя священныя книги сожжены, все разграблено, растащено; между тѣмъ императоръ и кесарь, въ виду которыхъ это совершилось, такъ какъ церковь была видна изъ оконъ дворца, совѣщались между собою, сжечь или разрушить ее. Превозмогло мнѣніе Діоклитіана, который опасался, чтобы пожаръ не истребилъ вмѣстѣ съ нею большей части города, и хотя храмъ былъ весьма высокъ, но въ короткое время разрушенъ до основанія ([196]). На другой день обнародованъ былъ едиктъ, которымъ повелѣвалось: богослужебныя собранія запретить христіанамъ; церкви ихъ разрушать; священныя книги жечь; людей сановныхъ и должностныхъ, если они не захотятъ оставить Христіанства, лишить мѣстъ и преимуществъ; христіанъ низшаго сословія лишить свободы и обратить въ рабство; христіанскихъ рабовъ не отпускать на свободу; никакихъ жалобъ отъ христіанъ не принимать, и при судебномъ дѣлопроизводствѣ дозволять употребленіе противъ нихъ всякаго рода пытокъ, къ какому бы сословію ни принадлежалъ кто прежде, такъ какъ они лишены свободы и голоса ([197]). Одинъ христіанинъ высшаго сословія, увлек-

([196]) *Lactant.* de mort. persecut. cap 12.

([197]) Jbidem, cap. 13. Cf. *Евсев.* Церк. Ист. кн. 8, гл. 2. Въ какой степени христіане низшаго сословія лишались этимъ едиктомъ свободы и подвергались рабству, видно изъ отмѣняющихъ его едиктовъ Константина, см. *Евсев.* Жизнь Констант. кн. 2, гл. 32—34.

шись неразумною ревностію и преступивъ евангельскій законъ о повиновеніи властямъ, сорвалъ этотъ едиктъ съ мѣста, къ которому онъ прибитъ былъ на площади, и публично изорвалъ его, сказавъ съ насмѣшкою: «вѣроятно, это — объявленіе о новыхъ побѣдахъ надъ Готѳами и Сарматами»! То есть,-что съ христіанами, своими вѣрными подданными, императоръ поступаетъ точно, какъ съ побѣжденными Сарматами и Готѳами!— Само собою разумѣется, что онъ немедленно былъ преданъ смерти, какъ оскорбитель царскаго величества ([198]).

Дѣйствіе и исполненіе его.

Едиктъ произвелъ тѣмъ болѣе ужасное впечатлѣніе на христіанъ, что во многихъ областяхъ сдѣлался извѣстнымъ предъ наступленіемъ Пасхи, или даже въ самую Пасху. Повсюду церкви были разрушаемы до основанія; священныя и божественныя книги жглись среди площадей, и иные областные правители простирали свой фанатизмъ или угодливость желанію Галерія въ этомъ отношеніи до того, что вмѣстѣ съ ними жгли даже древнія языческія сочиненія, которыми пользовались христіане для обличенія суевѣрныхъ заблужденій идолопоклонства ([199]). Естественно, что при подобной ревности въ исполненіи едикта личная безопасность христіанъ не ограждалась ничѣмъ, такъ какъ дозволеніе употреблять противъ нихъ, при слѣдствіяхъ и розыскахъ, всякаго рода пытки предоставляло фанатикамъ полную свободу въ жестокости. Напротивъ,

---

([198]) *Lactant.*, cap. 13. ibidem,—de illo: etsi non recte, magno tamen animo. *Евсев.* Церк. Ист. кн. 8, гл. 3.

([199]) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 8, гл. 2. *Arnobii* adv. gentes lib. 3, cap. 7, edit. in V tomo Patrol. Curs. Compl. pag. 945—946.

люди, чуждые фанатизма, или низкаго ласкательства, и неподавившіе въ себѣ человѣческаго чувства сострадавія, старались смягчать узаконенныя насилія, сколько это возможно было безъ явнаго парушенія верховной воли. Они охотно дозволяли христіанамъ утаивать священныя книги, или даже сами старались указать имъ средства подчиниться требованіямъ едикта видимымъ только образомъ и безъ существеннаго вреда. Едва только разнесся слухъ о предписаніи сожигать священныя книги, карѳагенскій епископъ Мансурій перенесъ ихъ изъ церкви въ свой домъ, положивъ на ихъ мѣсто сочиненія еретическія. Когда пришли сыщики; взяли эти сочиненія, сожгли ихъ, и болѣе ничего не требовалось: потому что это были тоже сочиненія по христіанской Вѣрѣ, и въ едиктѣ не сказано, какія священныя книги жечь и какой христіанской секты. Карѳагенскіе сановники открыли однако подлогъ проконсулу Аннулину и предложили взять дѣйствительныя священныя книги въ домѣ епископа; но онъ не хотѣлъ ничего знать болѣе и не согласился на предложеніе ([200]). Когда нумидійскій епископъ Секундъ отказался выдать книги священнаго Писанія; сыщики сказали ему: «не ужели ты не можешь дать чего нибудь ненужнаго, или хотя чего нибудь» ([201])?— Тоже снисхожденіе можно видѣть въ вопросѣ проконсульскаго легата и потомъ самаго проконсула Феликсу епископу африканскому: «почему ты не отдаешь излишнихъ книгъ»; равно изъ вопросовъ префекта:

([200]) *Optat. Milevit.* in historia Donatistarum, edit. in Patrol. Curs. Complet. tom. XI, pag. 774. *Augustin.* in Breviculo collationis c. Donat., die 3, cap. 13.

([201]) Aliqua ecbola (ἐκβολα) aut quodcunque,—ibidem.

«Феликсъ, отчего ты не отдаешь господнихъ писаній? Или, вѣроятно, ты не имѣешь ихъ» (202)? Церковныя богослужебныя собранія, конечно, не могли быть остановлены никакимъ закономъ. Впрочемъ, что касается образа дѣйствій христіанъ въ настоящемъ стѣсненномъ положеніи; то вообще онъ былъ неодинаковъ и разнообразился, смотря по характеру, твердости въ вѣрѣ и нравственному развитію каждаго. Между тѣмъ какъ одни изъ страха мученій и смерти, оставляя своихъ собратій, выдавали для сожженія имѣвшіеся у нихъ списки священнаго Писанія и были отлучаемы отъ церковнаго общенія, какъ *предатели*, другіе не хотѣли пользоваться даже представлявщеюся возможностію остаться невредимыми, не выдавая священныхъ книгъ,—и не отъ того, чтобы въ самоувлеченіи забывали правила христіанскаго благоразумія, но потому, что отвѣчать молчаніемъ или обманомъ на вызовъ къ обману считали, какъ упомянутый епископъ Феликсъ, дѣломъ нехристіанскимъ, своего рода отреченіемъ отъ Вѣры. Оставаясь непреклонными до смерти, они удостоивались вѣнцовъ мученическихъ. Иные, что нерѣдко было въ сѣверной Африкѣ, въ жару суетной и неевангельской ревности, сами безъ вызова являлись на судъ, объявляли, что они — христіане, что они—храмы Духа Святаго, имѣютъ у себя священное Писаніе, но не выдадутъ его, и вынуждали себѣ страдальческую кончину, хотя сами сознавались, что имѣли священное Писаніе только въ своемъ сердцѣ. Такихъ не ублажала Церковь; потому что, хотя они и страдали, но несогласно съ заповѣдію Евангелія. Другіе, напротивъ, почитали своею обязанностію соединять съ про-

(202) *Ruinart*. Acta martyr. Felicis, pag. 355—357.

стотою голубиною мудрость змія, не пренебрегали дозволительными и незазорными средствами спасать и свою жизнь отъ опасности и священныя книги отъ сожженія, умѣряли ревность своихъ собратій въ стремленіи къ мученичеству и внушали имъ осторожность въ поведеніи, чтобы не возбудить жестокости въ гонителяхъ. Подобный образъ дѣйствій, безъ сомнѣнія, былъ спасительнѣе и полезнѣе для Церкви, хотя люди безъ мѣры ревностные не одобряли его. Наконецъ, весьма многіе пострадали отъ жестокости гонителей, когда при всей предосторожности не могли укрыться отъ ихъ наблюденія за точнымъ исполненіемъ едикта, или спасти цѣлость священныхъ книхъ иначе, какъ съ пожертвованіемъ собственной жизни. Случалось, что мѣстному начальнику дѣлалось извѣстнымъ мѣсто, гдѣ христіане имѣли намѣреніе тайно собраться для богослуженія и пріобщенія евхаристіи. Отрядъ войска окружалъ собравшихся, и всѣ они умирали за святую вѣру (203).

Второй, третій и четвертый едикты противъ христіанъ.

Первый шагъ къ нападенію на Христіанство, долгое время пользовавшееся правами дозволенной Вѣры, былъ такимъ образомъ сдѣланъ. Существованіе Церкви снова воспрещено закономъ; и хотя мѣры, принятыя къ уничтоженію ея, не достигали цѣли, но усилить ихъ было уже не трудно. Поводъ весьма скоро представился самъ собою. Въ императорскомъ никомидійскомъ дворцѣ, не извѣстно отъ чего (204),

(203) *Ruinart.* Acta Saturnini, Dativi et aliorum plurimorum martyrum, pag. 381—390.

(204) Императоръ Константинъ Великій приписывалъ происхожденіе пожара небесному огню, спавшему на дворецъ во время бури (Слово, написанное къ обществу святыхъ, гл. 25): но если вѣрно

произошелъ сильный пожаръ; предположить поджогъ, приписать его покушенію на жизнь императора и заподозрить христіанъ—гонителю Христіанства было весьма естественно; по крайней мѣрѣ, кесарь съ полнымъ успѣхомъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ и имѣлъ удовольствіе довести Діоклитіана до изступленнаго гнѣва противъ мнимыхъ поджигателей. Неистовство императора простерлось на всѣхъ христіанъ безъ различія. Онъ принудилъ дочь свою Валерію и супругу Приску отречься отъ Христіанства ([205]). Вслѣдъ за тѣмъ могущественные нѣкогда, придворные сановники были лишены жизни; пресвитеры и діаконы никомидійской церкви вмѣстѣ съ своимъ епископомъ Анѳимомъ безъ всякаго приговора и допроса преданы смерти; множество другихъ христіанъ подверглось тойже участи: однихъ умерщвляли мечемъ, другихъ топили въ морѣ, или жгли, и не порознь, потому что ихъ было слишкомъ много, но цѣлыми толпами. Императоръ самъ неоднократно присутствовалъ при совершеніи казни, и языческіе сановники, уполномоченные имъ, по его мановенію усиливались превзойти одинъ другаго въ жестокостяхъ и смертоубійствѣ ([206]).

свидѣтельство Лактанція, который по всей вѣроятности (Divin. institut. Lib. 5, cap. 2) также жилъ тогда въ Никомидіи, что чрезъ пятнадцать дней пожаръ повторился (De mort. persec. cap. 14); то вѣроятнѣе причиною его предполагать умышленный поджогъ. Никто другой не упоминаетъ впрочемъ о повтореніи пожара. Приписывать же умышленный поджогъ христіанамъ, какъ это дѣлалъ Галерій, или Галерію, какъ Лактанцій, нѣтъ никакого твердаго основанія. Итакъ вѣрнѣе всего держаться словъ Евсевія, который говоритъ, что причина пожара осталась ему неизвѣстною: ὀυκ ὀιδ, ὅπως.., πυρκάιας... ἀρθέισης (Церк. Ист. кн. 8, гл. 6).

([205]) Смотри примѣчаніе 182.

([206]) *Lactant.* de mort. persecut. cap. 14 et 15. Cf. Церк. Ист. *Евсевія* кн. 8, гл. 6.

Между тѣмъ почти въ тоже время вспыхнули противъ правительства мятежи въ Мелитинѣ и Сиріи. Безъ всякаго основанія ихъ приписали вліянію христіанскаго духовенства; по крайней мѣрѣ, по этому именно поводу ([207]) вышелъ второй императорскій едиктъ противъ христіанъ — о заключеніи всѣхъ предстоятелей Церкви въ темницы и узы. «Тогда, говоритъ Евсевій, открылось зрѣлище выше всякаго описанія: повсюду заключали христіанъ цѣлыми тысячами; темницы, предназначенныя для убійцъ и злодѣевъ, расхищавшихъ гробницы, наполнились епископами, пресвитерами, діаконами, чтецами, заклинателями, такъ что осужденнымъ за злодѣянія не оставалось въ нихъ мѣста». Вслѣдъ за вторымъ послѣдовалъ третій едиктъ, которымъ узниковъ, принесшихъ жертву, позволялось отпускать на волю, а противившихся предписывалось мучить тысячами пытокъ ([208]), — и наконецъ, по наступленіи 304 года, четвертый, которымъ тоже повелѣніе распространялось на всѣхъ христіанъ поголовно ([209]). Всѣ эти едикты, изданные подъ вліяніемъ кесаря Галерія старшимъ изъ императоровъ Діоклитіаномъ, были препровождены и на Западъ, гдѣ императоръ Максиміанъ Геркулъ охотно далъ имъ полное дѣйствіе ([210]).

Порядокъ, ожесточенность и продолжительность гоненія.

Такъ началась повсюду открытая и жестокая

([207]) Какъ наклонны были язычники подозрѣвать христіанъ въ политической враждѣ къ имперіи, видно изъ того, что они истолковывали даже невинныя слова ихъ о небесномъ Іерусалимѣ, или о гибельности многобожія въ политическомъ смыслѣ (см. *Евсевія* о палестинск. мучен. гл. 1 и 11, стр. 2 и 3, 34 и 35).

([208]) Церк. Ист. кн. 8. гл. 6.

([209]) *Евсев.* томъ 2, кн. о палест. муч. гл. 3, стр. 6 и 7.

([210]) *Lactant.* de mort. persecut. cap. 15.

война противъ Христіанства. Немедленно по изданіи третьяго едикта заключенные въ темницахъ священнослужители Церкви были преданы разнаго рода мученіямъ и оставшіеся непоколебимыми осуждены на смерть. Пересчитать множество священномучениковъ, пострадавшихъ тогда въ каждой области, особенно же въ Африкѣ, Мавританіи, Ѳиваидѣ и Египтѣ, представлялось современникамъ дѣломъ невозможнымъ ([311]). Такъ пострадали, послѣ Анѳима епископа никомидійскаго: римскій епископъ Марцеллинъ, сирмійскій Ириней, ираклійскій Филиппъ, путеольскій Іаннуарій, формійскій Еразмъ, егскій въ Киликіи Зиновій, тирскій Тиранніонъ, гортинскій на о. Кипрѣ Кириллъ; спустя нѣсколько времени,—египетскіе епископы Пилевсъ и Нилъ, эмесскій Сильванъ, Памфилъ пресвитеръ—великое украшеніе церкви Кесаріи палестинской, снова римскій епископъ Марцеллъ, газскій Сильванъ, слава антіохійской церкви—знаменитый пресвитеръ Лукіанъ, александрійскій епископъ Петръ — краса епископовъ, какъ по доблестямъ жизни, такъ и по занятіямъ въ священномъ Писаніи, а изъ пресвитеровъ его: Фавстъ, Дій и Ермій, также—Филеасъ, Исихій, Пахимій, Ѳеодоръ, епископы сопредѣльныхъ Египту Церквей, и за ними, продолжаетъ Евсевій, тысячи другихъ славныхъ лицъ, о которыхъ воспоминаютъ областныя и мѣстныя Церкви ([312]). Когда же эта война была объявлена всѣмъ христіанамъ безъ исключенія; то и паствы оказали себя достойными своихъ пастырей. Для исполненія послѣдняго едикта въ каждомъ городѣ объявляемо было, чтобы всѣ жители мѣста, мущины, женщины,

([311]) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 8, гл. 6 къ концу.

([312]) Церк. Ист. кн. 8, гл. 13; кн. 9. гл. 6; cfr. Ruinart. Act. martyr. p. 336—523.

даже дѣти, явились для принесенія жертвы въ языческій храмъ, гдѣ засѣдали судіи. Здѣсь поочередно вызывали явившихся по составленнымъ напередъ спискамъ всего мѣстнаго народонаселенія, и такимъ образомъ каждый долженъ былъ или принесть жертву, или оказаться христіаниномъ и подвергнуться суду. Бѣгство было почти невозможно и не всегда избавляло отъ опасности. Въ судахъ поставлены были также жертвенники, и, чтобы какъ-либо по недосмотру не упустить христіанина, каждый приходящій прежде разсмотрѣнія его дѣла долженъ былъ совершить жертву ([213]). Не повелѣвая смертной казни за Христіанство, но узаконяя всѣ роды мученій, едиктъ открывалъ полную свободу фанатической жестокости; такъ что осужденіе христіанина на смерть было знакомъ снисходительности судіи, или особеннаго уваженія къ богатству, благотворительности, знатности рода, наконецъ общественнымъ заслугамъ, которыми отличался подсудимый. Для большинства же ежедневно были изобрѣтаемы новыя, медленныя и ужаснѣйшія истязанія. Однихъ распинали, терзали бичами, черепками, или желѣзными крючьями, другихъ скоблили, колесовали, разрывали крѣпко стянутыми сучьями дерева, вѣшали внизъ головою, морили голодомъ, обливали расплавленнымъ свинцомъ; инымъ просверливали острыми тростями пальцы, медленно жгли, или, что было всего невыносимѣе, растягивали составы и члены, или обрѣзали ножами одну часть тѣла за другою; такъ что нѣкоторые изъ мучениковъ имѣли самый бѣдственный конецъ жизни и, умирая такимъ образомъ, едва удер-

([213]) *Lactant.* de mort. persecut. c. 15.

22

живали человѣческій видъ ([214]). «Если бы у меня, говоритъ Лактанцій, была сотня устъ и желѣзная грудь; то и тогда я не могъ бы исчислить всѣхъ родовъ мученій, претерпѣнныхъ вѣрующими: цѣлыхъ томовъ книгъ недостаточно для ихъ описанія, потому что ежедневно изобрѣтались новые, болѣе тяжкіе роды смертей. Иные изъ получившихъ на то власть отъ робости переступали даже данныя имъ повелѣнія; другіе руководствовались собственною фанатическою ненавистію къ Христіанству, или увлекались природною жестокостію характера; нѣкоторые желали тѣмъ угодить верховной власти, или проложить себѣ путь къ возвышенію. Свирѣпство доходило до такой степени, что изувѣченныхъ лечили, чтобы снова мучить. Все это дѣлали они для того, чтобы не допускать христіанъ до пріобрѣтенія славы мучениковъ и отклонить отъ Вѣры. Были однако и такіе, что вдругъ предавали смерти всѣхъ извѣстныхъ имъ христіанъ, полагая, что противъ нихъ идетъ дѣйствительно война и сраженіе ([215])». Число доводимыхъ пытками до смерти простиралось нерѣдко въ одномъ и томъ же мѣстѣ отъ десяти до ста человѣкъ въ день, безъ различія пола и возраста. «Я самъ былъ очевидцемъ этого, говоритъ Евсевій; такъ что желѣзо притуплялось и ломалось и сами убійцы, утомившись, поочередно смѣняли другъ друга. Я видѣлъ тогда дивное рвеніе, истинно божественную силу и бодрость вѣрующихъ во Христа Божія. Едва произносимъ былъ приговоръ надъ одними, немедленно являлись другіе и исповѣдывали себя христіанами, какбы вовсе не думая объ

([214]) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 8, гл. 3—12.

([215]) *Lactant.* De mort. persecut. cap. 16 ad initium, et Divin. institut. l. 5, c. 11.

ужасахъ и многообразныхъ видахъ мученій ([216])». Иные впрочемъ выходили изъ борьбы живыми и даже невредимыми. Пресытившись кровію и считая важнымъ хотя бы даже наружное достиженіе цѣли, враги Вѣры иногда насильно толкали и привлекали къ жертвѣ какого-либо христіанина, и потомъ онъ былъ отпускаемъ, какъ будто принесъ жертву, хотя не приносилъ ея; другой вовсе и не приближался къ ней и не касался чего-либо нечистаго, однакоже, когда сторонніе приписывали ему участіе въ жертвоприношеніи, молча переносилъ клевету и удалялся; иного, лежавшаго на землѣ, издалека притаскивали за ноги къ беззаконному жертвеннику и причисляли къ тѣмъ, которые принесли жертву, въ случаѣ же возраженій съ его стороны, били по устамъ и выгоняли вонъ; нѣкоторыхъ послѣ пытки оставляли полумертвыми и выбрасывали какъ умершихъ ([217]). Весьма многихъ, цѣлыми сотнями, ссылали въ рудокопни и каменоломни. И все это продолжалось не короткое время, не нѣсколько дней, но цѣлые годы. Гонители думали уже торжествовать: медали, выбитыя въ память уничтоженія Христіанства, гласили, что имя христіанъ, враговъ общества, истреблено, суевѣріе ихъ разсѣяно и распространено служеніе богамъ ([218]).

Перемѣна дѣлъ къ лучшему.

Восемь лѣтъ продолжалось такимъ образомъ го-

([216]) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 8, гл. 9.
([217]) Тамъ же, гл. 3.
([218]) *Bullet.* Hist. de l'etabliss. du christian, not. 79, pag. 241; *Baronii* Annal. ad ann. 304.

Dioclet. Jovius, Maxim. Herculevs.
Caess. Avgg.
Amplificato per orientem et occid. imp. rom.
et nomine christianor. deleto,
qui remp. evertebant.

неніе, и на Востокѣ—повсюдно. По временамъ оно какбы утихало нѣсколько, и христіане начинали ободряться; но какъ скоро враги Вѣры замѣчали, что не совершенно еще успѣли уничтожить христіанъ и дать язычеству прежнюю всеобщность, фанатизмъ ихъ пробуждался снова, и гоненіе опять усиливалось ([219]). Между тѣмъ Діоклитіанъ и Максиміанъ Геркулъ, по настоянію Галерія, сложили съ себя достоинство императоровъ, и мѣсто ихъ съ 305 года заняли прежніе кесари: Констанцій Хлоръ и самъ Галерій. Изъ кесарей, избранныхъ вновь, Максиминъ, управлявшій Сиріею и Египтомъ, по природной жестокости характера, суевѣрію и враждѣ противъ Христіанства, былъ достойнымъ сотрудникомъ Галерію въ войнѣ противъ Церкви. Но другой, Северъ, получившій въ управленіе Италію, Сицилію и Африку, не имѣлъ времени заняться христіанами. Максентій, съ 306 года заступившій его мѣсто, также, хотя былъ человѣкомъ крайне порочной жизни, не находилъ въ себѣ довольно охоты преслѣдовать исключительно христіанъ и вообще неспособенъ былъ долго и внимательно слѣдить за какимъ-либо дѣломъ. Итакъ въ то время, какъ гоненіе на Востокѣ продолжалось съ новою силою «Церкви западныя, то есть: вся Италія, Сицилія, африканская область, также Галлія, Британія и Испанія, не страдавъ отъ войны и полныхъ двухъ лѣтъ наслаждались уже миромъ ([220]); потому что и управлявшій тремя

Dioclet. Caes. Avg.
Galério in oriente adopt.
Superstitione Christi ubiq. deleta,
Cultu deorum propagato.

([219]) См. *Евсевія* о палест. муч. гл. 13.

([220]) Такъ же, въ концѣ.

послѣдними областями, императоръ Констанцій Хлоръ, равнымъ образомъ не былъ гонителемъ. Онъ даже весьма уважалъ христіанъ, особенно тѣхъ, которые имѣли случай показать свою твердость въ вѣрѣ, и говаривалъ обыкновенно, что тотъ не будетъ вѣренъ царю, кто невѣренъ Богу, хотя разсказъ Евсевія ([221]) о томъ, какъ онъ испыталъ твердость ихъ въ вѣрѣ, представляется не очень вѣроятнымъ. Понималъ ли онъ ничтожество язычества и былъ дѣйствительно чтителемъ единаго Бога, какъ говоритъ тотъ же историкъ, или, что вѣроятнѣе, подобно Александру Северу, держался еклектизма въ религіозныхъ понятіяхъ, во всякомъ случаѣ, бывъ еще кесаремъ, онъ не приводилъ въ своихъ областяхъ въ дѣйствіе діоклитіановыхъ едиктовъ, и, хотя не могъ явно отвергать ихъ и дозволилъ для вида разрушить нѣсколько церквей, но вообще, на сколько простиралась его власть, болѣе или менѣе ограждалъ христіанъ отъ фанатизма приверженцевъ язычества и охранялъ ихъ спокойствіе. Сдѣлавшись, по отреченіи Діоклитіана, первымъ изъ императоровъ, онъ могъ дѣйствовать въ ихъ пользу уже съ полною независимостію. Подобная же перемѣна въ положеніи христіанъ произошла и на Востокѣ, вскорѣ послѣ того, какъ Галерій, видя приближеніе своей смерти, объявилъ преемникомъ себѣ Ликинія. Мучительная болѣзнь, постигшая этого виновника самаго ужаснѣйшаго гоненія, какое только было когда-нибудь воздвигаемо противъ Церкви, вразумила его въ безполезности усилій подавить святую Вѣру и привела къ мысли, что онъ пораженъ ею, какъ наказаніемъ за жестокость. Въ 311 году, не за долго до сво-

([221]) Жизнь царя Константина кн. 1. гл. 16.

ей смерти, вмѣстѣ съ Константиномъ и Ликиніемъ онъ издалъ едиктъ, которымъ гоненіе прекращалось.

Едиктъ Галерія, Константина и Ликинія о прекращеніи гоненія.

«Между прочими распоряженіями, дѣланными для блага и пользы государства, говорилось въ этомъ едиктѣ ([222]), были такія, которыми мы хотѣли исправить все по древнимъ законамъ и общественнымъ порядкамъ римскаго народа, имѣя въ виду, чтобы и христіане, оставившіе ученіе своихъ отцовъ, обратились къ благому образу мыслей.... Между тѣмъ, когда послѣдовало отъ насъ повелѣніе возвратиться имъ къ постановленіямъ древнихъ, многіе изъ нихъ подверглись смерти, многіе также понесли разнаго рода лишенія, но почти всѣ пребыли тверды въ своемъ убѣжденіи, и мы увидѣли, что они ни богамъ не воздаютъ должнаго служенія и почитанія, ни Бога христіанскаго не могутъ исповѣдовать безбоязненно. Взирая на это окомъ попечительнаго милосердія и руководясь нашимъ всегдашнимъ благоволеніемъ, по которому обыкновенно снисходимъ къ слабостямъ всѣхъ людей, мы опредѣлили посему распространить и на нихъ благодѣянія нашей снисходительности: пусть снова будутъ христіане, и пусть они строятъ свои молитвенные домы, съ тѣмъ только, чтобы ни въ чемъ не поступать противъ порядка. Судей мы извѣстимъ особымъ посланіемъ о ихъ обязанностяхъ въ семъ отношеніи. За такое снисхожденіе наше, христіане должны молить сво-

([222]) См. *Lactant.* de mort. persec. cap. 34; въ переводѣ же на греческій языкъ у *Евсевія*. Церк. Ист. кн. 8, гл. 17, то есть, послѣдняя.

его Бога о нашемъ здравіи, о благосостояніи государства и своемъ собственномъ, чтобы и государство повсюду благоденствовало, и сами они безмятежно могли обитать въ своихъ жилищахъ».

Дѣйствительное прекращеніе гоненія и вторичное возобновленіе его Максиминомъ (312—313 г.)

Итакъ христіанская Церковь вышла побѣдоносною изъ кровавой войны, воздвигнутой на нее при Діоклитіанѣ и продолжавшейся во все время царствованія Галерія. Самъ виновникъ гоненія сознался наконецъ, что силы, одушевлявшей ее, невозможно было подавить никакими жестокостями. Но опытъ не научаетъ фанатиковъ, и если бы Господу и Пастыреначальнику Церкви не угодно было вскорѣ положить предѣлъ внѣшнимъ бѣдствіямъ ея, очень могло быть, что она послѣ сего терпѣла бы гоненіе еще долго и враги ея были бы тѣмъ жесточе, чѣмъ болѣе неудобствъ къ возобновленію гоненій представлялось въ настоящихъ обстоятельствахъ. Одинъ изъ четырехъ государей, одновременно управлявшихъ римскою имперіею по смерти Галерія, кесарь Кай Валерій Максиминъ питалъ непримиримую ненависть къ Христіанству. Онъ владѣлъ Египтомъ и Сиріею. Это былъ человѣкъ суевѣрный, необузданно — чувственный и вообще унижавшій собою достоинство кесаря. Не желая одинъ казаться ослушникомъ изданнаго императорами едикта, Максиминъ не могъ иначе выразить своего несогласія съ нимъ, какъ передавъ его своему верховному префекту Сабину устно, а не въ подлинникѣ. Префектъ сообщилъ впрочемъ волю государей областнымъ правителямъ уже письменно. Тѣ, полагая, что такова дѣйст-

вительно воля кесаря, передали повелѣніе градоправителямъ, начальникамъ войскъ, чиновникамъ земскимъ, и, какъ царская воля, оно исполнялось на самомъ дѣлѣ еще скорѣе, чѣмъ объявлялось форменно, то есть, заключенные за исповѣданіе Вѣры въ темницахъ получали свободу, сосланные въ рудники или каменоломни отпускались на мѣста жительства, представленные на судъ освобождались отъ обвиненія. Чѣмъ жесточе было гоненіе, особенно въ областяхъ, подчиненныхъ Максимину; тѣмъ болѣе была радость христіанъ, когда оно такъ рѣшительно прекращалось. «Тогда, пишетъ Евсевій ([223]), какбы изъ нѣдръ ночнаго мрака возсіялъ нѣкій свѣтъ. Въ каждомъ городѣ стали вновь появляться церкви, многочисленныя собранія Христіанъ и обычныя стеченія къ богослуженію; такъ что сами невѣрующіе немало поражены были этимъ, неожиданнымъ оборотомъ дѣлъ и провозглашали Бога христіанскаго великимъ и единымъ истиннымъ. Изъ нашихъ же одни немедленно воспріяли дерзновеніе; другіе же, ослабѣвшіе въ вѣрѣ, съ любовію спѣшили исцѣлиться. Между тѣмъ и благородные поборники Вѣры, избавленные отъ страданій въ рудокопняхъ, возвращались на мѣста своего жительства, всюду проходя чрезъ города съ бодростію и веселіемъ, полные несказанной радости и невыразимаго словомъ чувства свободы. Многолюдныя дружины ихъ совершали путь свой, воспѣвая по дорогамъ, улицамъ и площадямъ пѣснопѣнія и псалмы Богу. Посмотрѣлъ бы ты, съ какими веселыми и свѣтлыми лицами возвращались они въ свои жилища, не за долго до того въ оковахъ изгнанные изъ отечества! Даже прежніе убійцы наши

([223]) Церк. Ист. кн. 9, гл. 1.

радовались этому нисколько неожиданному чуду». Но не прошло и полгода, какъ спокойствіе восточныхъ христіанъ было нарушено снова. Завладѣвъ по смерти Галерія всею римскою Азіею и провозгласивъ себя императоромъ, Максиминъ не чувствовалъ болѣе необходимости сообразоваться съ мнѣніями другихъ государей. Зная, какъ воспоминаніе о мученикахъ одушевляло твердость въ вѣрѣ, онъ запретилъ христіанамъ прежде всего отправлять богослуженіе въ мѣстахъ ихъ погребенія, усыпальницахъ. Потомъ, говорятъ церковные писатели того времени, онъ самъ дѣлался посломъ къ себѣ противъ насъ, то есть, принималъ снаряженныя имъ самимъ посольства отъ разныхъ городовъ съ просьбами о запрещеніи христіанамъ жить и строить церкви въ нихъ, и такимъ образомъ какбы вынужденно соглашался на то, чего желалъ самъ ([224]). Въ самомъ дѣлѣ, одно вниманіе, съ какимъ Максиминъ выслушивалъ желанія фанатическихъ приверженцевъ язычества о стѣсненіи свободы христіанъ, безъ всякаго дальнѣйшаго содѣйствія съ его стороны, могло вызывать отвсюду ходатайства о гоненіи на Церковь. Когда, какъ говоритъ Евсевій ([225]), «извѣстный всѣмъ образъ мыслей государя располагалъ и начальствующихъ и подчиненныхъ всячески вредить христіанамъ, и лучшимъ средствомъ угодить ему и чрезъ то возвыситься по службѣ было указаніе новыхъ способовъ подавлять ихъ и дѣлать имъ зло»; тогда естественно, что и «жрецы заставляли своихъ оракуловъ требовать изгнанія христіанъ изъ городовъ и ихъ

([224]) *Lactant.* de mort. persec. cap. 36. *Евсев.* Церк. Ист. кн. 9. гл. 2,

([225]) Тамъ же, гл. 4.

округовъ, доводя эти требованія до свѣденія кесаря, и городскія начальства спѣшили обращаться съ просьбами о томъ же». Щедро награждая подобныхъ приверженцевъ язычества и форменно изъявляя усердное согласіе на ихъ желанія ([226]), Максиминъ старался между тѣмъ дать новую силу идолопоклонству. Прежде жрецы избирались областными начальствами изъ людей, проходившихъ городскія должности: теперь онъ назначалъ ихъ самъ и избиралъ изъ сенаторовъ, наиболѣе преданныхъ язычеству,—окружилъ ихъ почестями и облекъ властію употреблять всѣ мѣры къ поддержанію идолопоклонства; на высшія же жреческія мѣста опредѣлялъ людей, пользовавшихся общимъ уваженіемъ по своимъ гражданскимъ достоинствамъ. Такимъ образомъ, безъ всякаго едикта съ его стороны, гоненіе на христіанъ возобновилось въ его областяхъ повсюду. Въ каждомъ городѣ прибиты были на столбахъ мѣдныя доски съ вырѣзанными на нихъ городскими опредѣленіями противъ христіанъ и выраженіемъ царскаго на то согласія ([227]). «Не слѣдуетъ, объявляли фанатики, осквернять города кровію согражданъ и подвергать милостивую ко всѣмъ власть правителей осужденію въ крайней жестокости; напротивъ, распространяя человѣколюбіе правительства на всѣхъ, не должно предавать смертной казни и христіанъ,— довольно вырывать имъ глаза, или ноздри, отрубать уши, или руки, и увѣчить голени ([228])». «По милости такого человѣколюбія, говоритъ Евсевій, и высказать невозможно, какъ велико было число христіанъ, ко-

([226]) Тамъ же, гл. 7.

([227]) Церк. Ист. *Евсев.* кн, 9, гл. 4—7.

([228]) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 8, гл. 12. *Lactant.* de mort. persec. cap. 36.

торымъ исторгали правый глазъ, или чрезъ прижиганіе уродовали колѣно лѣвой ноги, присуждая ихъ потомъ къ ссылкѣ въ областныя мѣдныя рудокопни, не столько для работы, сколько для ослабленія и угнетенія. Бѣгства нашихъ возобновились; нѣкоторые знаменитые проповѣдники божественнаго слова, бывъ взяты подъ стражу, выслушали жестокій приговоръ къ смерти. Вообще въ короткое время ненавистникъ добра Максиминъ причинилъ намъ столько зла, что это послѣднее, возбужденное имъ, гоненіе казалось намъ гораздо тяжелѣе перваго ([229])». Между тѣмъ всѣ съѣстные припасы на рынкахъ окроплялись жертвенною водою, или кровію, чтобы сдѣлать ихъ негодными для христіанъ; дѣти по училищамъ каждый день повторяли имена Іисуса и Пилата и твердили выдуманные для оскорбленія христіанскаго чувства акты, судьи возобновили дѣйствіе діоклитіановыхъ едиктовъ, и гоненіе само собою усиливалось постепенно ([230]). Но не прошло и цѣлаго года отъ изданія Максиминомъ граматы, одобрявшей возобновленіе гоненій на христіанъ, какъ внезапно все положеніе Церкви въ обществѣ, по волѣ Божіей, совершенно измѣнилось. Причиною такой перемѣны было обращеніе къ христіанской Вѣрѣ императора Константина.

([229]) *Евсев.* тамъ же и кн. 9, гл. 6. Cf. *Lactant.* ibidem cap. 37.

([230]) *Lactant.* de mort. persec. cap. 37, *Евсев.* Церк. Ист. кн. 9, гл. 5, 7 и 10; сн. кн. 1, гл. 9. О подложныхъ актахъ Христа Спасителя упоминается еще въ исторіи мучениковъ Тараха, Прова и Андроника, пострадавшихъ при Діоклитіанѣ въ 304-мъ году; поэтому надобно думать, что они, бывъ вымышлены врагами Христовой Вѣры ранѣе настоящаго гоненія, теперь получили только особое примѣненіе къ своей цѣли. См. *Чет. Минеи* 12 Октября: Страданіе св. муч. Тараха, Прова и Андроника, отъ нотаріевъ судейскихъ писанное и послѣжде отъ вѣрныхъ многою цѣною искупленное. Cf. *Ruinart.* Acta Martyr. Tarachi etc. num. 9 pag. 442.

Принятіе христіанской Вѣры императоромъ Константиномъ.

Константинъ былъ сынъ покровительствовавшаго христіанамъ императора Констанція Хлора и первой супруги его Елены, которая, если и не была явною христіанкою до обращенія его къ вѣрѣ, то по всей вѣроятности имѣла уже и тогда расположеніе къ принятію Христіанства, какъ вообще женщины всегда первыя въ семействахъ принимали святую Вѣру и отъ нихъ уже она переходила къ мужчинамъ ([231]). При всей ограниченности вліянія родителей на его воспитаніе, такъ какъ съ ранней молодости онъ былъ удаленъ отъ нихъ, понятія ихъ о Вѣрѣ не могли не имѣть на него въ какой бы то ни было степени своего дѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, до принятія Христіанства Константинъ раздѣлялъ образъ мыслей своего отца о вѣрѣ ([232]). И если съ одной стороны Христіанство могло казаться ему, какъ большей части еклектиковъ, ограниченнѣе философіи въ томъ отношеніи, что проповѣдуемый въ немъ родъ богопочтенія пред-

([231]) *Блаженный Θеодоритъ* Церк. Ист. кн. 1, гл. 18 называетъ святую Елену наставницею въ Вѣрѣ своего сына; но *Евсевій* (Жизнь Цар. Констант. кн. 3, гл. 7) говоритъ, что Константинъ сдѣлалъ ее изъ невѣрующей вѣрующею. При этомъ несогласіи свидѣтельствъ, изъ которыхъ послѣднее должно было бы имѣть перевѣсъ, если бы не заподозривались крайнимъ увлеченіемъ историка въ хвалахъ прославляемому имъ лицу, общее замѣчаніе, встрѣчающееся между прочими и у *Лактанція* (Divin Instit. lib. 5, cap. 13) можетъ имѣть силу.

([232]) *Евсев.* Жизнь Конст. кн. 1, гл. 27: *τὸν δὲ πατρῷον τιμᾶν μόνον ᾤετο δεῖν Θεόν* Cf. *Incerti* panegyr. Constant. cap. 26, edit. Iaeger, 1, 548: Te, summe rerum stator, cuius tot nomina sunt. quot gentium linguas esse voluisti, quem te ipse dici velis, scire non possumus..... te inquam, oramus.

ставляло единственно истиннымъ, отвергая значеніе другихъ богослуженій; то съ другой — для каждаго, кто стремился сообразовать свою жизнь съ понятіями о вѣроученіи, заключало въ себѣ безмѣрное превосходство предъ всякою философіею, не сообщая отвлеченнаго только ученія, но обязывая своихъ послѣдователей къ дѣятельному стремленію сообразовать самый образъ жизни съ основанными на ученіи правилами. Константинъ долженъ былъ живо чувствовать это превосходство; потому что, можетъ быть, также вслѣдствіе первоначальнаго воспитанія, былъ не только любитель истины, или философъ, но и человѣкъ набожный, стремившійся сообразовать жизнь съ правилами благочестія ([253]). Въ 306-мъ году, вступивши на престолъ по смерти своего отца, онъ былъ еще язычникомъ. Когда въ 308-мъ году, послѣ счастливаго окончанія войны съ Максиміаномъ Геркуломъ, который хотѣлъ снова занять императорскій престолъ, онъ получилъ неожиданную вѣсть, что не задолго предъ тѣмъ возставшіе противъ него Франки также смирились; то прежде всего поспѣшилъ выразить свою благодарность божеству, одаривъ храмъ Аполлона щедрыми приношеніями ([254]). Отсюда можно видѣть не только то, что Константинъ и въ 308-мъ году все еще оставался въ язычествѣ, но также, что вообще онъ не принадлежалъ къ числу государей или полководцевъ, которые успѣхъ своихъ предпріятій приписываютъ исключительно собственной находчивости, ни-

([253]) *Evmenii* panegyric. Constantin. cap. 21. Vidisti enim, credo, Constantine, Apollinem tuum.... Iam omnia te vocare ad se templa videantur, praecipueque Apollo noster.

([254]) *Evmenii* panegyric. cap. 21: Merito igitur avgustissima illa delubra tantis donariis honestasti, ut iam vetera non quaerant.

сколько не думая о зависимости его отъ воли Божіей, что и въ язычествѣ, какъ впослѣдствіи, когда былъ христіаниномъ, онъ былъ набоженъ, старался о благочестіи и почиталъ Бога виновникомъ всякаго успѣха ([255]). Но сравнивая отношеніе всѣхъ существовавшихъ вѣроученій и родовъ богослуженія къ нравственной дѣятельности своихъ послѣдователей, онъ невольно долженъ былъ поражаться всеобъемлемостію требованій Христіанства, ихъ силою, возвышенностію и чистотою, между тѣмъ какъ язычество и философія оставляли совершенно внѣ своего надзора нравственную жизнь и заботились только—то объ обрядахъ римскаго народа, то о согласіи въ мнѣніяхъ. Нравственная жизнь христіанъ, окружавшихъ его по примѣру его отца, и непоколебимая твердость ихъ въ вѣрѣ среди всѣхъ жестокостей гоненія, которыхъ самъ онъ былъ очевидцемъ, до вступленія на престолъ живши постоянно при дворѣ Діоклитіана, а потомъ Галерія, удостовѣряли его въ превосходствѣ христіанскаго богопочтенія предъ всѣми другими самымъ дѣломъ. Между тѣмъ въ 312-мъ году, послѣ побѣды надъ Максентіемъ, кесаремъ Италіи и Африки, Константинъ сдѣлался единодержавнымъ государемъ всего запада римской имперіи. Какъ ни различно разсказываютъ современные писатели о необыкновенномъ явленіи крестнаго знамени ([256]), видѣнномъ имъ предъ побѣдою, во

([255]) Ibidem. Сн. Царя Конст. Слово къ общ. свят., гл. 26.

([256]) *Лактанцій*, de mort. persec. cap. 44: Commonitus est in quiete Constantinus, ut coeleste signum Dei notaret in scutis.... Fecit, ut jussus est, et transversa X littera, summo capite circumflexo, Christum in scutis notat.—Спустя около 20 лѣтъ, самъ Константинъ съ клятвою увѣрялъ *Евсевія* (жизнь Конст. кн. 1, гл. 28—32), что «въ полуденные часы дня, когда солнце начало уже склоняться къ западу

всякомъ случаѣ основою ихъ повѣствованій должно было послужить что-нибудь подобное, бывшее на самомъ дѣлѣ, и совершенно отвергать ихъ невозможно. Несомнѣнно, что оно имѣло вліяніе на образъ его мыслей, и спустя около двадцати лѣтъ онъ самъ припоминалъ о немъ, какъ о чудесномъ подтвержденіи своего желанія увѣровать во Христа ([237]). Сдѣлавшись единодержавнымъ на Западѣ, Константинъ не опасался послѣ того слѣдовать внушеніямъ Вѣры, дѣйствовавшей постепенно болѣе и болѣе на его убѣжденіе. Онъ не могъ не понимать, что христіане составляли хотя гораздо меньшую по числу, но тверже соединенную, болѣе живую и потому прочную часть его подданныхъ, и хотя дѣйствительно вступилъ въ Церковь и принялъ святое крещеніе только предъ своею

онъ *собственными очами видѣлъ составившееся изъ свѣта* и лежавшее на самомъ солнцѣ *знаменіе* креста, съ надписью: симъ побѣждай». Зрѣлище, продолжаетъ Евсевій, объяло ужасомъ, какъ его самаго, такъ и все войско. Но между тѣмъ, какъ Константинъ долгó недоумѣвалъ и размышлялъ о значеніи такого явленія, настала ночь. Тогда *во снѣ явился ему Христосъ* съ видѣннымъ на небѣ знаменіемъ и повелѣлъ, сдѣлавъ знамя, подобное видѣнному на небѣ, употреблять его для защиты отъ нападенія враговъ. Вставъ, Константинъ разсказалъ друзьямъ своимъ тайну и приказалъ сдѣлать знамя, описавъ, какой видъ оно должно имѣть. Но это было немного послѣ. Въ описываемое же время, рѣшившись не чтить никакого Бога, кромѣ видѣннаго, Константинъ призвалъ къ себѣ таинниковъ Его слова и (чтó впрочемъ не идетъ къ разсказу) спросилъ ихъ, кто тотъ Богъ и какой смыслъ знаменія, которое онъ видѣлъ. — *Руфинъ* говоритъ (Церк. Ист, кн. 9, гл. 9), что Константинъ видѣлъ огненное *знаменіе креста во снѣ*, а *на яву Ангела*, сказавшаго: симъ побѣждай. *Созоменъ* (Церк. Ист. кн. 1, гл. 3 и 4) вслѣдствіе этого думалъ, что Константинъ послѣ долгаго размышленія о небесномъ Помощникѣ въ битвѣ, все, разсказываемое Евсевіемъ и Руфиномъ, видѣлъ во снѣ; устройство же новаго знамени приписывалъ желанію его постепенно,

([237]) *Евсев.* Жизнь Конст. кн. 1, гл. 27—32.

смертію въ 337-мъ году, тѣмъ не менѣе уже съ сего времени дѣлалъ все, что считалъ полезнымъ для ея блага.

Первые манифесты Константина касательно Вѣры.

Немедленно по вступленіи въ Римъ, онъ повелѣлъ на самомъ людномъ мѣстѣ города воздвигнуть статую съ крестомъ въ правой рукѣ и начертать подъ ней на латинскомъ языкѣ надпись: «этимъ спасительнымъ знаменіемъ, истиннымъ доказательствомъ мужества, я спасъ и освободилъ вашъ городъ отъ ига тиранна ([238])». Къ сожалѣнію, первый манифестъ касательно Вѣры, изданный имъ вмѣстѣ съ Ликиніемъ въ концѣ 312-го года, не дошелъ до насъ. Несомнѣнно, что въ немъ дозволялось каждому исповѣдовать Вѣру своего обще-

отучать мало по малу своихъ подданныхъ отъ язычества. Между тѣмъ язычники или совершенно переиначивали разсказъ, или по невѣрію смѣялись надъ нимъ. *Nazarius* in panegyr. ad Const. cap. 14: In ore denique est omnium Galliarum, exercitus visos, qui se divinitus missos prae se ferebant. Haec ipsorum sermocinatio, hoc inter audientes ferebant: Constantinum petimus, Constantino imus auxilio. *Зосимъ* (кн. 2. гл. 29. стр. 94 по Бонн. изд. Corp. script. hist. byz.). ἐπεὶ δ' εἰς τὴν Ῥώμην ἀφίκετο μεςὸς πάσης ἀλαζονείας, ἀφ' ἑστίας ᾠήθη δεῖν ἄρξασθαι τῆς ἀσεβείας. *Gelasii Cyzic.* Hist. Consil. Nicaeni lib. 1, cap. 4, in *Labbei* Concil tom 2, pag 120: τοῦτο τὸ διήγημα τοῖς μὲν ἀπίςοις μῦθος εἶναι δοκεῖ καὶ πλάσμα, τοῖς δὲ ἡμετέροις δόγμασι κεχαρισμένον. Cf. *Moshemii* de rebus christ. ante Const. M. pag. 978 etc. Значеніе гражданскихъ войнъ того времени въ отношеніи къ борьбѣ Христіанства съ язычествомъ было причиною появленія между современниками и другихъ подобныхъ сказаній. Такъ *Лактанцій* (de mort. persec. cap. 46), разсказываетъ, что Ликинію предъ пораженіемъ Максимина явился Ангелъ и преподалъ молитву для его войска, отъ которой зависѣла побѣда. Юліана, по словамъ Ливанія, сопровождалъ въ персидскомъ походѣ сонмъ боговъ, названный святымъ Григоріемъ Богословомъ толпою демоновъ.

([238]) Церк. Ист. *Евсевія*, кн. 9, гл. 9.

ства ([239]); но, по всей вѣроятности, не было съ точностію опредѣлено, можетъ ли кто-либо добровольно оставить вѣру, къ которой принадлежалъ до его изданія, и перейти по своему свободному выбору въ другую. Подобная неопредѣленность была весьма невыгодна для Христіанства, такъ какъ, при общемъ стремленіи къ нему, могла замедлять обращеніе язычниковъ и врагами Церкви быть истолковываема во вредъ новоувѣровавшимъ. Съ очевиднымъ желаніемъ открыть свободный путь его распространенію, Константинъ поэтому, также вмѣстѣ съ Ликиніемъ, вторымъ манифестомъ, изданнымъ въ началѣ 313-го года въ Медіоланѣ, объявилъ, что предоставляетъ уму и волѣ каждаго ([240]) заботиться о божественныхъ предметахъ по собственному чувству и слѣдовать той вѣрѣ, которую кто найдетъ болѣе согласною съ своимъ убѣжденіемъ, христіанской ли, или другой, вообще, какой кто хочетъ,—и въ частности, что касается христіанской Вѣры, то отнынѣ съ устраненіемъ всѣхъ недоразумѣній, могшихъ представляться въ прежнемъ манифестѣ, каждый желающій прямо и просто, безъ всякихъ опасеній и затрудненій можетъ принимать ее и исповѣдывать съ полною и безусловною свободою ([241]).

([239]) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 10, гл. 5. «Мы еще прежде повелѣвали, чтобы всѣ, а также и христіане, соблюдали вѣру своей секты и своего богослужебнаго общества».

([240]) *Ἑνὸς ἑκάστου τῇ διανοίᾳ καὶ βουλήσει ἐξουσίαν δοτέον τοῦ τὰ θεῖα, πράγματα τημελεῖν κατὰ τὴν αὐτοῦ προαίρεσιν.* Ut daremus et christianis, et omnibus liberam potestatem sequendi religionem, quam quisque voluisset.... Ut nulli omnino facultatem abnegandam putaremus, qui vel observationi christianorum, vel ei religioni mentem suam dederat, quam ipse sibi aptissimam esse sentiret.

([241]) Placuisse nobis, ut, amotis omnibus omnino conditionibus, quae prius scriptis ad officium tuum datis super nomine christianorum

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какбы въ заглажденіе прежней несправедливости къ христіанамъ, онъ повелѣлъ немедленно безъ всякаго взыска возвратить имъ мѣста богослужебныхъ собраній и всѣ недвижимыя имущества, отнятыя у церквей во время гоненія, даже въ томъ случаѣ, если они перешли, какимъ бы то ни было образомъ, покупкою отъ казны, или въ видѣ подарка, во владѣніе частныхъ лицъ, предоставляя этимъ послѣднимъ требовать въ замѣнъ ихъ соотвѣтствующаго вознагражденія себѣ отъ правительства законнымъ порядкомъ ([242]). Единогласіе въ пользу христіанъ двухъ императоровъ, тѣсно соединенныхъ политическими и родственными отношеніями, и побѣды Ликинія были причиною, что оба Константиновы манифеста, хотя въ измѣненной формѣ, объявилъ и Максиминъ въ подвѣдомственныхъ ему областяхъ ([243]). Вскорѣ за тѣмъ онъ умеръ, и Ликиній сдѣлался единодержавнымъ государемъ всего Востока.

Притѣсненія восточнымъ христіанамъ со стороны Ликинія (314—323 г.)

Но между тѣмъ, какъ Константинъ постепенно увеличивалъ свои благодѣянія Церкви и принималъ

---

videbantur, nunc vere ac simpliciter unusquisque eorum, qui eamdem observandae religioni christianorum gerunt voluntatem, citra ullam inquietutinem ac molestiam sui idipsum observare contendant.... Nos liberam atque absolutam colendae religionis suae facultatem hisdem christianis dedisse.

([242]) Весь манифестъ въ переводѣ на греческій языкъ сохраненъ Евсевіемъ въ его Церк. Ист. кн. 10, гл. 5; а въ подлинникѣ, начиная со словъ: «прибывъ благополучно въ Медіоланъ», находится у Лактанція, lib. de mort. persec. cap. 48.

([243]) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 9, гл. 9 и 10.

живое участіе во всѣхъ ея дѣлахъ съ искреннимъ усердіемъ вѣрующаго, Ликиній, хотя по образу мыслей отнюдь ([244]) не былъ врагомъ ея, но, не почитая Христіанства болѣе другихъ родовъ богопочтенія и не думая оставлять древнихъ языческихъ обрядовъ римскáго народа, не имѣлъ особенныхъ побужденій покровительствовать ей исключительно. Послѣ побѣды надъ Максиминомъ, 13-го Іюня 313-го года онъ также немедленно обнародовалъ на Востокѣ медіоланскій манифестъ въ пользу христіанъ ([245]); но руководствовался въ томъ, какъ и при первоначальномъ изданіи его, не личною расположенностію къ Христіанству, а только общимъ началомъ справедливости и необходимостію поддерживать тѣсный гражданскій союзъ съ Константиномъ. Эта необходимость исчезла, какъ скоро онъ сдѣлался единодержавнымъ на Востокѣ, и гражданскія отношенія его къ Константину скоро сдѣлались столько непріязненными, что въ 314-мъ году возникла уже война, которая, по видимому, должна была рѣшить, кому изъ нихъ владѣть всѣмъ государствомъ нераздѣльно. Тогда Ликиній не могъ не придти къ мысли, что христіане, жившіе въ его областяхъ, были расположены болѣе въ пользу Константина, нежели его собственную ([246]). Онъ подозрѣвалъ въ этомъ особенно епископовъ, такъ какъ Константинъ оказывалъ имъ всевозможное благоволеніе ([247]), и приверженцы язычества, естественно, не упускали случаевъ подкрѣплять его подозрѣніе. Вслѣдствіе родившейся такимъ образомъ

([244]) Lib. de mort. persec. cap. 46.
([245]) Jbidem cap. 48.
([246]) *Созом.* Церк. Ист. кн. 1, гл. 7.
([247]) *Евсев.* Жизнь Константина, кн. 1, гл. 56.

нерасположенности къ Церкви, имъ сдѣлано было нѣсколько распоряженій, частію стѣснявшихъ ея свободу, частію навлекавшихъ на нее, въ особенности на епископовъ, невыгодную тѣнь во мнѣніи народа ([248]). Такъ онъ запретилъ епископамъ составлять Соборы и вообще выходить изъ предѣловъ своихъ епархій, опасаясь, по всей вѣроятности, соглашенія ихъ въ сочувствіи Константину, тогда какъ, говоритъ Евсевій, по постановленіямъ Церкви дѣла важныя не иначе могутъ быть рѣшаемы, какъ Соборами. Онъ приказалъ также, чтобы при богослуженіи мущины занимали въ Церквахъ мѣста отдѣльно отъ женщинъ, чтобы епископы не сами преподавали наставленія въ вѣрѣ женщинамъ, но чтобы для наставленія женщинъ избирались женщины же. Между тѣмъ, какъ по поводу этого всѣ смѣялись надъ христіанами, онъ повелѣлъ христіанамъ своей столицы, Никомидіи, собираться для богослуженія не въ церквахъ, но за городомъ въ открытомъ полѣ, подъ насмѣшливымъ предлогомъ, что для такого многолюднаго собранія свѣжій загородный воздухъ гораздо полезнѣе городского. Если бы подобныя распоряженія въ дѣйствительности и не оскорбляли христіанъ; то врагамъ Церкви не трудно было убѣдить Ликинія, что они усиливаютъ въ нихъ желаніе видѣть Константина своимъ государемъ. Спустя нѣсколько времени, онъ приказалъ поэтому частію разрушить, частію запереть всѣ церкви въ Понтѣ, «по внушенію нечистой совѣсти» обвиняя тамошнихъ христіанъ въ томъ, что они молятся не за него, но за Константина. Нѣкоторые изъ предстоятелей понтій-

([248]) *Евсев.* Жизнь Конст. кн. 1, гл. 51—53.

ской Церкви въ угодность ему были тогда мѣстнымъ начальствомъ безвинно осуждены и преданы жестокой смерти ([249]). Между тѣмъ въ противоположность дѣйствіямъ Константина онъ удалилъ христіанъ, не хотѣвшихъ измѣнить Вѣрѣ, отъ своего двора, отъ занятія всѣхъ значительныхъ военныхъ и гражданскихъ должностей и наконецъ даже отъ полицейской службы по городамъ ([250]). При этомъ весьма многіе готовы были жертвовать Вѣрѣ не только средствами къ содержанію и земными почестями, но и жизнію; иные же напротивъ оказались отступниками безъ всякой настоятельной нужды, или, показавъ сначала твердость въ благочестіи и лишившись должностей, послѣ отреклись отъ него и искали прежнихъ мѣстъ, употребляя униженіе, ласкательство и деньги ([251]). Мало по малу подобныя притѣсненія начинали принимать характеръ настоящаго гоненія; потому что, хотя Ликиній и не повелѣвалъ принуждать христіанъ къ отреченію отъ Вѣры, тѣмъ не менѣе мѣстныя начальства, исполняя его стѣснительные для христіанъ приказы, или по усердію даже переступая мѣру ихъ въ томъ же направленіи, всегда могли найти желанный поводъ прибѣгнуть къ насилію и жестокости ([252]). Къ сожалѣнію, мало сохранилось о томъ свѣдѣній. Въ древней Церкви особенно славны были сорокъ севастійскихъ мучениковъ (*) этого времени, страданія кото-

---

([249]) Тамъ же, кн. 2, гл. 1 и 2.

([250]) Тамъ же, кн. 1, гл. 52 и 54.

([251]) Никейскаго, 1-го вселенскаго Собора прав. 11 и 12.—*Книга Правилъ*, изд. 1839. Спб. стр. 38.

([252]) *Евсев.* жизнь Конст. кн. 2, гл. 2.

(*) 9 Марта.

рыхъ ублажали въ своихъ бесѣдахъ Василій Великій, Григорій Нисскій, Іоаннъ Златоустъ, Гавденцій и Ефремъ Сиринъ.

Пораженіе Ликинія и повсюдное прекращеніе гоненій.

Но это была уже послѣдняя кровь, пролитая за Вѣру во времена гоненій. Въ 323 г. Ликиній снова началъ войну съ Константиномъ. Причины ея были, конечно, политическія; тѣмъ не менѣе она имѣла характеръ религіозный и должна была рѣшить, наступило, или нѣтъ еще, внѣшнее торжество Христіанства надъ язычествомъ. Обѣ стороны понимали такъ ея значеніе и оба вождя приготовлялись къ битвѣ, каждый сообразно съ своею вѣрою. Авгуры, гаруспиціи и всякаго рода языческіе предвѣщатели предрекали Ликинію побѣду. Онъ самъ, прежде чѣмъ вступилъ въ сраженіе, собралъ предводителей своего войска въ рощѣ, посвященной идоламъ, принесъ съ ними мнимымъ богамъ обычную жертву и въ заключеніе сказалъ: «вотъ предъ нами отечественные боги, и мы чтимъ ихъ по преданію отъ предковъ. Но нашъ противникъ, отвергнувъ отечественные обычаи, прославляетъ какого-то чуждаго, неизвѣстно откуда взятаго, Бога. Онъ срамитъ свое войско Его постыднымъ знаменіемъ и, довѣрившись Ему, поднимаетъ оружіе не столько противъ насъ, сколько противъ оставленныхъ имъ боговъ. Настоящее время должно открыть, кто изъ насъ въ заблужденіи.... Если сильнѣйшимъ окажется этотъ чуждый, теперь нами осмѣиваемый, Богъ; то и намъ нужно будетъ признать Его и оставить тѣхъ, которымъ напрасно возжигаемъ свѣчи. Если же побѣдятъ наши боги, что̀ несомнѣнно; то послѣ теперешней по-

бѣды устремимся войною на безбожныхъ».—Съ другой стороны христіане твердо вѣрили въ помощь Божію. Жившимъ въ областяхъ Ликинія еще до начала сраженій неоднократно представлялось, что легіоны Константина уже вступаютъ въ ихъ города. Спасительная хоругвь креста была знаменемъ Константинова войска,—и такъ велика была сила нравственнаго вліянія, пріобрѣтеннаго Христіанствомъ надъ умами даже невѣровавшихъ, что хотя огромное большинство войска состояло изъ язычниковъ, тѣмъ не менѣе появленіе хоругви повсюду вселяло бодрость и приносило побѣду. Самъ царь окружилъ себя священнослужителями Божіими, сопровождавшими его неотлучно, и предъ началомъ битвы торжественно призвалъ Спасителя всѣхъ Бога. Богъ даровалъ ему побѣду. Ликиній, потерпѣвъ неоднократное пораженіе, лишился престола и жизни; напротивъ Константинъ сдѣлался единодержавнымъ въ Имперіи,—и тогда благодѣянія внѣшняго мира распространились на всю Церковь ([253]). Такъ исполнилось слово Господа: *въ мірѣ скорбни будете: но дерзайте, яко азъ побѣдихъ миръ* ([254]).

([253]) Тамъ же, гл. 3—19.
([254]) Іоанн. 16, 33.

О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОПОВѢДЫВАТЬ ВЪ НАШЕ ВРЕМЯ ВЪ НАШЕМЪ ОТЕЧЕСТВѢ.

Аще благовѣствую, говоритъ о себѣ св. Апостолъ Павелъ, *нѣсть ми похвалы; нужда бо ми належитъ: горе же мнѣ есть, аще не благовѣствую* (1 Кор. 9, 16). Изъ сихъ словъ Апостола легко видѣть, какъ необходимо проповѣднику слова Божія строго и точно исполнять свою обязанность. Если въ чемъ, то въ проповѣданіи слова Божія всегда и вездѣ *належитъ нужда*, потому что безъ него всѣ средства, предлагаемыя св. Церковію для спасенія человѣка, могутъ остаться безполезными. Такъ, не объясните приступающему къ таинству св. Причащенія величіе, силу и спасительные плоды сего таинства, и оно будетъ ему не во спасеніе, а въ осужденіе: *ядый бо и піяй недостойнѣ, судъ себѣ ястъ и піетъ, не разсуждая тѣла Господня* (1 Кор. 11, 20); а тотъ, безъ сомнѣнія, ястъ и піетъ, *не разсуждая тѣла Господня*, кто приступаетъ къ величайшему изъ таинствъ христіанскихъ безъ понятія о его величіи и плодахъ, и потому безъ должнаго вниманія и благоговѣнія къ нему. Спасительны обряды нашей Церкви, спасительно все ея богослуженіе: въ немъ души, жаждущія спасенія, могутъ найти неисчерпаемый источникъ воды живой, текущей въ животъ вѣчный, могутъ почерпать изъ этого источника

и высокія истины вѣры, и совершеннѣйшія правила жизни, и чувствованія сердца достойныя христіанина. Но это возможно только тогда, когда для нихъ открытъ сей живоносный источникъ, когда объяснено внутреннее значеніе и смыслъ обрядовъ и богослуженія. Нужно ли поэтому много доказывать *вообще необходимость* проповѣдыванія слова Божія? Проповѣданіемъ распространилось и утвердилось Христіанство; проповѣданіемъ распространяется и стоитъ оно донынѣ: не будь живаго, ревностнаго, одушевленнаго духомъ Апостоловъ и Отцевъ Церкви проповѣданія слова Божія, и Христіанство будетъ бездѣйственно. *Како убо призовутъ, въ негоже не вѣроваша? Како же увѣруютъ, его же не услышаша? Како же услышатъ безъ проповѣдающаго* (Рим. 10, 14)?

И такъ, не говоря много о необходимости проповѣдыванія вообще, обратимъ наше вниманіе на то, почему необходимо проповѣдывать въ наше время въ нашемъ отечествѣ.

Въ послѣднее время у насъ пробудилась особенная умственная дѣятельность, частію правильная и стройная, частію безпорядочная и нестройная, но вообще усиленная и напряженная. Является чрезвычайное множество и отдѣльныхъ сочиненій, и повременныхъ изданій по различнымъ отраслямъ человѣческаго знанія, иногда серьезныхъ и дѣльныхъ, иногда — справедливость требуетъ сказать — пустыхъ и ничтожныхъ, каковы большею частію современные юмористическіе и сатирическіе листки и журналы. Что значитъ эта напряженная умственная дѣятельность? Къ чему она направлена? Внимательный наблюдатель можетъ усмотрѣть изъ ней, что въ наше время Рос-

сія особенно усиливается занять достойное мѣсто въ ряду образованнѣйшихъ государствъ Европы, хочетъ воспользоваться всѣми плодами научной европейской мудрости, всѣми ея открытіями и изобрѣтеніями и приложить ихъ къ потребностямъ своей жизни, словомъ: хочетъ сблизиться съ остальною Европой и въ образѣ мысли, и въ образѣ жизни. Хорошо было бы, если бы при этомъ сближеніи мы перенимали у западныхъ европейцевъ только хорошее, отвергая все дурное, только науку, а не заблужденія ума, только внѣшній лоскъ жизни, правила вѣжливости и обходительности, а не нравственные недостатки и пороки. Это было бы и очень благоразумно, и согласно съ духомъ Евангелія; ибо *добро ревновати въ добромъ* кому бы то ни было. Но если при этомъ сближеніи будемъ руководиться одною слѣпою подражательностію, однимъ безусловнымъ уваженіемъ ко всему иноземному; то легко можетъ статься, что и у насъ повторятся тѣже умственныя заблужденія и предразсудки относительно Вѣры, какіе издавна появились и укоренились въ западной Европѣ. Здѣсь не мѣсто разбирать подробно эти предразсудки и заблужденія: они болѣе или менѣе извѣстны всякому образованному человѣку.

При всеобщемъ умственномъ движеніи въ нашемъ отечествѣ, можно ли проповѣднику быть равнодушнымъ — безмолвнымъ зрителемъ этого движенія? Ему ли молчать, когда все вокругъ него говоритъ и все вызываетъ его на слово? Не его ли обязанность давать, сколько возможно, надлежащее, сообразное съ духомъ православной Вѣры, направленіе всеобщему умственному движенію, быть провозвѣстникомъ всякой здравой, всякой свѣтлой и согласной съ ученіемъ

Евангелія мысли, клонящейся къ славѣ и благоденствію нашего отечества? Съ другой стороны, если проповѣдникъ Евангелія не станетъ предупреждать и обличать тѣхъ предразсудковъ и заблужденій относительно Вѣры и Церкви, какіе по временамъ, вмѣстѣ съ наукою, проникаютъ въ Россію съ Запада Европы; то кто же станетъ обличать ихъ?

Подражая примѣру св. Отцевъ Церкви, проповѣдникъ долженъ преуспѣвать и въ знаніяхъ человѣческой мудрости, и усовершаться въ познаніяхъ премудрости духовной, божественной, и первыя повѣрять послѣдними, ошибки и заблужденія науки исправлять и обличать словомъ непререкаемой истины, проповѣдію Евангелія. Трудъ двойной и потому весьма не легкій, но тѣмъ не менѣе крайне обязательный для проповѣдника. Добраго служителя Евангелія такой трудъ, безъ сомнѣнія, не устрашитъ: любовь и ревность къ истинѣ Евангелія, любовь къ ближнему и ревность о его спасеніи, которыя долженъ имѣть всякій христіанинъ, а тѣмъ болѣе проповѣдникъ Евангелія, эта любовь и ревность какого труда не преодолѣютъ? И въ самомъ этомъ трудѣ не найдутъ ли онѣ сродную себѣ пищу, источникъ наслажденія самаго высокаго, самаго чистаго и святаго? Поэтому какъ бы ни былъ великъ трудъ слѣдить въ одно и тоже время за мудростію человѣческою и усовершаться въ познаніи премудрости божественной, испытывать глубины науки и проникать въ тайны Откровенія, но въ этомъ трудѣ належитъ крайняя нужда. Не дѣлать этого современному русскому проповѣднику значитъ быть несовременнымъ, не понимать религіозныхъ нуждъ и потребностей нашего вѣка...

Стараясь сблизиться съ западной Европой въ наукѣ, мы естественно сталкиваемся и съ религіозными вѣрованіями ея народовъ. Если въ чемъ, то въ этомъ намъ необходима крайняя осмотрительность и осторожность. Вѣра и наука могутъ жить вмѣстѣ и вмѣстѣ дѣйствовать къ нравственному усовершенствованію и облагороженію человѣчества; но отсюда еще не слѣдуетъ заключать, что гдѣ наука получила всестороннее развитіе, тамъ и истины Вѣры сохраняются во всей чистотѣ и цѣлости, какъ и вообще ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ заключать отъ возможнаго къ дѣйствительному. А между тѣмъ не рѣдко заключаютъ именно такимъ нелогичнымъ, неразумнымъ образомъ. Увлекаясь внѣшнимъ блескомъ европейскаго просвѣщенія, многіе увлекаются и религіозными заблужденіями западныхъ европейцевъ, напримѣръ, мнѣніями и сужденіями лютеранскими объ обрядахъ Церкви, о церковной іерархіи, о постахъ, о бракѣ, какъ таинствѣ христіанскомъ и т. под. Не обязанъ ли проповѣдникъ православно-русской Церкви всѣми силами противодѣйствовать этимъ мнѣніямъ? Не его ли долгъ, на основаніи ученія вселенской Церкви, на основаніи свидѣтельствъ ея исторіи, разоблачить и показать всю неосновательность и ничтожество подобныхъ мнѣній?

Съ различными религіозными заблужденіями западной Европы особенно усиливается проникнуть въ наше отечество римско-католическая пропаганда, и проникаетъ въ видѣ различныхъ сочиненій, большею частію на русскомъ и французскомъ языкахъ. Эти сочиненія наполняются то безпредѣльными, восторженными похвалами римской Церкви и папѣ, то клеветою и нападками на восточную православную Церковь, то

льстивыми обѣщаніями неисчислимыхъ выгодъ и неимовѣрной пользы, будтобы имѣющей проистечь изъ единенія съ Римомъ Церкви восточно-русской. Правда, что доказательства, употребляемыя въ этихъ сочиненіяхъ въ пользу папы и его ученія, большею частію слабы и стары, какими они сдѣлались еще къ концу среднихъ вѣковъ, вскорѣ послѣ отдѣленія Церкви римской отъ единенія съ Церковію вселенскою. Но таковы эти доказательства для людей хорошо знакомыхъ съ ученіемъ и исторіей Церкви восточной и западной; а для большинства, особенно для людей, имѣющихъ поверхностное религіозное образованіе и нетвердыхъ въ Вѣрѣ, эти доказательства, со всѣми тонкостями и изворотами іезуитской діалектики, съ самымъ нецеремоннымъ искаженіемъ церковно-историческихъ событій, могутъ показаться и разительными, и убѣдительными, и, пожалуй, неопровержимыми. Кто же, какъ не проповѣдникъ Церкви восточно-русской долженъ охранять и защищать ея чадъ отъ дѣйствія римской пропаганды? Не его ли долгъ, на основаніи свидѣтельствъ слова Божія и ученія вселенской Церкви, показать, какъ слабы и ничтожны доказательства, употребляемыя папистами въ пользу папы? Не его ли долгъ, на основаніи многочисленныхъ свидѣтельствъ исторіи, разъяснить и показать, что религіозное единеніе съ Римомъ всегда влекло за собою не благополучіе, а несчастіе, ужасное иго и деспотизмъ папскій, злонамѣренное гоненіе и преслѣдованіе со стороны католическаго духовенства всякой здравой и свѣтлой мысли, противной земнымъ выгодамъ и интересамъ папы; хотя бы вполнѣ согласной съ ученіемъ нашего Господа, что спасеніе, подъ видомъ котораго защитни-

ки папства завлекають въ свои сѣти людей другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, въ существѣ—не что иное, какъ увеличеніе свѣтскаго могущества и преобладанія папы, что для этой цѣли употреблялись костры инквизиціи и козни іезуитскія, что обѣщанія неисчислимыхъ выгодъ и величайшей пользы, которыми Римъ льститъ царямъ и народамъ другихъ вѣроисповѣданій, ниспровергаются почти постоянными политическими неустройствами въ самомъ Римѣ, что главенство надъ всею вселенскою Церковію и мнимая непогрѣшимость одного лица служили и служатъ постояннымъ источникомъ заблужденій, возводимыхъ на степень догматовъ Вѣры? Однимъ словомъ,—непремѣнный долгъ православно-русскаго проповѣдника нашего времени противопоставить неблагонамѣренной ревности католической пропаганды, направленной противъ нашего отечества, свою разумную ревность къ защитѣ и охраненію ученія и правъ нашей Церкви. Нынѣ, особенно нынѣ належитъ нужда въ подобномъ проповѣдываніи, потому что дѣйствія пропаганды несовсѣмъ остаются безплодными, а увлекаютъ иногда нѣкоторыхъ русскихъ, правда, по своему невѣжеству въ православіи, не имѣющихъ никакого авторитета и значенія въ смыслѣ церковномъ, но занимающихъ болѣе или менѣе видныя мѣста въ обществѣ, отличающихся блескомъ европейскаго образованія, и потому могущихъ служить соблазнительнымъ примѣромъ.... При видѣ подобныхъ успѣховъ римской пропаганды, русскій проповѣдникъ нашего времени былъ бы крайне виновнымъ противъ своего священнаго долга и заслужилъ бы справедливое осужденіе со стороны людей, понимающихъ дѣло, еслибъ своимъ молчаніемъ сталъ

потворствовать проискамъ пропаганды. Говоримъ: *непонимающихъ дѣло*; потому что непонимающіе дѣла, особенно люди, которые смотрятъ на это дѣло съ чувствомъ индифферентистовъ, одинаково холодныхъ и къ православію, и къ католичеству, пожалуй, подвергнутъ порицанію добрую ревность православнаго проповѣдника, направленную къ защитѣ ученія и правъ нашей Церкви. Его защитительную проповѣдь они могутъ назвать безполезнымъ богословскимъ споромъ, который возбуждаетъ только напрасный шумъ и толки. Но православный проповѣдникъ, который долженъ имѣть сколько глубокій, столько же свѣтлый взглядъ на свое дѣло, который долженъ руководиться не мудрованіями человѣческими, а истиной Евангелія, законами и правилами Церкви, долженъ предвидѣть не только близкую, но и самую отдаленную опасность, угрожающую чадамъ Церкви православной и чистотѣ ихъ Вѣры,— такой проповѣдникъ, много ли придастъ вѣса и значенія словамъ людей, о которыхъ мы говоримъ? Нѣтъ, не смотря ни на какія противорѣчія людей, непонимающихъ дѣла, истинный проповѣдникъ слова Божія всѣми силами будетъ противодѣйствовать усиліямъ римской пропаганды, особенно тамъ, гдѣ ея дѣйствія болѣе или менѣе явны и ощутительны, а вездѣ и всегда раскрывать и объяснять отличительное ученіе истинной Церкви.

Возвратимся къ предмету, о которомъ мы говорили прежде. При всеобщемъ умственномъ движеніи въ нашемъ отечествѣ, имѣющемъ цѣлію сближеніе его съ западной Европой, у насъ постоянно возникаютъ новыя потребности общественной жизни,—являются вопросы, которые во многихъ отношеніяхъ могутъ ка-

саться и нынѣшнихъ проповѣдниковъ православно-русской Церкви.

Изъ современныхъ вопросовъ едва ли не самый первый и важный—вопросъ о воспитаніи молодого поколѣнія, составляющій исключительный предметъ нѣкоторыхъ повременныхъ изданій. Думаемъ, что на проповѣдникахъ Слова Божія лежитъ непремѣнная обязанность, сколько возможно, чаще, полнѣе и яснѣе раскрывать въ своихъ поученіяхъ образъ (идею) истинно-христіанскаго воспитанія дѣтей? При множествѣ различныхъ взглядовъ на этотъ предметъ, часто противоположныхъ другъ другу, воспитателямъ молодого поколѣнія, даже самымъ честнымъ и добросовѣстнымъ, самымъ усерднымъ и ревностнымъ къ своему дѣлу, очень легко увлечься на ложный путь: гдѣ же найти истинный путь народному воспитанію и образованію, какъ не въ ученіи Того, который говоритъ о себѣ: *азъ есмь путь и истина и животъ* (Іоан. 14, 6)? Кто же обязанъ хранить сіе ученіе во всей чистотѣ и цѣлости и возвѣщать его людямъ, какъ не тѣ, которыхъ самъ онъ поставилъ пастырями и учителями (Ефес. 4, 11) въ своей Церкви? Въ чемъ состоитъ и послѣдняя, самая высшая цѣль проповѣдыванія слова Божія, какъ не въ воспитаніи человѣчества въ духѣ вѣры Христовой? Постараемся объяснить нашу мысль приложеніемъ ея къ частнымъ случаямъ и потребностямъ воспитанія.

Въ нѣкоторыхъ слояхъ общества ограничиваютъ,—по крайней мѣрѣ донынѣ такъ случалось,—воспитаніе молодыхъ людей однимъ внѣшнимъ лоскомъ, то есть, знаніемъ иностранныхъ языковъ большею частію на столько, на сколько это нужно для того, чтобы вести разговоръ о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ и явле-

ніяхъ жизни, умѣньемъ танцовать, хорошо обращаться въ обществѣ, знать свѣтскія приличія; при этомъ сообщаютъ иногда и познанія въ той наукѣ, которая особенно можетъ пригодится для будущей карьеры молодыхъ питомцевъ. Кто не пойметъ, какъ недостаточно, поверхностно и односторонне такое воспитаніе? Изъ такой школы воспитанія воспитанникъ неизбѣжно долженъ выдти человѣкомъ прекраснымъ по внѣшности, но никуда негоднымъ по душѣ и сердцу, безъ прочныхъ убѣжденій и правилъ, при одномъ самомъ общемъ и поверхностномъ знаніи истинъ Вѣры или и вовсе безъ всякаго знанія ихъ,—христіаниномъ по имени, язычникомъ по жизни и дѣятельности. Кромѣ того подобный образъ воспитанія, большею частію, какъ доказываетъ опытъ , привязываетъ сердце ко всему иноземному безъ разбора и производитъ отвращеніе къ своему отечественному, тоже—ко всему безъ разбора, слѣдовательно производитъ Русскихъ болѣе по имени, нежели по существу дѣла. Притомъ, не этотъ ли образъ воспитанія, болѣе всякаго другаго, производитъ людей склонныхъ къ жизни праздной и разсѣянной, единственно посвященной удовольствіямъ чувственнымъ, забавамъ, разорительному мотовству и расточительности, самой необузданной роскоши, иногда и гнусному разврату, едва — едва скрываемому подъ маскою свѣтскихъ приличій!... И развѣ можно исчислить всѣ гибельныя послѣдствія подобнаго образа воспитанія? Кому угодно, можетъ знать ихъ если не изъ собственнаго наблюденія надъ явленіями дѣйствительной жизни, то изъ современныхъ произведеній свѣтской литературы; потому что объ этомъ образѣ воспитанія и его слѣдствіяхъ писали и пишутъ довольно. Но если объ

этомъ говорятъ въ обществѣ и литературѣ, то проповѣднику ли слова Божія молчать? Ему ли не говорить о томъ, къ какой богопротивной, недостойной имени христіанскаго, жизни ведетъ подобный образъ воспитанія?

Возмемъ другую крайность въ воспитаніи, не менѣе вредную по своимъ слѣдствіямъ. Часто съ раннихъ лѣтъ знакомятъ дѣтей со всѣми произведеніями свѣтской литературы, даютъ имъ въ руки все безъ разбора, по крайней мѣрѣ, очень снисходительно, сквозь пальцы смотрятъ на то, что они читаютъ, а иногда,— это большею частію бываетъ тамъ, гдѣ родители все свое время отдаютъ модамъ, театрамъ, баламъ и другимъ свѣтскимъ удовольствіямъ,—не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на тѣ книги, которыя попадаются дѣтямъ въ руки. И вотъ дѣтскій умъ, воображеніе и сердце ищутъ себѣ пищи въ самыхъ вздорныхъ и пустыхъ повѣстяхъ и романахъ. Увлекаясь фантастическими бреднями и мечтами, дѣти собственно не живутъ, но мечтаютъ: жизнь и міръ дѣйствительный представляются имъ не такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, а какими привыкло рисовать ихъ воображеніе, напитанное романами. Но дѣйствительность, рано или поздно, вступитъ въ свои права; рано или поздно, встрѣтятся суровыя невзгоды и огорченія жизни,— и вотъ питомцы и питомицы романовъ, привыкшіе жить однѣми мечтами, одними идеалами, часто совершенно неосуществимыми въ дѣйствительной жизни, падаютъ духомъ, дѣлаются людьми нравственно разслабленными и вялыми, ничѣмъ недовольными, ни къ чему неспособными, людьми, которымъ въ свѣтской литературѣ усвояютъ иногда характерное названіе *разочарованныхъ*. Эти люди, ничего не дѣлая, вообра-

жаютъ, что дѣлаютъ очень много, и подлинно они дѣлаютъ много, потому что ихъ воображеніе создаетъ цѣлые міры, совершенно непохожіе на тотъ, въ которомъ живутъ люди. Они готовы сдѣлать и много добра, но только для того человѣчества, которое создано ихъ воображеніемъ; они всѣмъ сердцемъ сочувствуютъ горю и страданіямъ какого-нибудь героя драмы или романа, и, будь только возможность, рады помочь ему всѣми силами. Но при этомъ они часто не замѣчаютъ нищаго, который стоитъ у нихъ предъ глазами и, измученный, изнуренный отъ холода и голода, проситъ у нихъ во имя Христа—Спасителя одной копѣйки или куска насущнаго хлѣба.... Нужно ли показывать и изъяснять, какъ вредно и превратно такое воспитаніе? Очевидно нужно; но на комъ болѣе всѣхъ лежитъ обязанность раскрывать всѣ гибельныя слѣдствія такого воспитанія, если не на проповѣдникѣ истины евангельской? Не его ли обязанность указать въ такомъ воспитаніи совершенное отсутствіе христіанскаго духа и направленія? Не онъ ли долженъ раскрыть предъ юными питомцами міръ духовно-божественный, міръ дѣйствительно существующій, который, однакожъ, превосходитъ своею красотою и благолѣпіемъ все, что когда-либо создавало искусство и воображеніе человѣка, который можетъ дать нашему сердцу неисчерпаемый источникъ наслажденія самаго святаго и возвышеннаго? Не долгъ ли проповѣдника Евангелія, вмѣсто слабой и раздражительной чувствительности, неспособной бороться съ дѣйствительной жизнію, возбуждать и укоренять въ сердцахъ юныхъ питомцевъ христіанскую любовь, которая чувствительна, нѣжна и воспріимчива ко всему истинно доброму

и прекрасному, но въ то же время можетъ побѣдоносно бороться со всѣми скорбями, нуждами и искушеніями дѣйствительной жизни? Однимъ словомъ: не долгъ ли проповѣдника Евангелія, вмѣсто праздныхъ мечтателей, содѣйствовать образованію дѣятельныхъ христіанъ и гражданъ, истинныхъ сыновъ Церкви и отечества?....

Образъ воспитанія, о которомъ мы говорили, почти уже отжилъ свой вѣкъ вмѣстѣ съ такъ называемымъ *романтическимъ* направленіемъ литературы. Крайность и нелѣпость его болѣе или менѣе сознаны всѣми. Но, какъ большею частію бываетъ, люди изъ одной крайности уклоняются въ другую. Вмѣстѣ съ *натуральною* школою въ литературѣ, начинаетъ являться и воспитаніе *натуральное,* т. е. основанное на преимущественномъ, иногда исключительномъ развитіи того, что касается низшей, чувственной природы человѣка, на познаніи всего, что ему нужно для жизни и дѣятельности земной и настоящей. Стараются построить храмину очень прочную и великолѣпную, но, къ сожалѣнію, на пескѣ. Стараются набить молодыя головы познаніями историческими, географическими, математическими, астрономическими, естественными, языкознаніемъ и т. д. и т. д. Но при этомъ мало, а иногда и вовсе не обращаютъ вниманія на развитіе собственно духовной стороны въ человѣкѣ, на просвѣщеніе его свѣтомъ истины евангельской, на раскрытіе въ немъ духа и силы любви христіанской.—И вотъ выходятъ люди съ огромнымъ запасомъ свѣденій и умѣньемъ прилагать эти свѣденія къ потребностямъ дѣйствительной жизни,—выходятъ землемѣры, медики, купцы, механики, фабриканты, юристы и т. д.,—люди чрезвычайно

опытные во всемъ, что касается матеріальнаго быта человѣка, но большею частію поверхностные въ смыслѣ духовно—христіанскомъ. И развѣ трудно въ наше время встрѣтить человѣка, который имѣетъ обширнѣйшія, глубокія свѣденія почти во всѣхъ отрасляхъ наукъ, но почти ничего не смыслитъ въ первоначальныхъ истинахъ жизни и Вѣры христіанской? Развѣ мало въ наше время людей, которые до послѣднихъ мелочей знаютъ всѣ событія гражданской исторіи, знаютъ міръ животныхъ до послѣднихъ насѣкомыхъ и инфузорій, но не знаютъ, почти ничего не знаютъ изъ исторіи жизни и чудесъ нашего Спасителя, почти ничего не смыслятъ въ исторіи, въ богослуженіи и ученіи Церкви? Само собою очевидно, каковы должны быть плоды подобнаго образованія и воспитанія. Это—матеріализмъ, преобладаніе чувственности въ жизни и мышленіи, усиліе объяснить всѣ дѣйствія и проявленія духовной жизни человѣка на основаніи законовъ и явленій міра вещественнаго, сомнѣніе въ бытіи міра духовнаго, въ безсмертіи и вѣчномъ назначеніи нашей души, равнодушіе ко всѣмъ высшимъ ея стремленіямъ, крайнее охлажденіе къ истинѣ Евангелія; во внѣшней жизни—стремленіе ко всѣмъ возможнымъ удобствамъ, ко всѣмъ выгоднымъ предпріятіямъ, движеніе впередъ и впередъ во всемъ матеріальномъ, отступленіе назадъ во всемъ духовномъ, собственно христіанскомъ, что составляетъ первую и самую прочную основу жизни и благоденствія христіанскихъ обществъ. Изъ такого же направленія воспитанія возникаетъ крайняя разнузданность (эмансипація) нравовъ,—любовь къ одной внѣшней добродѣтели или честности гражданской, безъ любви и самоотверженія христіанскаго, исполненіе нравственна-

го долга тамъ, гдѣ предстоятъ матеріальныя выгоды, трудъ всегда за плату, охлажденіе къ своимъ обязанностямъ тамъ, гдѣ не предвидится никакой награды или платы; однимъ словомъ: вездѣ и всегда помышленіе о земномъ, стремленіе къ земному, рѣдко или никогда помышленіе о небесномъ, духовномъ и божественномъ. Такое направленіе достойно ли міра христіанскаго? Могутъ ли повести къ добру эти хлопоты, эти *попеченія о мнозѣ*, соединенныя съ совершеннымъ забвеніемъ *единаго на потребу?*

Но чей долгъ, чья обязанность обличать и, по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ, исправлять недостатки подобнаго воспитанія и направленія въ обществѣ? Не проповѣдникъ ли слова Божія обязанъ раскрывать и изъяснять, что вся мудрость и познанія человѣка, безъ отношенія къ послѣдней цѣли его бытія и жизни, не значатъ ничего, что эти познанія были и у язычниковъ, отъ которыхъ достались и намъ, но *не спасли* ихъ и насъ *не спасутъ*, если мы только на нихъ, а не на Вѣрѣ, будемъ основывать свою жизнь и поведеніе? Не долгъ ли служителя слова истины, на основаніи ученія Евангелія, на основаніи сколько многочисленныхъ, столько же поразительныхъ событій исторіи, доказывать и убѣждать, что матеріальное благополучіе человѣка, всѣ выгоды и удобства жизни только тогда могутъ принести пользу человѣку, когда употребляются сообразно съ закономъ Евангелія, что движеніе впередъ во всемъ матеріальномъ только тогда благодѣтельно, когда слѣдуетъ за преуспѣяніемъ общества въ жизни и добродѣтели христіанской, что иначе оно можетъ даже погубить общество, произвести наклонность къ роскоши и разврату, крайнее растлѣніе общественныхъ

нравовъ? Не проповѣдникъ ли Евангелія долженъ показать всю тщету одной внѣшней добродѣтели, которая трудится и работаетъ для одной платы, кричитъ сама о себѣ и домогается вниманія и наградъ, по одному гордому сознанію своего права? Не его ли дѣло внушать обществу любовь къ добродѣтели евангельской, работающей Господеви и людямъ первѣе всего и болѣе всего по сознанію святости долга, по внушенію совѣсти, въ чаяніи высшей и совершеннѣйшей награды отъ Бога?......

Одинъ изъ современныхъ вопросовѣ касательно народнаго воспитанія,—это вопросъ о воспитаніи женщины, которымъ теперь много занимаются. Нужно ли говорить о томъ, какое огромное вліяніе имѣетъ на общество женщина? Но это вліяніе, безъ сомнѣнія, опредѣляется нравственнымъ ея характеромъ и, сообразно съ нимъ, бываетъ благотворное или гибельное. Исторія многими фактами доказываетъ, что общество процвѣтаетъ и благоденствуетъ до тѣхъ поръ, пока женщина остается вѣрною своему высокому призванію, а тамъ оно падаетъ, гдѣ развращается и падаетъ женщина. И это очень естественно: нравственное состояніе цѣлаго государства зависитъ отъ нравовъ семействъ, составляющихъ государство; а нравственность послѣднихъ преимущественно зависитъ отъ характера женщины, потому что она гораздо болѣе имѣетъ вліянія на семейный бытъ, нежели мужчина, занятый отправленіемъ своихъ общественныхъ обязанностей, не рѣдко поглощающихъ все его время. Поэтому, если хотите исправить недостатки и пороки общества, постарайтесь исправить и, какъ должно, воспитать женщину. Если успѣете въ этомъ, если образуете въ ней характеръ

истинно христіанскій; то, незамѣтно для себя самихъ, образуете цѣлое поколѣніе добрыхъ и честныхъ граждань, добрыхъ и ревностныхъ христіанъ.

Женщина можетъ имѣть нравственное вліяніе на человѣка и какъ нѣжная и покорная дочь, и какъ добрая и любящая сестра. Но ни гдѣ такъ не обнаруживается ея вліяніе на общество, какъ тамъ, гдѣ она является супругою и матерью.—Сколь велико можетъ быть ея вліяніе, какъ супруги, можно понять изъ того, что взаимная любовь мужа и жены поставляется въ словѣ Божіемъ, да и въ жизни является сильнѣе и выше любви къ родителямъ, дарующимъ намъ бытіе и жизнь: *оставитъ человѣкъ отца своего и матерь, и прилѣпится къ женѣ своей: и будета два въ плоть едину* (Быт. 2, 24). По такому существенному единству между супругами добрая жена своимъ кроткимъ и нѣжнымъ, но тѣмъ не менѣе сильнымъ, вліяніемъ можетъ исправлять нравственные недостатки своего мужа и облагороживать его характеръ; убѣжденіемъ, совѣтомъ, лаской она можетъ побуждать своего супруга быть достойнымъ исполнителемъ своихъ обязанностей. Напротивъ, ничего не можетъ быть гибельнѣе и злотворнѣе вліянія женщины вздорной и злой, особенно, когда, по слабости характера или по слѣпой любви къ ней, безусловно слѣдуютъ ея внушеніямъ. Въ наше время очень многіе говорятъ и пишутъ, что одинъ изъ современныхъ пороковъ — взяточничество во многихъ случаяхъ обязанъ своимъ происхожденіемъ и развитіемъ мотовству и расточительности женъ. И это справедливо, потому что безнравственная женщина требуетъ отъ супруга средствъ на свои прихоти, не разбирая, гдѣ, какъ и чѣмъ пріобрѣтаются эти средства.

Но это только одно изъ явленій, показывающихъ гибельное вліяніе злой женщины на общество; а сколько еще другихъ, не менѣе гибельныхъ...... «Чувственность, говоритъ одинъ изъ пастырей—проповѣдниковъ нашей Церкви, и безъ того сильно дѣйствуетъ въ падшемъ человѣкѣ, а когда жена поставляетъ главнымъ дѣломъ своимъ прельщать, то чувственность становится неукротимою. Отсюда сколько грѣха! сколько потерянныхъ раевъ невинности! Взаимныя отношенія людей и безъ того подвержены многимъ недоумѣніямъ, встрѣчамъ и борьбѣ; но они совершенно перепутываются, обращаются въ неизсякаемый источникъ распрей и вражды, когда еще жены вмѣшиваются при томъ въ дѣла мужей и хотятъ господствовать надъ ихъ поведеніемъ и отношеніями. Отсюда сколько зла, расторгнутыхъ связей, превращеній порядка дѣла, даже бѣдствій общественныхъ» (*)!—Такъ необычайно велико и обширно, можетъ быть вліяніе женщины, какъ супруги! Не менѣе важно и велико ея вліяніе, какъ матери. «Мать, какъ говоритъ тотъ же пастырь—проповѣдникъ, долгое время составляетъ для младенца цѣлый міръ: въ ея очахъ онъ видитъ въ первый разъ рай или адъ, Отца небеснаго или духовъ злобы».—Какъ велико ея вліяніе въ дѣлѣ христіанскаго воспитанія дѣтей, можно понять изъ того, что она вмѣстѣ съ первыми звуками человѣческаго слова сообщаетъ своему младенцу понятія о Богѣ, о человѣкѣ, о любви, почтеніи, повиновеніи, словомъ—о всѣхъ важнѣйшихъ обязанностяхъ христіанина и гражданина. Она своимъ вліяніемъ можетъ дать столь рѣшительное направленіе характеру

(*) Преосв. Иннок. Бес. на Рожд. Хр. изд. 1844 г. стр. 73.

дѣтей, что впослѣдствіи никакія противоположныя вліянія, никакія препятствія и искушенія не могутъ совратить ихъ съ пути, по которому они направлены съ младенчества. Это особенно разительнымъ образомъ подтверждаетъ исторія христіанскихъ мучениковъ. Она свидѣтельствуетъ, что нерѣдко дѣти, наставленныя матерями въ правилахъ христіанской Вѣры и благочестія, являли такую силу вѣры, такое величіе терпѣнія и самоотверженія, что превосходили возрастныхъ и изумляли своихъ гонителей и мучителей. Кому изъ благочестивыхъ христіанъ не извѣстна исторія страданій Маккавеевъ, св. Софіи и трехъ ея дщерей?

Но если такъ велико вліяніе женщины на общество, какъ супруги и какъ матери; то понятно, какъ велико, обширно и многосторонне можетъ быть вліяніе христіанской проповѣди, имѣющей цѣлію воспитать достойныхъ, въ духѣ ученія евангельскаго, супругъ и матерей. И если въ наше время, въ нашемъ отечествѣ всѣхъ занимаетъ вопросъ, какъ бы лучше воспитать и образовать русскую женщину, и съ этой цѣлію во многихъ мѣстахъ Россіи устрояются народныя женскія училища; то ужели проповѣднику слова Божія сомкнуть свои уста и не поддерживать своимъ словомъ благаго предпріятія, не давать ему направленія, согласнаго съ духомъ и ученіемъ Евангелія? Напротивъ и какъ служитель Евангелія, и какъ добрый сынъ отечества, онъ непремѣнно долженъ содѣйствовать ему всѣми силами.

Къ вопросу о народномъ воспитаніи можно отнести и вопросъ о распространеніи грамотности въ Россіи. Грамотность, какъ и наука, какъ и литература, можетъ быть орудіемъ добра или источникомъ

зла. Поэтому стоитъ подумать о томъ, что̀ можно дать нашимъ крестьянамъ въ руки, когда они сдѣлаются грамотными. То не натяжка, не слишкомъ рѣдкія исключенія, о которыхъ говорятъ нѣкоторые изъ нашихъ свѣтскихъ писателей, что грамотные крестьяне иногда бываютъ вдвое хуже, негоднѣе и безнравственнѣе неграмотныхъ. Многіе изъ нашихъ грамотныхъ крестьянъ и мѣщанъ умѣютъ браниться и кощунствовать, хитрить и лукавить такъ, какъ неграмотнымъ и на мысль не приходило. Понятно, что при пособіи грамотности они уже успѣли начитаться самыхъ пустыхъ и вздорныхъ сказокъ, повѣстей, пѣсенниковъ и т. под. и такимъ образомъ развратить свои души. Не грамотность, конечно, виновата въ этомъ, а злоупотребленіе ею. На комъ же, если не на проповѣдникѣ слова Божія лежитъ обязанность обличать и по возможности, предотвращать столь ужасное злоупотребленіе доброю и полезною вещію? Не его ли долгъ подать добрый и полезный совѣтъ грамотному крестьянину, что̀ должно читать для блага и спасенія души, для благоденствія временной жизни? Если мы возмемъ во вниманіе, что неграмотные крестьяне часто оказываютъ большое уваженіе и почетъ грамотнымъ и просятъ у нихъ совѣта и наставленія въ разныхъ случаяхъ жизни; то легко можемъ понять, какіе благіе плоды можетъ принести слово пастыря—проповѣдника о христіанскомъ, согласномъ съ духомъ Евангелія, употребленіи грамотности. Грамотность въ такомъ случаѣ можетъ сдѣлаться источникомъ самыхъ полезныхъ и спасительныхъ уроковъ жизни для нашего простолюдина.

Ничто такъ не препятствуетъ распространенію

истинъ Вѣры и полезныхъ для жизни знаній въ нашемъ простонародьѣ, какъ суевѣрія и предразсудки темнаго и грубаго невѣжества, которые отчасти поддерживаются и безграмотностію. Въ каждой изъ губерній и областей нашего обширнаго отечества, кромѣ общихъ, народныхъ суевѣрій и предразсудковъ, можно встрѣтить очень много частныхъ, свойственныхъ той или другой мѣстности. Эти предразсудки не всегда безразличны по отношенію къ духовно-нравственнымъ потребностямъ христіанина; напротивъ они большею частію такого рода, что идутъ вопреки истинѣ Евангелія, или искажаютъ эту истину. Есть еще у нашего простонародья много сказокъ, пустыхъ по содержанію, чудовищно-уродливыхъ по тѣмъ образамъ, въ которые облечено ихъ содержаніе. Конечно, и само простонародье часто не вѣритъ въ ихъ дѣйствительность, считаетъ ихъ не болѣе, какъ пустою выдумкой; но тѣмъ не менѣе слушаетъ ихъ съ жаднымъ любопытствомъ, наполняетъ ими часы досуга, ищетъ въ нихъ душевнаго отдохновенія и наслажденія послѣ утомительныхъ и продолжительныхъ работъ. Въ борьбѣ съ народными предразсудками и суевѣріями, съ наклонностью къ нелѣпымъ сказкамъ, поглощающимъ время и растлѣвающимъ умъ, сердце и воображеніе нашихъ простолюдиновъ, открывается новое, обширное поприще для дѣятельности русскаго проповѣдника. Его долгъ узнавать предразсудки и суевѣрія, и словомъ истины евангельской обличать и уничтожать ихъ. Его долгъ искоренять наклонность къ чтенію и слушанію нелѣпыхъ сказокъ и развивать вкусъ къ чтенію и слушанію священныхъ событій исторіи еван-

гельской, житій святыхъ угодниковъ Божіихъ, поучительныхъ событій исторіи отечественной и т. под.

Одно изъ самыхъ ужасныхъ и гибельныхъ порожденій темнаго и грубаго невѣжества есть расколъ, отдѣленіе многихъ чадъ нашей св. Церкви отъ единства съ нею, вслѣдствіе неразумной ревности по старинѣ. Едва ли мы найдемъ хотя одну область въ Россіи, куда бы вовсе не проникали лживыя мнѣнія и толки раскольниковъ. Поэтому, проповѣднику православно-русской Церкви почти на каждомъ шагу придется съ одной стороны предохранять православныхъ отъ этихъ заблужденій и толковъ, съ другой содѣйствовать обращенію заблудшихъ. Конечно, много умѣнья и искусства, много терпѣнія и самоотверженія, много любви и снисхожденія нужно для того, чтобы съ успѣхомъ бороться противъ заблужденій нашего раскола; да и при этихъ условіяхъ еще нельзя ожидать скорой и рѣшительной побѣды надъ заблужденіями раскольниковъ, по ихъ крайнему упорству, фанатической самоувѣренности и невѣжеству. Но тѣмъ не менѣе эта борьба — самый священный и непремѣнный долгъ проповѣдниковъ нашей Церкви. Кто, какъ не они должны озарить раскольниковъ свѣтомъ истиннаго Православія, открыть имъ, что Церковь наша есть церковь истинно Христова, истинно апостольская истинно древняя и православная, что не по письмени убивающему, а по духу, не по разуму людей полуграмотныхъ и малосмыслящихъ, а по ученію вселенскихъ Соборовъ и святыхъ Отцевъ, по ученію пастырей добрыхъ и богомудрыхъ она служитъ и покланяется Тріvпостасному Богу...

Не будемъ говорить о другихъ вопросахъ, касающихся современной жизни русскаго народа,—вопросахъ, въ рѣшеніи которыхъ можетъ принять участіе, вмѣстѣ съ другими дѣятелями общественной жизни, современный православно-русскій проповѣдникъ. Довольно и тѣхъ, которыхъ мы уже коснулись, для того, чтобы понять, какъ необходимо, крайне необходимо проповѣдывать въ наше время слово Божіе, и притомъ сколько возможно примѣнительно къ современнымъ нуждамъ и потребностямъ русскаго общества. Жатва многа: да подастъ Господь, чтобы и дѣлателей достойныхъ и ревностныхъ, право правящихъ слово истины, было не мало!

Ѳ. Надеждинъ.

РАЗБОРЪ ЛЮБОПЫТНЫХЪ СВИДѢТЕЛЬСТВЪ

О НЕПОРОЧНОМЪ ЗАЧАТІИ БОГОРОДИЦЫ,

изданныхъ И. Гагаринымъ, священникомъ Общества Іисусова. Лв-Манъ 1858 года.

Какой-то малограмотный другъ, отступника отъ православія, князя Гагарина прислалъ изъ Петербурга своему другу, вѣроятно въ нѣкоторое облегченіе отъ жарко-палящей его совѣсти за отступленіе, выписку изъ сочиненій западно-русскихъ ученыхъ второй половины 17-го столѣтія — Лазаря Барановича, Іаннинкія Голятовскаго и Антонія Радивиловскаго, въ которой признается непорочное зачатіе Богородицы. Князь Гагаринъ обрадовался этой выпискѣ, какъ самому безцѣнному сокровищу, и, частію для оправданія себя въ отступничествѣ, частію же для увлеченія другихъ малограмотныхъ въ отступничество, издалъ эту выписку въ чужихъ краяхъ въ брошюркѣ на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Любопытныя свидѣтельства о непорочномъ зачатіи Богородицы.*

Эта, довольно распространенная въ Россіи, брошюрка состоитъ изъ коротенькаго предисловія и означенной выписки «О непорочномъ зачатіи Богородицы». Въ предисловіи къ выпискѣ разсказывается исторія

пріобрѣтенія Гагаринымъ означенной выписки, и за тѣмъ сообщается изъ Словаря писателей духовнаго чина (Митроп. Евгенія) біографическое свѣденіе о Лазарѣ Барановичѣ, Іоанникіи Голятовскомъ и Антоніи Радивиловскомъ. Здѣсь Гагаринъ съ особенною заботливостію въ нѣсколькихъ мѣстахъ выставляетъ на видъ, что эти писатели не были скрытными католиками или іезуитами, а напротивъ были явными противниками римско-католическаго ученія и горячими поборниками восточнаго Православія, такъ что двое изъ нихъ-Лазарь Барановичъ и Іоанникій Голятовскій были избраны православными для ученой борьбы съ литовскими іезуитами, а между тѣмъ всѣ трое прямо и открыто признаютъ непорочное зачатіе Приснодѣвы Маріи.

Упомянутыя свидѣтельства въ сочиненіяхъ означенныхъ ученыхъ подлинно находятся въ томъ видѣ, какъ представлены въ выпискѣ. Но основательному представителю такихъ свидѣтельствъ, ни для оправданія своего отступничества, ни для совращенія за собою другихъ, не довольно было того, чтобъ только выставить такія свидѣтельства. Ему надобно было напередъ разсмотрѣть: откуда у нихъ такое ученіе,—было ли оно ученіе ихъ Церкви, или оно было ихъ собственное мнѣніе, или было заимствовано ими откуда-либо отвнѣ, ибо въ западной Руси тогда было не мало путаницы. Но іезуитъ Гагаринъ не привыкъ къ изслѣдованію. Высказавъ означенныя свидѣтельства, онъ говоритъ: «какимъ образомъ послѣ этого», т. е. послѣ того какъ трое ученыхъ западно-русскихъ явно признавали непорочное зачатіе Дѣвы Маріи, — «какимъ образомъ послѣ этого (?!) современные Русскіе пи-

сатели могутъ утверждать, будтô ученіе западной Церкви объ этомъ предметѣ противно вѣрованію Церкви восточной»? Онъ увѣренъ, что послѣ такихъ рѣчей, высказанныхъ тремя западно-русскими учеными, оно не можетъ, и не могло быть противно восточной Церкви. За симъ, обращаясь къ новѣйшимъ нашимъ богословамъ и не находя у нихъ догмата о безпорочномъ зачатіи Богоматери, онъ никакъ не можетъ объяснить себѣ того, что ни одинъ изъ новѣйшихъ богослововъ никогда не основывалъ своихъ богословскихъ изслѣдованій на авторитетѣ Лазаря Барановича, Іоанникія Голятовскаго или Антонія Радивиловскаго. Это явленіе произошло, по его мнѣнію, отъ того, что будто «нынѣшніе русскіе богословы не знаютъ ни своихъ богослужебныхъ книгъ, ни твореній православныхъ богослововъ, и черпаютъ свою богословскую мудрость въ сочиненіяхъ нѣмецкихъ философовъ и вольнодумцевъ».

Такое мнѣніе іезуита Гагарина касательно нашихъ богослововъ можно было бы оставить безъ всякаго вниманія, но оно клеветнически касается не нынѣшнихъ только нашихъ богослововъ, но ученія православной Церкви вообще, и даже ученія папской Церкви, къ которой онъ присталъ. Ежели нынѣшніе богословы православной Церкви не принимаютъ новаго западнаго догмата о непорочномъ зачатіи Богородицы, потому что они такъ поступаютъ по согласію съ Нѣмцами; то почему не признавали сего догмата ни древніе Отцы Церкви, восточные и западные, ни творцы церковныхъ пѣснопѣній? Всѣ они жили прежде нѣмецкихъ философовъ и вольнодумцевъ. Еще болѣе, какимъ образомъ отвергали этотъ догматъ даже рим-

скіе папы и римскіе святые, какъ, напримѣръ, Бернардъ? Неужели и они «черпали свою богословскую мудрость въ сочиненіяхъ нѣмецкихъ философовъ и вольнодумцевъ»? Такое мнѣніе было бы самый смѣшной анахронизмъ. Но не здѣсь конецъ недоразумѣній, возбуждаемыхъ Гагаринымъ. Помнимъ, что этотъ іезуитъ не въ первый разъ укоряетъ православныхъ богослововъ протестантствомъ. Прежде онъ тѣмъ же упрекалъ нашихъ богослововъ только 18-го столѣтія, а не нынѣшнихъ ([1]). Нынѣшними же богословами, доколѣ латинская Церковь не объявила своего новаго догмата, онъ былъ весьма доволенъ, и одного изъ нихъ (преосвящен. Макарія) даже очень хвалилъ и почти ожидалъ отъ него соединенія Церквей ([2]), не смотря на то, что этотъ ученый въ своемъ сочиненіи явно отвергалъ мнѣніе о непорочномъ зачатіи Богоматери; а теперь вдругъ всѣ наши новѣйшіе богословы безъ всякаго исключенія подверглись немилости Гагарина, и всѣ заподозрѣны въ единомысліи съ нѣмецкими философами и вольнодумцами. Что это значитъ?—Это явно показываетъ, что іезуитъ Гагаринъ гнѣвается на нашихъ новѣйшихъ богослововъ и сыплетъ на нихъ укоризны въ незнаніи своихъ богослужебныхъ книгъ и въ единомысліи съ нѣмецкими философами и вольнодумцами по особенной причинѣ, которой ему не хотѣлось бы высказывать. Однакожъ эта причина стоитъ того, чтобъ ее высказать, и мы выскажемъ ее. Эти нѣмецкіе философы и вольнодумцы, подъ которыми іезуитъ Гагаринъ разумѣетъ не грубыхъ между ними враговъ Христіанства, но протестантскихъ

([1]) Etudes de théologie d' histoire... Част. 1. Перв. статья.

([2]) Тамъ же въ концѣ первой статьи.

богослововъ вообще, составляютъ дальніе ряды того же латинскаго войска. Все ихъ ученіе созрѣло на латинской землѣ, и составляетъ послѣдній результатъ латинства,—результатъ очень строгій и послѣдовательный, какъ очень хорошо развилъ и доказалъ это въ двухъ, не безъизвѣстныхъ Гагарину, брошюрахъ одинъ нашъ ученый (*). Посему не безполезно для нашихъ богослововъ изученіе сочиненій сказанныхъ нѣмецкихъ философовъ, съ этой стороны. Оно можетъ доставить многостороннее знакомство съ разнообразнѣйшими уклоненіями отъ истины Вѣры, къ которымъ приводитъ латинство, и едва ли кто изъ безпристрастныхъ будетъ осуждать нашихъ богослововъ за такое знакомство съ нѣмецкими философами. Но очень понятно, что Гагаринъ и его собратья іезуиты не могутъ равнодушно смотрѣть на такія занятія нашихъ богослововъ и, по человѣческой слабости, естественно, гнѣваются очень сильно.—Пойдемъ далѣе за нашимъ іезуитомъ.

Съ окончаніемъ предисловія окончилось собственное слово Гагарина. Далѣе онъ дѣлаетъ только выписки изъ сочиненій упомянутыхъ выше ученыхъ, и ничего не прибавляетъ къ нимъ отъ себя, не смотря на то, что очень нужно было прибавить свѣденіе о томъ, какъ были приняты сочиненія сихъ ученыхъ въ православной Церкви, и повторилъ ли кто-нибудь изъ русскихъ ученыхъ мысли Лазаря Барановича, Іоанникія Голятовскаго и Антонія Радивиловскаго. Это непремѣнно нужно было потому, что авторъ на-

(*) Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales... Paris 1853. Quelques mots sur les communions occidentales par un chretien orthodoxe. Leipzig 1855.

мѣревался доказать, что ученіе этихъ писателей было ученіемъ всей восточной Церкви. Но іезуитъ Гагаринъ ни въ предисловіи, ни здѣсь не рѣшился утомлять себя и своихъ читателей такого рода прибавленіемъ. Онъ такъ увѣренъ въ убѣдительности для насъ сдѣланныхъ имъ выписокъ, что ничего не прибавляетъ и какбы ставитъ «аминь». Оставляемъ его съ его мнѣніемъ. Однакожъ его мнѣніе не лишаетъ насъ права разсуждать о его *любопытныхъ свидѣтельствахъ.*

Мнѣніе свое о непорочномъ зачатіи Божіей Матери Лазарь Барановичь, Іоанникій Голятовскій и Антоній Радивиловскій высказываютъ въ своихъ проповѣдяхъ на день Зачатія Божіей Матери. Пересматривая приводимыя ими основанія ихъ мнѣнія, находимъ самыя главныя два, въ чемъ, конечно, согласится и самъ Гагаринъ. Оба находятся только у Лазаря Барановича. Первое—это стихословіе церковное въ день Введенія во храмъ Божіей Матери: *Прежде зачатія, Чистая, освятися Богови;* второе— слова св. Дамаскина изъ Слова его на Рождество Богородицы: *о блаженна чресла Іоакима, изъ нихъ же отнюдь нескверное изліяся сѣмя!* Но въ первомъ изъ этихъ мѣстъ говорится, очевидно, только о томъ, что Чистая, т. е. Божія Матерь, еще прежде рожденія освящена или посвящена была Богу ея родителями, о непорочномъ же зачатіи здѣсь нѣтъ мысли; ибо если бы тутъ была эта мысль, то было бы сказано: освятися *Богомъ*, а не *Богови.* Что же касается до словъ св. Іоанна Дамаскина, то они извлечены изъ такихъ приписанныхъ св. Дамаскину твореній, которыя самыми Латинянами признаются весьма сомнительными (¹). Впрочемъ, еслибъ они были даже

(¹) Смотр. Христ. Чтен. 1858. мѣс. Февр. стран. 161.

и подлинныя слова св. Іоанна Дамаскина, то и тогда въ нихъ нельзя было бы видѣть ученія о непорочномъ зачатіи Богоматери; ибо, по признанію даже лучшихъ латинскихъ знатоковъ твореній св. Дамаскина, у него нѣтъ такого ученія. Да и при такомъ смыслѣ словъ св. Дамаскина надобно было бы признать и св. Іоакима изъятымъ отъ первороднаго грѣха, потому что въ нихъ говорится о сѣмени Іоакима, какъ нескверномъ. Въ этихъ словахъ св. Дамаскина, если только они его слова, указывается только на то преданіе о зачатіи Божіей Матери, которому предшествовали пламенная молитва и постъ Іоакима о дарованіи ему чада, чѣмъ онъ и приготовилъ себя для великой, оказанной ему милости, какъ приготовила себя Анна для рожденія Пророка Самуила, и Захарія и Елисавета для рожденія Предтечи Господа, Іоанна.—Какъ же Лазарь Барановичь усмотрѣлъ въ этихъ мѣстахъ ученіе о непорочномъ зачатіи? Очевидно у него уже прежде была мысль о непорочномъ зачатіи, взятая отъинуды. Это тѣмъ вѣрнѣе, что ни Іоанникій Голятовскій, ни Антоній Радивиловскій не приводятъ этихъ, повидимому сильныхъ, основаній въ доказательство своей мысли о непорочномъ зачатіи, а основываютъ свою мысль въ своихъ проповѣдяхъ на своихъ соображеніяхъ, или на такихъ мѣстахъ св. Писанія и Преданія, которыя ничего не доказываютъ, какъ напримѣръ; *сотвори мнѣ величіе сильный* (слѣдовательно я зачала непорочною!!!), или слова св. Григорія Богослова, что Божія Матерь превосходитъ чистотою Серафимовъ и Херувимовъ и прочихъ Силъ безплотныхъ (слѣдовательно была непорочною и въ зачатіи!!). Не явное ли дѣло, что всѣ означенные ученые обращались къ своимъ основа-

ніямъ непорочнаго зачатія уже съ готовою мыслію о немъ?! Откуда же они взяли свою мысль? — Не изъ нашихъ богослужебныхъ книгъ, потому что единственное мѣсто, приведенное изъ нихъ, какъ мы видѣли, не заключаетъ въ себѣ сего ученія, равно и творенія св. Іоанна Дамаскина. Не взяли они ее и изъ другихъ уважавшихся книгъ западно-русской Церкви, потому что въ нихъ нигдѣ нѣтъ сего ученія. Нѣтъ его въ Катихизисѣ Мелетія Смотрицкаго, нѣтъ въ извѣстномъ тогда имъ Исповѣданіи Вѣры Петра Могилы. Откуда же и какимъ образомъ вкралось это ученіе въ мнѣніе этихъ западно-русскихъ ученыхъ? Оно перешло къ нимъ отъ литовско-польской латинской Церкви. Для знающихъ западно-русскую исторію это—фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. Раскроемъ этотъ фактъ: онъ вообще весьма любопытенъ и поучителенъ.

Извѣстно, что въ западно-русской Церкви, еще гораздо раньше отдѣленія ея отъ восточно-русской Церкви, начались споры о соединеніи Церквей—восточной и западной. Въ этихъ спорахъ западно-русскіе православные всегда выражали сильное отвращеніе отъ Церкви западной, и полагали, какъ выражается одинъ ученый (Зубрицкій), что между сими двумя исповѣданіями лежитъ непроходимая пропасть. Но особенно рѣзко выразилось такое отвращеніе и такая мысль въ концѣ 16-го столѣтія, потому что въ то время появившаяся Унія показала всю несбыточность соединенія Церквей. Православные писатели съ изумительною убѣдительностію фактовъ раскрывали эту несбыточность литовской церковной Уніи и ту бездну, какая раздѣляетъ обѣ Церкви, указывая на то, что при произ-

вольныхъ нововведеніяхъ въ Церкви безусловно властительствующаго папы нѣтъ пощады для истины вселенской. Успѣхъ православныхъ писателей, напримѣръ автора *Перестроги*, автора *Апокрисиса* и автора *Өриноса*, былъ такъ великъ, что объ нихъ заговорила вся Литва и Польша. Латиняне и уніяты жестоко были огорчены симъ успѣхомъ и неутомимо придумывали средство отнять у православныхъ писателей силу. Въ то время, какъ православные вступили съ Латинянами въ борьбу по дѣлу Уніи, уже слишкомъ полстолѣтія сильно боролись съ ними протестанты. Посему, продолжая свою борьбу съ Латинянами, наши ученые нерѣдко присматривались къ пріемамъ этихъ уже опытныхъ борцовъ и иногда сами весьма осторожно пользовались ихъ пріемами. На бѣду православныхъ, одинъ ихъ писатель, авторъ *Апокрисиса*, высказалъ нѣсколько мыслей протестантскихъ. Этимъ случаемъ и воспользовались Латиняне и уніяты. Они тотчасъ огласили сего писателя по всей Литвѣ еретикомъ. За симъ они строго начали просматривать всѣ сочиненія православныхъ западно-русскихъ ученыхъ; нерѣдко болѣе или менѣе правдоподобно находили мысли протестантскія и кончили тѣмъ, что всѣхъ православныхъ писателей, всю западную русскую Церковь, а за ними и греческую, огласили зараженными ересью протестантскою (5). Эту, довольно мѣтко брошенную, клевету очень сильно подкрѣпилъ, въ угодность іезуитамъ, Мелетій Смотрицкій. Совратившись въ Унію, онъ печатно объявилъ, что его сочиненія, писанныя имъ въ православіи, всѣ напитаны лютеранствомъ и кальвин-

(5) Антиррисисъ—предисловіе; Na treny i lamenty Teofila Ortologa przestroga — во всемъ сочиненіи проводится эта мысль.

ствомъ (⁶). Инымъ можетъ показаться страннымъ, какъ могли такъ дерзко взяться за клевету на православныхъ, и надѣлать такъ много шуму; но это не странно. Латиняне при разсмотрѣніи своей клеветы полагались не на силу своихъ доказательствъ, а на то, что протестанты нѣсколько разъ дѣлали попытки соединиться съ православными въ дѣлахъ Вѣры, и посему іезуитамъ довольно легко было взволновать народъ проповѣдью о протестантствѣ православныхъ писателей. Эта недобросовѣстная и злонамѣренная клевета была съ успѣхомъ. Православные писатели, возмущаемые со всѣхъ сторонъ укоризною, что, отвергая латинство, они проповѣдуютъ протестантство, перестали съ прежнею смѣлостью показывать различія между восточною и западною Церковію, и о всѣхъ предметахъ римскаго ученія, въ которыхъ неясно выразилось его различіе отъ ученія восточнаго, говорили безъ особенной осторожности. Но эта нетвердая осторожность, происшедшая отъ боязни новой клеветы въ протестантствѣ, мало по малу привела ихъ въ участіе ученія, которое издавна проповѣдывали въ Литвѣ Латиняне, т. е. что между восточною и западною Церковію нѣтъ существенной разности. Мысль эту Латиняне проповѣдывали и съ каѳедръ, и въ сочиненіяхъ, и въ домашнихъ бесѣдахъ. Съ начала Уніи православные отнюдь не держались такой мысли и, вѣрно зная духъ латинства, проповѣдывали, что латинство весьма противно православію. Но впослѣдствіи, около половины 17-го столѣтія іезуиты разными хитростями, а особенно своею клеветою на православныхъ писателей въ протестант-

(⁶) Этою мыслію проникнуты его сочиненія: Apologia peregrynacii do strón wschodnich; Paraenesis.

ствѣ успѣли произвести то, что православные, упустивъ изъ виду истинный духъ латинства, какъ будто согласились, что между ихъ Церковію и латинствомъ существуетъ только шесть разностей: а) о главенствѣ папы, б) о исхожденіи Св. Духа, в) объ опрѣснокахъ, г) о чистилищѣ, д) объ индульгенціяхъ и е) о безженствѣ священниковъ. О другихъ предметахъ тогда не было спора, и какъ будто было признано, что въ нихъ восточная и западная Церковь согласны между собою. Здѣсь не мѣсто доказывать, какъ коварно іезуиты сократили число своихъ разностей отъ восточной Церкви, и какъ они скрыли изъ виду тотъ злой духъ латинства, который кладетъ плѣсень на всѣ догматы, принятые латинскою Церковію отъ вселенской, и дѣлаетъ невозможнымъ ихъ соединеніе. Скажемъ только то, что̀ прямо относится къ нашему предмету: сказаннымъ путемъ литовско-польскіе Латиняне весьма приблизили къ себѣ западно-русскихъ православныхъ ученыхъ въ сихъ, мнимо согласныхъ, предметахъ Вѣры, и крѣпко держали ихъ въ этой близости, особенно тѣмъ, что, при малѣйшемъ уклоненіи, позорили ихъ клеветою въ протестантствѣ. Вотъ путь, которымъ вошло въ ученіе означенныхъ западно-русскихъ ученыхъ мнѣніе Латинянъ о непорочномъ зачатіи Богоматери; ибо извѣстно, какъ протестанты унижаютъ Божію Матерь, и какъ тогда опасно было православнымъ возставать противъ латинской мысли о зачатіи Божіей Матери. Кто знаетъ западно-русскую исторію, тотъ, ни минуты не колеблясь, скажетъ, что означенное ученіе пришло къ нимъ именно этимъ путемъ, а не изъ богослужебныхъ книгъ, какъ утверждаетъ Гагаринъ, который явно не знаетъ ни западно-русской

исторіи, ни богослужебныхъ книгъ Церкви, отъ которой отступилъ. Впрочемъ, чтобъ не осталось никакого сомнѣнія въ сказанномъ, прослѣдимъ этотъ путь.

Литовскіе іезуиты весьма искусно вели борьбу съ иновѣрцами и всевозможно вселяли въ народѣ убѣжденіе, что ихъ никто не можетъ одолѣть. И такимъ образомъ они въ 17-мъ вѣкѣ подавили было въ Литвѣ всякое не-іезуитское образованіе. Посему православные литовско-русскіе, не имѣя собственныхъ средствъ приготовлять у себя равносильныхъ имъ ученыхъ, нерѣдко отправляли къ нимъ способныхъ молодыхъ людей для образованія. Это фактъ—извѣстный всѣмъ. Но отъ сего получалась не польза, но только вредъ; потому что эти молодые люди невольно заражались отъ іезуитовъ духомъ латинства, а съ тѣмъ вмѣстѣ свободно усвояли себѣ и мнѣнія, въ которыхъ Латиняне, по видимому, не были несогласны съ православными. Лазарь Барановичь воспитывался въ виленской (іезуитской) и калишской академіяхъ (7), Іоанникій Голятовскій былъ ученикомъ Лазаря Барановича, Антоній Радивиловскій гдѣ воспитывался, кромѣ кіевской академіи, не знаемъ, но какъ тогда былъ общій обычай ѣздить въ іезуитскія академіи для образованія, то весьма вѣроятно былъ тамъ и Голятовскій. Кромѣ сего почти въ то самое время, когда жили Лазарь Барановичь, Іоанникій Голятовскій и Антоній Радивиловскій, литовско-польскій король Владиславъ VI по совѣту папы задумалъ ввести въ литовско-польскомъ государствѣ орденъ Непорочнаго Зачатія съ извѣстнымъ знакомъ отличія. Но Поляки на сеймѣ рѣшительно не приняли сего ордена.

(7) Zywoty SS. Parasc. u Ewfroz. Stebetskiego m. 1 spis pisarzów подъ словомъ Baranowiez Lazarz.

Вся Польша и Литва сильно кричали тогда противъ сего ордена, его надѣвали даже на собакъ, новые члены ордена не знали, куда дѣваться отъ насмѣшекъ (¹). Правда, Поляки отвергли этотъ орденъ больше по политическимъ побужденіямъ, но всякому видно, что они явно обнаружили свое неуваженіе и къ римскому ученію о непорочномъ зачатіи Богоматери. Православные, прислушиваясь къ такому неуваженію Божіей Матери, съ большимъ усердіемъ прославляли Ее, поруганную насмѣшками Латинянъ, а означенные трое православныхъ ученыхъ выразили въ проповѣдяхъ свое усердіе даже признаніемъ безпорочнаго зачатія. Даже св. святитель Димитрій Ростовскій внесъ въ первое изданіе своихъ Четьихъ-Миней мнѣніе о непорочномъ зачатіи Богородицы, но потомъ скоро со смиреніемъ, свойственнымъ святому, покаялся въ своей ошибкѣ и отвергъ это ложное мнѣніе, слѣдуя указанію людей, стоявшихъ тогда на стражѣ православнаго ученія. Это—дѣло общеизвѣстное (²). Итакъ неужели надобно думать, что догматъ о непорочномъ зачатіи Богоматери пришелъ въ первое изданіе Четьихъ-Миней св. Димитрія изъ нашихъ богослужебныхъ книгъ, и св. Димитрій сперва слѣдовалъ ученію богослужебныхъ книгъ, а потомъ отвергъ его?! Какой нечестивецъ станетъ утверждать это и какой православный повѣритъ этому нечестію? Нѣтъ, это явный знакъ того, что мнѣніе о непорочномъ зачатіи Богоматери перешло къ западно-русскимъ ученымъ изъ чуждаго источника, и они, какъ скоро узнали о семъ отъ людей, свободныхъ отъ латинскаго вліянія, отвергли его. Кто были

(¹) Slowo dziejow polskich — Koronowicza, т. 2 стр. 356. 359.

(²) Истор. Русск. Церкви пр. Филарета ч. 4 стр. 114, прим. 248 по новѣйшему изданію.

и гдѣ находились эти стражи православнаго ученія? Именно тамъ, гдѣ Гагаринъ видитъ всеобщее признаваніе новаго латинскаго догмата, т. е. въ Россіи и на Востокѣ.

Въ то самое время, когда начали распространяться между западно-русскими учеными нѣкоторыя латинскія мнѣнія, и когда жили Лазарь Барановичь, Іоанникій Голятовскій и Антоній Радивиловскій, т. е. въ послѣдней половинѣ 17-го вѣка, послѣдовало отверженіе занятыхъ отъ Латинянъ мнѣній (10).

Въ Москву прибывали многіе западно-русскіе ученые, особенно со времени присоединенія Малороссіи, и занимались здѣсь образованіемъ юношества. Строго-православные во всѣхъ основныхъ догматахъ, они однакожъ не рѣдко высказывали нѣкоторыя неправославныя мнѣнія, сами не сознавая ихъ неправославія. Русскіе ихъ ученики, видя ихъ высокое образованіе и горячую любовь къ православной истинѣ, ввѣрялись имъ безусловно и, наряду съ чистыми истинами православнаго ученія, незамѣтно усвояли себѣ и ихъ неправославныя мнѣнія. Нѣкоторое время этотъ, принесенный съ Запада въ Россію, грѣхъ не былъ замѣченъ. Въ продолженіе сего безсознательнаго времени прибыли въ Россію извѣстные Лихуды, и также приняли дѣятельное участіе въ образованіи нашего юношества. Тутъ чистое, восточное ученіе тотчасъ встрѣтилось съ мнѣніями, занесенными къ намъ нѣкоторыми западно-русскими учеными съ Запада. Открылась сильная борьба. Представителемъ и защитникомъ мнѣній Запада явился Сильвестръ Медвѣдевъ, поборниками восточной истины — Лихуды. Завязавшійся между ними ученый споръ сдѣлался извѣстнымъ царю и народу. Тогдашній все-

(10) Остенъ, лист. 171 — 172.

россійскій патріархъ Іоакимъ, самъ происходившій изъ западной Россіи, со всѣмъ вниманіемъ занялся изслѣдованіемъ дѣла, сдѣлавшагося извѣстнымъ царю и народу. Онъ вступилъ по этому дѣлу въ сношенія съ восточными патріархами (11), а между тѣмъ изслѣдованы были наши богослужебныя книги и творенія греческихъ Отцевъ Церкви. Потомъ собраны были книги, изданныя въ западной Россіи, разсмотрѣны со всею тщательностію, найдены со множествомъ латинскихъ заблужденій и запрещены для употребленія въ Россіи. Въ спискѣ сихъ книгъ поименованы какъ *Труды Словесъ*, такъ и *Ключъ Разумѣнія*, изъ которыхъ іезуиту Гагарину присланы выписки о непорочномъ зачатіи (12). Происхожденіе латинскихъ мнѣній, вкравшихся въ эти книги, тогда объясняли въ Россіи тѣмъ, что писатели ихъ получали образованіе у іезуитовъ, и какъ у нихъ, такъ и въ своихъ школахъ изучали богословскія науки по латинскимъ книгамъ, а греческихъ книгъ не читали (13). Такое объясненіе подтверждали и нѣкоторые западно-русскіе ученые (14). Въ опроверженіе этихъ латинскихъ мнѣній составлена была книга Остенъ. Вскорѣ затѣмъ прислано было и съ Востока (15) сочиненіе Севаста Киминита Трапезунтскаго, въ которомъ на 273 листахъ опровергаются всѣ важнѣйшія заблужденія Латинянъ, а между тѣмъ особенно обстоятельно, а

---

(11) Журн. Министер. Народн. Просв. 1845 г. статья «Братья Лихуды».

(12) Остенъ, лист. 171 — 172.

(13) Остенъ, листъ 70 — 71, 164.

(14) Тамъ же л. 70 на оборотѣ.

(15) Ист. Моск. Академіи Смирнова стр. 27. Остенъ и соч. Кипринита находятся въ рукописяхъ: напримѣръ, рукопись Валаамова монастыря подъ № 264.

100 листахъ, опровергается латинское мнѣніе о непорочномъ зачатіи Богоматери. Это сочиненіе было переведено ученикомъ Киминита Георгіемъ Костринымъ ([16]). Есть основаніе думать, что оба означенныя сочиненія посылаемы были для братскаго вразумленія тогдашнему кіевскому митрополиту Гедеону, черниговскому архіепископу Лазарю Барановичу и другимъ западно-русскимъ іерархамъ. Ибо патріархъ Іоакимъ въ своемъ поученіи, сказанномъ на Соборѣ 1690 года, говоритъ между прочимъ слѣдующее: «И писа о сихъ (латинскихъ заблужденіяхъ) мѣрность наша въ Кіевѣ къ митрополиту Гедеону и въ Черниговѣ къ архіепископу Лазарю и ко инымъ духовнаго чина председателемъ. И тіи первѣе во обычаехъ своихъ, прибывшихъ имъ отъ латинскаго ученія, мало нѣкако пріопрошася, обличени же отъ насъ писаньми святыхъ Отецъ и ихъ древлепечатными книгами, совершенно покоришася намъ со всею своею паствою, и во всемъ согласишася съ восточною святою Церковію и святѣйшими четырми патріархы, братіями нашего архипастырства, восточнаго благочестія правительми и съ мѣрностію нашею» ([17]). Послѣ сего какое значеніе могутъ имѣть, представленныя іезуитомъ Гагаринымъ, любопытныя свидѣтельства

([16]) Сочинитель Ист. Московской Академіи полагаетъ, что его перевелъ, извѣстный ученикъ Лихудовъ, Поликарповъ.

([17]) Остенъ лист. 102 на оборотѣ. Свидѣтельство это находится и въ той книгѣ, изъ которой Гагаринъ выписывалъ свои свѣденія о Лазарѣ Барановичѣ, Іоанникіи Голятовскомъ и Антоніи Радивиловскомъ (Слов. Митр. Евг. ч. 1, стр. 239 — 240, слово: Іоанникій Лихудъ). Неужели издатель Любопытныхъ Свидѣтельствъ такъ мало знакомъ съ этою книгою? Впрочемъ онъ, можетъ быть, и зналъ это мѣсто, да счелъ за лучшее молчать объ немъ, потому что оно подрываетъ совершенно силу его Любопытныхъ Свидѣтельствъ.

въ исторіи ученія восточно-русскаго? Они не болѣе, какъ заблужденія, зашедшія къ намъ отъ Латинянъ,— заблужденія, совершенно обличенныя восточною Церковію, и отвергнутыя самими принявшими ихъ, западно-русскими учеными.

Вмѣсто того, чтобы негодовать Гагарину, какъ онъ негодуетъ на новѣйшихъ богослововъ за то, будто они въ своихъ опроверженіяхъ новаго латинскаго догмата не приняли во вниманіе представленныхъ имъ свидѣтельствъ,—дабы привлечь Русскихъ къ папѣ; ему должно было бы, вмѣсто безразсуднаго обращенія къ папскому заблужденію, добросовѣстно узнать свою Вѣру и исторію родной страны, весьма богатую поучительными примѣрами. Въ Россіи, напримѣръ, западной, слишкомъ четыре столѣтія проповѣдывалось единеніе Церквей. Тысячи іезуитовъ сто разъ, вдоль и поперекъ, исходили ее съ своею проповѣдію, вооружаясь всѣми орудіями, какія только могла изобрѣсть хитрая, но ложная латинская мудрость для обращенія нашего народа къ папѣ. Западная же Россія или Литва, можно сказать, изрыта была трудами іезуитовъ. Давно бы пора отступнику Гагарину и его собратьямъ, новымъ іезуитамъ, взглянуть на это поприще злоухищреній своихъ предшественниковъ и постыдиться ихъ кривизны и безсовѣстности.

ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ ОБЩЕСТВА

ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ БѢДНѢЙШИМЪ ЦЕРКВАМЪ И МОНАСТЫРЯМЪ ВЪ РОССІИ.

Недостаточное и, можно сказать, даже бѣдственное состояніе православныхъ церквей, какъ на Востокѣ, такъ и въ Молдавіи и Валахіи, обратило въ послѣдніе три года особое вниманіе какъ Правительства, такъ и частныхъ лицъ. Съ цѣлію вспомоществованія и, по возможности, устраненія нуждъ этихъ церквей и монастырей, образовались въ Петербургѣ общества, кототорыя, централизируя добровольныя пожертвованія, распредѣляютъ ихъ, сообразно требованіямъ и по особо-доставляемымъ свѣденіямъ, между бѣднѣйшими изъ нихъ.

Не менѣе благотворно, не менѣе полезно было бы такъ же обратить вниманіе на церкви и монастыри внутри нашего обширнаго отечества.

Кому не извѣстно, что матеріальное благосостояніе ихъ далеко не соотвѣтствуетъ тому положенію, въ которомъ они должны находиться. Многіе приходы столь бѣдны, что едва въ состояніи удовлетворять необходимѣйшимъ потребностямъ богослуженія, и тѣ незначительные и мелкіе доходы, которыми они пользуются, нисколько недостаточны для ихъ поддержанія, не го-

воря уже о томъ, что какое-либо усовершенствованіе или украшеніе во святомъ храмѣ дѣлается вполнѣ невозможнымъ. Много такихъ церквей, которыя приходятъ въ совершенную ветхость и даже грозятъ разрушеніемъ. Въ особенности находятся въ жалкомъ положеніи православныя церкви въ западныхъ губерніяхъ Россіи.

Сочувствуя всѣмъ этимъ крайнимъ нуждамъ, образовалось нынѣ въ Петербургѣ Общество, имѣющее непосредственною цѣлію сосредоточивать пожертвованія и затѣмъ правильно распредѣлять ихъ между бѣднѣйшими церквами и монастырями.

Основательницы этого Общества Графиня Кушелева, Графиня Тизенгаузенъ и Е. С. Бутурлина обратились со всеподданнѣйшею просьбою къ Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ объ исходатайствованіи у Государя Императора Высочайшаго соизволенія на учрежденіе Общества и утвержденія проэкта устава, и вмѣстѣ съ тѣмъ о принятіи его подъ Высочайшее Ея Императорскаго Величества покровительство.

Нынѣ Государь Императоръ Высочайше утвердить соизволилъ какъ основаніе, такъ и уставъ Общества и вмѣстѣ съ тѣмъ Общество осчастливлено высокимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Θеодоровны.

Цѣль, кругъ дѣйствій и средства Общества опредѣлены подробно въ прилагаемомъ ниже сего уставѣ; мы же считаемъ долгомъ возвѣстить всѣмъ сочувствующимъ этому благому дѣлу объ учрежденіи этого Общества, и просить ихъ не отказать своими посиль-

ными пожертвованіями, придти на помощь бѣдныхъ церквей нашего отечества.

Гласность во всѣхъ отчетахъ общества, согласно Высочайше утвержденному уставу, дастъ возможность всѣмъ и каждому слѣдить за успѣхами его дѣйствій и знать, въ какой мѣрѣ оно достигаетъ предположенной благой цѣли.

Смѣемъ надѣяться, что мы найдемъ сочувствіе къ тому благому начинанію и что усердіе нашихъ соотечественниковъ увѣнчаетъ его полнымъ успѣхомъ!

Предсѣдательница: *Графиня Кушелева.*
Дамы-учредительницы: *Графиня Тизенгаузенъ,*
Е. С. Бутурлина.

Высочайше утвержденный въ 27-й день Марта 1859 года уставъ Общества для вспоможенія бѣднѣйшимъ православнымъ церквамъ и монастырямъ въ Россіи.

I. Цѣль Общества.

§ 1. Подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Θеодоровны учреждается въ С. Петербургѣ Общество, преимущественно изъ особъ женскаго пола, съ цѣлью собирать и сосредоточивать добровольныя пожертвованія, какъ

деньгами, такъ и всякаго рода имуществомъ, для правильнаго ихъ распредѣленія между православными въ Россіи церквами и монастырями, наиболѣе нуждающимися въ таковыхъ пособіяхъ, за недостаткомъ собственныхъ средствъ.

II. Составъ управленія Общества.

§ 2. Общество состоитъ изъ неограниченнаго числа членовъ, обязанныхъ вносить въ пользу онаго ежегодно не менѣе 12-ти руб. сер.

§ 3. Для руководства всѣми дѣйствіями Общества, учреждается комитетъ изъ предсѣдательницы, неопредѣленнаго числа членовъ женскаго пола и непремѣннаго члена, на коего возлагаются вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанности правителя дѣлъ и казначея.

§ 4. Предсѣдательница назначается и увольняется отъ должности съ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія; члены же комитета, равно какъ и непремѣнный членъ онаго, избираются самимъ комитетомъ изъ среды членовъ общества, отличающихся особеннымъ христіанскимъ милосердіемъ и благочестіемъ, съ тѣмъ однако же, чтобы о таковомъ избраніи доводилось каждый разъ до свѣденія Августѣйшей Покровительницы.

Примѣчаніе. На первый случай Комитетъ составляется изъ трехъ дамъ-учредительницъ.

§ 5. На время отсутствія предсѣдательницы, по болѣзни или иной причинѣ, мѣсто ея заступаетъ одна изъ присутствующихъ въ комитетѣ дамъ, по предложенію самой предсѣдательницы и съ согласія комитета.

§ 6. Члены собираются по мѣрѣ надобности у предсѣдательницы комитета или у заступающей ея мѣсто.

§ 7. Въ засѣданіяхъ комитета должны присутствовать не менѣе трехъ членовъ.

§ 8. Дѣла въономъ рѣшаются по большинству голосовъ; въ случаѣ же равенства голосовъ, голосъ предсѣдательницы даетъ перевѣсъ.

III. Составъ и кругъ дѣятельности Общества.

§ 9. Средства общества состоятъ:

а) изъ ежегодныхъ взносовъ его членовъ;

б) изъ производимыхъ сими послѣдними по книжкамъ сборовъ;

в) изъ пожертвованій недвижимыми имуществами, деньгами и вещами.

§ 10. Всѣ вообще члены обязаны прилагать возможное стараніе о сборѣ денежныхъ и другихъ приношеній для предположеной цѣли и доставлять ихъ въ комитетъ.

§ 11. Обязанности же комитета заключаются:

а) въ изысканіи способовъ къ умноженію средствъ Общества;

б) въ собираніи точнѣйшихъ, по возможности, свѣденій о нуждахъ и потребностяхъ православныхъ въ Россіи церквей и монастырей.

Примѣчаніе. Съ этою цѣлью разрѣшается комитету входить въ ближайшія сношенія съ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Сѵнода и другими начальствующими въ столицахъ и губерніяхъ лицами.

в) въ правильномъ распредѣленіи между бѣднѣйшими церквами и монастырями поступившихъ на сей предметъ приношеній, кои комитетъ доставляетъ, по усмотрѣнію, или прямо къ церковнымъ старостамъ, или чрезъ епархіальныя или губернскія начальства; и

г) въ наблюденіи за сохранностію поступившихъ въ комитетъ суммъ, кои, по запискѣ въ приходо-расходныя книги и за удовлетвореніемъ текущихъ потребностей, вносятся въ кредитныя установленія для приращенія процентами.

IV. Объ отчетности и правахъ Общества.

§ 12. По окончаніи каждаго года, комитетъ составляетъ отчетъ о дѣйствіяхъ и о приходѣ и расходѣ суммъ по Обществу, каковый отчетъ, по прочтеніи въ полномъ собраніи членовъ Общества, подносится установленнымъ порядкомъ на Всемилостивѣйшее Ея Императорскаго Величества воззрѣніе и затѣмъ печатается во всеобщее свѣденіе.

§ 13. Для правильной отчетности комитетомъ ведутся приходо-расходныя шнуровыя книги.

§ 14. Для сбора доброхотныхъ пожертвованій выдаются отъ комитета членамъ Общества шнуровыя книги, кои возвращаются въ комитетъ вмѣстѣ съ собранными деньгами. О всѣхъ поступающихъ въ распоряженіе комитета приношеніяхъ доводится до Высочайшаго Ея Императорскаго Величества свѣденія и публикуется въ вѣдомостяхъ.

§ 15. Комитету Общества предоставляется право безплатной пересылки по почтѣ какъ посылокъ съ вещами, такъ и пакетовъ съ бумагами и деньгами.

§ 16. Комитетъ имѣетъ особую печать съ надписью: «Общество для вспоможенія бѣднѣйшимъ православнымъ церквамъ и монастырамъ въ Россіи».

О последней попыткѣ раскольниковъ найти себѣ епископа.

Раскольники, отдѣляясь отъ Церкви православной, отнюдь не имѣли въ виду возставать противъ правилъ и уставовъ церковныхъ, — напротивъ провозгласили свое общество единою истинною Церковію, въ которомъ эти уставы и правила предназначены къ неизмѣнному сохраненію во всей ихъ первоначальной цѣлости и чистотѣ. Неудивительно поэтому, если мысль имѣть своего собственнаго епископа, безъ котораго нѣтъ и не можетъ быть истинной Церкви, всегда была у раскольниковъ. По счастію для православія, расколъ при своемъ появленіи не увлекъ никого изъ тогдашнихъ русскихъ епископовъ, кромѣ несчастнаго Павла коломенскаго (1), который въ тоже время былъ лишенъ сана, сосланъ (въ 1655 г.) въ палеостровскій монастырь (на онежскомъ озерѣ) на заточеніе и тамъ вско-

(1) Раскольники утверждаютъ (см. рукоп. «сказаніе о страданіи и о скончаніи священномученика Павла коломенскаго» стат. 8; Виноград. Рос. Денисова л. 16), будто на ихъ сторонѣ во дни Никона кромѣ Павла Коломенскаго, находились еще три іерарха: митрополитъ новгородскій Макарій, архіепископъ вологодскій Маркеллъ и епископъ вятскій Александръ; но это несправедливо (см. Истор. рус. раск. преосв. Мак. стр. 192. 1855 г.)

рѣ (1656 г.) умеръ ([1]). Такимъ образомъ съ притязаніями быть единою истинною Церковію расколъ на первомъ, такъ сказать, шагу увидѣлъ себя лишеннымъ главнаго, краеугольнаго основанія, безъ котораго нѣтъ и не можетъ быть истинной Церкви, т. е. священства и неразрывно соединенныхъ съ нимъ прочихъ церковныхъ таинствъ. Это обнаружилось со всею неотвратимою бѣдственностію своихъ послѣдствій, особенно тогда, когда вымерли всѣ священники, рукоположенные до Патріарха Никона ([2]), съ которыми, по мнѣнію раскольниковъ, погибла всякая истина и всякая святыня въ Церкви русской. Что тогда оставалось дѣлать? Одни изъ раскольниковъ, болѣе ожесточенные фанатики, рѣшили, что поелику неоткуда брать правильно поставленныхъ священниковъ, такъ какъ нѣтъ уже нигдѣ православныхъ епископовъ, то не остается ничего болѣе, какъ обходиться вовсе безъ священства, а слѣдовательно и безъ таинствъ, для которыхъ священство необходимо: отсюда произошла такъ называемая безпоповщина ([3]). Другіе не столь отчаянные,

---

([1]) О смерти Павла коломенскаго раскольники говорятъ различно: Денисовъ (Виногр. Рос. л. 26) повѣствуетъ, что Павелъ находился въ палеостровскомъ монастырѣ *не малое время*, но «въ сказаніи о страданіи и о скончаніи священномученика Павла коломенскаго» (рукоп. библ. преосв. Макарія харьков. № 46, ст. 8) прямо указывается 1656 годъ смерти Павла.

([2]) Послѣдній священникъ стараго до-никоновскаго посвященія, державшійся раскола, былъ Ѳеодосій изъ города Рыльска, рукоположенный будто бы самимъ патріархомъ Іосифомъ (Истор. о бѣгствующемъ священствѣ Ив. Алексѣева).

([3]) Впрочемъ безпоповцы отвергли не всѣ таинства, а только тѣ, которыхъ, по ихъ мнѣнію, не можетъ совершать мірянинъ, именно: мѵропомазаніе, евхаристію, священство, бракъ и елеосвященіе; крещеніе же и покаяніе, которыя, будто бы, можно совершать и простому

чтобы сохранить себѣ употребленіе таинствъ, отъ которыхъ совершенно отречься не доставало у нихъ дерзости, согласились принимать къ себѣ новопоставленныхъ въ православной Церкви священниковъ — съ тѣмъ только, чтобы эти священники были непремѣнно бѣглые и потомъ, въ знакъ совершеннаго разрыва съ оставленною ими Церковію, перекрещены или по крайней мѣрѣ перемазаны вновь мvромъ (¹): это образовало такъ называемую поповщину. Но ни то, ни другое, очевидно, не могло быть успокоительно; ни то, ни другое не давало скопищамъ изувѣровъ не только сущности, но и благовидности правильнаго церковнаго устройства. Въ самой поповщинѣ не могло заглушиться сознаніе того, что бѣглые попы, сколько ихъ ни крести и не мажь, самымъ побѣгомъ своимъ отъ посвятившей ихъ Церкви уничтожаютъ полученное ими посвященіе, что слѣдовательно они не суть истинные священники, а потому и совершаемыя ими таинства не суть истинныя таинства, но поруганіе святыни. За такимъ сознаніемъ неизбѣжно должно было послѣдовать самое настойчивое домогательство — въ особенности со стороны поповцевъ — промыслить, во что бы то ни стало, собственнаго архіерея, «да скопищамъ ихъ

вѣрующему, у нихъ существуютъ (см. книгу: «о скрытіи священства и прекращеніи безкровныя жертвы во время всемірнаго вѣры отступленія», — сборн. нашей акад. библіот. № 8-й).

(¹) Раскольники, по крайней мѣрѣ Вѣтковцы, до самаго попа Ѳеодосія, всѣхъ приходящихъ къ нимъ, и міранъ и бѣглыхъ священниковъ, перекрещивали (Истор. рус. раскола преосвящ. Макарія стр. 297, 1855 г.), — на Иргизѣ и рогожскомъ кладбищѣ принимали чрезъ мvропомазаніе (см. Сборн. библ. с.п.б. свящ. Н. Верховскаго № 12 стр. 68), въ Стародубьѣ ограничивались однимъ проклятіемъ мнимыхъ ересей (Истор. руск. раскола стр. 318).

образъ и видъ правильнаго законнѣ рукоположеннаго священства пріобрящется» (¹). И вотъ потянулся длинный рядъ попытокъ и усилій, наполнившій прошлое столѣтіе многими, частію смѣшными, но болѣе жалкими и отвратительными исторіями, театръ которыхъ былъ большею частію за границей (по тому времени), но которыя тѣмъ не менѣе нарушали и внутренній миръ Россіи. Въ то время главное гнѣздо поповщины находилось за тогдашнимъ польскимъ рубежемъ — на Вѣткѣ, рукавѣ рѣки Сожи, недалеко отъ мѣстечка Гомеля, въ нынѣшней могилевской губерніи. Тамъ, подъ покровительствомъ помѣщика пана Халецкаго, собралась многочисленная толпа раскольниковъ изъ всѣхъ странъ Россіи, для которыхъ бѣглые попы стараго до-никоновскаго рукоположенія выстроили церковь и освятили (въ 1696 г.) на украденномъ, тоже старомъ, до Никона освященномъ антиминсѣ. При этой-то церкви, бывшей и безъ того уже какбы митрополіей всего раскольничьяго міра секты поповщинской, рѣшено было завесть раскольническую епископскую каѳедру. Вслѣдствіе такого рѣшенія въ 1730 году Вѣтковцы вмѣстѣ съ діаконовцами обратились къ молдавскому митрополиту Антонію съ просьбою посвятить имъ изъ среды ихъ епископа; а въ 1731 г. игуменъ вѣтковскаго монастыря Власій отъ лица всего собора писалъ о томъ же ясскому господарю. Подкрѣпленное всякаго рода происками дѣло пошло на ладъ и, конечно, совершилось бы, если бы, по счастію, константинополь-

(¹) «Повѣсть краткая и достовѣрная о раскольницѣхъ, на соблазнъ и позоръ православныя нашея восточныя Церкви въ сія послѣдняя времена прошибающихся» — Платона Аѳанацковича, епископа будимскаго, изд. 1848 г. стр. 12.

скій патріархъ, заблаговременно предупрежденный, не успѣлъ своимъ запрещеніемъ разстроить умыселъ изувѣровъ ([1]). Но неудача не прекратила, а только измѣнила планъ ихъ дѣйствій. Около этого времени желанный кладъ самъ дался въ руки раскольникамъ въ лицѣ святотатца Епифанія, монаха козельскаго монастыря кіевской епархіи, который, будучи обличенъ въ нечистой жизни, бѣжалъ за границу съ поддѣланною фальшивою грамотою, будтобы отъ тогдашняго кіевскаго архіепископа, желавшаго имѣть его своимъ викаріемъ, и на основаніи этой грамоты дѣйствительно посвятился (22 Іюля 1824 г.) въ Яссахъ во епископа чигиринскаго, послѣ чего, водворясь на Вѣткѣ, началъ ставить поповъ, и діаконовъ, разсыпавшихся оттуда не только по всему Зарубежью, но и внутрь Россіи. Нѣсколько разъ этотъ лже-епископъ былъ схватываемъ русскимъ Правительствомъ и нѣсколько разъ изъ-подъ крѣпкаго караула имѣлъ искусство спасаться бѣгствомъ назадъ — въ свою зарубежную берлогу, гдѣ, не смотря на торжественное снятіе съ него не только святительскаго сана, но и самаго священства и даже монашества, былъ принимаемъ и распоряжался, какъ истинный епископъ, пока наконецъ въ послѣдній разъ пойманный въ 1735 г. не былъ засаженъ въ кіевскую крѣпость, въ которой и кончилъ (1 Іюля того же года) многомятежную жизнь свою ([2]). Прошло послѣ того лѣтъ пятнадцать, и у Вѣтковцевъ около 1750 года явился другой бѣглецъ изъ Россіи, изъ воскресенскаго новоіерусалимскаго монастыря, по имени

([1]) Истор. русск. раск. преосв. Макар. стр. 347—8, 1855 г.

([2]) Полное историч. извѣст. о раскольникахъ — Іоаннова стр. 228—243, 1799 г.

Аѳиногенъ. «Сей, іеродіаконъ точію сый, ниже и вида посвященія архіерейскаго промыслити потщася» (¹), т. е. не заблагоразсудилъ вовсе и хлопотать о какомъ бы то ни было посвященіи, а прямо выдалъ себя за епископа и началъ дѣйствовать по-архіерейски. Этотъ полный самозванецъ не ограничился поставленьемъ только поповъ и діаконовъ. Нѣкто Анѳимъ, инокъ изъ простыхъ мужиковъ, проживавшій въ поповщинскихъ скитахъ, купилъ себѣ у Аѳиногена санъ архимандрита, а потомъ захотѣлъ и епископства. Получивъ двѣнадцать червонцевъ, бродяга не отказалъ Анѳиму и въ этомъ. Къ довершенію нечестія и соблазна, оба изувѣра распорядились такъ, что это послѣднее поруганіе святыни должно было быть совершено ими заочно. Въ назначенный день и часъ Аѳиногенъ, находившійся въ то время въ Валахіи, куда онъ удалился, вѣроятно, въ надеждѣ лучше скрыть свое самозванство, обѣщался читать посвятительныя молитвы, а Анѳимъ, остававшійся на Вѣткѣ, долженъ былъ возлагать на себя архіерейскія одежды. Между тѣмъ слухъ о самозванствѣ самаго Аѳиногена началъ распространяться и колебать довѣріе къ нему раскольниковъ. Почуявъ бѣду, обманщикъ убрался заблаговременно изъ Валахіи въ Польшу, и тамъ, сбросивъ маску, вступилъ въ военную службу. Уже онъ разгуливалъ въ польскомъ кунтушѣ, препоясавшись мечемъ, оголя бороду и «съ люлею табачною во устахъ», какъ наступилъ срокъ, условленный съ Анѳимомъ. Не зная еще ничего о случившемся, тотъ, по условію, облачился въ архіерейскія одежды и началъ — себѣ святительствовать, какъ

(¹) Плат. Аѳанацк. стр. 13.

настоящій епископъ. Съ одной стороны наглость, съ другой — невѣжество и упрямство дошли до того, что когда наконецъ вся исторія самозванца Аѳиногена огласилась, новый самозванецъ Анѳимъ, «пріимшій таковое безобразное посвященіе» (¹), продолжалъ выдавать себя за архіерея и даже нашелъ себѣ не мало приверженцевъ. Кончилось однако тѣмъ, что раскольники — казаки, жившіе тогда подъ покровительствомъ турецкимъ, къ которымъ Анѳимъ удалился потому, что на Вѣткѣ сталъ встрѣчать мало себѣ довѣрія, принявъ сначала этого святотатца со всѣми почестями, потомъ, когда узнали истину, утопили его въ Днѣстрѣ (²). Съ тѣхъ поръ никому не приходило болѣе охоты повторять комедію самозванства, разыгравшуюся такъ трагически. Но усилія добыть себѣ настоящаго епископа, какъ бы то ни было, только дѣйствительно посвященнаго, долго еще колебали не только поповщину, но и нѣкоторые толки безпоповщинскіе, которые для большаго успѣха въ своихъ затѣяхъ соединялись съ поповцами. Въ 1765 году, въ Москвѣ, съ согласія обеихъ кладбищъ — поповщинскаго рогожскаго и безпоповщинскаго преображенскаго, образовалась было чудовищная затѣя — тайнымъ, воровскимъ образомъ совершить посвященіе епископа чрезъ возложеніе руки св. митрополита Іоны, мощи котораго почиваютъ въ успенскомъ соборѣ. Уже сдѣланы были всѣ приготовленія, — между прочимъ устроена богатая архіерейская ризница; только остатки ли совѣсти, убоявшейся посягнуть на такое безпримѣрное оскорбленіе святыни, или страхъ наказанія, которое не замедлило бы по-

(¹) Тамъ же стр. 14 и 15.

(²) Полн. истор. изв. — Іоаннов. стр. 285 — 306.

стигнуть совершившееся преступленіе, удержали изувѣровъ отъ послѣдняго окончательнаго шага ([1]). Пошли происки опять то за границей: въ Крыму и въ Грузіи, тогда еще не принадлежавшихъ Россіи, — въ Польшѣ и другихъ странахъ, то въ самой Россіи, и все безъ успѣха ([2]). «Никто же бо дерзаше пойти на совѣтъ нечестивыхъ, ниже предстояти на пути безумныхъ и на сѣдалищи зловѣрныхъ начальствовати» ([3]). Съ воцаренія императрицы Екатерины II-й, когда строгость мѣръ по отношенію къ раскольникамъ была довольно ослаблена и они пріобрѣли большую возможность снабжать себя бѣглыми попами,—волненіе по поводу епископства начало мало по малу стихать между раскольниками. Можно было думать, что послѣ стольких неудачъ изувѣры совершенно оставятъ свои затѣи объ отысканіи себѣ епископа, по тому простому соображенію, что «аще бы въ мудрованіяхъ своихъ правою стезею шествовали, не бы таковый позоръ и срамъ на ня пришелъ былъ по реченному: всякъ совѣтъ, иже отъ Бога есть, станетъ, а всяко дѣло, еже нѣсть отъ Бога, раззорится» ([4]). Особенно въ настоящій вѣкъ, — вѣкъ повсюднаго порядка и благоустройства гражданскаго, подобная попытка казалась бы несовременною. Къ удивленію, она не только возобновилась, но и увѣнчалась неожиданнымъ успѣхомъ. Дѣло происходило за границей — между раскольниками, живущими внѣ предѣловъ отечества, и потому прежде,

---

([1]) Истор. русск. раск. преосвящ. Макар. стр. 352 — 3.

([2]) См. обо всѣхъ этихъ происках у Іоаннов. въ его истор. изв. стр. 362 — 363.

([3]) Плат. Аѳанацк. стр. 12.

([4]) Тамъ же стр. 15.

чѣмъ станемъ излагать исторію этого событія, считаемъ не излишнимъ предварительно сказать нѣсколько словъ о такъ называемыхъ заграничныхъ раскольникахъ, которые были главными виновниками учрежденія раскольничей епископской каѳедры въ нынѣшнемъ столѣтіи.

Съ самаго происхожденія раскола, изувѣры, зараженные имъ, отлагаясь отъ сыновняго повиновенія Церкви, начали съ тѣмъ вмѣстѣ отлагаться и отъ вѣрноподданническихъ обязанностей къ отечеству. Еще въ колыбели расколъ поднялъ знамя открытаго бунта противъ Церкви и престола изъ-за стѣнъ соловецкаго монастыря ([1]). Потомъ въ нѣсколько лѣтъ онъ дошелъ до такой наглости, что въ лицѣ буйныхъ стрѣльцовъ дерзнулъ разбить (1682 г.) мятежническій таборъ свой внутри самаго Кремля, у священныхъ воротъ успенскаго собора, предъ царственными ступенями краснаго крыльца ([2]). По счастію въ это время спасительныя бразды самодержавія находились въ рукахъ Великаго Петра. Рѣшительными мѣрами мятежъ былъ обезоруженъ, обезглавленъ, задушенъ, только, къ сожалѣнію, не въ сердцахъ мятежниковъ ([3]). Видя не-

([1]) Начало возстанія въ соловецкомъ монастырѣ восходитъ еще къ 1656 году, когда присланы были въ монастырь при указѣ царскомъ первыя новоисправленныя богослужебныя книги (Солов. Лѣт. подъ 1656 г.); но бунтъ соловецкій начался 1669 г. 7-го марта (Чтен. Москов. Истор. Общ. 1846, № 3, отд. 1, стр. 36).

([2]) Подробно см. объ этомъ въ Ист. русск. раск. пр. Макарія стр. 219 — 235.

([3]) Хотя Петръ былъ провозглашенъ самодержавнымъ государемъ еще въ 1682 г., но стрѣлецкій раскольничій мятежъ 1682 г. былъ укрощенъ собственно Софіею, бывшею въ то время правительницею государства за слабостію Іоанна и малолѣтствомъ Петра (Рус.

возможность бороться съ порядкомъ идей и вещей, имъ ненавистнымъ, ожесточеннѣйшіе изъ раскольниковъ, дерзнувъ безсмысленно опозорить преобразователя Россіи именемъ антихриста ([1]), принесли въ жертву злобѣ безсильной, но непримиримой всѣ узы, привязывающія къ отечеству. Многочисленными толпами они стали покидать родную землю и переселяться за рубежи шведскій, польскій, турецкій. Такъ произошли раскольники «зарубежные» или заграничные. Первоначальные притоны раскольниковъ, бѣжавшихъ изъ отечества, располагались не очень далеко: на берегахъ Ладоги, Пейпуса, въ лѣсахъ брынскихъ и стародубскихъ, на степной опушкѣ казацкой Украйны. Но потомъ, когда, по благимъ и неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла, Россія начала расти и раздвигаться во всѣ стороны быстрыми, исполинскими шагами, раскольники, оставившіе отечество, бѣжали все дальше и дальше и наполнили собою постепенно, послѣ нынѣшнихъ нашихъ западныхъ губерній, смежные съ россійской имперіей округи восточной Пруссіи, предгорья Карпата въ австрійской Галиціи и обоихъ дунайскихъ княжествахъ, наконецъ самое Задунавье, гдѣ и хребетъ Балкана не положилъ имъ преграды, гдѣ раскольники, гонимые паническимъ страхомъ побѣдъ русскихъ, разсыпались до береговъ Архипелага и Мраморнаго моря, перебрались даже чрезъ Босфоръ въ Малую Азію. Но такъ

Вѣстн. 1856 г. т. II. стр. 386 — 401). Петръ каралъ буйныхъ, зараженныхъ расколомъ стрѣльцовъ уже послѣ того, какъ Софія, поддерживавшая мятежниковъ, была удалена отъ правленія.

([1]) Раскольники называли Петра антихристомъ за то особенно, что онъ перенесъ празднованіе новаго гова съ 1-го сентября на 1-е января и тѣмъ будто бы перемѣнилъ времена и законъ (Дан. 7, 25).

какъ событіе, исторію котораго мы намѣрены изложить, совершилось по проискамъ раскольниковъ, живущихъ собственно въ австрійскихъ владѣніяхъ; то, не касаясь другихъ заграничныхъ раскольниковъ, мы сообщимъ краткія свѣденія только о раскольникахъ австрійскихъ ([1]).

Такъ называемая Буковина или черновецкій округъ королевства галиційскаго есть единственный уголокъ владѣній австрійскихъ, гдѣ живутъ раскольники. Здѣсь они населяютъ три большихъ слободы: Бѣлую Криницу (по молдавски: Фонтана Алба, что значитъ: бѣлый ключь или источникъ), Климовцы (по мѣстному произношенію Климоуцъ), Соколинцы (по туземному: Миттока Драгомирна, т. е. помѣстье монастыря Драгомирны) и одну небольшую деревушку, называющуюся, по рѣчкѣ, при которой лежитъ, Мехрида или Мехидра. Какъ велико число раскольниковъ въ Буковинѣ, точно опредѣлить нельзя ([2]); несомнѣнно только то, что большая ихъ часть находится въ двухъ смежныхъ слободахъ: бѣло-криницкой и климовецкой, которыя поэтому можно считать главнымъ, основнымъ гнѣздомъ австрійскихъ раскольниковъ. Гнѣздо это ближе обоихъ остальныхъ селеній къ Черновцамъ или Черновцу —

([1]) Свѣдѣнія объ австрійскихъ раскольникахъ мы заимствовали: 1) изъ указанной выше повѣсти Платона Аѳанацковича, 2) изъ «книги» іеромонаха Парѳенія «о Промыслѣ Божіемъ» (изд. 1857 г.) и особенно 3) изъ одной рукописи «о заграничныхъ раскольникахъ».

([2]) Преосвященный Платонъ Аѳанацковичъ сообщаетъ объ этомъ разнорѣчивыя свѣденія. Въ одномъ мѣстѣ (стр. 20) онъ говоритъ, что всѣхъ раскольниковъ, живущихъ въ Бѣлокриницѣ, Климовцахъ и Миттокѣ, 2016 человѣкъ; въ другомъ (стр. 35), — что во всей Буковинѣ число раскольниковъ простирается до 2500.

окружному городу Буковины, и именно верстахъ въ 30-ти; а потому оно ближе всѣхъ и къ границѣ русской, отъ которой городъ Черновцы отстоитъ также на 30-ть верстъ ([1]). Всѣ буковинскіе раскольники извѣстны здѣсь подъ общимъ именемъ Липованъ (иногда зовутся и Филиппонами): они суть чистые Русскіе, выходцы изъ самаго сердца Россіи ([2]); національность русская со всѣми мельчайшими подробностями и оттѣнками до сихъ поръ пребываетъ у нихъ въ такой цѣлости и чистотѣ, какую въ настоящее время не вездѣ можно найти и въ самой Россіи, — такъ что посреди Русиновъ, Молдаванъ, Поляковъ и Нѣмцевъ, изъ которыхъ состоитъ населеніе края, буковинскіе Липованы кажутся какбы выходцами изъ другаго свѣта. Главное занятіе буковинскихъ раскольниковъ состоитъ въ земледѣліи, хотя, по русскому обычаю, а также по недостатку земли ([3]), они не чуждаются и другихъ промысловъ на сторонѣ.

([1]) Рукопись о загран. раск.

([2]) Плат. Аѳанауков. стр. 20 — 21.

([3]) По переселеніи раскольниковъ съ Дуная въ Буковину, австрійское правительство давало имъ земли столько, сколько раскольники пожелаютъ сами. Но изувѣры, хотя сами жили съ женами и имѣли дѣтей, рѣшили, по переселеніи въ австрійскія владѣнія, не дозволять дѣтямъ брачнаго сожитія, и потому взяли земли столько, сколько нашли нужнымъ только для себя и своихъ семействъ, не думая о будущемъ. Когда же, вопреки желаніямъ родителей, дѣти стали вступать въ браки, отъ которыхъ произошли новыя дѣти, и такимъ образомъ раскольническое народонаселеніе въ Буковинѣ годъ отъ году стало болѣе и болѣе увеличиваться, земли стало мало. Между тѣмъ австрійское правительство, оставляя за Липованами неизмѣнно всѣ данныя имъ въ началѣ привиллегіи, не даетъ имъ никакихъ новыхъ; отъ чего хотя, въ теченіе болѣе полувѣка число Липованъ значительно умножилось путемъ естественныхъ рожденій, а также и новыми выходцами изъ Россіи и другихъ странъ, оно, не уве-

Трудно сообщить достовѣрныя и опредѣленныя свѣденія о времени, въ которое буковинскіе раскольники оставили родную Русь и поселились внѣ ея предѣловъ ([1]). Въ отношеніи же къ водворенію ихъ на настоящихъ мѣстахъ жительства, старѣйшими всѣхъ считаютъ себя жители Соколинцевъ или Миттоки Драгомирны. У нихъ хранится преданіе, будто бы праотцы ихъ поселились здѣсь еще до присоединенія Буковины отъ Молдавіи къ Австріи, что, какъ извѣстно, случилось въ 1776 или 77 году, въ царствованіе императрицы Маріи Терезіи (ум. 1780 г.). Что же касается до жителей другихъ слободъ: Бѣлокриницы и Климовцевъ, равно такъ и выселенцевъ мехидрскихъ; то они помнятъ, что пришли сюда уже подъ владычествомъ австрійскимъ, именно въ 1783 году, и притомъ не прямо изъ Россіи, а изъ владѣній турецкихъ, съ береговъ Дуная ([2]). Поводомъ къ переселенію ихъ оттуда была, говорятъ, услуга, оказанная ими на Дунаѣ одному изъ важныхъ имперскихъ, министровъ, котораго австрійскій императоръ послалъ однажды промѣрить Дунай и узнать его глубину отъ Вѣны до самаго Чернаго моря. Во время этого занятія министръ вмѣстѣ съ подчиненными ему чиновниками были замѣчены

личивъ ни крейцеромъ положеннаго на нихъ оброка, не увеличило въ то же время ни пядью и земли, предоставленной имъ первоначально въ пользованіе. Это-то и заставило нѣкоторыхъ Липованъ селиться во владѣніяхъ помѣщичьихъ, какъ поступили жители Мехидры, поселившись на землѣ, принадлежащей туземному помѣщику Бояру Іордаки Васильчуку (Іером. Пар. стр. 195 — 98. 201).

([1]) Преосвященный Платонъ Аѳанацковичъ говоритъ (стр. 20) объ этомъ глухо и неопредѣленно, дѣлая общее замѣчаніе, что Липованы буковинскіе «отдавна изъ отечества своего тайно отбѣгли».

([2]) Рукоп. о загранич. раскольникахъ.

Турками и, безъ всякаго сомнѣнія, попали бы въ плѣнъ, если бы жившіе на Дунаѣ раскольники не подоспѣли и обманомъ не выручили ихъ изъ бѣды ([1]). Въ благодарность за такую услугу министръ, согласно просьбамъ своихъ спасителей, выхлопоталъ для ихъ единовѣрцевъ, жившихъ въ Буковинѣ, весьма важныя преимущества. Желая воспользоваться этими преимуществами, раскольники, жившіе во владѣніяхъ турецкихъ, переселились въ Буковину. Сколько правды въ этомъ преданіи, трудно сказать; несомнѣнно по крайней мѣрѣ то, что буковинскіе Липованы по-нынѣ пользуются чрезвычайными льготами и преимуществами, изображенными въ декретѣ, дарованномъ имъ отъ императора Іосифа II-го въ 1781 году ([2]). По силѣ этого декрета, Липованы за пользованіе землею, на которой живутъ и воздѣлываніемъ которой питаются, не платятъ ничего, кромѣ однажды установленнаго, изумительно малаго и почти ничтожнаго оброка: затѣмъ они освобождены отъ всѣхъ прочихъ государственныхъ и земскихъ повинностей, какъ денежныхъ такъ и натуральныхъ, изъяты изъ общаго закона конскрипціи и рекрутства ([3]). Получивъ оброкъ, выплачиваемый общинами въ массѣ, правительство вовсе не касается Липованъ, предоставляя имъ самимъ всѣ заботы и распоряженія по внутреннему управленію общинъ, не только хозяйственному, но и полицейскому. И нужно сказать, что

([1]) Іером. Парѳ. стр. 194.

([2]) Декретъ этотъ написанъ былъ золотыми буквами (Іером. Парѳ. стр. 195); подлинникъ его хранится въ Миттокѣ Драгомирнѣ, что можетъ служить новымъ подтвержденіемъ старѣйшинства этой слободы предъ всѣми остальными (Рукоп. о загран. раскольникахъ).

([3]) Тамъ же стр. 195.

буковинскіе раскольники не употребляютъ во зло такой снисходительности къ нимъ правительства. При всей независимости отъ общихъ условій мѣстнаго порядка, устройства и быта, они не только не допускаютъ у себя никакихъ безпорядковъ, тѣмъ болѣе пороковъ и преступленій, напротивъ отличаются трудолюбіемъ, трезвостію и вообще самымъ кроткимъ поведеніемъ, — такъ что правительство не можетъ нахваляться ихъ миролюбивыми нравами ([1]). И если случаются у нихъ какіе-либо безпорядки, то виновниками ихъ всегда бываютъ не туземцы, но такъ называемые здѣсь «свѣжаки», т. е. новые выходцы изъ Россіи и другихъ странъ. Эти выходцы, изъ которыхъ большая часть бываетъ самыхъ дурныхъ свойствъ, пьяницы, моты, тунеядцы, «всякаго честнаго труда чуждающіися, и хлѣбъ въ потѣ лица своего снѣдати отнюдь не хотящіи, — службы подданническія и прочихъ законныхъ обвязаній избѣгающіи», а другіе «явніи преступницы и злодѣи, грозящаго си праведнаго суда и наказанія бѣгствомъ избывающіи» ([2]), — часто появляются въ Буковинѣ и, какъ представители Россіи, хотя и недостойные, охотно принимаются Липованами, не смотря на всѣ мѣры противъ этого Правительства, которое вовсе не расположено давать у себя пріютъ людямъ бѣглымъ и безпаспортнымъ. Конечно, въ томъ, что нѣсколько бродягъ находятъ себѣ убѣжище у своихъ собратій по происхожденію и вѣрѣ, еще нѣтъ большой важности; но главное зло въ томъ, что эти бродяги бываютъ если не отъявленные негодяи, то не-

(1) Рукоп. о загран. раскольникахъ.

(2) Плат. Аѳанацк. стр. 21.

премѣнно всѣ безъ исключенія отчаянные интриганты, подстрекатели страстей, сѣятели смутъ и козней, которые ради своихъ выгодъ, чтобы придать себѣ больше значенія и вѣсу, стараются намѣренно раздражать и приводить въ безпокойную дѣятельность фанатизмъ туземныхъ Липованъ, которою потомъ и заправляютъ. Имъ-то собственно, а не природнымъ буковинскимъ Липованамъ, у большой части коихъ самый фанатизмъ, не встрѣчая ни откуда не только противодѣйствія, но даже и противорѣчія, спитъ въ блаженномъ самодовольствѣ, принадлежитъ, какъ увидимъ ниже, затѣя и хлопоты объ учрежденіи въ Бѣлокриницѣ епископской каѳедры для всѣхъ обитающихъ внѣ и внутри Россіи раскольниковъ (¹).

Большая часть буковинскихъ раскольниковъ принадлежитъ къ такъ называемой сектѣ поповщинской,— къ согласію Чернобольцевъ. Переселившіеся изъ турецкихъ владѣній въ Буковину раскольники были тѣ самые Чернобольцы, которые во второй половинѣ прошлаго столѣтія, вмѣстѣ съ своимъ основателемъ Иларіономъ Петровымъ, по прозванію Коровьи-Ножки, оставили Черноболь и переселились на Дунай. Поповцы населяютъ исключительно слободы-бѣлокриницкую и Миттоку Драгомирну. Къ сектѣ безпоповщинской относится семействъ около 30-ти въ слободѣ климовецкой (²). Послѣдователи той и другой секты равно пользуются привиллегіями Липованъ въ отношеніи къ общественному и гражданскому быту. Въ послѣднее время между буковинскими Липованами появились признаки, свойственные хлыстовщинѣ и даже скопе-

(¹) Рукопись о загранич. раскольникахъ.

(²) Іеромон. Парѳен. стр. 194 — 200.

честву. Но зло немедленно обратило на себя вниманіе Правительства; уличенные скопцы всѣ безъ изъятія были изгнаны изъ владѣній австрійскихъ, а на будущее время послѣдовало строжайшее запрещеніе впускать въ предѣлы имперіи подобныхъ уродовъ, и для этого приказано осматривать на границѣ всѣхъ, кто будетъ заподозрѣнъ въ оскопленіи, — распоряженіе, принятое съ благодарностію самими Липованами (1).

Къ числу привиллегій, которыми пользуются буковинскіе раскольники по декрету 1781 года, относится и то, что имъ дана полная свобода вѣроисповѣданія и богослуженія съ правомъ имѣть своего священника, по собственному выбору и приглашенію. Поэтому въ слободѣ бѣлокриницкой, которую можно назвать митрополіею раскольническою въ Буковинѣ, издавна существовала приходская церковь во имя Космы и Даміана, которую освятилъ на украденномъ изъ Россіи антиминсѣ какой-то бѣглый попъ (2). Приходъ этой церкви до 1846 года составляли всѣ буковинскіе раскольники поповщинской секты, а священники къ ней пріобрѣтались изъ Россіи. Это дѣлалось съ вѣдома Правительства и стоило Липованамъ не малыхъ хлопотъ и издержекъ. Потому что, несмотря на значительныя выгоды, какія доставляло званіе, единственнаго для всѣхъ туземныхъ раскольниковъ секты поповщинской, священника, бѣглые попы жили въ Буковинѣ не долго, года три — четыре, а потомъ, набивъ карманъ, также воровски, какъ приходили, убѣгали въ другое какое-либо мѣсто (3). Причиной

(1) Рукоп. о загран. раск.

(2) Плат. Аѳанацков. стр. 20.

(3) Рукоп. о заграничн. раскольникахъ.

этого служило, вѣроятно, своеволіе раскольниковъ, которые видятъ въ своихъ попахъ только машину для исправленія церковныхъ требъ, и во всѣхъ другихъ случаяхъ не даютъ имъ никакого значенія и вліянія (1). Въ то время, какъ хлопотали буковинскіе Липованы объ учрежденіи епископской каѳедры въ Бѣлокриницѣ, священникомъ при этой церкви былъ черный попъ, т. е. іеромонахъ, по имени Іеронимъ,—человѣкъ весьма недалекій въ умственномъ отношеніи, но хитрый и лукавый (2). Кромѣ того въ Бѣлокриницѣ находится обширный монастырь, въ устроеніи котораго участвовалъ извѣстный уже намъ іеромонахъ Парѳеній, еще до обращенія своего къ Православію; въ монастырѣ также находится церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, которую освятили два бѣглыхъ іеромонаха: Ириней и Мануилъ (3). — Въ 1844 году число старцевъ бѣлокриницкаго монастыря простиралось до 20 человѣкъ; (4) большая ихъ часть состояла изъ туземцевъ, но и между ними главную роль играли въ то время такъ называемые «свѣжаки»,—выходцы, вновь прибѣгающіе изъ Рос-

(1) Поповцы, говоритъ одинъ безпоповецъ, принимаютъ къ себѣ бѣглыхъ поповъ не для того, чтобы повиноваться имъ, но чтобы самимъ господствовать надъ ними, такъ что у нихъ «не іерейства держится народъ, а народъ держитъ іерейство, и не іерейству послѣдуетъ народъ, но іерейство послѣдуетъ народу, и что хощетъ народъ, то и творитъ іерейство, не волею, но сластолюбія ради и богатства» (см. Сборн. начинающійся исторіею о бѣгствующ. священствѣ, въ статьѣ: «окончаніе глаголовъ о іерействѣ», № 7-й нашей библіот).

(2) Рук. о загран. расколн.

(3) Іером. Парѳен. стр. 37 и 200 201.

(4) Рукопис. о заграничн. раскольникахъ.

сіи и другихъ мѣстъ. Таковы именно были въ сороковыхъ годахъ: настоятель бѣлокриницкаго монастыря, по имени Геронтій, и два его главныхъ сотрудника и клеврета, старцы—Алипій и Павелъ. Этотъ замѣчательный тріумвиратъ, управлявшій въ то время не только дѣлами монастыря, но и всѣми буковинскими раскольниками поповщинской секты, составленъ былъ изъ бродягъ, родившихся и воспитавшихся въ Россіи. Всѣ они трое были «толико же дерзки, колико лукави», — но съ разными оттѣнками личности. Геронтій былъ человѣкъ безъ всякаго образованія, но удивительно ловкій и вкрадчивый. Онъ прибылъ въ бѣлокриницкій монастырь не прямо изъ Россіи, но изъ Бессарабіи, изъ тамошняго раскольническаго серковскаго монастыря ([1]). «Тма кромѣшная покрываетъ прежняя дѣянія Алипіева», говоритъ пр. Платонъ Аѳанацковичъ, «яко не вѣдѣти никомуждо, ни кто и что онъ прежде бѣ, ни гдѣ живяше, ни что творяше во отечествіи своемъ: отъонюду же лѣть есть заключити, яко не всуе во тмѣ таковый крыется, по реченному: иже любитъ тму, ненавидитъ свѣтъ, яко да не явятся дѣла его, яко злая суть» ([2]). Онъ былъ совершенный невѣжда, не зналъ порядочно ни читать, ни писать по-русски, но какъ человѣкъ, много шатавшійся по бѣлому свѣту, владѣлъ большими практическими свѣденіями, умѣлъ даже нѣсколько лепетать по-нѣмецки и былъ «исполненъ природныя хитрости и лукавства» ([3]). Какъ Геронтій, такъ и Алипій не отличались ни трезвостію, ни вообще добропо-

([1]) Іером. Пароен. стр. 37.

([2]) Плат. Аѳанацк. стр. 22.

([3]) Тамъ же стр. 23.

рядочнымъ поведеніемъ (¹). Скромнѣе ихъ былъ Павелъ, родомъ изъ города Валдая (новгородской губерніи), гдѣ исправлялъ онъ обязанности «возатая», т. е. извощика. Не одаренный особенною любовію къ труду, или, какъ выражается преосв. Платонъ Аѳанацковичъ, «лѣнивецъ сый и праздолюбецъ», онъ оставилъ «домъ, родъ и службу» и сталъ странствовать по разнымъ мѣстамъ Россіи; «послѣди же оставилъ и самое отечество свое», и поселился въ бѣлокриницкомъ монастырѣ. Человѣкъ онъ былъ грамотный, умѣлъ «писати и чести по россійски, наипаче же искусствомъ старыхъ раскольничьихъ книгъ хвастался» (²), и дѣйствительно былъ отличный говорунъ, большой начетчикъ, искушенный во всѣхъ тонкостяхъ раскольническаго суемудрія. Эти-то три человѣка въ 1844 году согласились между собою добыть, во чтобы то ни стало, раскольникамъ епископа, «иже бы въ монастыри ихъ бѣлокриницкомъ престолъ свой держати, и архіерейская безпрепятственно и невозбранно по угодностемъ раскольниковъ дѣйствовати имѣлъ» (³), чтобы и самимъ чрезъ то пріобрѣсть высокій санъ священства, а потомъ, овладѣвъ душами всѣхъ раскольниковъ, нажить побольше денегъ и прославить свое имя (⁴). Затѣя, повторимъ опять, дерзкая, мало подававшая надежды на осуществленіе, но «Богу попустившу, а діаволу содѣйствовавшу» увѣнчавшаяся успѣхомъ.

(¹) Іеромон. Пароен. стр. 37.

(²) Плат. Аѳанацков. стр. 23.

(³) Тамъ же стр. 22.

(⁴) Іеромон. Пароен. стр. 37.

Первая искра была, говорятъ, брошена однимъ галицкимъ уніятскимъ митрополитомъ, который, объѣзжая однажды свою епархію, къ которой принадлежала и Буковина, заѣхалъ въ церковь къ бѣлокриницкимъ Липованамъ и, узнавъ, что у нихъ не было въ то время священника и что вообще они весьма затрудняются въ пріобрѣтеніи себѣ поповъ изъ Россіи, посовѣтывалъ бѣлокриницкимъ монахамъ обратиться съ просьбою о епископѣ къ австрійскому Правительству, увѣряя, что имъ не будетъ въ томъ отказа. Такой совѣтъ могъ быть внушенъ просто христіанскимъ состраданіемъ къ бѣдственному положенію буковинскихъ раскольниковъ, не имѣвшихъ иногда возможности пользоваться самыми необходимыми священнодѣйствіями и утѣшеніями Вѣры. Но если взять во вниманіе то, что митрополитъ этотъ былъ извѣстный Михаилъ Левицкій, — отчаянный папистъ и заклятый врагъ Православія, который незадолго предъ тѣмъ постоянно выпускалъ въ свѣтъ возмутительные манифесты противъ совершившагося въ Россіи (въ 1839 г.) возсоединенія уніятовъ съ православною Церковію; то невольно думается, что тутъ руководствовался онъ цѣлями нечистыми и недобрыми. Какъ бы впрочемъ ни было, только мысль эту съ жаромъ подхватили бѣлокриницкіе монахи, во главѣ которыхъ, какъ уже было сказано, стояли въ это время три бѣглеца изъ Россіи: Геронтій, Алипій и Павелъ, и рѣшились осуществить ее, во что бы то ни стало. Неизвѣстно, въ какой мѣрѣ каждый изъ этихъ трехъ суевѣровъ участвовалъ въ ходѣ и производствѣ дѣла; но то несомнѣнно, что Алипій, знавшій нѣсколько по-нѣмецки, заправлялъ имъ лично, какъ повѣренный буковинскихъ Липованъ, во всѣхъ инстанціяхъ—въ Чер-

новцахъ, въ Лембергѣ и наконецъ въ Вѣнѣ. Въ самой Буковинѣ затѣя раскольниковъ объ учрежденіи въ Бѣлокриницѣ епископской каѳедры встрѣтила сильное противодѣйствіе со стороны мѣстнаго православнаго духовенства. Особенно православный епископъ буковинскій, преосвященный Евгеній Гикманъ, — мужъ высокаго образованія и пламенной ревности къ православію, употреблялъ со своей стороны всѣ усилія, чтобы задушить зло въ самомъ началѣ. Онъ входилъ даже къ мѣстному начальству съ формальнымъ протестомъ, въ которомъ, на основаніи каноническихъ правилъ Церкви, разъяснялъ и доказывалъ всю нелѣпость и беззаконность раскольническихъ домогательствъ. Не смотря однакоже на все это, дѣло не остановилось, но перешло въ Лембергъ — въ губернское управленіе. Сюда же отправилась цѣлая депутація Липованъ, подъ предводительствомъ Алипія. Для большаго успѣха надобно было найти хорошаго адвоката, и раскольники обратились за этимъ къ одному опытному юристу и первому въ Галиціи знатоку исторіи и древностей русскихъ, по имени Діонисію Зубрицкому. Но такъ какъ Зубрицкій, понявъ всю нелѣпость затѣи раскольнической и зло, какое должно было послѣдовать отъ ней для православія, отклонилъ отъ себя всякое участіе въ этомъ дѣлѣ; то раскольники стали искать другаго, менѣе щекотливаго въ этомъ отношеніи адвоката, который дѣйствительно отыскался и пустилъ дѣло въ ходъ. Чтобы соблюсти порядокъ, Правительство потребовало отъ раскольниковъ подробнаго изложенія ихъ вѣроученія. Не стало дѣло и за этимъ. Такое изложеніе написалъ для нихъ еще въ Буковинѣ одинъ изъ тамошняго православнаго духовенства іеродіаконъ Вик-

торъ Кокоринъ. Этотъ іеродіаконъ, родомъ Валахъ, надѣленный отъ природы замѣчательными дарованіями и получившій основательное классическое образованіе, началъ-было блестящую карьеру: былъ отличнымъ профессоромъ въ черновецкомъ институтѣ и готивился даже занять въ немъ мѣсто ректора, но, по несчастью, впалъ въ нетрезвость и другіе пороки, и, отрѣшенный отъ всѣхъ должностей, жилъ въ это время на смиреніи въ монастырѣ Драгомирнѣ. Здѣсь отыскали его раскольники и, пользуясь его страстью, обратили его въ орудіе для своихъ замысловъ. Владѣя въ совершенствѣ языками нѣмецкимъ и латинскимъ, зная мѣстные законы и формы судопроизводства, онъ взялся быть у нихъ секретаремъ по всѣмъ оффиціальнымъ дѣламъ и писалъ имъ всякую всячину. Такъ между прочимъ написалъ онъ и требовавшееся отъ нихъ изложеніе вѣроученія; и хотя, какъ самъ послѣ сознавался, ничего порядочно не разумѣлъ въ этомъ дѣлѣ, однако написанное имъ изложеніе раскольническаго вѣроученія лембергское начальство нашло совершенно удовлетворительнымъ,—можетъ быть, потому, что и само плохо понимало сущность ученія раскольническаго, вѣроятнѣе же потому, что въ числѣ доказательствъ правоты домогательствъ раскольническихъ были и денежныя, какъ всякому извѣстно,—самыя убѣдительныя доказательства (¹). Такимъ образомъ дѣло въ Лембергѣ было выиграно раскольниками безпрепятственно и отсюда пошло въ Вѣну на окончательное утвержденіе. Съ нимъ вмѣстѣ туда же отправились и депутаты Липованъ, предводительствуемые тѣмъ же Алипіемъ. «Кіими не-

(¹) Всѣ эти свѣденія взяты изъ рук. о загранич. раск.

постижимыми хитростьми, кіими сокровенными способами и средствами» дѣйствовали они тамъ, и кто именно помогалъ имъ и покровительствовалъ, «то могутъ знать», говоритъ преосвященный Аѳанацковичъ ([1]), «только главніи бѣлокриницкія дубрави жителіе, имъ же имена: Алипій и Павелъ». Конецъ однако всему былъ тотъ, что буковинскимъ Липованамъ, на основаніи ходатайства губернскаго управленія Галиціи, высочайшимъ императорско-королевскимъ декретомъ отъ 14-го Октября 1844 года ([2]) дано было право имѣть своего епископа, съ тѣмъ впрочемъ, чтобы этого епископа, по примѣру большей части православныхъ епископскихъ каѳедръ въ австрійской имперіи, Липованы сами, изъ собственныхъ своихъ средствъ, обезпечили, предварительно назначивъ ежегодно жалованья 12,000 австрійскихъ гульденовъ (на наши деньги около 7,750 руб. сер.) ([3]). Резиденціей новому епископу назначался монастырь бѣлокриницкій ([4]).

Такъ совершилось событіе, до сихъ поръ небывалое въ мірѣ раскольничьемъ,—такое, о какомъ раскольники не смѣли и подумать въ самыхъ дерзкихъ своихъ мечтаніяхъ. Прежде всѣ ихъ искательства и надежды не простирались дальше какого-нибудь воровски украденнаго архіерея, котораго бы они также воровски могли держать у себя гдѣ-нибудь въ Турціи, или Польшѣ, подъ кровомъ постоянно господствовавшаго тамъ безначалія и безпорядка. Теперь вдругъ одна изъ имперій въ Европѣ открыто даруетъ имъ

([1]) Стр. 22.

([2]) Тамъ же стр. 21.

([3]) Рукоп. о загранич. раск.

([4]) Плат. Аѳанацковичъ стр. 22.

всѣми формами гражданской законности обезпеченную епископскую каѳедру, и слѣдовательно расколъ, доселѣ пресмыкавшiйся темной, отверженной сектой, возводитъ на степень оффиціально признанной Церкви! Понятно, какой восторгъ, какую потрясающую радость должно было произвесть во всемъ раскольничьемъ мірѣ извѣстіе объ этомъ!!

Впрочемъ хотя затѣя раскольниковъ объ учрежденіи епископской каѳедры началась счастливо; но отъ начала до конца было еще далеко, и даже на первыхъ порахъ встрѣтилось не мало препятствій. На первый разъ все затрудненіе состояло въ томъ, что не было денегъ, необходимыхъ для дальнѣйшаго хода дѣла. Средства самихъ буковинскихъ Липованъ были для этаго недостаточны. Скоро впрочемъ это затрудненіе было устранено помощію раскольниковъ, живущихъ въ Россіи. Какъ только получено было позволеніе искать епископа, буковинскіе раскольники немедленно опредѣлили послать кого-либо изъ среды себя въ Россію, съ одной стороны—съ извѣстіемъ о томъ, «яже у нихъ содѣяшася», съ другой — «да соберутъ довольнія пенязи къ совершенію ихъ злоумышленія на Церковь православную» (¹). Это порученіе взялъ на себя самъ настоятель бѣлокриницкаго монастыря, главный виновникъ зла, Геронтій. Подъ видомъ австрiйскаго купца, съ фальшивымъ паспортомъ, онъ отправляется въ томъ же 1844 году въ Россію, и здѣсь начинаетъ странствовать по разнымъ мѣстамъ, доходитъ даже «до царствующаго града Москвы и до славнаго Петрограда», не имѣя «съ собою другихъ товаровъ, кромѣ рѣчей

(¹) Плат. Аѳанацков. стр. 23.

льстивыхъ и хитрыхъ проповѣданій о богодарованномъ раскольникамъ епископствѣ». Чтобы больше выманить у простяковъ денегъ, Геронтій вездѣ разглашалъ, что архіерей уже отысканъ за границей и, какъ только будутъ деньги, немедленно явится на свою каѳедру. Въ подтвержденіе этой басни онъ привезъ съ собою въ Россію портретъ, или, какъ выражается преосв. Платонъ Аѳанацковичъ, «икону, на ней же нѣкто въ санѣ епископскомъ живописанъ зряшеся»,—возбудившую всеобщій восторгъ фанатиковъ, быстро разлившійся по всѣмъ концамъ Россіи. «Таковыми басньми обаяни быша нѣцы скудоумніи, но богатіи раскольницы въ Россіи, наипаче же жены, имъ же по глаголемому власи долги, но разумъ кратокъ: и, отверзше сокровищницы своя, ущедриша баснотворца зѣло» ([1]). Особенно щедрою рукою посыпали червонцы рогожское кладбище и нѣкоторые московскіе купцы ([2]), когда явился туда Геронтій. По окончаніи сбора, Геронтій возвратился въ Буковину. До этого времени между буковинскими Липованами были нѣкоторыя лица, которыя сомнѣвались въ исполненіи задуманнаго предпріятія касательно отысканія епископа, а другія даже открыто возставали противъ такой затѣи, видя въ ней «едину точію слѣпоту надмѣнныя гордыни и властолюбія монаховъ»; къ числу послѣднихъ принадлежалъ между прочимъ дьякъ бѣлокриницкой слободы, Кипріанъ Тимоѳеевъ,—«мужъ малаго разума, но великаго упрямства». Но «егда пріиде лжекупецъ посланникъ Геронтій вспять, носяй рубли россійскіе, тогда звонъ

([1]) Тамъ же, стр. 21.

([2]) Іером. Парѳ. стр. 37—8.

нихъ заглуши въ ушесѣхъ» всѣхъ раскольниковъ «пререканія и злословія» Кипріановы, «въ сердцѣ же каждаго надежду укрѣпи, яко предначатая ими въ совершеніе незакосненнѣ воспріидутъ» (1). И потому, ни мало не медля, буковинскіе раскольники рѣшили отправить нѣсколькихъ лицъ для отысканія архіерея, гдѣ-либо внѣ Россіи, такъ какъ въ Россіи такого епископа не нашлось, хотя Геронтій и старался объ этомъ, по желанію буковинскихъ Липованъ, которымъ хотѣлось пріобрѣсть непремѣнно русскаго епископа (2). На такой подвигъ вызвался-было Алипій, но поелику, какъ было замѣчено, онъ не отличался доброю нравственностію и особенно трезвостію, то вручить большую сумму денегъ такому человѣку казалось дѣломъ опаснымъ, и потому положено было вмѣстѣ съ Алипіемъ послать и Павла,—человѣка болѣе другихъ добросовѣстнаго. Они отправились изъ Бѣлокриницы и провели въ странствованіи конецъ 1844 года и первые мѣсяцы 1845 года. Въ это время они посѣтили Молдавію и Валахію, были въ Сербіи, въ Венгріи, въ Далмаціи, въ Черногоріи и наконецъ въ Венеціи. Удачи однако нигдѣ не было; вездѣ получили они чистый отказъ (3), а черногорскій владыка велѣлъ даже будто-бы выгнать ихъ изъ своихъ владѣній съ безчестіемъ и угрозою, что если они появятся опять, то имъ будутъ обрублены уши. Всего болѣе, говорятъ, Алипій и Павелъ расчитывали на Венецію, гдѣ проживалъ въ то время бывшій нѣкогда православный епископъ далматинскій Венедиктъ Кралевичъ. Обнаруживъ нѣкогда

(1) Плат. Аѳанацк. стр. 25.

(2) Іером. Парѳен. стр. 38.

(3) Плат. Аѳанацковичъ стр. 25.

поползновеніе въ Унію, онъ едва не погибъ за это отъ руки православныхъ Далматинцевъ, принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ изъ своей епархіи и поселился въ Венеціи, горько оплакивая свою ошибку. Имѣя въ виду случайную ошибку Венедикта Кралевича, раскольники могли на него надѣяться. Утверждаютъ даже, что портретъ, который Геронтій возилъ по Россіи, былъ спископъ съ его портрета,—такъ велика была увѣренность раскольниковъ въ томъ, что тотъ, кто рѣшался на Унію, не погнушается и расколомъ. Дѣло однакоже и съ нимъ не сладилось. Обезпеченный отъ австрійскаго правительства щедрымъ пенсіономъ, старецъ жилъ себѣ въ довольствѣ и, конечно, не имѣлъ никакихъ выгодъ промѣнять великолѣпную, блестящую Венецію на какую-нибудь бѣлокриницкую трущобу. Впрочемъ бѣлокриницкіе монахи тщательно скрывали безуспѣшность своихъ поисковъ. И когда Алипій и Павелъ возвратились домой безъ архіерея, въ народѣ пущенъ былъ слухъ, что одинъ изъ епископовъ, находившихся въ Молдавіи, охотно идетъ на раскольническую каѳедру; только-дескать сумнительно, можно ли принять его, потому что онъ крещенъ обливаньемъ, а не въ три погруженія». А чтобы придать больше вѣроятности этой лжи, открыто и съ особенною поспѣшностію стали дѣлать всѣ нужныя приготовленія къ принятію и водворенію епископа, точно будто онъ уже въ дорогѣ: собирали ризницу и другія принадлежности, необходимыя для архіерейскаго священнослуженія; для дома, гдѣ долженъ былъ помѣститься архіерей съ своею свитою, заготовляли матеріялы и очищали мѣсто внутри монастыря,—даже стали перестроивать монастырскую церковь, чтобы дать

ей размѣры и видъ, достойные предназначенія ея быть каѳедральнымъ соборомъ епископа (1).

Нужно было однакоже, какъ бы то ни было, приводить дѣло къ концу. И вотъ Алипій и Павелъ снова насыпаютъ кошельки свои русскимъ золотомъ и снова отправляются на поиски. Въ этотъ разъ они были въ Турціи, Греціи, Сиріи, Палестинѣ, но «и той трудъ всуе бѣ» (2). Въ самой Турціи, на которую раскольники расчитывали по преимуществу—въ той мысли, что между тамошними епископами, угнетенными турецкимъ игомъ, всего легче найти человѣка, который промѣняетъ свою вѣру на раскольничьи червонцы,—не отыскалось ни одного архіерея, который бы согласился занять бѣлокриницкую епископскую каѳедру (3). Уже Алипій и Павелъ начинали сами сомнѣваться въ успѣхѣ своего предпріятія, какъ надежда ихъ воскресла во всей силѣ. Изъ Іерусалима они вздумали посѣтить лавру Саввы Освященнаго, и за тѣмъ вмѣстѣ съ другими русскими путешественниками отправились въ Синай. На пути въ Суэцѣ Алипій и Павелъ встрѣтились съ нѣкоторыми русскими поклонниками, уже возвращавшимися изъ Синая, у которыхъ проводникомъ былъ ложно выдававшій себя за Серба, одинъ константинопольскій Жидъ, по имени Костюшка,—человѣкъ, за золото готовый рѣшиться на все. Встрѣтивъ Алипія и Павла, Костюшка, желая, можетъ быть, только пріобрѣсть лишній червонецъ, сталъ совѣтывать имъ не ѣздить въ Синай, а возвратиться, подъ его руководствомъ, въ Константинополь, куда

(1) Рукоп. о заграничн. раскольн.

(2) Плат. Аѳонацков. стр. 26;—сн. Іером. Парѳ. стр. 42. 43.

(3) Іером. Парѳ. стр. 27.

направляли свой путь возвращавшіеся изъ Синая богомольцы. Для лучшаго убѣжденія Костюшка началъ описывать монаховъ синайской горы самыми черными красками, увѣряя Алипія и Павла, что тамошніе монахи крайне злы и едва ли дозволятъ имъ даже ночевать въ монастырѣ, особенно за ихъ раскольническую одежду. Суевѣры струсили,—тѣмъ болѣе, что еще въ Іерусалимѣ (¹) имѣли случай испытать подобную непріятность за свой странный костюмъ, и, въ порывѣ довѣрчивости, открыли Костюшкѣ, который показалъ себя такимъ добрымъ человѣкомъ, свою тайну, ради которой собственно они и хотѣли побывать въ Синаѣ, присовокупивъ, что удовольствовались бы архіереемъ даже заштатнымъ. Ни мало не колеблясь, съ полною увѣренностію въ успѣхѣ дѣла, о которомъ хлопотали раскольники, Костюшка, отвѣчалъ, что если Алипій и Павелъ дадутъ ему по сту червонцевъ въ годъ, въ такомъ случаѣ онъ отыщетъ имъ не только одного, но даже двухъ епископовъ, и будетъ имъ за драгомана, какъ знатокъ не только греческаго, но и русскаго языка. Но, прибавлялъ хитрый Жидъ, для этого необходимо возвратиться въ Константинополь, потому что только тамъ есть много заштатныхъ архіереевъ. Дѣлать было нечего; расчетъ на Синай былъ ненадеженъ, а между тѣмъ Костюшка высказывалъ свое обѣщаніе съ такою убѣдительностію, что ловцы, обѣщавъ дать Костюшкѣ, въ случаѣ успѣха, даже большее количество денегъ, чѣмъ сколько онъ требовалъ, рѣшились чрезъ Египетъ вернуться въ Константинополь и чрезъ нѣсколько дней были уже тамъ (²).

(¹) Тамъ же стр. 42.

(²) Тамъ же, стр. 50—52.

Прибывъ въ Константинополь, Костюшка обратился за помощію къ своимъ собратіямъ по вѣрѣ и ремеслу, и общими силами начали они отыскивать желаемую добычу. Хлопотъ было много, но успѣха мало. Хотя и много было въ то время въ Константинополѣ заштатныхъ архіереевъ, однако не нашлось ни одного, который бы изъ-за золота рѣшился измѣнить Православію. Уже Костюшка начиналъ приходить въ отчаяніе, какъ случайно напалъ онъ на одного митрополита, по имени Амвросія, который вывелъ Жида изъ затрудненія. Этотъ Амвросій сначала былъ въ Константинополѣ священникомъ, а потомъ, Богъ знаетъ—за какія заслуги, сдѣланъ былъ въ Боснію митрополитомъ, и занималъ эту каѳедру съ 1836 по 1842 годъ. Страсть къ деньгамъ,—страсть ненасытимая, не знавшая никакихъ предѣловъ, не щадившая ни совѣсти, ни чести, была отличительнымъ свойствомъ этого волка въ овечьей шкурѣ. Для удовлетворенія своей страсти Амвросій, будучи митрополитомъ, прибѣгалъ къ средствамъ не только незаконнымъ, но даже безчеловѣчнымъ. Мало того, что онъ грабилъ, можно сказать, своихъ пасомыхъ; если кто-либо не давалъ ему денегъ, или давалъ мало, Амвросій предавалъ такого ослушника церковной анаѳемѣ, а въ случаѣ неуспѣха и этой мѣры обращался къ турецкимъ начальникамъ и клеветалъ на упорныхъ, какъ на измѣнниковъ и крамольниковъ, вслѣдствіе чего ихъ заключали въ оковы и темницы и мучили до тѣхъ поръ, пока невинно обвиненные не отдавали послѣдняго кодранта, который потомъ и дѣлился братски между митрополитомъ и турецкимъ пашей. Такъ между прочимъ поступилъ Амвросій съ однимъ изъ своихъ па-

сомыхъ, богатымъ откупщикомъ и «старѣйшиною единаго отъ именитыхъ мѣстъ», который сначала платилъ митрополиту большую дань, а потомъ, увидѣвъ, что трудно насытить «бездонное корыстолюбіе» владыки, пересталъ давать ему деньги. Послѣ разныхъ притѣсненій и оскорбленій, послѣ анаѳемы, Амвросій предалъ несчастнаго въ руки турецкаго паши. Доведенный разнаго рода мученіями до отчаянія и ожесточенія, страдалецъ среди пытокъ отрекся отъ Христа и со всѣмъ своимъ семействомъ перешелъ въ магометанство, въ надеждѣ хотя этимъ путемъ избавиться отъ дальнѣйшихъ страданій и отъ вліянія недостойнаго пастыря Христовой Церкви. Такое безпримѣрно-великое злодѣяніе босносараевскаго митрополита не могло укрыться отъ взоровъ святѣйшаго патріарха цареградскаго, и вотъ въ 1842 году Амвросій вызывается въ Константинополь на судъ. Злодѣю до времени запрещено священнослуженіе, въ Боснію посланъ другой митрополитъ, а между тѣмъ святѣйшему Сѵноду своему патріархъ приказалъ разсмотрѣть поступки Амвросія и потомъ судить его по правиламъ церковнымъ. Такого-то пастыря, проживавшаго до окончанія суда въ Константинополѣ во всеобщемъ презрѣніи и нищетѣ,—пастыря, который за свою страсть къ сребролюбію получилъ отъ пасомыхъ прозваніе: Симоновичь, отыскалъ Костюшка и представилъ Алипію и Павлу, тайно проживавшимъ на квартирѣ, въ качествѣ претендента, готоваго за горсть золота занять бѣлокриницкую епископскую каѳедру (1). Заранѣе можно было сказать, что Амвросій согласится быть раскольни-

(1) Плат. Аѳанацк. стр. 27—29.

ческимъ митрополитомъ: но, вѣроятно, для того, чтобы больше выманить у раскольниковъ денегъ, онъ сначала отказывался отъ приглашенія ѣхать въ Буковину, ссылаясь на то, что въ Константинополѣ есть у него родные, съ которыми ему не хочется разстаться, — именно сынъ, по имени Георгій, и жена его, родомъ Боснянка. Когда же Алипій и Павелъ показали Амвросію кучу золота и обѣщали ежегодно давать ему самому по 500 червонцевъ жалованья, а сыну— по 150, и увезти всѣхъ въ Австрію, гдѣ злодѣй будетъ свободенъ отъ суда патріаршаго; лже-митрополитъ согласился быть въ собственномъ смыслѣ *наемникомъ* у раскольниковъ. Чтобы больше обезопасить свою будущность, Амвросій потребовалъ отъ раскольниковъ формальнаго контракта, въ которомъ бы они обязались ежегодно платить ему и сыну его условленное количество денегъ. И Алипій и Павелъ не только не устыдились написать такой контрактъ, но еще послали копію съ него въ Москву — на рогожское кладбище, чтобы тамошніе раскольники, видя, за какую сумму нанятъ архипастырь, больше присылали денегъ въ Буковину ([1]). Такимъ образомъ, при содѣйствіи жида Костюшки, который служилъ въ настоящемъ случаѣ не только посредникомъ между раскольниками и Амвросіемъ, но и переводчикомъ, Алипій и Павелъ отыскали себѣ не епископа только, но митрополита, и за эту услугу прибавлено было въ контрактѣ, къ условленной платѣ Амвросію и его сыну, 150 червонцевъ въ годъ Костюшкѣ ([2]), какъ переводчику митрополита.

([1]) Іеромон. Пароен. стр. 53—4.

([2]) Тамъ же стр. 122.

Дѣло, повидимому, приближалось къ концу, и раскольники мечтали уже о возвращеніи въ Буковину, какъ встрѣтилось новое препятствіе, на которое Алипій и Павелъ, съ радости, что нашли епископа, сначала и не обратили вниманія. Амвросій былъ митрополитъ, но митрополитъ запрещенный, который лишенъ былъ права на священнослуженіе не только архіерейское, но и просто священническое. Мысль объ этомъ повергла Алипія и Павла въ совершенное отчаяніе; не зная, что дѣлать, они рѣшились даже искать другаго епископа (¹), но хитрость Костюшки помогла имъ и въ этомъ случаѣ. Нужно было какимъ-нибудь образомъ выхлопотать Амвросію у патріарха свободу отъ суда и разрѣшеніе на священнослуженіе. И вотъ на какую, истинно жидовскую, уловку рѣшился Костюшка. Въ одной части Константинополя онъ подкупаетъ нѣсколькихъ Грековъ, которые, согласно наставленію Костюшки, составляютъ ложное духовное завѣщаніе отъ лица одной, только-что будтобы умершей Гречанки, по имени Анастасіи, бывшей будтобы духовною дочерью Амвросія въ то время, когда онъ былъ еще въ Константинополѣ священникомъ. Въ этомъ завѣщаніи Амвросію отказывалось довольно большое количество денегъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ отслужилъ по умершей заупокойную литургію въ той церкви, къ приходу которой мнимая Анастасія принадлежала. Такое завѣщаніе представляется подкупленными Греками патріарху. «И ять бысть святѣйшій обманы мрежею, ничтоже вѣдый, ниже прозрѣваяй, и повелѣваетъ въ патріаршіи написатися рукописанію,

(¹) Тамъ же стр. 55.

яко бывшему митрополиту Амвросію разрѣшается во уреченный день совершити божественную литургію въ церкви бешиктамстѣй (Бешиктамъ — предмѣстіе Константинополя) за упокоеніе души рабы Божія Анастасіи» (1). Такое «рукописаніе» немедленно доставляется Костюшкою Павлу и Алипію, и они совершенно успокоиваются, не смотря на то, что въ немъ прямо было сказано, что Амвросію дозволяется отслужить литургію только одну, въ опредѣленной притомъ церкви и безъ всякой архіерейской власти и что отъ суда онъ все-таки не освобождается. Можетъ быть впрочемъ, Костюшка и не перевелъ Алипію и Павлу всего, что написано было въ патріаршемъ рукописаніи, а сами они, по незнанію греческаго языка, не могли узнать этого. Какъ бы то ни было, только Алипій и Павелъ, нарядивъ своего митрополита въ купеческое платье, посадили его вмѣстѣ съ сыномъ и снохою на пароходъ и отправились чрезъ Молдавію во свояси, взявъ съ собою и Костюшку (2). 12 октября 1846 года (3) прибыли они въ бѣлокриницкій монастырь. Можно представить себѣ радость раскольниковъ, увидѣвшихъ въ своей берлогѣ цѣлаго митрополита, не епископа только!! О томъ, каковъ былъ пріобрѣтенный митрополитъ, не было и помину (4); потому что

(1) Илат. Аѳанацк. стр. 30—31. По сказанію Парѳенія (стр. 106), разрѣшительная грамота выдана была будтобы изъ патріаршей канцеляріи безъ вѣдома самаго патріарха и безъ его подписи. Быть можетъ. Не даромъ же Костюшка, требуя отъ раскольниковъ денегъ для этого дѣла, говорилъ: «чрезъ деньги можно все сдѣлать» (Тамъ же стр. 55).

(2) Іеромон. Парѳен. стр. 56.

(3) Тамъ же стр. 73.

(4) Тамъ же стр. 105.

иначе нужно было плакать, а не радоваться такой жалкой находкѣ.

Когда прошла первая радость, начались въ Бѣлокриницѣ новыя хлопоты. Такъ какъ право имѣть епископа дано было раскольникамъ отъ австрійскаго правительства формальнымъ декретомъ; то само-собою понятно, что найденнаго лже-митрополита нужно было представить правительству, чтобы оно снова подтвердило права его на бѣлокриницкую каѳедру. Припомнивъ, вѣроятно, какими средствами выхлопотано было въ Вѣнѣ позволеніе имѣть епископа, буковинскіе раскольники и въ настоящій разъ, для безпрепятственнаго окончанія тамъ дѣла, положили прежде собрать нужное количество денегъ, а потомъ уже ѣхать въ Вѣну для представленія Амвросія Правительству. И вотъ уже не Геронтій, а Алипій снова отправляется подъ видомъ купца въ Россію и, прибывъ въ Москву—на рогожское кладбище, объявляетъ здѣшнимъ раскольникамъ, что желаемая добыча пріобрѣтена, присовокупляя: «теперь нужно намъ много денегъ для большихъ издержекъ, дабы искусно пріобрѣсть благорасположеніе австрійскаго высшаго начальства, иначе оно не приметъ нашего новаго митрополита подъ свое покровительство». Убѣдительнѣе этого довода трудно было придумать, и московскіе раскольники оказали на этотъ разъ такую щедрость, что въ самомъ скоромъ времени Алипій возвратился въ Бѣлокриницу съ немалымъ количествомъ золота. Взявъ съ собою послѣ этого Амвросія, Алипій вмѣстѣ съ Павломъ отправились въ Вѣну (¹). Само собою разумѣет-

(¹) Іеромон. Парѳен. стр. 58—59.

ся, что Амвросій долженъ былъ показаться австрійскому Правительству лицемъ довольно подозрительнымъ, какъ бѣглецъ и измѣнникъ Вѣрѣ. Чтобы сколько-нибудь оправдать свой поступокъ въ глазахъ Правительства, лже-митрополитъ прибѣгъ не только ко лжи, но и къ клеветѣ на православную греческую Церковь вообще и на константинопольскаго патріарха въ частности, говоря, что онъ—Амвросій лишенъ босно-сараевской каѳедры незаконно, что въ Константинополѣ его мучили, что церковь греческая, находясь подъ владычествомъ невѣрныхъ Турокъ, потеряла древнее благочестіе и потому онъ не хочетъ жить въ ея нѣдрахъ, а желаетъ поселиться у раскольниковъ, у которыхъ хранится истинное православіе. Такая ложь, подкрѣпленная золотомъ, могла показаться правдою, и чрезъ нѣсколько дней вышло повелѣніе: принять митрополита Амвросія въ бѣлокриницкомъ монастырѣ съ подобающею честію, какъ истиннаго святителя раскольниковъ. При этомъ предоставлено было Амвросію право посвятить изъ среды раскольниковъ буковинскихъ новаго епископа, который бы могъ быть ему преемникомъ (¹). Впрочемъ хотя австрійское Правительство и позволило Амвросію поселиться въ бѣлокриницкомъ монастырѣ на правахъ «истиннаго святителя»; однако во избѣжаніе обмана, а, можетъ быть, и для одной только формы, императоръ приказалъ спросить константинопольскаго патріарха, кто такой—этотъ Амвросій, какого поведенія и по какимъ причинамъ уѣхалъ онъ изъ Цареграда. Такъ какъ Алипій и Павелъ не только не разсказали своимъ бу-

(¹) Плат. Аѳанацк. стр. 33—34.

ковинскимъ братіямъ о прежней жизни и дѣлахъ Амвросія, напротивъ всячески старались скрыть отъ нихъ и его злодѣянія и его запрещеніе отъ патріарха, между тѣмъ отвѣтъ изъ Константинополя могъ разоблачить тайну; то само собою понятно, что распоряженіе австрійскаго императора было причиною новыхъ хлопотъ для Алипія и Павла. И вотъ что̀ сдѣлали они по внушенію Костюшки: пославъ въ Константинополь не малое количество червонцевъ, они просили тамошнихъ знакомыхъ своихъ, чтобы, когда получится въ посольствѣ австрійскомъ запросъ объ Амвросіѣ, рѣшить дѣло какъ-нибудь въ пользу ихъ въ патріаршей канцеляріи, не доводя его до свѣденія патріарха. Такъ дѣйствительно и было сдѣлано (1). И хотя патріархъ, узнавъ о бѣгствѣ Амвросія изъ Константинополя, въ окружной грамотѣ отъ 14 Октября 1846 года писалъ: «прежде нѣкоего времени внезапу и паче чаянія изчезнулъ отсюду, сирѣчь изъ Царяграда, архіерей нѣкій бывшій босанскій, именемъ Амвросій, который былъ пребывая здѣ въ мирѣ, аки почивая отъ правительства епархіи босанскія, изъ нея же прогнанъ бяше; различныя рѣчи промчалися ради невидимости и отсутствія егова, аки бы, безъ упражненія сый, отъ нищеты своея отбѣглъ» (2): но это извѣстіе дошло до австрійскаго Правительства уже только въ 1849 году(3).

Когда Алипій и Павелъ возвратились съ Амвросіемъ изъ Вѣны въ бѣлокриницкій монастырь (4), ихъ приняли раскольники «съ торжествомъ и ликов-

(1) Іеромон. Парѳ. стр. 59—60.

(2) Плат. Анацк. стр. 32—33.

(3) Іером. Парѳен. стр. 124.

(4) По Платону Аѳанацковичу (стр. 34), Амвросій вмѣстѣ съ Алипіемъ и Павломъ прибыли въ бѣлокриницкій монастырь въ нояб-

ствованіемъ веліимъ». Радость впрочемъ продолжалась недолго; лже-митрополитъ былъ нанятъ, находился уже въ монастырѣ бѣлокриницкомъ; но этотъ митрополитъ былъ еще еретикъ, нужно было его «переправить» т. е. присоединить къ обществу раскольниковъ, внѣ котораго, по мнѣнію изувѣровъ, нѣтъ нигдѣ ни истинной вѣры, ни истинной Церкви. И вотъ беззаконное сонмище буковинскихъ Липованъ рѣшаетъ въ своемъ совѣтѣ созвать соборъ для разсужденія о томъ, какъ и какимъ чиномъ принять Амвросія въ общество раскольниковъ, чтобы онъ сдѣлался истиннымъ пастыремъ. Извѣстіе о такомъ рѣшеніи сообщается не только въ слободы, находящіяся въ Буковинѣ, но и раскольникамъ молдавскимъ—съ тѣмъ, чтобы они прислали на соборъ своихъ депутатовъ. Въ назначенный день, именно 28-го октября 1846 года, въ воскресенье послѣ литургіи, которую совершалъ, вѣроятно, Іеронимъ, такъ какъ онъ былъ единственный въ это время священникъ между буковинскими Липованами, въ монастырскомъ храмѣ Покрова Пресвятыя Богородицы поставлены были два аналоя; на одномъ изъ нихъ, который находился на амвонѣ, положено было евангеліе и предъ нимъ поставленъ подсвѣчникъ съ возженною свѣчею, на другомъ, среди храма — кормчая книга. На случай же справокъ принесено было въ церковь много и другихъ старыхъ книгъ. По обѣимъ сторонамъ амвона поставлены были въ большомъ числѣ стулья

рѣ 1846 года, а по свидѣтельству Царееніа — въ октябрѣ. Послѣднее мнѣніе болѣе справедливо. Въ дѣяніи соборномъ, бывшемъ въ Бѣлокриницѣ для разсужденія о томъ, какимъ чиномъ принять Амвросія, значится, что оно происходило 28-го Октября, а въ это время Амвросій, какъ тоже видно изъ дѣянія, жилъ въ Бѣлокриницѣ.

для «отцевъ» собора. «Симъ тако устроеннымъ» ([1]), последовалъ троекратный ударъ колокола, — знакъ, что время было собираться на соборъ. И вотъ потянулась въ церковь длинная вереница «отцевъ» собора. И кого-кого тутъ не было. Въ главѣ всѣхъ шли «священно-инокъ» Іеронимъ и настоятель монастыря Геронтій, который не имѣлъ и этого небольшаго сана. Они заняли первыя мѣста: Геронтій съ подчиненными ему иноками сѣлъ по одну сторону амвона, а Іеронимъ, подкрѣпляемый дьячкомъ бѣлокриницкой церкви Кипріяномъ Тимоѳеевымъ, съ повѣренными отъ молдавскихъ раскольниковъ и отъ слободъ бѣлокриницкой, климовецкой, соколинской и мехридской, заняли другую половину стульевъ. Остальные раскольники менѣе важнаго сана, т. е. простые мужики, которыхъ собралось большое множество, потому что всякому хотѣлось послушать «мудрыхъ разсужденій отцевъ собора», наполнили церковь «до угнетенія», а тѣмъ, кои по чему-либо не успѣли явиться во время, пришлось довольствоваться притворомъ. Когда мало по малу возстановился порядокъ и всѣ пріутихли, началось соборное совѣщаніе. Прежде всего Геронтій, предсѣдательствовавшій на этомъ лже-соборѣ, вставъ и сотворивъ Іисусову молитву, громко сказалъ, обращаясь ко всѣмъ, присутствовавшимъ въ храмѣ, и указывая на евангеліе, лежавшее на амвонѣ: «отцы святіи и братія и вси православные христіане! Видите святое евангеліе, вонмите, яко самъ Христосъ и праведный Судія посреди насъ присутствуетъ! Посему мы должны разсуж-

([1]) Всѣ эти и дальнѣйшія свѣденія взяты изъ самаго соборнаго дѣянія, списокъ съ котораго присланъ былъ раскольниками на рогожское кладбище (Іером. Парѳ. стр. 61).

дать и строить предлежащее дѣло безъ всякаго лицепріятія, сообразно писанію святыхъ и согласно волѣ Божіей, а именно: приступающаго нынѣ въ наше древле-истинное православіе отъ нынѣшней греческой религіи господина высокопреосвященнѣйшаго Амвросія какимъ чиномъ принять долженствуетъ»? На такое возваніе соборъ отвѣчалъ: «откройте и предложите на среду, какія есть во святомъ Писаніи по сему предмету правила святыхъ Соборовъ, какіе примѣры отъ собывшихся древле православной Церкви святоподобій». Въ исполненіе такого требованія, Геронтій приказалъ Павлу прочитать краткое соображеніе славскихъ (¹) раскольниковъ — о томъ, «отъ какихъ вѣръ, за ереси осужденныхъ, дѣйствуемое крещеніе и хиротонія въ православную Церковь къ пріятію суть достойны», — а также вычитать изъ кормчей всѣ правила, относящіяся къ предмету разсужденія. Павелъ, какъ гласитъ соборное дѣяніе, исполнилъ приказаніе Геронтія «въ полной мѣрѣ, такъ что для всякаго со вниманіемъ слушавшаго было ясно и внятно». При этомъ предложено было еще для руководства въ разсужденіяхъ дѣяніе задунайскаго собора, происходившаго 26-го іюля 1846 года между раскольниками, живущими въ турецкихъ владѣніяхъ, въ слободахъ Соряковой (Сари-Кой), Славѣ, Журиловкѣ и др., по вопросу депутатовъ бѣлокриницкаго монастыря, какимъ чиномъ нужно принять митрополита Амвросія (²). На этомъ лже-

(¹) Слава — одно изъ селеній раскольничьихъ въ турецкихъ владѣніяхъ.

(²) Значитъ, еще прежде, чѣмъ Амвросій прибылъ въ Бѣлокриницу, у раскольниковъ были частныя совѣщанія о томъ, какимъ чиномъ принять его.

соборѣ сперва положено было всѣми соборными старцами «за уваженіе столь великаго лица», каковъ Амвросій, принять его третьимъ чиномъ, т. е. не чрезъ мѵропомазаніе, а только чрезъ проклятіе мнимыхъ ересей православной Церкви, хотя, прибавляли «отцы собора», «всеобдержное пріиманіе отъ ереси, какъ было у насъ до нынѣ», т. е. вторымъ чиномъ, чрезъ мѵропомазаніе, «такъ и навсегда да останется въ своей силѣ». Но потомъ, когда настоятель славскаго скита, Макарій, выразилъ собору свое недоумѣніе, сказавъ, что подобное принятіе митрополита, какъ несогласное съ всегдашнимъ обычаемъ раскольниковъ принимать бѣглыхъ поповъ чрезъ мѵропомазаніе или вторымъ чиномъ, можетъ «соблазнить немощныхъ и обширно писаніе невѣдущихъ», — и что поэтому не лучше ли вторымъ же чиномъ принять и митрополита Амвросія, если только онъ согласится на это,—«всѣ на томъ и положились». Извѣстіе о такомъ рѣшеніи поручено было одному иноку, по имени Аркадію, бывшему настоятелю Лаврентіева монастыря, сообщить въ бѣлокриницкій монастырь, что̀ и было сдѣланю; самое же дѣяніе было списано и доставлено въ бѣлокриницкій монастырь лично бывшимъ на этомъ лже-соборѣ инокомъ бѣлокриницкаго монастыря Онуфріемъ.

Когда прочитано было дѣяніе задунайскаго собора, опредѣлившаго принять Амвросія вторымъ чиномъ, молдавскіе депутаты согласились на такое опредѣленіе, но депутаты буковинскихъ слободъ и народъ требовали, чтобы принятіе Амвросія учинено было третьимъ чиномъ. Много было споровъ и разглагольствій, и такъ какъ каждая сторона старалась представить въ основаніе своего требованія «правила святыхъ отецъ и

сбывшіяся святоподобія» то, говорится въ соборномъ дѣяніи, «ради успокоенія совѣсти» споривщихъ, а равно и тѣхъ раскольниковъ, которые не участвовали въ соборномъ разсужденіи и «тонкомъ понятіи», отцы монастырскіе, «вседушно пекущіеся при столь богодарованномъ священномъ источникѣ не отчуждать немощныя души отъ любви и единенія православныя нашея вѣры, за нихъ же Христосъ умрети изволилъ, предложили собору заключительное слово въ слѣдующемъ», двусмысленномъ и неопредѣленномъ рѣшеніи: «если угодно будетъ всему богодухновенному (?!) собору, положимся на всемогущій, спасительный Промыслъ Божій, да будетъ намъ въ знаменіе непререкаемое, предложимъ наше требованіе самому богодарованному (?!!) нашему господину митрополиту: если онъ на второй чинъ согласитъ свою совѣсть произвольно, то такъ угодно и волѣ Божіей; а если отвергнетъ требованіе наше, яко ожесточенныхъ, тогда и мы отвергнемъ все малодушіе прочихъ и учинимъ его принятіе третьимъ чиномъ, яко Богъ изволивый тако». На такое предложеніе бѣлокриницкихъ «отцевъ» всѣ, бывшіе на соборѣ, единодушно отвѣчали: «воистину тако сотворить надлежитъ, да и воля Божія открыта намъ будетъ». Соборное дѣяніе, *за незнаніемъ граматы отцевъ собора* ([1]), поручено было скрѣпить подписомъ отъ лица монастырскихъ братій иноку Геронтію, а за депутатовъ всѣхъ раскольническихъ слободъ іеромонаху Іерониму, — съ приложеніемъ монастырской печати. Когда все это было кончено, присутствовавшіе на соборѣ, приказавъ въ благодарность за настоящее и для успѣха въ будущемъ отслу-

([1]) Іеромон. Пароен. стр. 76.

жить всенощное бдѣніе святителю и чудотворцу Николаю, разошлись по домамъ.

На другой день въ понедѣльникъ, послѣ всенощнаго бдѣнія, Геронтій съ Павломъ и другими раскольниками отправились къ Амвросію съ требованіемъ, чтобы онъ присоединился къ ихъ обществу. Войдя въ кельи лже-митрополита и сотворивъ ему обычный поклонъ, они предложили отступнику свое требованіе, присовокупивъ, что присоединеніе это должно совершиться вторымъ чиномъ, т. е. чрезъ мѵропомазаніе. Какъ ни попрана была совѣсть у Амвросія, однако онъ понялъ, какое поруганіе святыни должно послѣдовать за исполненіемъ такого предложенія, и потому, обратившись къ Павлу, который, вѣроятно, велъ рѣчь, какъ болѣе другихъ опытный въ раскольничьемъ суемудріи, сказалъ: «видно и ты Павелъ глупъ», показывая этимъ, что одно только грубое невѣжество могло рѣшиться на такое предложеніе. Не смотря однакожъ на такой нелестный отзывъ Амвросія о Павлѣ, не смотря и на то, что соборъ опредѣлилъ положиться во всемъ на совѣсть лже-митрополита; Павелъ сталъ убѣждать Амвросія на присоединеніе именно вторымъ чиномъ, указывая при этомъ на Христа Спасителя, который умеръ за немощныхъ, на Апостола Павла, который, будучи «зѣльнымъ запретителемъ іудейскихъ обычаевъ», для мира и союза церковнаго, обрѣзалъ ученика своего Тимоѳея, — на Григорія Богослова, оставившаго патріаршій престолъ, «да не будетъ его ради распря»,—наконецъ на Пророка Іону, который, чтобы не погибли другіе, повелѣлъ себя бросить въ море. Хотя примѣры эти нимало не относились къ дѣлу, однако лже-митрополитъ, уразумѣвъ будтобы «силу

словесъ ихъ, яко отъ божественнаго Писанія суть», въ туже минуту согласился на присоединеніе чрезъ мѵропомазаніе и, обративъ взоръ свой къ иконѣ Спасителя, сказалъ: «аще Павелъ, запрещая обрѣзаніе, допустилъ обрѣзать Тимоѳея, Григорій Богословъ престолъ свой оставить соизволилъ, а Іона Пророкъ жизнію пожертвовалъ: я ли не сотворю сего малаго прошенія для мира церковнаго на спасеніе многимъ»? Но потомъ, какбы одумавшись и понявъ, на какое преступленіе онъ рѣшается, Амвросій присовокупилъ, обратившись къ Геронтію и другимъ, съ нимъ бывшимъ: «изволяю на ваше предложеніе, только съ тѣмъ, да будетъ свидѣтель Богъ, если состоитъ въ этомъ какой грѣхъ, да будетъ на васъ, а я чистъ отъ таковаго», —и эти слова даютъ полное право думать, что лже-митрополитъ согласился на предложеніе присоединиться къ обществу раскольниковъ чрезъ мѵропомазаніе не потому, будто былъ убѣжденъ къ этому доводами Павла, а просто по необходимости, — потому, что этого требовали отъ него, хотя онъ ясно сознавалъ всю незаконность такого требованія. Какъ бы впрочемъ ни было, только Геронтій съ братіею не устрашились взять на себя отвѣтственность предъ Богомъ за имѣвшее совершиться поруганіе святыни и, подобно Іудеямъ, отвѣчали: «грѣхъ этотъ да будетъ на насъ». А послѣ даже торжественно не устыдились сознаться въ незаконности всѣхъ своихъ дѣйствій, пиша въ оправданіе свое на рогожское кладбище следующее: «подобаетъ малое соблажненіе презирати, идѣже веліе спасеніе кому бываетъ, и не малаго ради погубляти и лишатися великаго. Бываемой ради пользы малый соблазнъ презирается. И епископъ для православной Церкви зѣло

не малая есть польза.... Сего ради аще въ принятіи епископа въ чемъ по нуждѣ и являемся, якобы презиратели и преступники церковнаго закона; но мы смиреннiи паче всѣхъ языкъ вѣдаемъ надъ собою крайнее Божіе милосердіе» (¹).

Согласившись на присоединеніе къ обществу раскольниковъ чрезъ мѵропомазаніе, Амвросій немедленно приказалъ начинать звонъ для литургіи, а самъ, облачившись въ святительскую мантію, въ сопровожденіи низшихъ чиновъ клира, отправился въ монастырскую церковь Покрова Пресвятыя Богородицы. Войдя въ храмъ, онъ сотворилъ такъ называемое у раскольниковъ начало, которому уже научился, живя въ Бѣлокриницѣ съ 12-го по 29-е октября, когда происходило разсказываемое событіе. Отдавъ поклоненіе народу, лже-митрополитъ вошелъ въ алтарь и облачился во всѣ святительскія одежды, въ которыя, по случаю запрещенія, не облачался уже пять лѣтъ; потомъ, вышедъ изъ алтаря, Амвросій взошелъ на амвонъ, гдѣ заранѣе были поставлены два аналоя. На одномъ изъ нихъ былъ положенъ для Амвросія написанный чинъ проклятія ересей—въ томъ видѣ, какъ онъ печатался въ нашихъ древнихъ потребникахъ; на другомъ, для священника, или точнѣе — іеромонаха Іеронима, раскрытый номоканонъ. Такъ какъ Амвросій по-русски не зналъ ни одного слова, то чинъ былъ написанъ греческими буквами. И вотъ началось зрѣлище, поистинѣ достойное слезъ и смѣха. Человѣкъ, родившійся и воспитанный въ православіи, сдѣлавшійся пастыремъ Христовой Церкви и даже бывшій нѣсколько лѣтъ архи-

(¹) Іером. Парѳ. стр. 97.

пастырем (хотя и недостойным), теперь торжественно, среди многочисленнаго народа, въ храмѣ, посвященномъ имени Пречистыя Матери Господа Іисуса, за деньги начинаетъ проклинать мнимыя ереси св. православной Церкви, отрекаясь всякаго единомыслія и общенія съ нею (1). Отъ одного представленія этого беззаконнаго измѣнничества, душа невольно приходитъ въ трепетъ. А какъ посмотришь на другую сторону дѣла и представишь себѣ эту невѣжественную толпу суевѣровъ, изъ которыхъ многіе знали, что за человѣкъ былъ ихъ будущій пастырь и что только крайняя необходимость и червонцы заставили его переселиться въ бѣлокриницкую трущобу, и—среди этой зѣвающей толпы — запрещеннаго митрополита, читающаго что-то, чего однакожъ онъ не понималъ нисколько, — читающаго, значитъ, ради публики и по ея приказанію, т. е. просто разыгрывающаго комедію, а въ добавокъ ко всему — Жида Костюшку съ плутовскою и насмѣшливою миною; невольная возбуждается улыбка и желаніе сказать всей этой безсмысленной толпѣ: ты жалкій и пустой народъ.

Когда кончилась эта комедія, началась другая. Амвросій избираетъ себѣ духовнымъ отцемъ іеромонаха Іеронима, идетъ съ нимъ въ алтарь и тамъ запрещенный греческій митрополитъ, не знающій ни слова по-русски, начинаетъ исповѣдываться русскому іеромонаху, который столько же зналъ по-гречески!! Дѣйствительно, если это не была только комедія, въ такомъ случаѣ необходимо допустить, что Костюшка, какъ необходимый членъ, какъ неизбѣжное зло, присутствовалъ и

(1) Плат. Аѳанацк. стр. 84.

при этомъ дѣйствіи въ качествѣ переводчика и посредника. Но и этимъ дѣло не кончилось. Послѣ исповѣди нужно еще было «переправить» Амвросія, т. е. помазать его мѵромъ. И вотъ Іеронимъ начинаетъ мазать мѵромъ Амвросія, между тѣмъ какъ послѣдній — не только въ одеждѣ обыкновенной, но еще облеченъ во всѣ святительскія ризы!? Опять или обманъ, или комедія. Когда все это было кончено, Іеронимъ отворилъ царскія двери и громогласно сказалъ народу приличное поздравленіе, «объявляя при этомъ достоинство» Амвросія, т. е. *что запрещенный константинопольскимъ патріархомъ Анѳимомъ митрополитъ Амвросій теперь разрѣшенъ бѣлокриницкимъ іеромонахомъ Іеронимомъ!?* При этомъ Амвросій, взявъ въ руки, по обычаю святительскому, дикирій и трикирій, вышелъ изъ алтаря и благословилъ народъ, церковь и по сторонамъ. «Пѣвцы же», говорится въ соборномъ дѣяніи, «воспѣли многолѣтіе владыкѣ», и прибавляется: «вотъ зрѣлище трогательное и радость восхитительная». И понятно: было чѣмъ умилиться; слова: εις πολλα ετη Δεσποτα, — столь вразумительныя для присутствовавшихъ въ храмѣ, пѣлись по крюковымъ линіямъ!! Когда послѣдніе звуки крюковаго пѣнія затихли, Іеронимъ, взявъ, по обычаю, благословеніе у Амвросія, началъ литургію, которая потомъ была совершена лже-митрополитомъ, по уставу. Соборное дѣяніе не находитъ словъ, чтобы выразить всю силу радости, какую чувствовалъ въ это время каждый изъ присутствовавшихъ въ церкви раскольниковъ. По окончаніи литургіи, всѣмъ соборомъ, съ подобающею честію и пѣснопѣніемъ, проводили Амвросія до кельи его, близъ которой лже-митрополитъ, обратившись къ народу, еще разъ благо-

словилъ его. На радости всѣ отцы и братія, какъ гласитъ дѣяніе, а равно и собравшіеся на это торжество раскольники другихъ мѣстъ, были приглашены Геронтіемъ «на утѣшеніе и поздравленіе», послѣ чего всѣ пошли въ трапезу на обѣдъ и «чѣмъ Богъ послалъ», писали бѣлокриницкіе раскольники на рогожское кладбище, «всѣ были угощены и весь день праздновали во славу Божію».

Такъ-то совершилось небывалое доселѣ въ раскольничьемъ мірѣ событіе. Трудами и происками трехъ выходцевъ русскихъ: Геронтія, Алипія и Павла, выхлопотано буковинскимъ раскольникамъ право имѣть своего собственнаго епископа, отысканъ и нанятъ греческій митрополитъ Амвросій, который, получивъ утвержденіе своихъ правъ отъ австрійскаго Правительства, былъ наконецъ признанъ въ достоинствѣ истиннаго святителя самими раскольниками, живущими въ Буковинѣ и даже въ другихъ странахъ. Событіе безпримѣрное въ исторіи раскола, но, къ счастію, не имѣвшее тѣхъ гибельныхъ послѣдствій для Церкви православной, какихъ можно было опасаться. Беззаконность всѣхъ дѣйствій раскольниковъ, какія они употребляли въ настоящемъ случаѣ, была такъ очевидна для каждаго, что пріобрѣтенный ими лже-митрополитъ не возбудилъ къ себѣ сочувствія во многихъ изъ самыхъ буковинскихъ Липованъ. Люди, болѣе благонамѣренные и здравосмысленные очень хорошо понимали, что нанятый лже-митрополитъ, позволившій изъ-за денегъ даже перемазать себя мѵромъ, есть не пастырь, а волкъ и наемникъ. Особенно бѣлокриницкій дьякъ Купріянъ Тимоѳеевъ, которому непремѣн-

но хотѣлось, чтобы Амвросій былъ принятъ третьимъ чиномъ, проповѣдывалъ всѣмъ и каждому, что «перемазанецъ сей нѣсть и не можетъ быть истиненъ архіерей, но паче сосудъ злохудоженъ» (¹). Ему послѣдовали нѣкоторые изъ самихъ старцевъ монастырскихъ: Антоній, Германъ и Никонъ, которые сперва обличали своихъ братьевъ за ихъ беззаконныя дѣйствія, а потомъ, видя, что всѣ обличенія ихъ остаются безъ успѣха, оставили не только бѣлокриницкій монастырь, но и самую Буковину, и удалились въ Молдавію, гдѣ также нашли немало людей одного съ ними мнѣнія о наемникѣ Амвросіѣ. Такимъ образомъ вмѣсто ожидаемаго соединенія всѣхъ раскольниковъ въ одно стадо, ради чего Геронтій и его сообщники и домогались съ такими усиліями пріобрѣсть епископа, прибытіе Амвросія на бѣлокриницкую каѳедру произвело только раздѣленіе между ними, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. въ Добруджѣ— въ одномъ изъ раскольническихъ селеній, находящихся въ турецкихъ владѣніяхъ) доходило до того, что «братъ на брата возставалъ, и дѣти на родителя, устремляющеся другъ противу друга со многимъ кровопролитіемъ» (²). Что же касается до вліянія, какое имѣло пріобрѣтеніе буковинскими Липованами лжемитрополита на Церковь православную, то вотъ что писалъ объ этомъ одинъ изъ православныхъ буковинскихъ епископовъ, по имени Евгеній: «новая сія ересеіерархія не можетъ, истина, на мою богохранимую православную епархію никаковаго вредоноснаго втеченія имѣти», хотя, замѣчалъ ревностный пастырь,

(¹) Плат. Аѳанцков. стр. 35.
(²) Тамъ же стр. 42—3.

ежалостно всячески есть, и вѣчная сѣнь воспочіетъ на правящихъ святую Церковь нашу, яко и въ самая новѣйшая времена проиче таковый, аще и прелщенный, издатель (¹), егда ини противу многихъ несносныхъ препятствій борющеся, выну готови суть величайшая мірская богатства за истинную православную вѣру жертвовати» (²). «Сице стеная, плачетъ бодрый архіерей Божій Евгеній», замѣчаетъ при этомъ другой православный буковинскій епископъ, извѣстный уже намъ Платонъ Аѳанацковичъ,—«плачетъ не ради малодушія и страха за святую свою православную Церковь, сію бо видитъ основаннѣй быти на камени твердомъ и незыблемомъ, яко вратамъ адовымъ никакоже одолѣти ей; но плачетъ за студъ и поношеніе, за позоръ и уничиженіе, за срамоту и безчестіе толикое! Кто бо видѣ или кто слыша когда таковаго великаго сановника церковнаго, яковъ митрополитъ есть, сице Вѣрѣ своей, и святительскому рукоположенію, и даже самому христіанскому крещенію поругатися! Кто видѣ или кто слыша архіерея Христова отъ простыхъ неосвященныхъ людиновъ второе муропомазаніе пріемлющаго! Плачитеся убо и рыдайте православніи іерарси, яко во священномъ вашемъ сословіи обрѣтеся таковый извергъ! Наипаче же вознегодовати и огорчитися подобаетъ, яко вся сія не въ темномъ коемъ углѣ, не подъ спудомъ тайнаго сткрытія, но на позорищи міра явѣ совершишася, предъ очима инославныхъ Римляновъ и Уніятовъ, Лютерановъ же и Кальвиновъ, имъ же таковое благочестія нашего посрам-

(¹) По Пароенію (стр. 30)—предатель.

(²) Плат. Аѳанацк. стр. 40.

леніе вину даетъ къ злорадному глумленію и посмѣшству объ томъ, яко такови суть наши православніи архіереи, такова намъ есть православная наша Церковь» (').

Но кромѣ того, что измѣна Амвросія православію и переходъ его въ расколъ давали неправославнымъ поводъ къ невыгодному понятію о православныхъ греческихъ пастыряхъ, а слѣдовательно и о Церкви, къ которой принадлежалъ прежде Амвросій; появленіе у раскольниковъ лже-митрополита въ лицѣ Амвросія было причиною немалаго и, такъ сказать, положительнаго зла для Церкви православной. Лишь только вѣсть о пріобрѣтеніи буковинскими Липованами лже-митрополита разнеслась между раскольниками, отвсюду искатели приключеній стали стекаться въ бѣлокриницкій монастырь, чтобы, если не за достоинства, то хотя за деньги пріобрѣсть какой—либо священный санъ, которымъ бы послѣ можно было пользоваться, какъ средствомъ къ собранію денегъ чрезъ погубленіе душъ раскольничьихъ. И вотъ пошла въ Буковинѣ торговля. За деньги Амвросій не отказывалъ никому ни въ какомъ санѣ и, смотря по богатству просителя, производилъ его въ діакона, или во священника, а тѣхъ, кто не жалѣлъ золота, дѣлалъ и епископами. Такимъ образомъ, благодаря щедрому сребролюбію лже-митрополита, раскольничій міръ въ короткое время наполнился множествомъ діаконовъ, священниковъ и даже епископовъ. «Священство у насъ, писали жители бѣлокриницкаго монастыря къ «усерднымъ о древлеистинномъ благочестіи рачителямъ»,

(') Тамъ же стр. 41—42.

яко финикъ процвѣте, и яко кедръ, иже въ Ливанѣ, умножися» (¹). Не оставались равнодушными къ такой щедрости Амвросія и раскольники русскіе, живущіе въ предѣлахъ отечества. Говорятъ даже, что два отъявленныхъ негодяя изъ раскольниковъ русскихъ получили отъ Амвросія епископскій санъ, въ которомъ и возвратились въ Россію. Одинъ изъ нихъ по имени Антоній (въ мірѣ—Андрей Иларіоновъ), безпоповецъ поморской секты, былъ экономомъ московскаго преображенскаго кладбища, но за излишнюю экономію, собиравшую деньги въ собственный карманъ, попалъ подъ судъ и слѣдствіе; во избѣжаніе дальнѣйшаго, онъ бѣжалъ, захвативъ съ собою большую сумму денегъ, въ Буковину и купилъ себѣ у Амвросія епископскій санъ. Другой, по имени Софроній (въ мірѣ Стефанъ Трифоновъ), былъ московскій мѣщанинъ, содержалъ въ Москвѣ постоялый дворъ, но, не ограничиваясь продажею сѣна и овса, торговалъ еще бѣглыми попами. Ѣдучи однажды съ такимъ товаромъ и замѣтивъ, что у попа много денегъ, Софроній напоилъ его пьянымъ и утопилъ въ Днѣпрѣ, а деньги взялъ себѣ и убѣжалъ въ Буковину. Но, вѣроятно, похищенныхъ денегъ было недостаточно для сребролюбца Амвросія, и Софроній получилъ отъ него епископство не прежде, какъ занявъ еще 100 р. сер. у одного изъ монастырскихъ старцевъ для уплаты лже-митрополиту (²). Какъ ни не-

(¹) Истин. древн. и истин.прав. Хр. Ц. изд. 2-е, ч. 1, стр. 288.

(²) Іером. Парѳ. стр. 125—126. Свѣденіе о займѣ Софроніемъ денегъ мы заимствовали изъ письма того самаго лица, у котораго деньги были взяты и, какъ видно изъ письма, не отданы. Письмо

достойны такіе лже-епископы, однако нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, если они, по возвращеніи въ Россію, нашли себѣ приверженцевъ. Примѣры Епифанія, Аѳиногена и Анѳима показали, что раскольники способны считать за епископа и не такихъ злодѣевъ. Живы ли указанные лже-епископы и гдѣ именно они скрываются, объ этомъ мы не можемъ сообщить никакихъ достовѣрныхъ свѣденій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

это писано на имя какого-то о. Павла. Мы имѣемъ подъ руками копію съ него.

О ПЕРВОМЪ ПОСЛАНІИ

СВЯТАГО АПОСТОЛА И ЕВАНГЕЛИСТА

ІОАННА БОГОСЛОВА.

Возлюбленніи возлюбимъ другъ друга... яко Богъ любы есть (1 Іоанн. 4, 7. 8).

Подлинность и каноническое достоинство посланія —

никогда не подвергались и не могутъ подвергаться никакому сомнѣнію. Уже лица, ближайшія къ началу Христіанства, бывшія, какъ выражается Евсевій, въ первомъ порядкѣ преемниковъ апостольскихъ (¹), въ своихъ твореніяхъ, назначенныхъ для назиданія Церкви, пользовались свидѣтельствами изъ этого посланія, какъ древнѣйшаго ихъ и, конечно, безспорно уважаемаго, хотя и не называли писателя по имени, таковы: Папій, епископъ іерапольскій (²), и Поликарпъ епи-

(¹) *Евсев.* Ист. 3. 37 стр. 176.

(²) «Вышеупомянутый писатель (Папій) пользуется свидѣтельствами изъ перваго посланія Іоаннова и перваго Петрова», по замѣчанію *Евсевія.* Истор. 3, 39, стр. 182. Конечно, было бы крайнимъ скептицизмомъ понимать это замѣчаніе такъ, будто Папій самъ не видѣлъ посланія Іоаннова, а приводилъ тѣ мѣста изъ него, которыя онъ отъ кого-нибудь слышалъ,—какъ казалось нѣкоторымъ, на основаніи того великаго уваженія Папія къ преданію, о которомъ самъ онъ свидѣтельствуетъ *(таможе* стр. 179*)*. Слова Папія о себѣ имѣютъ только тотъ смыслъ, что когда ему *представлялся случай* по-

скопъ смирнскій ([3]), бывшіе изъ слушателей и учениковъ св. Іоанна Богослова ([4]). Также пользовались однимъ мѣстомъ изъ этого посланія Церкви ліонская и вьеннская въ извѣстномъ ихъ посланіи 2-го вѣка ([5]).

полнить свои свѣдѣнія о Христіанствѣ изъ преданія, онъ спѣшилъ пользоваться этимъ случаемъ, такъ какъ къ письменнымъ памятникамъ могъ обращаться во всякое время, а лицъ, которыя разсказали бы что-нибудь, непреданное письмени, могъ встрѣтить не всегда.

([3]) Въ словахъ Поликарпа (Epist. ad Philipp. c. 7): πᾶς γὰρ ὃς ἂν μὴ ὁμολογῇ Ἰησοῦν Χριςὸν ἐν σαρκὶ ἐληλυθέναι, ἀντίχριςος ἐστιν,—содержится очевидный и несомнѣнный намекъ на 1 Іоанн. 4, 3, если и не упоминать о томъ, что слово *антихристъ*, встрѣчающееся только въ посланіяхъ св. Іоанна не употребляется ни въ одномъ изъ несомнѣнно подлинныхъ произведеній 2 вѣка, даже гдѣ можно было бы ожидать его (напр. *Iustin.* Dialog. c. Tryph. c. 110, 2351) и встрѣчается довольно часто еще только у Иринея, ученика св. Поликарпа (есть оно также въ посланіи Игнатія Богоносца къ Антіохійцамъ, но это посланіе не подлинное). Противъ умѣстности здѣсь приводимаго нами свидѣтельства выставляютъ молчаніе Евсевія объ употребленіи Поликарпомъ 1 посл. Іоанна, такъ какъ Евсевій замѣчаетъ это только о посл. Петровомъ (Ист. 4, 14 стр. 207); но историкъ кесарійскій говоритъ объ этомъ, очевидно, мимоходомъ, почему не упоминаетъ и о несомнѣнномъ употребленіи Поликарпомъ другихъ новозавѣтныхъ писаній, именно посланій Ап. Павла, хотя оно также встрѣчается въ посл. къ Филиппійцамъ смирнскаго священномученика (гл. 1,—Еф. 2, 8; гл. 4,—1 Тим. 6, 7. 10; гл. 5,—1 Кор. 6, 9; гл. 6,—Рим. 4, 10. 12; гл. 11,—1 Кор. 6. 2,—гл. 12,—Еф. 4, 26 и, можетъ быть, 1 Тим. 2, 1. 2). Свидѣтельство Поликарпа старались ослабить еще неточностію указанія, неприведеніемъ т. е. имени писателя; но это самый обыкновенный способъ употребленія свидѣтельствъ св. Поликарпомъ, да и вообще мужи апостольскіе приводили въ такомъ видѣ свидѣтельства даже изъ книхъ ветхозавѣтныхъ.

([4]) Такъ называютъ Папія *Ириней* (у *Евс.* 3, 39, стр. 178), *Іеронимъ* (Epist. 76. n. 1), *Анастасій Синаитъ* (Lib. VII Contemplat. in Hexaem. Bibl. patr. p. 223), и др;—Поликарпа *Іеронимъ* (de vir. illustr.) и *Тертулліанъ* (de praescr. haeretic. c. 32).

([5]) εὐδοκήσας ὑπὲρ τῆς τῶν ἀδελφῶν ἀπολογίας καὶ τὴν ἑαυτοῦ θεῖναι ψυχὴν (у Евсев. 5, 1. по русск. перев. стр. 250), намекъ довольно рѣ-

Съ именемъ ученика Господня Іоанна приводится посланіе у Иринея ([6]), Климента Александрійскаго ([7]), Тертулліана ([8]), Оригена ([9]), Діонисія Александрійскаго, ([10]), Кипріана ([11]), а равно—и въ двухъ замѣчательнѣйшихъ памятникахъ 2 столѣтія—въ Мураторіевомъ каталогѣ священныхъ книгъ ([12]) и въ сирскомъ переводѣ Пешито ([13]). Посему-то Евсевій имѣлъ полное пра-

---

шительный на 1 Іоан. 3, 16: ἡμεῖς ὀφείλομεν ὑπὲρ τῶν ἀδελφῶν τὰς ψυχὰς τιθέναι. См. о послѣдн. глаг. ниже въ примѣч. 24.

([6]) *Iren.* c. Haeres, V, 16 сн. 1 Іоан. 2, 18. 19. 21. 22. 4, 1—3. 5, 1. «Упоминаетъ Ириней также о первомъ посланіи Іоанна и приводитъ изъ него весьма много свидѣтельствъ». *Евсев.* Истор. 5, 8. стр. 278.

([7]) Φαίνεται δὲ καὶ Ἰωάννης ἐν τῇ μείζονι ἐπιστολῇ τὰς διαφορὰς τῶν ἁμαρτιῶν ἐκδιδάσκων ἐν τούτοις· ἐάν τις ἴδῃ τὸν ἀδελφὸν αὐτοῦ ἁμαρτάνοντα κ. τ. λ. *Clemen.* Strom. II, 15. сн. Іоан. 5, 16.

([8]) Adv. Prax. c. 15: Denique inspiciamus, quem Apostoli viderint. Quod vidimus, inquit Iohannes (1 посл. 1, 1), quod audivimus, oculis nostris vidimus, et manus nostrae contractaverant, de sermone vitae. Sermo enim vitae caro factus est. — Scorp. c. 12: Iohannes vero ut etiam pro fratribus nostris animos ponamus, hortatur, negans timorem esse in dilectione (1 Іоан. 3, 16. 18). См. также adv. Marc. 3, 8; de Praescript. c. 33; de carne Christi c. 24.

([9]) У *Евсевія* Истор. 6, 25 стр. 362 сн. *Origen.* in Math. 16.

([10]) У *Евсевія* Истор. 7, 25 стр. 439. 440.

([11]) Sic denique et Ioannes in epistola sua monet, dicens: si dixerimus, quia peccatum non habemus, nos ipsos decipimus (1 Іоан. 1, 8). *Cyprian.* de Orat. domin. Et Iohannes Apostolus mandati memor in epistola sua postmodum ponit: in hoc, inquit, intelligimus, quia cognovimus eum, si praecepta ejus custodiamus (1 Іоан. 2, 3. 4). Epist. 25.

([12]) Quid ergo mirum, si Iohannes tam constanter singula etiam in epistolis suis proferat dicens in semet ipso: quae vidimus oculis nostris et auribus audivimus, et manus nostrae palpaverunt, haec scripsimus (Сн. 1 Іоанн. 1, 1. 4).. И ниже: superscripti Iohannis duae (т. е. epistolae) in catholica habentur, въ каѳолической Церкви признаются Can. Murator. in *Routh.* Reliqu. Sacr. t. IV.

([13]) Пропускаемъ другія выраженія древнихъ церковныхъ писателей, которыя, можетъ быть, указываютъ на посл. Іоанна, но, мо-

во причислить это посланіе къ признаннымъ всѣми книгами новозавѣтнаго канона ( ), сказавъ предварительно, что изъ писаній Іоанна, кромѣ Евангелія, какъ нынѣшніе, такъ и древніе христіане, признаютъ безъ всякихъ споровъ (ἀναμφιλέκτως) и первое его посланіе ([15]). Упоминать о другихъ свидѣтельствахъ, напр. Златоуста ([16]), Аѳанасія, Григорія Богослова, ([17]), Августина ([18]), Іеронима ([19]), Амвросія медіоланскаго ([20]), было бы излишне.

Сомнѣніе въ подлинности перваго посланія Іоанна, какъ и всѣхъ соборныхъ, въ первый разъ высказывается въ 6-мъ вѣкѣ Козьмою индійскимъ мореплавателемъ, который говоритъ: *ὅτι τὰς καθολικὰς ἀνέκαθεν ἡ ἐκκλησία ἀμφιβαλλομένας ἔχει.... καὶ οἱ κανονίσαντες τὰς ἐνδιαθέτους βίβλους τῆς θείας γραφῆς πάντες* (!) *ὡς ἀμφιβόλους αὐτὰς ἔθηκεν. Λέγω δὴ εἰρηναίως καὶ ἐυσεβῶς, και Αθανάσιος,* и т. д. въ томъ же родѣ

жетъ быть, и не указываютъ. Таковы выраженія, встрѣчающіяся у Ермы (Comm. III. сн. Іоанн. 2, 27. Псал. 91, 16;—1 Іоанн. 4, 6. Ев. Іоанн. 14, 17), у Игнатія Богоносца въ посл. къ Магнез. (гл. 6 сн. 1 Іоанн. 1, 2), и у не довольно извѣстнаго писателя посланія къ Діогнету (р. 501, сн. 1 Іоанн. 4, 9. 10 16. 17).

([14]) *Истор.* 3, 25 стр. 155

([15]) *Истор.* 3, 24 стр. 155.

([16]) In *Coteler*. Monum. Eccles. Graec. 3, 148: *τὴν μέντοι πρώτην ἐπιστολὴν ἅπαντες εἶναι Ἰωάννου συμφώνως ἀπεφήναντο.*

([17]) *Въ послан. о праздникахъ* онъ причисляетъ всѣ три посл. Іоанна къ источникамъ спасенія—*πηγαι τοῦ σωτηρίου*. не подлежащимъ сомнѣнію—*ἐν τούτοις μόνοις τὸ τῆς ἐυσεβείας διδασκαλεῖον ἐυαγγελίζεται, μηδεὶς τούτοις ἐπιβάλλετο μηδὲ τούτων ἀφαιρέσθω τι.*— *Григорій Богословъ* въ Твор. св. О. V, 49. 316.

([18]) Canonica est ipsa epistola, per omnes gentes recitatur, orbis terrae auctoritate retinetur, orbem terrarum ipsa aedificavit. Tractat. 7. in 1 Epist. Iohann. Opp. ed. Antwerp. 1700. 3, 636.

([19]) De vir. illustr. c. 9: ab universis ecclesiasticis et eruditis viris probatur (1-е посл. Іоанна). У *Глера* (р. 315) приводится еще Александръ Александрійскій,—вѣроятно по ошибкѣ.

([20]) См. ниже примѣч. 40.

(Topograph. christ. VII, 292. ed. Montf.). Но кто не согласится, послѣ приведенныхъ нами свидѣтельствъ, что это очевидно, ошибка ученика, который или вовсе не читалъ упоминаемыхъ имъ писателей церковныхъ или читалъ дурно и потому спуталъ часто повторяемыя замѣчанія наприм. Евсевія, о томъ, что такое посланіе изъ соборныхъ тѣмъ-то не принимается, другимъ принимается вполнѣ, третьимъ не вполнѣ и т. п.? — Св. Епифаній говоритъ, что посланія Іоанна не признавали еретики, извѣстные подъ именемъ Алоговъ; но онъ высказываетъ это въ видѣ предположенія (τάχα δὲ καὶ τὰς ἐπιστολὰς... Haeres. 51, 3), основаннаго на отверженіи ими другихъ произведеній Іоанна Богослова — Евангелія и Апокалипсиса; напротивъ ни Филастрій прежде Епифанія, ни Августинъ и Іоаннъ Дамаскинъ, ни иныя лица (Biblioth. maxima patr. 27, 549), послѣ Епифанія говорившія объ Алогахъ, ничего подобнаго не упоминаютъ о посланіи Іоанна ([21]).

Не меньшимъ доказательствомъ подлинности посланія служитъ совершенное сходство его съ Евангеліемъ отъ Іоанна. Не нужно особеннаго вниманія, чтобы, при переходѣ отъ чтенія Евангелія къ чтенію посланія, примѣтить въ немъ повсюду вѣяніе того же духа пламенной и искренней любви писателя къ Богу и людямъ, какимъ исполнено все историческое произведеніе возлюбленнаго ученика Христова ([22]). Не нужно также особаго труда, чтобы постоянно встрѣчать въ посланіи тѣже мысли и понятія, какія всего чаще встрѣчаются въ Евангеліи Іоанна, — говоритъ ли онъ напр. о себѣ, какъ лицѣ, свидѣтельствующемъ только то, что самъ видѣлъ и слышалъ (1 Іоанн. 1, 1. 2.

([21]) Что касается въ особенности до подлинности гл. 5 ст. 8 (опущ. и у *Scholz* N. T. 2, 152. 153), то о ней см. замѣчанія въ Православно-Догматическомъ Богословіи преосв. *Макарія* (1, 233 — 242. изд. 2. С.п.б. 1850), особенно замѣчаніе послѣднее.

([22]) *Augustin.* Tractat. in 1 Ioh. col. 601. 602.

4, 14. Еванг. Іоанна 1, 14. 34. 3, 11. 19, 35), или о Богѣ, какъ свѣтѣ и жизни (1 Іоан. 1, 2. Ев. Іоан. 1, 14. 34. 3, 11. 19, 35), невидимомъ ни для кого изъ людей (1 Іоанн. 4, 12. Ев. Іоанн. 1, 18. 6, 46), явившемъ любовь свою къ нимъ въ посланіи единороднаго Сына (1 Іоанн. 4, 9. Ев. Іоанн. 3, 16), или о вѣрующихъ въ Іисуса Христа, какъ чадахъ Божіихъ (1 Іоанн. 5, 1. Еван. Іоанн. 1, 12, 13), и т. п. Но, что особенно замѣчательно при сравненіи двухъ богодухновенныхъ писаній (Іоанна Богослова), это ихъ внѣшняя форма,—обстоятельство, замѣченное уже въ 3 вѣкѣ св. Діонисіемъ Александрійскимъ и объясненное имъ въ нѣсколькихъ примѣрахъ. «Евангеліе и посланіе, говоритъ св. Отецъ, согласны между собою и одинаково начинаются; первое говоритъ: *въ началѣ бѣ Слово,* послѣднее: *еже бѣ исперва*; — въ томъ сказано: *и Слово плоть бысть и вселися въ ны, и видѣхомъ славу его, славу яко единороднаго отъ Отца* (Іоанн. 1, 14), тоже и въ этомъ, съ небольшимъ лишь измѣненіемъ: *еже слышахомъ, еже видѣхомъ очима нашима, еже узрѣхомъ и руки наша осязаша о Словеси животнѣмъ и животъ явися* (1 Іоанн. 1, 1, 2)....... Іоаннъ вѣренъ себѣ и не отступаетъ отъ своей цѣли; онъ раскрываетъ все въ одинаковыхъ періодахъ и тѣми же словами. Приведемъ вкратцѣ нѣкоторыя изъ нихъ. Внимательный читатель въ каждой изъ упомянутыхъ книгъ часто встрѣтитъ слова: *жизнь, свѣтъ, прехожденіе тьмы*; непрестанно будетъ видѣть *истину, благодать, радость, плоть и кровь Господа, судъ, оставленіе грѣховъ, Божію любовь къ намъ, заповѣдь о взаимной нашей любви* и о томъ, что *должно соблюдать всѣ заповѣди*, также *осужденіе міра, діавола, антихриста, обѣтованіе Свя-*

таго Духа, сыноположеніе Божіе, во всемъ требуемую *отъ насъ вѣру, вездѣ — Отца и Сына*. Вообще, при непрерывномъ вниманіи къ отличительнымъ чертамъ, невольно представляется одинаковый образъ рѣчи Евангелія и посланія ([23])». Приведенные св. Діонисіемъ примѣры можно еще болѣе умножить, указавъ, какъ, подобно этому учителю церкви, на одинаково-встрѣчающіяся въ Евангеліи и посланіи слова и выраженія, составляющія особенность рѣчи Іоанна ([24]), такъ и на постоянную любовь писателя посланія къ

([23]) *Евсев.* Ист. 7, 25 стр. 442 — 443. Мѣста Евангелія и посланія, какія могъ имѣть въ виду св. Діонисій, суть слѣдующія: Еванг. Іоан. 1, 4. 6, 35. 48. 11, 25. 1 Іоан. 1, 1. 2. 5, 11. 20; — Іоан. 1, 4. 5. 3, 19. 1 Іоан. 1, 5. 7. 2, 8;—Іоан. 12, 46. 1 Іоан. 2. 8; — Іоан. 15, 11. 16, 24. 1 Іоан. 1, 4; — Іоан. 1, 14. 19, 34. 1 Іоан. 1, 7. 5, 8; — Іоан. 1, 29. 1 Іоан. 1, 9. 2, 12. 3, 5; — Іоан. 3, 16. 1 Іоан. 3, 1. 4, 9 — Іоан. 13, 34. 35. 15. 12. 1 Іоан. 2, 7. 3, 11. 23; — Іоан. 15, 10. 1 Іоан. 2, 3. 5, 2; — Іоан. 15, 19. 1 Іоан. 2, 15. 3, 1; — Іоан. 8, 44. 1 Іоан. 3, 8; — Іоан. 5, 43. 1 Іоан. 2, 18; — Іоан. 14, 16. 17. 26. 16, 23. 1 Іоан. 2, 27. 3; 24. 4, 13; — Іоан. 1, 12. 1 Іоан. 3. 1. 5, 1; — Іоан. 3, 16. 6, 29. 20, 31. 1 Іоан. 3, 23. 5, 1. 10. 13; — Іоан. 17, 1. 1 Іоан. 1, 2. 3. 2, 23. 24.

([24]) Таковы слова: *δύνασθαι*—въ значеніи *нравственной* возможности (Іоан. 5, 44. 8, 43. 14, 17. 1 Іоан. 3, 9. 4, 20), *τιθέναι τὴν ψυχὴν* (Іоан. 10, 11. 15. 17. 13, 37. 38. 15, 13. 1 Іоан. 3, 16; — у Ев. Матеея и Марка *τὴν ψυχὴν δοῦναι*); *μαρτυρία* (Іоан. 1, 7. 19. 3, 11. 32. 33. 5, 31. 32. 34. 36. 1 Іоан. 5, 9. 10. 11, — *μαρτύριον* ни разу); или выраженія: *творить истину* (Ев. Іоан. 3, 21. 1 Іоан. 1, 6), *быть отъ истины* (Іоан 18, 37. Іоан. 2, 21), *быть отъ діавола* (Іоан. 8, 44. 1 Іоан. 3, 8), *быть отъ Бога* (Іоан. 7, 17. 8, 47. 1 Іоан. 3, 10. 4, 1), *быть въ Богѣ* (Іоан. 14, 20. 1 Іоан. 4, 13), *быть отъ міра* (Іоан. 8, 23. 1 Іоан 4, 5), *говорить отъ міра* (Іоан. 3, 31. 1 Іоан. 4, 5), *ходить во тьмѣ, ходить во свѣтѣ* (Іоан. 8, 12. 12, 35. 1 Іоан. 1, 6. 7. 2, 11), *имѣть животъ* или *животъ вѣчный* (Іоан. 3, 15. 36. 5, 24. 39. 40. 1 Іоан. 3, 15, 5, 12), *прейти отъ смерти въ животъ* (Іоан. 5, 24. 1 Іоан. 3, 14), *побѣждать міръ* (Іоан. 16. 13. 1 Іоан. 5, 4. сн. 2, 13. 14. 4, 4), *αἴρειν τὴν ἁμαρτίαν* (Іоан. 1, 29. 1 Іоан. 3, 5), и мн. др.

повторенію одного и того же слова ([25]), къ приведенію мыслей въ формахъ положительной и отрицательной ([26]), къ объясненію мысли чрезъ противоположеніе ([27]), чрезъ опредѣленіе ([28]), чрезъ исправленіе ([29]), равно на своеобразный складъ рѣчи (синтаксисъ)—въ соединеніи взаимно-зависящихъ предложеній ([30]), въ выраженіи слова опредѣляющаго посредствомъ причастія съ вспомогательнымъ глаголомъ ([31]), въ приведеніи частицъ ([32]) и т. п. Все также, какъ въ Евангеліи. Это сходство одного писанія съ другимъ—не-

---

([25]) Напр. 1 Іоан. 1, 2. 5, 9 — 11. Ев. Іоан. 1. 7. 8. 14. 5. 31—39. 41 — 44. 8, 13. 14. 17. 18. 14, 13. 14. 17. 6 и д. 18, 15. 16. 19, 35. 21, 24.

([26]) Напр. *лжемъ и не творимъ истины* (1 Іоан. 1, 6), какъ въ Евангеліи (1, 20) *исповѣда и не отвержеся*. Также Іоан. 1, 3. 3, 15. 17. 18. 20. 5, 24. 1 Іоан. 1, 5. 8. 2, 4. 10. 27. 28.

([27]) Напр. 1 Іоан. 2, 6 *(не заповѣдь нову, но заповѣдь ветху)* 2. 4. 6. 8. 10. 12. 14. 16. 17. 19. 21. 23. 27. Ев. Іоан. 1, 8. 17. 18. 26. 30. 2, 10. 19. 25.

([28]) 1 Іоан. 1, 5 *(и сіе есть обѣтованіе)* 2, 3. 7. 22. 25. 3, 10. 11. 16. 19. 23. 24. 4, 3. 9. 10. 13. 17. 5, 2. 5. 11. 14. Еванг. Іоан. 1, 19. 3, 19. 6, 29. 39. 40. 58. 9, 30. 15, 8. 12. 17, 3.

([29]) 1 Іоан. 2, 2. 21. 4, 10. 5, 6. 16. Ев. Іоан. 1, 7. 8. 4, 1. 2. 6, 45. 46. 58. 7, 22. 13, 10. 18, 14, 22. 27. 15, 15. 17. 9. 19.

([30]) .... *ἐντολὴν καινὴν γράφω ὑμῖν, ὅ ἐστιν ἀληθὲς* (1 Іоан. 2, 8); *καὶ αὕτη ἐστιν ἡ ἐπαγγελία, ἣν αὐτὸς ἐπηγγείλατο ἡμῖν, τὴν ζωὴν τὴν αἰώνιον* (ст. 25); *δώσει αὐτῷ ζωήν, τοῖς ἁμαρτάνουσι μὴ πρὸς θάνατον* (ст. 5, 16),— какъ въ Ев. Іоан. 17, 2 (*ἵνα πᾶν ὃ δέδωκας αὐτῷ, δώσῃ αὐτοῖς ζωὴν αἰώνιον*) или 6. 37. 34. 7, 49.

([31]) 1 Іоан. 1, 4. 4, 12. Ев. Іоан. 1, 34. 5, 21 23. 24. 27. 28.....

([32]) Напр. *ἵνα* (частица, особенно любимая Евангелистомъ Іоанномъ 6, 7. 23. 29. 39. 40. 50. 11, 4. 37. 50. 13, 15. 16, 7. 17, 3 и др.) приводится въ посланіи а) вм. *ἐὰν* или глагола въ неопредѣлен. накл. (1 Іоан. 4, 17), также, какъ въ Евангеліи (Іоан. 11, 50. 15. 8. 17, 3); или б) послѣ словъ *γράφω, ἐντολὴ* (1 Іоан. 2, 1. 23), опять также какъ въ Евангеліи — послѣ *ἐντολὴν δίδωμι, ἐντέλλομαι, λαλέω* (Іоан. 13, 34. 15, 17. 16, 33).

сомнѣнно подлиннымъ, не имѣющее подобнаго себѣ во всемъ обширномъ кругѣ подложныхъ произведеній древней письменности христіанской, изъясняется единственно изъ мысли о тождествѣ писателя, особенно если вспомнимъ, что писатель посланія дозволяетъ себѣ нѣкоторыя, правда, не многія, но тѣмъ не менѣе весьма замѣчательныя отступленія отъ словоупотребленія Евангелія (33), и что вся рѣчь посланія ведется въ живѣйшемъ чувствѣ вѣрующаго и любящаго сердца, съ отсутствіемъ всякой искусственности: два обстоятельства, совершенно исключающія мысль о (механическомъ подборѣ словъ, или о) подражаніи.

Посему-то всѣ возраженія противъ подлинности посланія, представляемыя нѣкоторыми, впрочемъ весьма немногими изъ новѣйшихъ толкователей Писанія (34), нѣкогда считавшіяся достойными опроверженія (35), нынѣ справедливо признаются только упражненіемъ остроумія, незаслуживающимъ вниманія,—и это голосъ не только

---

(33) Подложный писатель посланія едва ли употребилъ бы въ немъ, напр. слово Παράκλητος объ Іисусѣ Христѣ (2, 1), которое встрѣчается только въ Евангеліи отъ Іоанна (14, 16. 26, 15. 16. 7) и притомъ, въ другомъ значеніи, о Святомъ Духѣ. Мысль объ Іисусѣ Христѣ, какую даетъ это слово въ посланіи, высказывается и въ другихъ мѣстахъ Новаго Завѣта (напр. Іоан. 17, 9. Рим. 8, 34. Евр. 7, 25. 9, 24), но самое слово — никогда. А о томъ, какъ древніе привыкли употреблять имя Παράκλητος собственно о Св. Духѣ, можно судить по упомянутому нами посланію Церквей ліонской и вьеннской: писатель его, кто бы онъ ни былъ, упомянувъ, что одного изъ братій (Веттія Епагафа) называли *ходатаемъ*, — для объясненія этого названія обращается къ тотчасъ-приходящему на мысль понятію *о Духѣ* (Утѣшителѣ), хотя объясняетъ не совсѣмъ вѣрно; ибо въ контекстѣ рѣчь о *защитникѣ* (*Евсев.* 5, 1. стр. 250; и греч. сл. выше въ пр. 5).

(34) *Ланге, Клудій, Бретшнейдеръ.*

(35) См. напр. *Berthold* Einleit. in Schrift. d. alt. u. n. Testam, V, 3211 f.

умѣренныхъ, но и болѣе рѣшительныхъ скептиковъ новѣйшаго времени ([56]).

Время написанія.

О нѣкоторыхъ изъ весьма высокихъ истинъ христіанскаго вѣроученія въ посланіи говорится съ замѣчательною краткостію, сравнительно съ тѣмъ, какъ говорится о нихъ въ Евангеліи отъ Іоанна. Такъ въ первомъ только приводятся слова и выраженія: *животъ, слово животное, животъ вѣчный,—иже бѣ у Отца и явися намъ,—Іисусъ Христосъ, во плоти пришедшій* (1, 1, 2. 4, 2); въ послѣднемъ онѣ не только приводятся, но и подробно изъясняются (1, 1—4. 14). Это обстоятельство безъискусственнымъ образомъ можетъ быть изъяснено единственно изъ того, что писатель посланія предполагаетъ своихъ читателей зна-

([56]) Напр. *de-Wette*:... sind von keiner Bedeutung. Чтобы судить о неважности этихъ возраженій, приведемъ одно изъ нихъ: въ посланіи, говорятъ, не находимъ имени писателя. — Но не есть ли это новая черта сходства его съ Евангеліемъ, новое свидѣтельство его подлинности? Такъ, по крайней мѣрѣ, разсуждали древніе учители Церкви (*Діонис.* Александр. у *Евсев.* 7. 25 стр. 439. 440. сн. *Филар.* начерт. Библ. Истор. стр. 587. Спб. 1827), незаводившіе изъ-за этого споровъ, какъ то было напр. въ отношеніи посланія къ Евреямъ. Писатель посланія Іоаннова подложный, конечно, не позабылъ бы выставить въ немъ имя Апостола (сн. *Діонис.* тамъ же стр. 437). А если не выставилъ его для того, чтобы замѣтнѣе сдѣлать сходство съ Евангеліемъ, то спрашивается: почему онъ остановился на половинѣ дороги, обозначивъ писателя нѣсколько общимъ признакомъ самовидца Слова (1 Іоан. 1, 2), а не употребилъ признака болѣе отличительнаго, также встрѣчающагося въ Евангеліи, напр. *ученикъ егоже любляше Іисусъ* (Іоан. 13, 23)? Скажутъ: чрезъ это подлогъ становился еще искуснѣе? Но, признаемся, намъ кажется труднымъ заподозрить когонибудь изъ подложныхъ писателей древности въ такомъ искусствѣ, послѣ знакомства нашего съ литературою апокрифовъ, какую представляютъ *Тило* или *Фабрицій*.

комыми съ его благовѣстіемъ о Сынѣ Божіемъ, и именно благовѣстіемъ письменнымъ, а непросто устнымъ ([37]). Отсюда съ вѣроятностію можно заключать, что посланіе явилось послѣ Евангелія. Но Евангеліе написано по возвращеніи Апостола съ Патмоса ([38]); слѣдовательно, посланіе явилось въ послѣднее четырехлѣтіе перваго вѣка: между 96 год. (когда послѣдовало освобожденіе изъ заточенія) и временами Траяна (до которыхъ продолжалась жизнь Апостола, по словамъ Иринея) ([39]). Св. Амвросій Медіоланскій говоритъ, что Іоаннъ совершилъ сей трудъ въ старости, и, повидимому, отдѣляетъ время написанія посланія отъ времени написанія Евангелія весьма небольшимъ промежуткомъ ([40]). Отсюда слѣдуетъ, что и *мѣсто*

([37]) Такъ, повидимому, разсуждалъ уже составитель Мураторіева каталога, когда къ первымъ словамъ, приведеннымъ нами въ примѣч. 24 присовокупилъ еще слѣд.: sic enim non solum visorem, sed auditorem, sed et *scriptorem* omnium mirabilium Domini per ordinem (se) profertur.—Указываютъ еще на 1, 4. 2, 12—14. 2, 26. *Hug.* Einl. S. 208 f.), но напрасно; ибо эти мѣста даютъ выводъ, по меньшей мѣрѣ, нерѣшительный.

([38]) Epiphan. Haer. 52.

([39]) У *Евсев.* 3, 23.

([40]) In Psalm. 36: Iohannem iam senem scribere coepisse Euangelium et epistolas. — Въ доказательство справедливости нашего вывода мы могли бы привести и частое обращеніе писателя къ читателямъ съ любвеобильнымъ воззваніемъ: *чадца, дѣти* — *τεκνία, παιδία* (2, 1. 12. 13. 18. 28. 3, 7. 18. 4, 4. 5, 21), — основываясь на словахъ Іеронима, что св. Іоаннъ, въ глубокой старости, nihil aliud per singulas solebat proferre collectos, nisi hoc: filioli diligite alterutrum (Comm. in Ep. ad Gal. c. 6). Но кто поручится, чтобы эта рѣчь, *почти единственная* (nisi hoc) въ устахъ *старца* (2 и 1 Іоан. ст. 1) Іоанна, не была всегда *самою обыкновенною* рѣчью наперсника Христова и приснаго проповѣдника любви (1 Іоан. 3, 11), усвоенною имъ изъ бесѣдъ самаго Законоположника новой заповѣди (*τεκνία, παιδία* — Іоан. 13, 33. 21, 5), какъ усвоены были имъ и другія слова и выраженія

написанія было въ какой-нибудь изъ областей малоазійскихъ, посѣщенныхъ Іоанномъ Богословомъ послѣ заточенія ([41]). Судя же потому, что обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ Апостола, откуда онъ предпринималъ свои путешествія по Малой Азіи, былъ теперь (какъ и прежде) г. Ефесъ ([42]) и что въ немъ писано было Евангеліе ([43]), можно заключать, что здѣсь же написалъ Іоаннъ и свое посланіе. Такъ и означено въ подписяхъ нѣкоторыхъ древнихъ рукописей ([44]).

Спасителя (de pectore Salvatoris doctrinarum fluenta potavit. *Hieron.* Epist. ad Evagr.) (что можно видѣть по указанному нами выше сравненію Евангелія съ посланіемъ). Къ общему съ нами выводу о преклонныхъ лѣтахъ писателя нѣкоторые хотѣли подойти еще замѣчаніемъ о частыхъ повтореніяхъ одной и той же мысли въ посланіи, объ отсутствіи въ немъ логической строгости, и т. п. Но въ семъ замѣчаніи толкователей болѣе довѣрія къ поверхностному обозрѣнію посланія, нежели благоговѣнія къ богодухновенному творцу его, — и сей путь грѣшныхъ уже осужденъ изслѣдователями болѣе тщательными (*Hug.* Enleit. S. 215). — Наконецъ совершенно противное нашему выводу мнѣніе, высказанное въ первый разъ Гроціемъ, будто посланіе написано прежде разрушенія Іерусалима, совершенно невѣрно; ибо основаніе этого мнѣнія 2, 18 — нетвердо: ни здѣсь, ни во всемъ посланіи нѣтъ рѣчи объ этомъ событіи. Образецъ литературныхъ мечтаній и видимо-нелѣпыхъ хитросплетеній въ подтвержденіе послѣдняго мнѣнія, можно видѣть у *Schnapping*. (Die heit. Schr. d. n. B. 1818. Grätz, IV, 442 — 441). Такова напр. мысль его, будто указаннымъ мѣстомъ посланія утверждается, что многіе изъ христіанъ, къ которымъ оно писано, жили еще при Іисусѣ Христѣ и что, слѣдовательно, оно не могло быть написано въ 90 годахъ I-го вѣка.

([41]) *Евсев.* 3, 23.

([42]) *Ирин. Климен.* Алекс. у *Евсев.* тамже стр. 147.

([43]) *Ирин.* adv. haeres. у *Евсев.* 5, 8 стр. 277.

([44]) *Scholz*. N. T. 2, 155. — Одинъ изъ новѣйшихъ писателей (Hug. S. 228), относя написаніе всѣхъ 3-хъ посланій Іоанна къ одному времени, полагаетъ, что 1-е посланіе написано на о. Патмосѣ, какъ и два остальныя, — на томъ основаніи, что писатель сихъ послѣд-

Назначеніе посланія.

Наименованіе посланія *соборнымъ*, усвоенное ему въ глубокой древности всѣмъ христіанскимъ міромъ ([45]) и отсутствіе въ посланіи многихъ указаній на мѣстныя обстоятельства и частности показываютъ, что, по суду древнихъ, посланіе не имѣло, въ намѣреніи Апостола, опредѣленнаго мѣстнаго назначенія и назначалось для всѣхъ современниковъ писателя. Съ другой стороны, предостереженіе отъ идоловъ (5, 21) и неприведеніе мѣстъ изъ Ветхаго Завѣта даютъ право думать, что читатели посланія, по крайней мѣрѣ, большею частію происходили изъ язычества и жили не въ Палестинѣ или въ какой-нибудь изъ странъ разсѣянія (Іак. 1, 1. 1 Петр. 1, 1); а близость, въ какой писатель представлятся здѣсь по отношенію къ читателямъ (2, 7. 13. 14. 19. 21. 24. 26), и намеки на заблужденія, примѣчаемыя преимущественно въ Церквахъ, упомянутыхъ въ Апокалипсисѣ (2, 3. 4. 3, 15 — 17), дѣлаютъ вѣроятнымъ, что писатель имѣлъ въ виду особенно христіанъ малоазійскихъ. Наконецъ отсутствіе надписи и привѣтствій—этой обыкновенной формы посланій ([46]), даже соборныхъ (Іак. 1, 1. 1 Петр. 1, 1. 5, 13), соблюденной самимъ Іоанномъ въ въ другихъ писаніяхъ (2 Іоанн. 1, 13. 3 Іоан. 1, 15. Ап. 2, 1. 8 и т. п.), естественно наводитъ на мысль, что *посланіе*, будучи предназначено для *отправленія*

нихъ жалуется на недостатокъ матеріаловъ для письма (2 посл. ст. 12; 3 п. 13). Но Апостолъ не говоритъ: *не могохъ* или *не могу*, а: *не восхотѣхъ хартіею и чернилами, не хощу черниломъ и тростію писати тебѣ.*

([45]) См. въ особ. *Евсев.* 5, 18. стр. 297.

([46]) *Michaelis.* Einl. in d. N. B. 2, 12 30. 3 Ausz.

къ Церквамъ, болѣе или менѣе отдаленнымъ отъ писателя, назначалось, во-первыхъ, для какой-нибудь Церкви ближайшей, всего вѣроятнѣе, для Церкви ефесской, и передано ей *лично* отъ писателя, какъ письменная *бесѣда* о Вѣрѣ. Сiе совершенно согласно съ тѣмъ, что разсказывается о повременныхъ посѣщенiяхъ Апостоломъ Церквей Малой Азiи и о постоянномъ пребыванiи его съ Церковiю Ефеса ([47]).

У нѣкоторыхъ писателей западной Церкви, напр. у *Августина* (Tractat in ep. Iohannis; Quaest. Evang. 11, 39) и *Кассiодора* (de instit. divin. litter. c. 14; Complex. ed. a Scip. Mais. Flor. 1721, p. 118), также какъ въ нѣкоторыхъ латинскихъ рукописяхъ *Scholz* N. T. 2, 155. (и въ одной греч. 14 или 15 в.—62. Cod. ap. *Griesb.*) приводится это посланiе съ надписью: *ad Parthos*,—впрочемъ не какъ новою, а уже довольно извѣстною (иначе Августинъ едва ли оставилъ бы ее — ошибочную, какъ сейчасъ увидимъ, безъ изъясненiя. Совершенное молчанiе древности о проповѣди Iоанна у Пароянъ, между тѣмъ какъ посланiе представляетъ его въ близкомъ отношенiи къ читателямъ; совершенное отсутствiе такой мысли о назначенiи посланiя въ древнихъ письменныхъ памятникахъ до 3 вѣка, знающихъ это посланiе подъ однимъ наименованiемъ — *соборнаго*; равно какъ написанiе его на языкѣ греческомъ, а не арамейскомъ, на какомъ слѣдовало бы писать для Пароянъ (судя по примѣру *Флавiя*, который свою исторiю объ iудейской войнѣ, предназначавшуюся для ἀνα βάρβαροι т. е. для Iудеевъ, жившихъ въ Пароiи, Вавилонiи, и пр. писалъ первоначально на языкѣ арамейскомъ), — все это показываетъ, что приведенная надпись ложна. Обыкновенно объясняютъ ее, какъ ошибку переписчиковъ, впрочемъ вкравшуюся въ рукописи рань-

(47) *Евсев.* 3, 23. Нѣкоторые, на основанiи частыхъ наставленiй о любви (2, 5. 9—11. 15. 3, 1. 11. 12. 14. 18. 23. 4, 7—10. 12. 16—21. 5, 1—3) полагали, что посланiе писано къ одной лишь Церкви ефесской (сн. Ап. 2, 4); но противъ этого говоритъ, 5, 21. сн. Ап. 2, 6.

ше 4-го вѣка. Ошибка эта образовалась или а) такъ: кто-нибудь изъ древнихъ присовокупилъ ко 2-му посланію Іоанна, на основаніи извѣстнаго взгляда (Secunda Ioh. ep., quae *ad virgines* scripta est, simpliciss. est. *Clem.* Alex. in Adumbr. Opp. t. II, p. 1011 ed. Pott. cfr. *Theodor.* in 2 Cor. 11, 2), слова: πρὸς παρθένους, исказившіяся потомъ въ πρὸς Πάρθους (что, дѣйствительно, и читается въ рукописяхъ этого посланія или какъ надпись его — *Mill.* N. T. Proleg. num 1463; *Lamy* de erud. Ap. P. II, c. 17, p. 796; или какъ подпись—*Scholz.* N. T. 2, 157); а другой, умозаключивъ, будто означенная приписка (въ числѣ множествен.) неумѣстна въ посланіи къ избранной госпожѣ (число единств.) и скорѣе можетъ относиться къ лицамъ *дѣвственно*-чистыхъ нравовъ (ad ecclesias nulla haeresi corruptas), т. е. къ читателямъ перваго посланія (sic!), помѣстилъ при немъ эту приписку, — что особенно легко могло случиться по поводу тѣхъ рукописей, гдѣ эти слова составляли надпись 2-го посланія, помѣщеннаго сряду за 1-мъ. Или это произошло б) отъ того, что въ какой-нибудь древней рукописи греческой 1-е посланіе Іоанна, на основаніи сходства его какъ соборнаго, съ предшествующими ему, также соборными посланіями Петра и Іакова, назначенными παρεπιδήμοις или ταῖς ἐν τῇ διασπορᾷ, — надписывалось: πρὸς τοὺς διασπαρσαμένους, что въ латинскихъ рукописяхъ перешло въ *ad sparsos* и исказилось изъ него въ *ad Parthos* (иногда же еще въ *ad Spartos*, какъ читается въ одной библіи 11-го вѣка). Или наконецъ явилось это выраженіе, в) какъ искаженіе латинскимъ писцемъ греческой надписи: παρθένου, — наименованіе, подъ какимъ рано уже былъ извѣстенъ св. Іоаннъ Богословъ (*Augustin.* de bono conjug. 21; *Epiph.* Haer. 51; 12; 78, 10; *Феофил.* prooem. in Iohan.) и которое встрѣчается въ надписаніи Апокалипсиса, въ одной рукописи 12-го в. (30 cod. ap. *Griesb.*) (48).

(48) Изъ ложной надписи—*ad Parthos* образовалось, вѣроятно, и позднее преданіе о проповѣди Іоанна у Парѳянъ.—О мнѣніи (ложно выводимомъ изъ 3 Іоанн. 1, 9. 1 Кор. 1, 14), будто посланіе назначалось для церкви *коринѳской*, и о другомъ мнѣніи, будто оно было писано, прежде разрушенія Іерусалима, для обращенныхъ Іудеевъ

Побужденія къ написанію посланія и цѣль его.

Однимъ изъ побужденій къ написанію посланія послужило значительное распространеніе въ Малой Азіи неправильнаго ученія о лицѣ Сына Божія (1 Іоан. 2, 23), Іисуса Христа. Еще св. Апостолъ Павелъ съ большою скорбію смотрѣлъ на то направленіе человѣческаго ума, какое принялъ онъ въ лицѣ нѣкоторыхъ послѣдователей восточной философіи, пытавшихся соединить ее съ догматами Христіанства, какъ нѣкогда соединяли ее съ вѣроученіемъ іудейскимъ,— направленіе ума, вышедшаго изъ послушанія Вѣрѣ, дѣйствовавшаго по стихіямъ міра, а не по Христѣ, производившаго больше споры, нежели Божіе назиданіе въ вѣрѣ, и извѣстнаго подъ именемъ лжеименнаго знанія. Неоднократныя предостереженія его противъ этого зла, обращенныя особенно къ вѣрующимъ малоазійскимъ (Колосс. 2, 8. 1 Тим. 1, 3. 4. 6, 20. Дѣян. 20, 29. 30), у которыхъ оно болѣе, чѣмъ гдѣнибудь, проявлялось, не произвели всего своего спасительнаго дѣйствія. Отъ кончины Апостола языковъ протекло тридцать лѣтъ. Успѣхи ложнаго направленія становились ощутительнѣе. Стараясь все подводить подъ законы ограниченныхъ умопредставленій и все, неподходящее подъ нихъ, отвергая, какъ нелѣпое, лжеучители, между прочимъ, коснулись и высочайшаго таинства вѣры — соединенія въ лицѣ Іисуса Христа двухъ безконечно—разстоящихъ между собою естествъ, божескаго и человѣческаго. Они не допускали самаго факта воплощенія Сына Божія — ни со сто-

---

Галилеи (противъ этого говоритъ уже 5, 21) см. *Berthold.* Einl. S. 3204.

роны дѣйствительности (*ἐν σαρκὶ ἐληλυθότα* 1 Іоанн. 4, 3), извѣствованной преданіемъ (1, 1 и д. 4, 14), единственно — вѣрнымъ, въ этомъ случаѣ, ключемъ разумѣнія истины, ни со стороны возможности (*ἐρχόμενον ἐν σαρκὶ* 2 Іоанн. ст. 7), отвергаемой умомъ, дерзновенно и превратно отнесшимся къ веліей благочестія тайнѣ, которая разумѣвается только вѣрою, какъ и всѣ тайны (Евр. 11, 3). Что Сынъ Божій воспріялъ человѣческое естество въ единство ѵпостаси (Іоанн. 1, 14), что Онъ родился отъ Дѣвы, вкушалъ пищу и питіе, былъ взятъ и распятъ при Пилатѣ, умеръ плотію и плотію воскресъ, это было неистинно (*ἀληθῶς*), а только *повидимому*,—такъ говорили лжеучители, которые, лучше сказать, сами существовали только *повидимому*, какъ выражается св. Игнатій Богоносецъ, ближайшій антагонистъ ихъ послѣ Апостола (откуда и само заблужденіе получило впослѣдствіи имя *докетизма*) ([49]). Ниспровергая православную вѣру въ самомъ ея основаніи (1 Іоанн. 2, 22 — 24), льстя уму, отвлекая отъ общенія съ Апостолами (4, 19. 26 сн. 1, 3), это заблужденіе не для всѣхъ, однако, представлялось заблужденіемъ: многочисленные представители его (4, 1 сн. 2 Іоан. ст. 7) вышли изъ самаго христіанскаго общества; но не всѣ знали, что они не одного съ нимъ духа (1 Іоанн. 4, 19),—и

([49]) *ὥσπερ ἄπιστοί τινες λέγουσιν τὸ δοκεῖν αὐτὸν πεπονθέναι, αὐτοὶ τὸ δοκεῖν ὄντες*. Ep. ad Smyrn. c. 2. (подобную фразу о еретикахъ, хотя о другихъ, употребляетъ также *Евсевій* 3. 24. стр. 163). Cfr. c. 3. 4. 5. 12; Ep. ad Ephes. c. 7; ad Trall. c. 9. 10; Ad Magnes. c. 9. 11. Наименованіе *δοκηταί* встрѣчается въ первый разъ у Серапіона антіохійскаго (во 2 в.; *Евсев*. 6, 12 стр. 140); назывались еще: *φαντασιάσταί*' *φαντασιαδοκηταί*, *opinarii*, *opinati*. Но самая мысль ихъ была еще въ 1-мъ вѣкѣ (сн. Іоанн. 19, 34).

увлекались лжеученіемъ тѣмъ болѣе, что оно преподаваемо было съ живѣйшими признаками будтобы дѣйствовавшаго въ лжеучителяхъ божественнаго Духа (4, 1—3). Св. Іоаннъ Богословъ, стоя на рубежѣ двухъ вѣковъ единственнымъ лицемъ изъ сонма богоизбранныхъ самовидцевъ Слова, какбы свѣтильникомъ, долѣе всѣхъ ихъ горѣвшимъ и свѣтившимъ на всю поднебесную Церковь, по волѣ ея небеснаго Основателя (*хощу, да той пребываетъ* Іоан. 21, 22), не могъ безъ скорби и туги сердца смотрѣть на эту хулу противъ возлюбленнаго Учителя и Господа ([80]), которая была вмѣстѣ хулою на все Евангеліе, — и въ *предостереженіе* отъ *лжеучителей* написалъ посланіе. Такое побужденіе и такую цѣль можно выводить изъ извѣстной намъ, по исторіи, попечительности Евангелиста Іоанна о Церквахъ малоазійскихъ, изъ сильныхъ прещеній противъ докетизма въ посланіяхъ упомянутаго выше мужа апостольскаго — Игнатія къ малоазійскимъ христіанамъ, изъ словъ св. Діонисія Александрійскаго ([81]), и изъ самаго посланія Апостола. Здѣсь указываются признаки лжеучителей (1 Іоанн. 4, 1—3) ([82]) и представляются неопровержимыя осно-

([80]) Также выраженіе св. *Игнатія* Антіохійскаго (ер. ad Smyrn. с. 5): *τί γαρ μὲ ὀφελεῖ τις, ει ἐμὲ ἐπαινεῖ, τὸν δὲ Κύριον μοῦ βλασφημεῖ μὴ ὁμολογῶν αὐτὸν σαρκοφόρον.*

([81]) «Это (1 Іоанн. 1, 1. 2) поставилъ онъ напереди, направляя свою рѣчь, какъ показалъ впослѣдствіи, противъ тѣхъ, которые говорили, будто Господь пришелъ не во плоти; потому-то и присоединилъ съ осмотрительностію: *и еже видѣхомъ свидѣтельствуемъ и возвѣщаемъ вамъ животъ вѣчный, иже бѣ у Отца и явися намъ; еже видѣхомъ и слышахомъ, повѣдаемъ вамъ* (ст. 2, 3)». У *Евсев.* 7. 23. стр. 442 — 443.

([82]) Указаніе въ этомъ мѣстѣ на докетовъ видѣлъ уже Поликарпъ Смирнскій—Ер. ad Philipp.

ванія здраваго ученія о Іисусѣ Христѣ, какъ истинно воплотившемся Сынѣ Божіемъ—въ свидѣтельствѣ собственнаго опыта писателя, какъ самовидца Слова (1, 1 и д. 4, 14)), въ свидѣтельствѣ небесномъ Тріединаго Бога, въ свидѣтельствѣ земномъ — воды, духа и крови (5, 6 и сл.), въ свидѣтельствѣ собственнаго сердца истинно-вѣрующихъ (5, 10), неложно увѣряемыхъ въ истинѣ истиннаго ученія живущимъ въ нихъ Духомъ (3, 24. 4, 13), помазаніемъ отъ Святаго (2, 20. 27), а равно и живымъ ощущеніемъ начатковъ вѣчной жизни (5, 11).

Но, какъ все это ни важно, справедливость требуетъ сказать, что приведенныя мысли являются въ посланіи не прямымъ, а косвеннымъ образомъ, или что указанныя побужденіе и цѣль не были единственными. Вниманіе къ содержанію и особенно къ духу посланія указываетъ намъ еще на другое побужденіе къ его написанію и, соотвѣтственно тому, на другую цѣль.

Это — крайній разладъ между вѣрою и жизнію, какой примѣчаемъ былъ у современныхъ христіанъ, въ особенности у мало-азійскихъ (религіозный индифферентизмъ). Уже и въ самыя первыя времена Христіанства не всѣ принимали и хранили божественную Вѣру съ одинаково-сильнымъ чувствомъ ея потребности и съ одинаковою искренностію, — хотя тогда всего этого слѣдовало ожидать, тѣмъ скорѣе, чѣмъ возвышеннѣе должно было являться Евангеліе послѣ множества древнихъ религіозныхъ вѣрованій и философскихъ исканій верховнаго блага, тревожно утомлявшихъ мысль и сердце, но къ своей цѣли не приводившихъ. Теперь Христіанству было сто лѣтъ. Во мно-

гихъ Церквахъ образовалось уже второе поколѣніе вѣрующихъ (1 Іоанн. 2, 13. 14). Вѣрою простою и безусловною слишкомъ многіе не довольствовались, чему немало способствовали, конечно, и непризванные разсказщики преданія, указываемые уже Евангелистомъ Лукою (1, 1), равно какъ и попечительностію пастырей Церкви о сохраненіи истины въ письменныхъ памятникахъ ([85]). Явилось сомнѣніе (рефлексія), — не всегда сомнѣніе вѣры, ищущей разумнаго убѣжденія въ томъ, что искренно принято сердцемъ, твердо хранится имъ и проникаетъ всю жизнь, но, по большей части, сомнѣніе невѣрія, которое бѣжитъ истины. И какъ такое сомнѣніе коснулось уже нѣкоторыхъ сторонъ христіанскаго вѣроученія о жизни и лицѣ Богочеловѣка; такъ коснулось оно и христіанскихъ правилъ поведенія у тѣхъ лицъ, на которыхъ сильно дѣйствовалъ духъ страстныхъ стремленій ветхаго человѣка или, говоря языкомъ Іоаннова посланія, духъ міра, лежащаго во злѣ (2, 15. 5, 19). Стали думать, что можно быть и въ общеніи съ Богомъ, гдѣ свѣтъ, святость, истина, любовь совершеннѣйшая, и—въ общеніи съ міромъ, гдѣ тьма, грѣхъ, ложь и ненависть (2, 15). Считали себя знающими Бога, исповѣдниками Его — чистѣйшаго свѣта; а всей ревности о святости, о соблюденіи заповѣдей Божіихъ, особенно заповѣди важнѣйшей, касательно любви къ ближнему, — не имѣли (2, 4. 3, 3. 6. 4, 8). Хотѣли пользоваться плодами искупительной жертвы Сына Божія и не пламенѣли всякою враждою ко грѣху, на разрушеніе котораго и пришелъ Искупитель (3, 8). Съ раз-

([85]) *Евсев.* Ист. 3, 24. 6, 14 стр. 151. 144.

дѣленіемъ сердца между Богомъ и міромъ, какбы между двумя владыками или друзьями (Мѳ. 6, 24. Іак. 4, 4), съ забвеніемъ о всецѣло — проникающей человѣка вѣрѣ, какъ объ основномъ началѣ жизни (1 Іоанн. 5, 1. 4, 5),—понятіе о добродѣтели и грѣхѣ затмилось. Истинно-христіанская жизнь наша должна устрояться по образу и по подобію святѣйшей жизни Іисуса Христа, съ совершенною враждою къ неправдамъ и похотямъ міра; это одна изъ первыхъ мыслей въ Христовомъ словѣ о благочестіи (1 Петр. 1, 14. 15. 2 Петр. 1, 4. 5. Іак. 1, 27. Рим. 8, 7. Еф. 4, 21 и д.): теперь она была или неясною въ умѣ или неживою въ сердцѣ и незамѣтною въ поведеніи (1 Іоанн. 3, 3. 7. 10). Идея строгаго нравственнаго закона, осуждающаго всякое грѣховное влеченіе, —идея, проникающая все Евангеліе, была забыта или изъясняема превратно: можно, полагали, дѣлать то, что обыкновенно называется *грѣхомъ* (ἁμαρτία), и въ тоже время не быть творцемъ *беззаконія, неправды* (ἀνομία, ἀδικία—3, 4. 5, 17), не терять, слѣдовательно, значенія нашего, какъ чадъ Бога, котораго мы не думаемъ оскорблять, потому что любимъ Его (3, 9), готовы слушать Его откровенія (4, 1), падаемъ же только по немощи, по увлеченію, искушенію и т. п. Блестящій софизмъ двоедушія, холодности къ вѣрѣ и увлеченія духомъ міра (2, 16. 17), — впрочемъ, рано уже встрѣчаемый нами, хотя въ менѣе развитой формѣ, у христіанъ пятидесятыхъ годовъ столѣтія (1 Кор. 6, 12. 10, 23. Гал. 5, 13). Нельзя утверждать съ рѣшительностію, чтобы такой индифферентизмъ выражался у читателей посланія крайностями николаитскаго

распутства ([84]), хотя подобное ему употребленіе свободы для прикровенія злобы (2 Петр. 2, 16) было уже извѣстно въ Малой Азіи (Апок. 2, 14. 15. 20. 21). Но и кромѣ этого, могли быть другіе виды практическаго употребленія ложной мысли о грѣхѣ, отвергавшей тождество сущности изъ-за различія формы; таково напр. посѣщеніе идольскихъ капищъ или семействъ идолопоклонниковъ (1 Іоанн. 5, 21 сн. 1 Кор. 10, 14), съ которыми связаны были вѣрующіе какими-нибудь отношеніями родства, знакомства, пріязни, — посѣщеніе, которое не подобало исповѣдникамъ единаго истиннаго Бога (1 Іоанн. 5, 20) и которое, по своимъ слѣдствіямъ, могло быть опасно для нравственности, такъ какъ лукавый не прикасается только къ тому, кто блюдетъ себя (ст. 18). Наконецъ изъ того же состоянія — раздѣлившагося сердца, ни холоднаго, ни теплаго (Ап. 3, 15) — проистекало еще новое слово объ исполненіи закона Господня: *тяжело* (1 Іоанн. 5, 3). Чѣмъ опаснѣе было такое положеніе вѣрующихъ (сн. Ап. 3, 15—17) и чѣмъ болѣе утверждалось оно на неправильномъ понятіи о богообщеніи, тѣмъ болѣе открывалась необходимость вразумить ихъ, исправить это понятіе, или обстоятельно *раскрыть истинный характеръ богообщенія*, въ руководство къ жизни, основанной на божественной Вѣрѣ,—и вотъ другая цѣль посланія. Первая и главная цѣль его, такъ сказать, теоретическая, указанная выше — опроверженіе лжеучителей, была уже положена

([84]) Indiscrete, ἀδιαφόρως, vivunt. *Iren.* adv. Haeres. 1, 27. *Для* такого утвержденія можно бы пожелать въ посланіи болѣе яснаго намека, нежели 5. 21. сн. и Ап. 2, 6.

въ основаніе другаго писанія Іоаннова — Евангелія: *сія писана быша, да вѣруете, яко Іисусъ есть Христосъ сынъ Божій, и да вѣрующе, животъ имате во имя его* (Іоан. 20, 31). Но не всѣ вполнѣ понимали существо этой вѣры, приносящей жизнь: требовалось опредѣлить его явственнѣе (explicite), требовалось твореніе съ цѣлію чисто — практическою,—и явилось посланіе: *и сія есть заповѣдь его, да вѣруемъ во имя Сына его Іисуса Христа и любимъ другъ друга, якоже далъ есть заповѣдь намъ* (Іоанн. 3, 23. сн. 5, 13. 20). Въ этомъ отношеніи оно можетъ быть названо дополненіемъ Евангелія ([55]). — Указанной цѣли соотвѣтствуетъ все.

Содержанія посланія.

Христіанство есть общеніе человѣка съ Богомъ, основанное на вѣрѣ въ Сына Божія Іисуса Христа и состоящее въ тщательнѣйшемъ, изъ любви къ Богу, исполненіи святой воли Его, особенно же той заповѣди, исполненіе которой самъ Сынъ Божій поставилъ отличительнымъ признакомъ учениковъ Его—заповѣди о взаимной любви вѣрующихъ: такова главная мысль посланія. Проводя эту мысль чрезъ все посланіе, св.

([55]) Говоримъ: въ этомъ отношеніи, — но не въ какомъ-нибудь другомъ, наприм. не въ значеніи *второй части* въ составѣ Евангелія, какъ думали нѣкоторые. Мнѣніе невѣрное, не столько, впрочемъ, потому, что въ посланіи есть обращенія къ читателямъ (2, 1. 7. 13. 14. 18. 28. 3, 18. 21. 4, 1 — 7. 11) (они встрѣчаются и въ Евангеліи, хотя, по свойству историческаго произведенія, не столь часто 19, 20. 31), сколько потому, что вся древняя Церковь, вслѣдствіе преданія, конечно, современнаго происхожденію апостольскаго произведенія, составляющаго предметъ нашей рѣчи, смотрѣла на него, какъ на отдѣльное отъ Евангелія, и именно, какъ на посланіе (см. нѣк. примѣчанія въ началѣ статьи). Впрочемъ, уже само Евангеліе свидѣтельствуетъ о себѣ, какъ о цѣломъ законченномъ твореніи (20. 30).

Апостолъ преимущественно раскрываетъ практическую ея сторону, и здѣсь распространяется, въ особенности, о любви: о ея необходимости и характерѣ, равно какъ и о побужденіяхъ къ ней,—что̀ замѣчено уже древними, напр. бл. Августиномъ ([56]).

Форма посланія и расположеніе его предметовъ.

Что касается до формы посланія, то утвержденіе въ вѣрѣ и изображеніе святой жизни по вѣрѣ предлагаются здѣсь не въ строгой раздѣльности между собою, но въ связи неразрывной. Мысли высказываются, по большей части, въ краткихъ изреченіяхъ и увѣщаніяхъ. Часто повторяется одна и таже мысль, хотя всегда съ какою-нибудь особенностію. Переходы рѣзко не разграничиваются. Вообще въ посланіи не замѣтно строгаго діалектическаго порядка, какой примѣчаемъ мы напр. въ посланіяхъ Ап. Павла. Тѣмъ не менѣе, оно далеко не представляетъ отрывочнаго сборника мыслей (афоризмовъ, въ родѣ Притчей Соломона), какимъ почитали его нѣкоторые ([57]). Апостолъ пишетъ отъ сердца, исполненнаго живѣйшей любви къ своимъ ученикамъ и возмущеннаго опасностями, какимъ подвергались они отъ ложныхъ учителей вѣры и особенно отъ своего собственнаго ложнаго направленія жизни. Но во всей этой безискусственной рѣчи сердца постоянно высказывается одна мысль и одно желаніе: мысль о томъ, чѣмъ испытывать себя читателямъ посланія, *въ вѣрѣ* ли они (сн. 2 Кор. 13, 5),—желаніе—воспламенить въ сердцахъ ихъ туже любовь,

---

([56]) См. примѣч. 22; также *Синопсисъ св. Пис.*, помѣщаемый между твор. св. *Аѳанасія* Александр.

([57]) *Pritii* Introduct. in lection. N. T. 105.

какою пламенѣло сердце писателя — возлюбленнаго ученика Господня ([58]).

I. Увѣривъ, что апостольская проповѣдь о явленіи на землѣ Слова жизни основывается на достовѣрномъ свидѣтельствѣ непосредственнаго опыта и не имѣетъ другой цѣли, кромѣ блаженнаго общенія христіанъ съ Отцомъ и Сыномъ,—увѣривъ съ выразительностію, достаточно говорящею противъ лицъ, которые отвергали воплощеніе, и еще болѣе свидѣтельствующею о живѣйшемъ чувствѣ радости Апостола, что самъ онъ принадлежитъ къ самовидцамъ Слова,—св. Іоаннъ предполагаетъ, что это общеніе есть у его читателей, уже слышавшихъ Евангеліе исперва, что есть, слѣдоват., у нихъ и радость о св. Духѣ, отъ сего общенія происходящая,—и потому замѣчаетъ о предметѣ и цѣли посланія такъ: оно пишется для того, чтобы радость читателей была совершенною (1, 1—4) (чтобы, слѣдов., такимъ было и общеніе, отъ котораго она происходитъ). Это—*Вступленіе*.

II. *Изложеніе* самаго ученія о богообщеніи св. Апостолъ Іоаннъ начинаетъ отъ понятія о Богѣ, какъ чистѣйшемъ свѣтѣ истины и святости, безъ всякой тьмы лжи и грѣха,—выводя отсюда заключеніе, что, слѣдовательно, кто хочетъ быть въ общеніи съ Богомъ, тотъ необходимо долженъ ходить во свѣтѣ истины и святости божественной. Имѣть общеніе съ Богомъ и ходить во тьмѣ лжи и грѣха,—это невозможно, какъ явное противорѣчіе. Только, подъ условіемъ ревности о святомъ поведеніи,—святомъ, какъ святъ Богъ, возможно общеніе христіанъ между собою и спасительное для нихъ дѣйствіе крови (или смерти) Христовой.

([58]) Succendi cor nostrum igne charitatis quaerimus? Iohannis

Конечно, мѣра богоподобной святости жизни есть только предметъ стремленія для христіанина; какъ бы ни былъ онъ святъ, въ немъ всегда есть какой-нибудь грѣхъ: этого не можетъ отвергать ходящій во свѣтѣ. Пусть же онъ признаетъ и исповѣдуетъ грѣхи свои,— и Богъ отпуститъ ихъ по своему неложному обѣтованію. А говорить, что мы безгрѣшны, значитъ и себя обманывать и дѣлать обманщикомъ Бога. Дѣти мои,— заключаетъ настоящее отдѣленіе Апостолъ: все это я пишу, чтобы внушить вамъ (не потворство грѣху, а) рѣшительную обязанность не грѣшить; впрочемъ, еслибы кто и согрѣшилъ (на пути своего стремленія къ святости), онъ не долженъ приходить въ отчаяніе, ибо Христосъ есть умилостивленіе за грѣхи всего міра (1—2, 2).

Возвращаясь къ вышесказанной мысли о хожденіи во свѣтѣ, какъ непремѣнномъ условіи богообщенія (1, 6), но уже сопоставляя ее съ неправильнымъ понятіемъ читателей о богопознаніи, Апостолъ продолжаетъ: общеніе съ Богомъ, дѣйствительно, состоитъ въ познаніи Бога. Но познаніе Бога, если оно истинное, выражается въ исполненіи заповѣдей или слова Его, какъ исполнялъ ихъ Іисусъ Христосъ; безъ сего нѣтъ любви къ Богу, нѣтъ общенія съ Нимъ (2, 3—6). Между этими заповѣдями возлюбленный ученикъ Христовъ, созерцавшій самаго Бога преимущественно въ Его качествѣ любви окомъ любви, и въ любви же заключавшій все ученіе жизни ([59]), замѣчаетъ здѣсь и, за симъ,

---

verba pensemus, cujus omne, quod loquitur, charitatis igne vaparatur. *Григор. Вел.* in Ezech. et. Homil. 15.

([59]) *Филар.* митроп. м. Бес. Авг. 17. 1852 въ прибавл. къ Тв. Св. От. XI, 352.

въ дальнѣйшемъ составѣ посланія особенно заповѣдь о любви къ ближнимъ. Возлюбленные,—говоритъ, конечно, это заповѣдь не новая, такъ какъ вы слышали ее сначала, но можно ее назвать и новою въ томъ смыслѣ, какъ исполнилъ ее Христосъ и какъ исполняютъ ее истинные послѣдователи Христовы, у которыхъ тьма невѣденія уже прошла и свѣтитъ свѣтъ боговѣдѣнія. Только свѣтъ этотъ тамъ, гдѣ любовь; гдѣ нѣтъ ея, тамъ и свѣта нѣтъ, а тьма (7—11).

Указавъ въ выраженіяхъ, приличныхъ тому или другому возрасту читателей, на полученныя ими высокія блага Христіанства, на ихъ успѣхи въ боговѣденіи и, съ нимъ вмѣстѣ, въ побѣдѣ надъ грѣхомъ (12—14), Апостолъ внушаетъ, что ученикамъ его, какъ христіанамъ, не должно имѣть привязанности къ міру и къ тому, что въ мірѣ, чѣмъ питается сластолюбіе, корыстолюбіе, честолюбіе: любовь къ міру несовмѣстна съ любовію къ Отцу; и только тотъ пребываетъ вѣчно, кто, любя Отца, исполняетъ волю Его, міръ же преходитъ, какъ и похоть его (15—17). Дѣти! Это нужно помнить, тѣмъ болѣе, что конецъ міра недалекъ: знаменіе его кончины—пришествіе антихриста—уже открывается въ появленіи множества лжеучителей, предтечей его, отдѣлившихся отъ насъ, отъ духа нашей (истинной апостольской) Церкви. Впрочемъ, онъ—Апостолъ Іоаннъ знаетъ, что чадамъ его это не безъизвѣстно: преподанное имъ сначала и запечатлѣнное помазаніемъ Духа Святаго ученіе достаточно предохраняетъ ихъ отъ обмана и научаетъ всему нужному. Пребывайте же въ немъ, говоритъ, и впредь, дабы, когда наступитъ (кончина міра или второе) пришествіе Господне, вамъ срѣтить его непостыдно (18—28).

Новое основаніе и побужденіе къ совершеннѣйшей святости жизни или къ очищенію себя отъ всякаго грѣха, Апостолъ указываетъ въ понятіи о христіанахъ, какъ чадахъ Божіихъ: высокое преимущество, возлюбленные! Но все величіе его откроется только впослѣдствіи. Кто не творитъ правды и не любитъ брата своего, тотъ не отъ Бога, а отъ діавола, подобно Каину братоубійцѣ. А жизнь христіанина въ томъ и состоитъ, чтобы не творить грѣха и любить ближняго, по примѣру Іисуса Христа, положившаго за насъ душу свою, не на словахъ любить — *чадца моя!* — но на дѣлѣ, не притворно: здѣсь, возлюбленные! успокоеніе совѣсти нашей и основаніе нашего дерзновенія предъ Богомъ (29 — 3, 22). Само собою разумѣется, что это не какая-нибудь любовь, а основанная на Вѣрѣ; ибо намъ заповѣдано исполнять заповѣди Божіи, вѣруя въ Сына Божія Іисуса Христа и любя другъ друга: только при такомъ исполненіи заповѣдей, возможно богообщеніе. А что мы его, дѣйствительно, сподобились, это узнаемъ по данному намъ свыше Духу Божію (23. 24).

Мысль о Духѣ Божіемъ, несомнѣнномъ удостовѣрителѣ нашего богообщенія, заставляетъ Апостола прервать на время свою любвеобильную рѣчь о братолюбіи, предостереженіемъ отъ современныхъ лжепророковъ, въ которыхъ также примѣчаемо было вдохновеніе, хотя не отъ Духа Божія: ихъ признакъ, говоритъ Іоаннъ, есть отрицаніе воплощенія Сына Божія. Впрочемъ, сколь ни силенъ выражающійся въ семъ отрицаніи духъ лестчій, духъ міра, христіане не должны малодушествовать; потому что Духъ, въ нихъ пре-

бывающій, сильнѣе того, который въ мірѣ: дѣти вы отъ Бога, и побѣдили ихъ (4, 1 — 6)!

За симъ, возвращаясь къ прерванной бесѣдѣ о любви *(возлюбленніи, возлюбимъ другъ друга)*, продолжаетъ: Богъ есть любовь, и любовь отъ Бога, такъ что кто не любитъ, тотъ не чадо Божіе и не знаетъ Бога (7. 8). А что Онъ, дѣйствительно, любовь, это видно изъ посланія къ намъ, и притомъ грѣшникамъ, Единороднаго Сына Божія, — изъ посланія, котораго мы Апостолы были очевидными свидѣтелями (9 — 16). Подобно любви Божіей, и наша любовь должна быть любовію совершенною, до такой степени, чтобы въ насъ не было страха, а было дерзновеніе въ день судный (17 — 19). Но любовь къ Богу отъ любви къ ближнему неотдѣлима; ибо нельзя любить Бога невидимаго, не любя ближняго, котораго видимъ (20. 21).

Еще разъ (какъ въ гл. 3, 23) замѣчая, о какой любви къ ближнимъ говоритъ онъ, о любви т. е. къ нимъ, какъ чадамъ одного Отца небеснаго, проистекающей изъ любви къ рождшему насъ Богу и изъ желанія соблюдать заповѣди Его,—Апостолъ прибавляетъ, что это вовсе не тяжело, такъ какъ у рожденныхъ отъ Бога есть сила, побѣждающая міръ со всѣми его искушеніями: это вѣра въ Сына Божія (5, 1 — 6). Возведши такимъ образомъ и начало и совершенство святой христіанской жизни къ одному основанію — Вѣрѣ, св. Апостолъ, въ виду современныхъ сомнѣній, приводитъ несомнѣнныя свидѣтельства въ ея истинности, утверждающія, что Іисусъ есть дѣйствительно Мессія, дарующій вѣчную жизнь своимъ послѣдователямъ (7— 13).

III. Въ *заключеніе* Іоаннъ говоритъ о нашемъ дерзновеніи предъ Богомъ въ молитвахъ (14. 15), — какъ объ одномъ изъ выраженій той совершенной радости духовной, которая есть плодъ совершеннаго, сколько возможно на землѣ, общенія съ Богомъ и для произведенія которой онъ, какъ уже сказано въ началѣ, рѣшился писать посланіе (ст. 1, 4. 3, 21. 4, 17). Послѣ увѣщанія къ молитвѣ вообще, Апостолъ, по закону взаимнаго общенія вѣрующихъ, лежащему въ идеѣ истиннаго богообщенія, внушаетъ молитву за впадающихъ въ прегрѣшенія братій, при чемъ различаетъ грѣхъ къ смерти и грѣхъ не къ смерти (16. 17). Далѣе, переходитъ къ естественно-представляющемуся здѣсь различенію чадъ Божіихъ, хранящихъ себя отъ грѣха, и міра, который весь лежитъ во злѣ (18. 19). Наконецъ въ виду сего различенія (сн. ст. 5), возбудивъ въ читателяхъ сознаніе ихъ живаго общенія съ единымъ истиннымъ Богомъ и Сыномъ Его Іисусомъ Христомъ, предостерегаетъ отъ (боговъ не-истинныхъ или отъ) идоловъ (20. 21).

Пособіе къ правильному уразумѣнію посланія —

Представляютъ толкованія на первое посланіе Іоанна — бл. *Августина* (60), *Дидима* Александр. (61), *Экуменія* (62), *Феофилакта* болгарск. (63) и нѣкоторыя другія, помѣщенныя въ катенахъ у *Крамера* (64); на

(60) In Epistol. Joh. ad Parthos tractatus decem. — Opp. ed. Antwerp. 1700. 3, 601 squ.

(61) In Biblioth. max. patr. Lugd. 1677. IV, 319. squ.

(62) Opp. ed. Par. 1631 t. 2.

(63) Opp. ed. Finetti. Venet. 1758 t. 3.

(64) Ed. Oxonii 1844. t. 8. p. 105 — 145. Толкованія *Діодора*

славянскомъ языкѣ: толкованіе *Гавріила*, митрополита новгородскаго и с. петербургскаго (**).

М. Голубевъ.

Тарсійскаго, *Злат.* (Suid. sub his nom.), *Ефрема Сирина* (изъяснявшаго Писаніе 'до послѣдней благодатной книги, по свидѣтельству Григорія Нисскаго) не дошли до насъ. О древнѣйшихъ изъясненіяхъ *Климента александр.* (*Евс.* Истор. 6, 14. стр. 343), сохранившихся въ отрывкахъ, въ латин. переводѣ *Кассіодора* (Biblioth. P. t. 3), послѣ неблагопріятнаго о нихъ отзыва *Фотія* (cod. 109), можно не упоминать.

(**) Изд. 1794. М.—

РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ СИНОДАЛЬНЫМЪ ЧЛЕНОМЪ, ПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ ЕВГЕНІЕМЪ, АРХІЕПИСКОПОМЪ ПСКОВСКИМЪ И ПОРХОВСКИМЪ, ПРИ ВСТРѢЧѢ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ВЪ ПСКОВСКОМЪ КАѲЕДРАЛЬНОМЪ ТРОИЦКОМЪ СОБОРѢ 10 НОЯБРЯ 1859 ГОДА.

Благочестивѣйшій Государь!

Мы срѣтаемъ Тебя на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ святая благовѣрная княгиня Ольга увидѣла три лучезарные свѣта, сходящіе съ неба на землю и трисіяннымъ свѣтомъ озарившіе сіе мѣсто. Богомудрая, уразумѣвъ тайну того чуднаго явленія, сказала окружающимъ ее: *разумно вамъ да будетъ, яко изволеніемъ Божіимъ на семъ мѣстѣ имать быти церковь* во имя *Святыя*, Единосущныя, Животворящія и Нераздѣлимыя *Троицы*.—И святая Ольга на семъ самомъ мѣстѣ соорудила *первый* храмъ Пресвятыя Троицы (¹).—Мы срѣтаемъ Тебя въ семъ священномъ храмѣ, гдѣ почиваютъ мощи святыхъ благовѣрныхъ князей Гавріила, и Довманта, и святаго праведнаго Николая — *псков-*

(¹) См. Чет. Мин. іюля 11 дня; Историческое описаніе Пскова *Ильинскаго*.

скихъ чудотворцевъ: и подъ ихъ-то благодатнымъ осѣненіемъ мы всегда молимся о Твоемъ здравіи, спасеніи, благоденствіи и долгоденствіи, и о мирномъ сохраненіи царства Твоего. Мы уповаемъ, что наши молитвы о Тебѣ, соединяемыя съ молитвами святыхъ угодниковъ Божіихъ, здѣсь почивающихъ,—*услышитъ Господь съ небесе святаго своего, и дастъ Тебѣ по сердцу Твоему, и весь совѣтъ Твой исполнитъ* (Псал. 19, 5 и 7 ст.).

РѢЧЬ,

ГОВОРЕННАЯ ПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ ФИЛАРЕТОМЪ АРХІЕПИСКОПОМЪ ЧЕРНИГОВСКИМЪ ПРИ ПЕРВОМЪ ПОСѢЩЕНІИ НОВОЗЫБКОВСКИХЪ ЕДИНОВѢРЧЕСКИХЪ ЦЕРКВЕЙ.

Благодареніе Господу, что на мѣстахъ вражды, столько неугодной Ему, вижу водвореніе мира—дара благодати Его,—на мѣстахъ ненависти къ святыни Божіей вижу искреннее благоговѣніе къ порядку, устроенному не людьми. Да воздастъ вамъ, братія, Господь Богъ дарами благодати за то утѣшеніе, которымъ полна душа моя, смотря на нелицемѣрное благочестіе ваше!

Недавно посѣщалъ я бывшій монастырь казанскій. Искренно говорю вамъ, братія мои, тяжкія, горкія чувства тяготили душу мою, когда осматривалъ его. На чтò ни смотрѣлъ я, вырывался изъ глубины души вопросъ: и это—монастырь? И это—обитель лучшаго порядка нравственнаго? Отъ каждой кельи выходъ въ селеніе мірское! Значитъ, каждая живущая шла, куда хотѣла, и жила, какъ хотѣла. Никакому начальству, никакому надзору—тутъ дѣлать нечего.— Кучки сельскихъ избъ—монастырь! Ни трудовъ общаго послушанія, ни общей трапезы—и слѣдовъ нѣтъ. Нѣтъ, это—не монастырь; это—насмѣшка духа злобы

надъ святымъ именемъ монастыря. Нѣтъ,—вовсе не того желали, не то устрояли св. начальники монастырской жизни,—св. Өедоръ Студитъ, св. Аөанасій аөонскій.—Боже мой! Боже мой! до чего доходитъ ослѣпленіе людей? «Что это за погань—младенецъ, рожден«ный въ дѣвичьемъ монастырѣ и утопленный въ ко«лодезѣ? Вотъ погань-то съ зыбкой: пелена съ четве«роконечнымъ крестомъ найдена въ колодезѣ». Такъ говорила питомица здѣшнихъ наставниковъ! Невольно припоминается пророчество Апостола: *послетъ имъ Богъ дѣйство лсти, во еже вѣровати имъ лжи* (2 Сол. 2, 11). Не страшную ли ложь принимали и передавали эти люди? Кто бы могъ подумать, чтобы убійство людей, грабежи, разбои, ненаказываемыя злодѣйства могли быть выхваляемы наставникомъ спасенія душевнаго? А это было у здѣшнихъ учителей раскола. Для чести человѣчества не хотѣлось бы вѣрить, что это было; но цѣлъ письменный памятникъ. Безстрашно обращая на злое слово Господа, здѣшній наставникъ писалъ: «Ангелу воронковской церкви напиши: вѣмъ твоя дѣла и трудъ твой, его же подъемлеши на избіеніе трудниковъ и старцевъ, хотящихъ разрѣшитися отъ суетнаго міра сего и пріяти вѣнцы со отцы брынскими. Сего ради зѣло накажутся—поносящіе твое имя, хлопальщики, млатобойщина.—Дерзай, чадо мое возлюбленное, и не преставай умножати число мучениковъ: никто тя не одолѣетъ ни въ судахъ стародубскихъ и губернскихъ, ни въ лѣсахъ и борахъ машевскихъ, гдѣ подвижники твои назираютъ проѣзжихъ щепотниковъ и надъ ними *мясничаютъ*». Ужасъ поражаетъ душу и проникаетъ до костей при размышленіи о такой проповѣди! Скажите,

чего добраго можетъ ожидать даже гражданское общество отъ такихъ людей? Или какой смыслъ человѣческій можетъ оправдывать терпимость въ отношеніи къ такимъ людямъ? Не скажутъ ли нынѣшнія чада раскола, что у нихъ теперь нѣтъ того? О, стоитъ только дать полную волю, дѣти далеко превзойдутъ отцевъ своихъ! Въ этомъ порука—жизнь дѣтей,—только да не возглаголютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ.

Любовь—дѣло святое, любовь—отличіе истинныхъ христіанъ. Но кому не извѣстно, какія разногласія между называемыми согласіями раскола? Одинъ толкъ до того отвращается другаго, что считаетъ оскверненіемъ ѣсть и пить изъ однихъ и тѣхъ же сосудовъ. Въ спорахъ между учителями толковъ—такая брань, такая злость, такое изступленіе, что невольно говоритъ душа: тутъ нѣтъ Христіанства.—

Апостолъ предсказалъ: *здраваго ученія не послушаютъ, но по своимъ похотемъ изберутъ себѣ учители, чешеми слухомъ* (2 Тим. 4, 3). Не выполняется ли это въ расколѣ? Малограмотные міряне, ничему не учившіеся, кромѣ азбуки, и знакомые только съ мірскимъ плутовствомъ,—пастыри духовнаго стада! Поручаютъ ли сокровище слугѣ, обокравшему прежняго своего господина? Честный человѣкъ съ негодованіемъ смотритъ на блуднаго сына, своевольно оставившаго домъ родительскій и безпутно живущаго на чужой сторонѣ. А расколъ принимаетъ только тѣхъ священниковъ, которые убѣгаютъ изъ дома Отца небеснаго, изъ Церкви Божіей. — Казалось бы, какъ не видѣть простой истины, что если принимаютъ бѣглыхъ священниковъ, почему не принять не бѣглаго? Если при-

знаютъ освящающее дѣйствіе архипастыря въ лицѣ бѣглаго священника, почему чуждаются того же самаго архипастыря? Почему не принимаютъ посылаемаго имъ лучшаго священника? *Здраваго ученія не послушаютъ, но по своимъ похотемъ изберутъ учители, чешеми слухомъ*. Вотъ апостольское объясненіе дѣламъ раскола! Расколъ принимаетъ и прогоняетъ наставниковъ по одному своему произволу; произволъ гуляетъ у него безъ узды. Хочу то, и не хочу другаго: вотъ законъ дѣлъ его! Пусть то, чего хочетъ онъ,—мелко, пусто или даже гнусно,—до того нѣтъ дѣла. *Здраваго ученія* онъ не слушаетъ. Отъ того и неисчислимое число толковъ раскольничьихъ. Наемникъ за деньги продаетъ святыню, и наемникъ самый безчестный, купленный заклятыми врагами православія, заклейменный запрещеніемъ святѣйшаго патріарха: «давай намъ, говорятъ, этого наемника, онъ—по насъ, онъ намъ стрижетъ поповъ, какихъ хотимъ». Видите, имъ нужны слуги произволовъ ихъ и ненужны слуги Божіи; что̀ имъ до честныхъ тружениковъ нивы Божіей? Какое страшное ослѣпленіе! Укажу еще на одно: не здѣшніе ли братія, болѣе, чѣмъ за полстолѣтіе предъ симъ, принимали и превозносили благословенное священство? Не здѣшніе ли братія—Никодимъ, Виталій, Герасимъ и многіе другіе? Они вводили благословенное священство и въ Малиновомъ монастырѣ, и въ Никодимовой пустыни, и въ Покровскомъ монастырѣ, и въ Казанскомъ монастырѣ, и въ Климовой, и въ Зыбковой! Отъ чегожъ потомъ совсѣмъ другое было? *Здраваго ученія не послушаютъ, но по своимъ похотемъ изберутъ учители чешеми слухомъ*. Вотъ единственно-вѣрное объясненіе! Другаго не найдете.

Братія! Кому назначенъ адъ? Своеволію! Охъ! страшитесь своеволія во всемъ, тѣмъ болѣе въ дѣлахъ Вѣры.

Благодать Отца и Сына и Св. Духа да будетъ съ вами! Аминь.

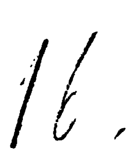
ОГЛАВЛЕНІЕ

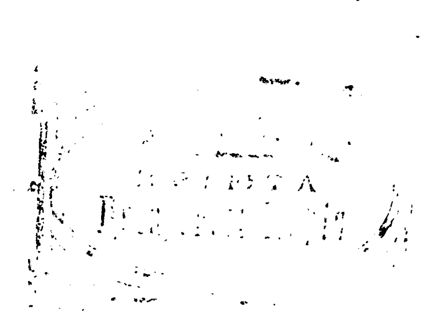
второй части Христіанскаго Чтенія за 1859 годъ.

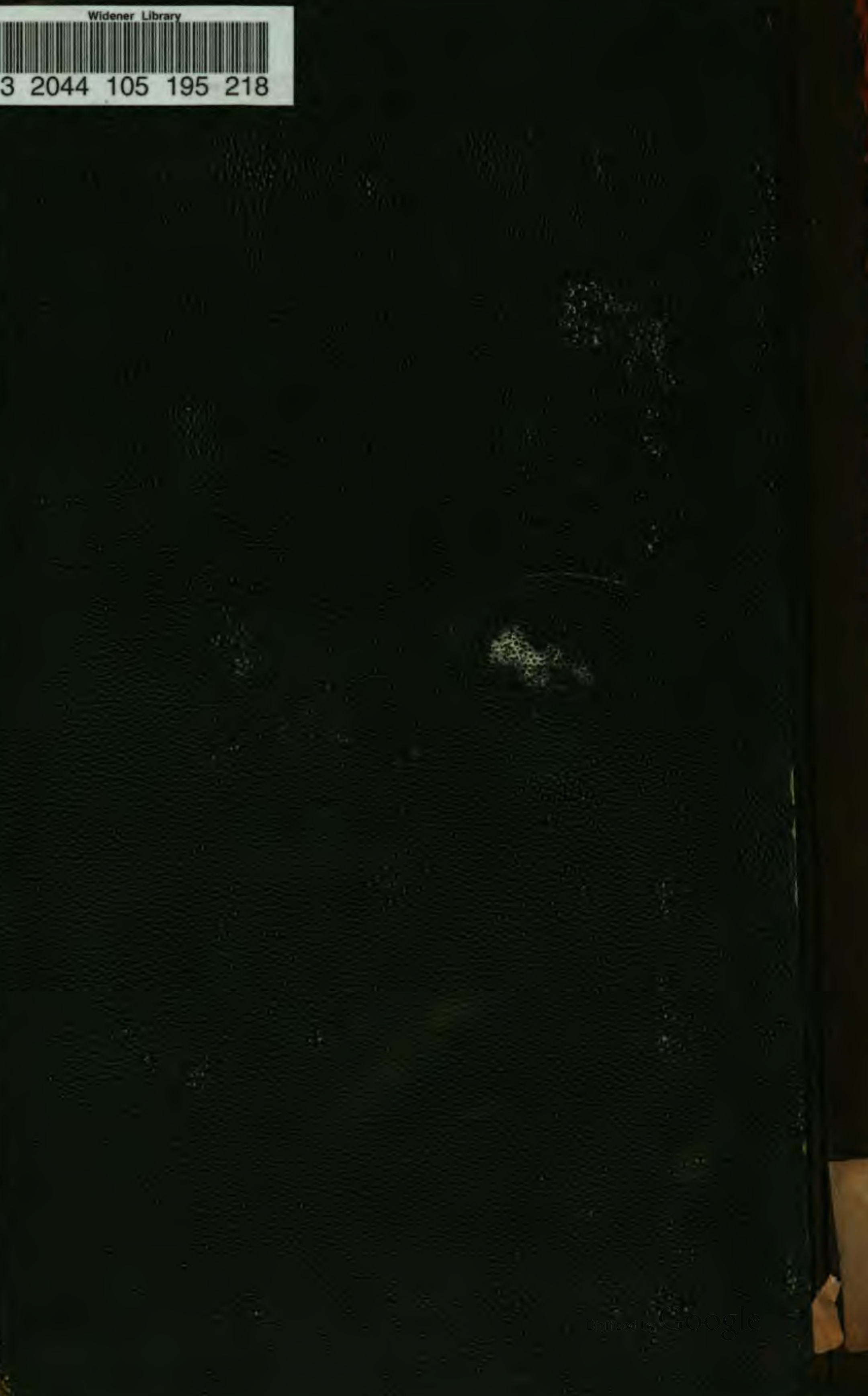
ЦЕРКОВНОЕ КРАСНОРѢЧІЕ.

ХРИСТІАНСКОЕ УЧЕНІЕ.

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРІЯ.

Widener Library
3 2044 105 195 218